ISSN 1817-7085

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

2025/4

Философия Права

№ 4 (115) **2025**

Научно-теоретический журнал
Издается с апреля 2000 года
Выходит четыре раза в год
Журнал зарегистрирован в Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 17 октября 2017 г.
Регистрационный номер ПИ № ФС 77-71314

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

СОДЕРЖАНИЕ

5.1.1. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Бредихин А.Л.
ИДЕЯ МНОГОПОЛЯРНОСТИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РОССИЙСКУЮ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ 7

Карнаушенко Л.В.
ПОНЯТИЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА 13

Кобец П.Н.
ХАРАКТЕР, ОСОБЕННОСТИ И СПЕЦИФИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАБОТНИКОВ МИЛИЦИИ В ВОЕННЫЙ ПЕРИОД 1941-1945 ГГ. 19

Оржаховский А.Ю., Оржаховская И.Ю.
ПРИНЦИП ЗАКОННОСТИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОГО ГОСУДАРСТВА: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ 26

5.1.2. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Давыдов М.В., Лубский Р.А., Працко Г.С.
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ, НОРМАТИВНЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОГРАММ ПРАВОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В ЮЖНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ И РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ) 33

Денисенко В.В.
ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИНСТИТУТА АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ 41

Джагарян Н.В., Абдурахманова И.В., Литвинова Ю.И.
ПРОБЛЕМА КОНСТИТУЦИОННОГО СУВЕРЕНИТЕТА В КОНТЕКСТЕ СООТНОШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА 46

Карпушкин А.В.
К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ РЕЖИМА ВЫСЫЛКИ И ДЕПОРТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА 51

Кашуба Ю.А.
ЛЕЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ ПРОФИЛАКТОРИИ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НАРКОМАНОВ, СКЛОННЫХ К ПРАВОНАРУШЕНИЯМ: ВОЗМОЖНОСТЬ ИХ ВОССТАНОВЛЕНИЯ 56
Миллерова Е.А., Сорокун Н.С., Овсепян Г.М.
К ВОПРОСУ О МИНИМИЗАЦИИ ВЛИЯНИЯ НА БЕЗОПАСНОСТЬ ФАКТОРОВ, СВЯЗАННЫХ С ОТВЛЕЧЕНИЕМ ВНИМАНИЯ УЧАСТНИКОВ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ 62

5.1.3. ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Золин И.Ю.
ГЕНЕЗИС РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ (ЧАСТЬ 2) 67
Негодаева Е.Г.
ТРАНСФОРМАЦИЯ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ И НАПРАВЛЕНИЙ ОПТИМИЗАЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 74
Пономарева Н.В.
ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ АКТИВНОСТЬ ГРАЖДАН В РАМКАХ ИНСТИТУТА САМОЗАНЯТОСТИ: ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВОВОГО СТАТУСА И ПРИРОДЫ 80
Фатхи В.И., Батурина Н.И., Фатхи Д.В.
К ВОПРОСУ О ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ СИСТЕМАМИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА 86

5.1.4. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Ганжа М.В.
ЗНАЧЕНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ИНФОРМАЦИИ В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ НЕПРАВОМЕРНОГО ДОСТУПА К КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ, СОВЕРШАЕМОГО ДОЛЖНОСТНЫМИ ЛИЦАМИ 94
Григорян Д.К.
ЦИФРОВАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ КАК ИННОВАЦИОННЫЙ ИНСТРУМЕНТ ВЛИЯНИЯ ЭЛИТ НА ОБЩЕСТВО 99
Залескина А.Н., Яцкина И.А., Замащиков В.С.
БЕСКОНТАКТНЫЙ СБЫТ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ 106
Зеленский В.Д., Куемжиева С.А.
О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРОЦЕССА ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА 112
Кашерокова А.А., Комерцов В.В.
ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ КАК ВЫЗОВ ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 116
Мамонтов Д.Ю., Брюхнов А.А., Напханенко И.П.
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО И ЭКСТРЕМИСТСКОГО ХАРАКТЕРА В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН 125
Попова А.В.
ЗАЛОГ КАК МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 132
Смольницкая А.А.
ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ РАБОТА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СОЦИАЛЬНОМ СЕГМЕНТЕ СЕТИ ИНТЕРНЕТ 138
Тамбовцев А.И., Павличенко Н.В.
ОГРАНИЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА, КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ КЛАССИФИКАЦИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ 143

Тишутина И.В.
ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ 150
Чабан В.И.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СИТУАЦИОННОГО ПОДХОДА К СУДЕБНОМУ
РАЗБИРАТЕЛЬСТВУ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ 159
Шевченко А.В., Маслова С.О.
ГРАНИЦЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: МОЛОДЕЖЬ И МЕДИАПРОСТРАНСТВО..... 163

5.5.3. ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПОЛИТИКИ (ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Кузина С.И., Семенцова И.А., Малявина А.Н.
ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ
В СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ 170

5.7.7. СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ (ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ)

Килимник Е.В.
ИДЕЙНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭТНОНАЦИОНАЛИЗМА В ПОСТМАЙДАННОЙ УКРАИНЕ.
КУЛЬТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ИДЕОЛОГИИ
УКРАИНСКОГО ЭТНОНАЦИОНАЛИЗМА В 2013/14 – 2023 ГГ. (ЧАСТЬ 2) 177
Контарев А.А.
МИГРАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА:
О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИЗАЦИИ
ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПЕРЕМЕЩЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ..... 186
Чернобровкина Н.И.
ФУНКЦИОНАЛЬНО-ГЕНЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ
НОРМАТИВНОГО ПОРЯДКА..... 195

5.7.8. ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ (ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ)

Бурлуцкий А.Н.
ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОГО БУДДИЗМА:
ИСТОРИКО-РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ..... 201
Внуковская А.В.
ДИНАМИКА ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА: ПРЕДЕЛЫ ИИ-РЕПРОДУКЦИИ
И ПРОБЛЕМЫ ЭТИКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ 207
Глущенко Д.В., Казимирова Н.Г.
РОЛЬ ПРАВОВОЙ АНТРОПОЛОГИИ В АКСЕЛЕРАЦИИ ПРОЦЕССА ЦИФРОВИЗАЦИИ
СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА 212
Исмаилов А.Ю.
ДИАЛЕКТИКА ЗАКОНА И ЧЕЛОВЕКА: К ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ
КОНЦЕПЦИИ ОБРАЗА ПОЛИЦЕЙСКОГО..... 217
Рожковский В.Б., Игнатович А.Е.
КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ ОБРАЗА СОТРУДНИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ
ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ..... 224
Таранова А.Е., Сорокопуд М.С.
СТАНОВЛЕНИЕ ФЕДЕРАЛИЗМА КАК КОНЦЕПЦИИ И ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО
ОБРАЗОВАНИЯ В СВЕТЕ ИНТЕГРАТИВНОГО ПОДХОДА 232

Главный редактор:
Д.В. Тишин, канд. юрид. наук, доцент

Заместитель главного редактора:
С.В. Пахомов, доктор юрид. наук, доцент

Редакционная коллегия:

И.Е. Абрамова, д-р полит. наук, проф.;
П.П. Баранов, д-р юрид. наук, проф.;
В.М. Баранов, д-р юрид. наук, проф.;
М.А. Бучакова, д-р юрид. наук, проф.;
Н.Л. Бондаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Варданян, д-р юрид. наук, проф.;
О.А. Дизер, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Ендольцева, д-р юрид. наук, проф.;
П.И. Иванов, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Ильяшенко, д-р юрид. наук, проф.;
Л.В. Карнаушенко, д-р истор. наук, проф.;
А.А. Контарев, д-р филос. наук, проф.;
М.В. Костенников, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Куракин, д-р юрид. наук, проф.;
С.И. Кузина, д-р полит. наук, проф.;
А.Н. Кузбагаров, д-р юрид. наук, проф.;
Д.Н. Лозовский, д-р юрид. наук, доц.;
И.А. Макаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.П. Мясников, д-р юрид. наук, проф.;
Е.Е. Несмеянов, д-р филос. наук, проф.;
Г.Г. Небратенко, д-р юрид. наук, проф.;
А.И. Овчинников, д-р юрид. наук, проф.;
Т.С. Оленич, д-р филос. наук, доц.;
Т.С. Паниотова, д-р филос. наук, проф.;
К.А. Плясов, д-р юрид наук, доц.;
А.В. Понеделков, д-р полит. наук, проф.;
В.Б.Рожковский, д-р филос. наук, доц.;
С.Б.Россинский, д-р юрид. наук, проф.;
Е.А. Рыбалка, д-р филос. наук, проф.;
О.А. Рузакова, д-р юрид. наук, проф.;
О.В. Химичева, д-р юрид.наук, проф.;
А.К. Щербаченко, д-р юрид. наук, доц.

Учредитель и издатель – Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Адрес редакции, издателя: 344015, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83; тел.: 8 (863) 207-86-34
Электронная почта: law-journals-rui@yandex.ru (rmamedkhanov@mvd.ru – для сотрудников, работников МВД России)
Официальный сайт журнала: https://рюи.мвд.рф

Оформить подписку на журнал можно через интернет-каталоги www.akc.ru и www.pressa-rf.ru
Индекс – 79848.
Цена свободная.

Выпускающий редактор: Р.Р. Мамедханов
Корректор: Л.Н. Кожоридзе

Подписано в печать 22.12.2025. Выход в свет 25.12.2025.
Формат 60х84 1/8. Объем 30 п. л. Набор компьютерный.
Гарнитура Times New Roman. Печать лазерная. Бумага офисная. Усл.-печ. л. 27,9. Первый завод 111. Тираж 300 экз. Заказ № 211.

16+

Отпечатано в ГПиОП НИиРИО ФГКОУ ВО РЮИ МВД России.
344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

CONTENTS

5.1.1. THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Bredikhin A.L. THE IDEA OF MULTIPOLARITY AND ITS INFLUENCE ON THE RUSSIAN STATE AND LEGAL SYSTEM 7
Karnaushenko L.V. THE CONCEPT OF LEGAL AWARENESS IN ANALYTICAL PHILOSOPHY OF LAW 13
Kobets P.N. CHARACTER, FEATURES AND SPECIFICITY OF PROFESSIONAL ACTIVITIES OF POLICE OFFICERS DURING THE WAR PERIOD 1941-1945 19
Orzhakhovsky A.U., Orzhakhovskaya I.U. THE PRINCIPLE OF LEGALITY IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF A DIGITAL STATE: NEW CHALLENGES AND PROSPECTS 26

5.1.2. PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Davydov M.V., Lubsky R.A., Pratsko G.S. CONCEPTUAL, REGULATORY AND INSTITUTIONAL FEATURES OF THE PRACTICAL IMPLEMENTATION OF REGIONAL LEGAL EDUCATION PROGRAMS IN THE SOUTHERN FEDERAL DISTRICT (ON THE EXAMPLE OF THE VOLGOGRAD AND ROSTOV REGIONS) 33
Denisenko V.V. THE PHILOSOPHICAL AND LEGAL DIMENSION OF ADMINISTRATIVE COERCION 41
Dzhagaryan N.V., Abdurakhmanova I.V. Litvinova Ju.I. THE PROBLEM OF CONSTITUTIONAL SOVEREIGNTY IN THE CONTEXT OF THE RELATIONSHIP BETWEEN NATIONAL AND INTERNATIONAL LAW 46
Karpushkin A.V. ON THE LEGAL STATUS OF THE EXPULSION AND DEPORTATION OF FOREIGN CITIZENS AND STATELESS PERSONS 51
Kashuba Yu.A. THERAPEUTIC-EDUCATIONAL PROPHYLACTIC INSTITUTIONS FOR JUVENILE DRUG ADDICTS PRONE TO OFFENDING: THE POSSIBILITY OF THEIR RESTORATION 56
Millerova E.A., Sorokun N.S., Ovsepyan G.M. ON THE ISSUE OF MINIMIZING THE IMPACT OF DISTRACTING FACTORS ON ROAD SAFETY 62

5.1.3. PRIVATE LAW (CIVILISTIC) SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Zolin I.Yu. THE GENESIS OF RUSSIAN LEGISLATION ON THE CIVIL LIABILITY OF THE INSOLVENCY PRACTITIONER IN BANKRUPTCY PROCEEDINGS (PART 2) 67
Negodaeva E.G. TRANSFORMATION OF CORPORATE GOVERNANCE IN THE ERA OF GLOBALIZATION: A CRITICAL ANALYSIS OF THE PROBLEMS AND DIRECTIONS OF OPTIMIZING LEGAL REGULATION IN MODERN RUSSIA 74
Ponomareva N.V. DIGITAL TECHNOLOGIES AND FAMILY RELATIONS: MODERN REALITY AND LEGAL CHALLENGES 80
Fatkhi V.I., Baturina N.I., Fatkhi D.V. ON THE ISSUE OF CIVIL LIABILITY FOR DAMAGE CAUSED BY ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS 86

5.1.4. CRIMINAL LAW SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Ganzha M.V. THE IMPORTANCE OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE INFORMATION IN THE DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF UNLAWFUL ACCESS TO COMPUTER INFORMATION BY OFFICIALS 94
Grigoryan D.K. DIGITAL MOBILIZATION AS AN INNOVATIVE TOOL FOR ELITES TO INFLUENCE SOCIETY 99
Zaleskina A.A., Yatskina I.A., Zamashchikov V.S. NON-CONTACT SALE OF NARCOTIC DRUGS AS AN ELEMENT OF THE CRIMINALISTICS CHARACTERISTICS OF CRIMES 106
Zelensky V.D., Kuemzhieva S.A. IMPROVING THE PROCESS OF INITIATING A CRIMINAL CASE 112
Kasherokova, A.A., Komertsov V.V. INFORMATION WARFARE IN THE DIGITAL AGE AS A CHALLENGE TO THE NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION 116
Mamontov D.Y., Bryukhnov A.A., Napkhanenko I.P. THE MAIN ACTIVITIES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES FOR THE PREVENTION OF CRIMES OF A TERRORIST AND EXTREMIST NATURE IN THE REPUBLIC OF DAGESTAN 125
Popova A.V. BAIL AS A PREVENTIVE MEASURE IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE RUSSIAN FEDERATION 132
Smolnitskaya A.A. INDIVIDUAL PREVENTIVE WORK OF INTERNAL AFFAIRS BODIES IN THE SOCIAL SEGMENT OF THE INTERNET 138

Tambovtsev A.I., Pavlichenko N.V. RESTRICTION OF CONSTITUTIONAL RIGHTS AND FREEDOMS OF MAN AND CITIZEN AS A BASIS FOR CLASSIFICATION OF OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES 143
Tishutina I.V. OVERCOMING COUNTERACTION TO CRIME INVESTIGATION IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF CRIME 150
Chaban V.I. ACTUAL PROBLEMS OF SITUATIONAL APPROACH TO THE TRIAL OF CRIMINAL CASES IN THE COURT OF FIRST INSTANCE 159
Shevchenko A.V., Maslova S.O. BOUNDARIES OF LEGAL REGULATION: YOUTH AND THE MEDIA SPACE 163

5.5.3. PUBLIC ADMINISTRATION AND SECTORAL POLICIES (POLITICAL SCIENCES)

Kuzina S.I., Semyontsova I.A., Malyavina A.B. LEGAL ASPECTS OF ENSURING RUSSIA'S FOOD SECURITY IN THE COUNTRY'S SUSTAINABLE DEVELOPMENT STRATEGY 170

5.7.7. SOCIAL AND POLITICAL PHILOSOPHY (PHILOSOPHICAL SCIENCES)

Kilimnik E.V. IDEOLOGICAL FEATURES OF ETHNONATIONALISM IN POST-MAIDAN UKRAINE. CULTURAL AND POLITICAL CONDITIONS FOR THE DEVELOPMENT OF THE IDEOLOGY OF UKRAINIAN ETHNONATIONALISM IN 2013/14–2023 (PART 2) 177
Kontarev A.A. MIGRATION IN THE CONTEXT OF THE WORLD HISTORICAL PROCESS: ON SOME PROBLEMS OF HISTORICAL TYPOLOGY OF TERRITORIAL POPULATION MOVEMENT 186
Chernobrovkina N.I. A FUNCTIONAL-GENETIC APPROACH TO THE STUDY OF THE NORMATIVE ORDER 195

5.7.8. PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY, PHILOSOPHY OF CULTURE (PHILOSOPHICAL SCIENCES)

Burlutsky A.N. PHILOSOPHICAL AND LEGAL FEATURES OF RUSSIAN BUDDHISM: HISTORICAL AND RELIGIOUS STUDIES ANALYSIS 201
Vnukovskaya A.V. THE DYNAMICS OF NATURAL LANGUAGE: THE LIMITS OF AI REPRODUCTION AND ETHICAL AND LEGAL RESPONSIBILITY ISSUES 207
Glushchenko D.V., Kazimirova N.G. THE ROLE OF LEGAL ANTHROPOLOGY IN ACCELERATING THE PROCESS OF DIGITALIZATION OF THE SOCIO-CULTURAL SPACE 212
Ismailov A.Yu. THE DIALECTIC OF LAW AND MAN: TOWARDS A PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL CONCEPT OF THE IMAGE OF A POLICE OFFICER 217
Rozhkovsky V.B., Ignatovich A.E. THE COMMUNICATIVE ASPECT OF THE IMAGE OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS IN THE PUBLIC CONSCIOUSNESS 224
Taranova A.E., Sorokopud M.S. FEDERALISM ESTABLISHMENT AS A CONCEPT AND STATE-LEGAL ENTITY IN THE LIGHT OF INTEGRATIVE APPROACH 232

Философия права. 2025. № 4 (115). – С. 7–12.
Philosophiya prava. 2025. № 4 (115). – Pp. 7–12.

Научная статья
УДК 321.0

ИДЕЯ МНОГОПОЛЯРНОСТИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РОССИЙСКУЮ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ

Бредихин Алексей Леонидович
Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Российская Федерация, axel_b@mail.ru

Введение: *в настоящей статье автор исследует понятие многополярности и влияние принципов многополярности на российскую государственную и правовую систему. Отдельное внимание уделено изменению государственно-управленческой системы, трансформации форм деятельности институтов гражданского общества, а также влиянию многополярности на правовую систему России. В заключение научной статьи делаются соответствующие выводы и обобщения.*

Материалы и методы: *при проведении исследования и подготовки статьи использовались общенаучные методы и приемы формальной логики: диалектический подход, приемы анализа и синтеза, индукции и дедукции. Также используется формально-юридический метод для анализа норм действующего законодательства.*

Результаты исследования: *автор выявляет влияние идеи многополярности на государственный строй, институты гражданского общества и правовую систему нашей страны. Выводы исследования подтверждаются ссылками на положения Конституции Российской Федерации и некоторых иных нормативных правовых актов, в которых реализуется принцип многополярности либо отражаются изменения, продиктованные многополярной мировой системой.*

Выводы и заключения: *отдельно делается предположение, что в текущее время многополярность для нашей страны приобрела особую актуальность и трансформационные процессы идут достаточно интенсивно, однако их результаты еще придется оценить позднее.*

Ключевые слова: *многополярность, гражданское общество, государство, цивилизация, правовая система, однополярный мир.*

Для цитирования: Бредихин А. Л. *Идея многополярности и ее влияние на российскую государственно-правовую систему / А. Л. Бредихин // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4 (115). – С. 7–12.*

Original paper

THE IDEA OF MULTIPOLARITY AND ITS INFLUENCE ON THE RUSSIAN STATE AND LEGAL SYSTEM

Bredikhin Alexey Leonidovich
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russian Federation

Introduction: *in this article, the author explores the concept of multipolarity and the influence of the principles of multipolarity on the Russian state and legal system. Special attention is paid to the changes in the state management system, the transformation of the forms of activity of civil society institutions, as well as the impact of multipolarity on the Russian legal system. The scientific article concludes with relevant conclusions and generalizations.*

Materials and methods: *during the research and preparation of the article, general scientific methods and techniques of formal logic were used: the dialectical approach, methods of analysis and synthesis, induction and deduction. The formal legal method is also used to analyze the norms of current legislation.*

Results of the study: *the author identifies the influence of the idea of multipolarity on the state system, civil society institutions and the legal system of our country. The conclusions of the study are supported by references to the provisions of the Constitution of the Russian Federation and some other normative legal acts that implement the principle of multipolarity or reflect changes dictated by a multipolar world system.*

Findings and conclusions: *it is separately suggested that currently multipolarity has become particularly relevant for our country and the transformation processes are proceeding quite intensively, but their results will have to be evaluated later.*

Keywords: *multipolarity, civil society, state, civilization, legal system, unipolar world.*
For citation: Bredikhin A. L. *The idea of multipolarity and its influence on the Russian state and legal system /A. L. Bredikhin // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4 (115). – Pp. 7–12.*

В настоящее время очень часто в политическом дискурсе упоминается идея многополярности. Явление это далеко не новое [1, с. 18–30], но актуальность многополярности на сегодняшний момент высока как никогда. Прежде всего исследователи говорят о политическом феномене многополярного мира, а правовая сторона вопроса исследуется не так часто и фрагментарно. Полагаем, что идея многополярности не исчерпывается проявлением в политических и экономических отношениях. Государственно-правовая реальность также испытывает влияние идеи многополярного мира, а главное, во многом детерминирована ее реализацией. Особую актуальность эта тематика приобретает в текущее время, когда происходит изменение мироустройства.

В качестве базовых методов исследования выступают общенаучные методы и приемы формальной логики. Так, диалектический метод позволит рассматривать идею многополярности в динамике, а также оценить ее влияние на общественно-политические и правовые институты. Приемы индукции и дедукции, анализа и синтеза помогут увязать факты и абстрактные выводы относительно проявления многополярности. Особую значимость будет иметь формально-правовой метод, с помощью которого исследованию подвергается законодательство на предмет влияния многополярности.

Исследование феномена многополярности ведется уже несколько десятилетий, в том числе и в западной общественной мысли [2, с. 125–131]. Относительно понятия многополярности достаточно много мнений как в отечественной, так и западной науке. Так, В.С. Солуянов провел подробное исследование различных подходов к пониманию концепции многополярности и справедливо отметил, что общего взгляда на это явление не существует, а многообразие мнений «приближает к комплексному пониманию концепции многополярности в современной мирополитической науке».

В общем виде многополярность – это модель миропорядка, которая означает наличие множества центров политического влияния. Как правило, речь ведется о предполагаемом крахе однополярного мира во главе с Соединенными Штатами Америки, который сформировался в начале 1990-х гг. Однополярный мир встраивал страны в общую систему влияния США, определял для каждой из них свое место в реализации американских национальных интересов. По мнению А.К. Пушкова, «мощный удар по доктрине американоцентричного мира и положению США как однополярной державы нанес глобальный финансовый кризис 2008–2009 гг.». И действительно, в это время мир почувствовал пагубность глобализации, особенно если «центр глобального мира» фактически не контролируется остальными участниками.

Проблематика многополярности не так проста, как кажется на первый взгляд. Не совсем понятно, что можно считать в качестве «полюсов» многополярного мира. Это страны, группы стран или цивилизации? От этого зависит понимание места национального государства и его правовой системы в видении концепции многополярности.

Если в качестве «полюса» рассматривать конкретную страну, то миропорядок рассыплется на несколько сотен государств и непризнанных политических образований. Это может спровоцировать хаос, рост национализма и межгосударственных конфликтов. Видение многополярности через создание региональных объединений в противовес западному миру также не гарантирует множество центров силы, а лишь несколько. К тому же реальная общность интересов не всегда может быть обеспечена. В этом аспекте формирование БРИКС и расширение количества ее членов лишь предпосылка к многополярному миру, и ее реализация не гарантирует явные преимущества в долгосрочной перспективе.

Интересным видится многополярность цивилизаций, учитывая уникальность каждой в противовес глобализации. Так, для современной России актуально учение евразийцев, в том числе неоевразийство А.Г. Дугина. Однако границы государств не повторяют границы существования цивилизаций, что также создает реальные политические сложности.

Нужно сказать, что рассмотренные варианты воплощения идеи многополярности в том или ином виде реализуются в российской государственной действительности и приобретают правовые формы. Так, отражение идеи многополярности мы находим в положениях Конституции РФ с поправками 2020 г. Прежде всего явно укрепляется суверенитет России (дополнения ст. 67), провозглашается приоритет Конституции РФ перед решениями международных организаций (ст. 79), подчеркивается уникальность рос-

сийской цивилизации и ее историческая преемственность (ст. 67.1).

Таким образом, идея многополярности, а также конституционное закрепление ее принципов фактически создало основу для трансформации государственной системы России. Санкции и ограничения, особенно введенные в связи с началом специальной военной операции (далее – СВО), ускорили проведение реальных шагов в данном направлении.

Многополярность и гражданское общество России. Гражданское общество формально не является частью государственной системы в какой-либо форме, а наоборот, не должно зависеть от него. Между тем в демократическом социуме гражданское общество во многом определяет политику государства и содержание принимаемых нормативных актов на всех уровнях власти. Поэтому в теоретической правовой науке закрепилось понимание гражданского общества как юридического термина.

Долгое время в российском законодательстве термин «гражданское общество» не был закреплен, поэтому в науке происходили споры относительно данного понятия. Однако в основном ссылались на понимание гражданского общества в буржуазно-правовой доктрине как сферы жизни граждан, не опосредованной деятельностью государства (публичной власти). В правовой плоскости ученые справедливо отмечали, что гражданское общество представлено различного рода общественными и неправительственными организациями.

Символично, что нормативное закрепление термина «гражданское общество» пришлось на период активной реализации идеи многополярности. Так, Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» закрепил, что «гражданское общество» – совокупность граждан, принимающих активное участие в общественной жизни, и неформальных гражданских объединений, а также самостоятельных и организационно независимых от государства добровольных объединений (в том числе политических партий, общественных организаций, общественных движений, общественных фондов, профессиональных союзов, религиозных организаций, ассоциаций), созданных в целях реализации политических, профессиональных, культурных и иных общественно значимых интересов граждан...».

Несмотря на то, что многополярность больше внешнеполитический феномен, гражданское общество имеет к нему непосредственное отношение. Необходимо выделить два аспекта гражданского общества в контексте многополярности:

1. Осознание гражданским обществом идеи многополярности и гражданственность.

Гражданское общество, как и государственная система, тяготеет к определенным центрам влияния. В советский период общество (не называемое гражданским, но по сути им являющееся) тяготело к мировой системе социализма с центром в СССР, а в первое постсоветское десятилетие установился курс на США и страны ЕС. Последнее обстоятельство привело к утрате гражданским обществом осознания собственной полноценности и идентичности. Гражданское общество России стало периферией с «периферийным» сознанием и стремлением к воображаемым западным ценностям. Итог – утрата гражданственности и космополитизм, поощряемые в высших эшелонах власти.

Проводимая с начала 2000-х гг. политика России четко согласуется с идеей многополярности. Укрепление суверенности страны, управляемости и экономический рост в конечном итоге повлияли на гражданское общество, укрепили его патриотизм, гражданственность и самодостаточность. В конечном итоге оно стало более ответственным и вовлеченным во внутригосударственные процессы. Политические процессы, юридические и экономические споры все чаще стали проходить в установленном процессуальном порядке, вместо стихийных выступлений и демонстраций.

Определенным испытанием для гражданского общества стал период СВО. Поддерживаемый миф о незрелости гражданского общества развеялся, когда граждане и общественные организации без указания государства и даже вопреки ему добровольно стали оказывать помощь российской армии, снабжать транспортом, различными устройствами, вещами и продуктами. Кроме того, в трудный период «марша справедливости[1]» единодушно поддержали Президента России и публичные органы власти. Таким образом, здоровое гражданское общество становится фактором формирования потенциала России как одного из центров многополярного мира.

2. Реальная независимость гражданского общества от публичной власти (в т. ч. внешних акторов).

Идеальное гражданское общество должно в теории быть свободным от влияния публичной власти, даже в некотором смысле противостоять ей. Между тем в современных условиях (и особенно если говорить о гражданском обществе как юридическом феномене) такое его положение маловероят-

[1] URL: https://www.kommersant.ru/doc/6068821 (дата обращения: 04.06.2025).

но. Так как посредством издания правовых норм публичная власть устанавливает определенные формы и правила деятельности субъектов гражданского общества, то о независимости говорить не приходится. Отсюда можно констатировать тесную правовую связь государства и гражданского общества.

Кроме того, гражданское общество имеет юридическую связь и с центрами влияния в однополярной, биполярной или многополярной системе. Чаще всего это реализуется через нормы международного права и положения международных договоров. То есть независимость институтов гражданского общества в разрезе многополярности регламентирована прежде всего нормами международного права.

Реальная независимость гражданского общества и его институтов в разрезе многополярности определяется не только отношением с государством, но и внешними центрами влияния. По этому поводу может возникнуть конфликт интересов конкретного государства, в юрисдикции которого институты гражданского общества существуют, и внешнего субъекта (государства, международной организации, транснациональной корпорации и т. п.), который имеет влияние на отдельных субъектов гражданского общества. Неудивительно, что находящиеся под внешним влиянием общественные организации, СМИ, отдельные лица наделяются статусом «иностранного агента». В условиях многополярного мира гражданское общество испытывает влияние множества центров, что «запутывает» и без того непростую ситуацию в системе связей «гражданское общество – государство».

Таким образом, реальная независимость гражданского общества – это лишь идеальная модель, которая на практике недостижима. Институты гражданского общества, безусловно, воздействуют как на государственную власть, так и в определенной степени на центры мирового влияния.

В то же время более выражено обратное влияние. Так, часто государственные структуры сами являются архитекторами гражданского общества, прямо или косвенно участвуя в создании и управлении его элементами. Например, могут создаваться государственные СМИ, коммерческие и некоммерческие организации с государственным участием и т. п., которые изначально проявляют лояльную позицию к государственной власти, формируют общественную повестку дня. С другой стороны, на институты гражданского общества оказывают влияние также иностранные государства и организации, международные структуры, которые могут формировать взгляды, направленные против данного государства, его политики. Прослойка субъектов гражданского общества, свободная от влияния определенных властных структур (внутренних и внешних) становится очень тонкой. В контексте многополярного мира, скорее всего, гражданское общество станет еще менее монолитным, раздираемым противоречиями, что увеличивает определенные риски.

Многополярность и правовая система России. Прежде всего нужно отметить, что термин «правовая система» имеет множество определений. В интересующем нас контексте правовую систему следует понимать как совокупность существующих форм права, правовых институтов, юридических механизмов и процедур, правовой практики. Кроме того, можно включить сюда правовую культуру и правовую идеологию.

Следовательно, важно определить, какие структурные и смысловые изменения приобретает правовая система России в условиях перехода к многополярности. Очередько В.П. справедливо замечает, что правовая система «всегда должна быть адекватной потребностям существующих приоритетов государственной политики как во внутреннем, так и во внешнем ее контурах».

Полагаем, что правовая система в единстве всех составляющих ее элементов в многополярном мире столкнется со следующим.

– во-первых, должна произойти суверенизация правовой системы. Это означает, что международные акты и внешние юрисдикционные органы не могут иметь приоритет над внутригосударственным законодательством;

– во-вторых, множество политических центров влияния потребует создания специальных правовых механизмов гармонизации межгосударственных отношений. В системе однополярного мира национально-государственные особенности «периферийных» стран чаще всего не учитываются, что более удобно в смысле управления;

– в-третьих, повысятся требования для внутригосударственных юрисдикционных органов по обеспечению законности и защите прав и свобод человека, т. к. внешние глобальные структуры уже не смогут выполнять такую роль. В частности, подобная ситуация возникла в результате выхода России из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека, который долгое время выступал в качестве контролера по отношению к российским судебным и административным органам.

Концепция многополярного мира из политической плоскости неминуемо переходит в правовую, что приводит к структурным и функциональным изменениям в правовой системе России. Проявление многополярности наблюдается в государственно-управленческой системе, правовых формах существования гражданского общества и, собственно, правовой системе. Нельзя точно сказать о сроках и глубине реализации идеи многополярности, но с полной уверенностью нужно констатировать уже случившийся переход на путь построения многополярного мира. О результатах такого перехода говорить еще рано.

Список источников

1. Крадин Н.Н. Феномен многополярности в исторической ретроспективе // Евразийский ежегодник. 2023. № 1.
2. Агаркова А.С. Концепция многополярности в зарубежном академическом дискурсе // Теории и проблемы политических исследований. 2022. № 2А. Т. 11.
3. Солуянов В.С. Концепция многополярности: многообразие подходов и интерпретаций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. № 3. Т. 23.
4. Пушков А.К. К вопросу о новом этапе становления многополярности // Проблемы национальной стратегии. 2025. № 2.
5. Ануфриева Л.П. БРИКС: о правовой природе и принципах сотрудничества // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 12.
6. Вэй Ч.Н. Евразийство: глобальные вызовы и новый миропорядок в политической философии А.Г. Дугина // Мировая политика. 2021.
7. Бредихин А.Л. Государственный суверенитет Российской Федерации в свете поправок к Конституции Российской Федерации, принятых в 2020 г. / А.Л. Бредихин, Е.Д. Проценко // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 11.
8. Дахин А.В. «Гражданское общество» или «сивил сисаети»: конституционный статус понятия в России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 69. Т. 1.
9. Канунников А.А. Европейское гражданское общество или гражданское общество стран Европы? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2016. № 3.
10. Кравцова Е.А. К вопросу о понятии «гражданское общество» и классификации его институтов // Философия права. 2021. № 1(96).
11. Рогожевский Е.И. Соотношение государства и гражданского общества // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2015. № 3.
12. Петрова-Ядреева Я.А., Назарова Н.Н. Статус иностранного агента в Российской Федерации: проблемы трансформации // Право и государство: теория и практика. 2023. № 5.

References

1. Kradin N.N. The phenomenon of multipolarity in historical retrospect // Eurasian Yearbook. 2023. № 1.
2. Agarkova A.S. The concept of multipolarity in foreign academic discourse // Theories and problems of political research. 2022. № 2A. Vol. 11.
3. Soluyanov V.S. The concept of multipolarity: a variety of approaches and interpretations // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2021. № 3. Vol. 23.
4. Pushkov A.K. On the issue of a new stage in the formation of multipolarity // Problems of national strategy. 2025. № 2.
5. Anufrieva L.P. BRICS: on the legal nature and principles of cooperation // Actual problems of Russian law. 2019. № 12.
6. Wei C.N. Eurasianism: global challenges and a new world order in the political philosophy of A.G. Dugin // World Politics. 2021.
7. Bredikhin A.L. State sovereignty of the Russian Federation in the light of amendments to the Constitution of the Russian Federation adopted in 2020 / A.L. Bredikhin, E.D. Protsenko // Constitutional and Municipal Law. 2020. № 11.
8. Dakhin A.V. «Civil society» or «Civil society»: the constitutional status of the concept in Russia // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 69. Vol. 1.
9. Kanunnikov A.A. European civil society or the civil society of European countries? // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2016. № 3.
10. Kravtsova E.A. On the issue of the concept of «civil society» and the classification of its institutions // Philosophy of Law. 2021. № 1(96).
11. Rogozhevsky E.I. The relationship between the state and civil society // Proceedings of the Orenburg State Agrarian University. 2015. № 3.
12. Petrova-Yadreeva Ya.A., Nazarova N.N. The status of a foreign agent in the Russian Federation: problems of transformation // Law and the state: theory and practice. 2023. № 5.
13. Kramskoy I.S., Lysenko V.A., Ryazanova N.A. On the question of the differential set of

13. Крамской И.С., Лысенко В.А., Рязанова Н.А. К вопросу о дифинитивном ряде понятия правовая система // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 1.

14. Очередько В.П. Национальная правовая система в устремлениях России к многополярному миру: факторы развития и ограничения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1.

15. Спирин М.Ю. Дуалистическая природа суверенности правовой системы // Общество и право. 2015. № 4.

the concept of the legal system // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2016. № 1.

14. Queue V.P. The national legal system in Russia's aspirations for a multipolar world: development factors and limitations // Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 1.

15. Spirin M.Y. The dualistic nature of the sovereignty of the legal system // Society and law. 2015. № 4.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бредихин Алексей Леонидович, *кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права. Санкт-Петербургский университет МВД России. 198206, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, 1.*
ORCID: 0000-0001-5906-5966

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bredikhin Alexey Leonidovich, *PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law. St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 1, Letchika Pilyutova St., St. Petersburg 198206 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 4 (115). – С. 13–18.
Philosophiya prava. 2025. № 4 (115). – Pp. 13–18.

Научная статья
УДК 340.12

ПОНЯТИЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Карнаушенко Леонид Владимирович
Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Российская Федерация, karnl@mail.ru

Введение: *статья посвящена исследованию понятия правосознания в аналитической философии права, рассматривая эволюцию подходов от классического позитивизма до современных интерпретационных моделей.*

Материалы и методы: *автор анализирует теории Остина и Бентама, акцентировавших внимание на внешних механизмах принуждения, и сравнивает их с позициями Харта, Дворкина и Раза, для которых ключевым является внутреннее признание правовых норм субъектами правопорядка.*

Результаты исследования: *выявлены три основных компонента правосознания: когнитивный, нормативный и оценочный, что подчеркивает его комплексный и коллективный характер. Особое внимание уделено сопоставлению англосаксонской и отечественной традиций, демонстрирующему необходимость интегративного подхода для глубокого понимания социальной и моральной основы права.*

Выводы и заключения: *полученные результаты имеют практическое значение для оценки легитимности правовых норм и разработки эмпирических методик изучения правосознания в условиях демократизации общества. Статья также анализирует методологические вызовы, связанные с включением субъективных факторов в формальное определение права, что позволяет расширить перспективы дальнейших исследований в данной сфере. Данное исследование существенно обогащает современное комплексное понимание юридической практики. Полученные выводы способствуют формированию перспективного нового вектора развития правовой науки.*

Ключевые слова: *правосознание, аналитическая философия права, внутренний аспект, легитимация, интерпретация права.*

Для цитирования: Карнаушенко Л. В. *Понятие правосознания в аналитической философии права / Л. В. Карнаушенко // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4 (115). – Pp. 13–18.*

Original paper

THE CONCEPT OF LEGAL AWARENESS IN ANALYTICAL PHILOSOPHY OF LAW

Karnaushenko Leonid Vladimirovich
Krasnodar University of Ministry of the Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation

Introduction: *the article is devoted to the study of the concept of legal consciousness in the analytical philosophy of law, considering the evolution of approaches from classical positivism to modern interpretative models.*

Materials and methods: *the author analyzes the theories of Austin and Bentham, who focused on external mechanisms of coercion, and compares them with the positions of Hart, Dvorkin and Raza, for whom the key is the internal recognition of legal norms by subjects of law and order.*

Results of the study: *three main components of legal awareness have been identified: cognitive, normative and evaluative, which emphasizes its complex and collective nature. Special attention is paid to the comparison of Anglo-Saxon and Russian traditions, demonstrating the need for an integrative approach for a deep understanding of the social and moral foundations of law.*

Findings and conclusions: *the results obtained are of practical importance for assessing the legitimacy of legal norms and developing empirical methods for studying legal awareness in the context of the democratization of society. The article also analyzes the methodological challenges*

associated with the inclusion of subjective factors in the formal definition of law, which makes it possible to expand the prospects for further research in this area. This study significantly enriches the modern comprehensive understanding of legal practice. The obtained conclusions contribute to the formation of a promising new vector for the development of legal science.

Keywords: *legal awareness, analytical philosophy of law, internal aspect, legitimation, interpretation of law.*

For citation: Karnaushenko L. V. *The concept of legal awareness in analytical Philosophy of Law / L. V. Karnaushenko // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4 (115). – Pp. 13–18.*

Феномен правосознания нередко находится в центре дискуссий о природе права, его социальной роли и связи с моралью, политикой и культурой. В отечественной и зарубежной юриспруденции под правосознанием обычно подразумевают совокупность знаний, оценок, представлений и чувств, связанных с правовым порядком и нормативной реальностью. Для позитивизма в классическом смысле [1; 2] центральным звеном было выяснение источников силы права в системе социальных санкций или воли суверена, тогда как для более поздних форм правового позитивизма [3; 4] и нефор-малистских школ [5] все большее значение приобретает осознание специфического статуса правовых норм, их «включенности» в коллективные представления и практики.

Аналитическая философия права в целом характеризуется стремлением к прояснению и уточнению ключевых понятий, используемых в юридической науке и смежных дисциплинах [4; 5; 6; 7]. В ее фокусе находятся, к примеру, вопросы: «Что делает норму юридически обязательной?» «Какова логика нормативных утверждений?» «Как люди воспринимают и осознают право, применяя его в повседневной практике?» Если классический юридический позитивизм делал акцент на внешних структурах права (суверен, принуждение, формальная валидность норм), то более современные представители аналитической традиции усиливают внимание к внутреннему аспекту – к тому, каким образом члены сообщества понимают, интерпретируют и принимают правила [4]. Именно этот «внутренний аспект» во многом близок к тому, что в отечественных источниках описывается как правосознание.

Важность темы «правосознание в аналитической философии права» усиливается тем, что в ряде современных правовых систем придается особое значение легитимации норм и институтов через их «принятие» гражданами, участниками правовых отношений. Демократическое государство уже не может опираться исключительно на силу принуждения и официальные санкции – ему необходима определенная степень внутренней убежденности людей в правильности и справедливости установленного порядка [8]. Таким образом, правосознание играет большую роль в обеспечении эффективности права, в формировании правовой культуры, определении границ лояльности к государственным институтам, выстраивании связи между личной моралью и публичными правилами поведения.

Цель настоящего исследования – проанализировать, как именно концепт правосознания понимается и концептуализируется внутри аналитической философии права. Под этим углом зрения мы делаем отсылку к таким авторам, как Дж. Остин, Г. Кельзен, Г.Л.А. Харт, Р. Дворкин, Дж. Раз, и покажем, каким образом они включают (или отвергают) компонент внутреннего отношения к праву, моральных убеждений и фактического восприятия правовых норм участниками правовой жизни. При этом мы стремимся показать, в чем сходство и различие англосаксонской концепции «внутреннего аспекта» права и отечественного понимания «правосознания», как оно сложилось в российской правовой мысли.

Аналитический подход позволяет выявить логическую структуру, скрытые предпосылки и возможные противоречия, возникающие при попытке включить субъективные, психологические и моральные элементы в строгое дефинирование юридических норм и систем. На это указывают и современные исследователи, полагая, что «аналитическая философия права постоянно сталкивается с такими трудностями, как частое ее неправильное понимание или искажение, что необходимо учитывать при сопоставлении достигнутого теоретического прогресса и общедоступности полученных результатов. В то же время это подход, у которого в равной степени есть преимущества как богатой традиции, так и блестящего будущего» [9].

Данное исследование опирается на несколько методологических оснований, характерных для аналитической философии права и смежных дисциплин: логико-концептуальный анализ, текстуальный разбор первоисточников. Также использован сравнительно-правовой подход, позволяющий

оценить, как понятие «правосознания» соотносится с более широким контекстом правовой культуры, моральной философии и политической теории. Часть исследования уделена сопоставлению англосаксонских и континентальных концепций сознания и права, а также рассмотрению специфики российской традиции, опирающейся на идеи философии права XIX–XX вв. В завершение автор претендует на оценку того, насколько аналитическая философия права может обогатить отечественные представления о правосознании и в чем состоят ее практические выводы. Ограничения исследования связаны прежде всего с тем, что феномен правосознания затрагивает не только философию права, но и социологию, психологию, политическую теорию и даже культурологию. В данной работе мы сознательно фокусируемся на аналитической традиции в юриспруденции, поэтому некоторые аспекты – например, психологическая динамика формирования правовых установок у индивида – могут быть рассмотрены лишь мимоходом.

В раннем английском позитивизме Дж. Остин [2] и Д. Бентам [1] рассматривали право как совокупность императивов, идущих от суверена, опирающихся на санкции. Для Остина сущность права заключалась в приказе (своего рода, команде) и подкрепляющем его принуждении. На первый план здесь выходит внешний механизм: каковы процедуры создания норм, их юридическая сила, характер санкций. Вопрос о «сознательном» восприятии права со стороны граждан, об их моральном отношении или «внутренней убежденности» оставался на периферии. Можно сказать, что в остиновской схеме «правосознание» не имело особого смысла. Тем не менее уже у Бентама, особенно в его этических трудах, присутствовала тема «интересов и удовольствий» граждан, которые влияют на их поведение. Бентам считал, что человек, сталкиваясь с правом, пытается рассчитать соотношение «боли» (санкций) и «выгоды» (социальных бонусов). Это в определенном смысле зачаток идеи, что в сознании людей существуют внутренние оценки выгодности правопослушания. Однако явно сформулированной концепции правосознания нет, поскольку сам термин не был для этих авторов центральным.

Ганс Кельзен [3] предложил «чистую» теорию права, выводящую содержание юридической системы из основополагающей нормы. Для него принципиально то, что право не сводится к фактическому насилию или приказам – оно имеет нормативную природу, задаваемую логической конструкцией. Субъективные моменты (сознание людей, их мораль) Кельзен склонен исключать из «чистого» анализа, дабы не смешивать юридическое и психологическое. Однако при этом он признавал важность внутренней установки участников правопорядка на признание норм, ибо без этого «признания» право перестает быть жизнеспособным [3]. В итоге оказывается, что «правовая действительность» включает некую коллективную убежденность в легитимности системы, хотя Кельзен стремится не погружаться в детальное исследование этого субъективного элемента. Можно сказать, что у Кельзена тема правосознания дезавуируется с точки зрения ее научного статуса, но фактически правосознание предполагает наличие у общества определенной «когнитивной» и «ценностной» готовности к подчинению системе норм. Это создает почву для дальнейших дискуссий о том, можно ли считать у Кельзена зачатки концепта правосознания, скрытого за механизмом признания нормы.

Наиболее прямой вклад в понятие правосознания в аналитической философии права внес Г.Л.А. Харт в книге «Понятие права» [4]. Он вводит различие между «внешним аспектом» норм (когда мы описываем право как систему принуждения, наблюдаем, как чиновники применяют санкции) и «внутренним аспектом» (когда участники правовых отношений принимают норму как обязательную, руководствуются ею не только из страха наказания, но и из убеждения в ее нормативной силе). Для Харта характерна мысль: чтобы право полноценно существовало, недостаточно внешней регулярности поведения; необходима социальная практика, в которой люди считают себя обязанными следовать норме. Фактически «внутренний аспект» у Харта – это функциональный аналог «правосознания», ведь он подчеркивает, что речь идет о том, как люди внутри системы воспринимают право [4]. Таким образом, Харт демонстрирует, что одно лишь описание санкций или привычки к подчинению (как у Остина) не раскрывает всей природы права. Надо принимать в расчет осознанное признание норм, иначе мы имеем дело лишь с регулярным поведением под угрозой.

Рональд Дворкин [5; 6] отошел от классической позитивистской схемы «команды и послушания», предложив концепцию права как целостной интерпретации, в основе которой лежат принципы, а не только правила. Его тезис о том, что правовое поле включает и моральные принципы, которые долж-

ны быть осмыслены «лучшим образом» для данной общности, напрямую затрагивает проблему правосознания: судья и граждане не просто применяют написанные нормы, а пытаются согласовать их с чувством справедливости, с фундаментальными ценностями. Иначе говоря, в интерпретационной модели Дворкина правосознание (морально-правовые убеждения сообщества) играет решающую роль, поскольку именно оно дает меру лучшего обоснования права. Джозеф Раз [7], представляющий умеренный юридический позитивизм, признает, что право обладает особой авторитетной силой. При этом он уделяет внимание, как индивид может осознавать (или оспаривать) авторитет закона, каким образом субъективное восприятие влияет на легитимность правовых предписаний. Для Раза принятие права как высшего авторитета связано с рациональной аргументацией и признанием определенных ценностей, лежащих в основе системы. Хотя Раз не говорит прямо «правосознание», он подчеркивает субъективную сторону того, как человек интернализирует авторитет закона.

Анализ концепций правопонимания перечисленных авторов позволяет вычленить ряд характерных черт правосознания, отраженных в англоязычном научном поле. Во-первых, правосознание включает не только когнитивный элемент (знание о существовании нормы), но и оценочный (принятие нормы как должного, справедливого или хотя бы легитимного). Во-вторых, правосознание – это не чисто индивидуальный феномен, а коллективная практика. Следование норме в обществе в значительной степени обусловлено тем, что многие люди «видят» себя в контексте общих правил. По Харту, это формирует «правило признания», посредством которого высшие юридические инстанции (суды, парламент) определяют валидные нормы. В-третьих, аналитические теоретики права все чаще сходятся на том, что успешность права связана с внутренней легитимностью; к примеру, закон, противоречащий фундаментальным принципам справедливости, может формально существовать, но в сфере правосознания общества он будет отвергнут или оспорен [5; 10]. И, наконец, в-четвертых, мы должны признать, что правосознание – не статичная величина, оно меняется под влиянием судебных прецедентов, развития общественной морали, политических процессов. В той же модели Дворкина интерпретация права требует постоянного переосмысления принципов и норм в свете текущих условий.

В российской традиции «правосознание» как термин используется достаточно широко [11; 12; 13]. Многие дореволюционные мыслители подчеркивали духовно-нравственное начало в праве, зачастую связывая его с религиозной (православной) или метафизической аргументацией. В советский период правосознание трактовалось преимущественно с идеологических позиций [14], а в постсоветское время интерес к правосознанию усилился, особенно в аспекте правовой культуры и легитимности государственных институтов. Сопоставление показывает, что аналитическая традиция в англо-саксонском мире более «сухо» и логически структурированно рассматривает внутреннее измерение права, тогда как в России правосознание часто связывают с вопросами духовности, исторической «почвы», социальной справедливости и шире – с правовой ментальностью. Однако, как ни парадоксально, некоторые идеи Харта о «внутреннем аспекте» весьма созвучны российскому понятию «правосознания», поскольку и там, и там фиксируется мысль о том, что недостаточно описать внешние механизмы принуждения; важно понять, каким образом люди осмысленно и добровольно следуют нормам.

Итак, можно констатировать, что хотя термин «правосознание» не всегда прямо фигурирует в работах классиков аналитической философии права, его функциональный эквивалент – «внутренний аспект права» у Харта, «интерпретационная модель» у Дворкина, «признание авторитета» у Раза – играет важную роль в объяснении того, почему нормы права считаются обязательными и каким образом они действуют в обществе. Это расширяет границы классического юстпозитивизма, предполагая, что даже в формально-правовом анализе необходимо учитывать субъективное и социально-психологическое измерение.

Правосознание, таким образом, можно определить как совокупность убеждений и установок, посредством которых индивиды и группы воспринимают, оценивают и интериоризуют правовые нормы, придавая им статус легитимного регулятора поведения. В рамках аналитической философии права этот феномен можно разложить на несколько уровней: когнитивный – знание о существовании норм, нормативный – убеждение в том, что норма должна соблюдаться, оценочный – согласие с ценностями, лежащими в основе нормы (или, наоборот, критика и неприятие), практико-ориентированный – готовность действовать согласно правилу в конкретных ситуациях.

Для правоприменения и законодательного процесса принципиален вопрос: насколько стабильно и однородно правосознание в обществе, какие группы формируют «ядро» профессионально-юридического взгляда (судьи, адвокаты, законодатели), какова роль массового мнения и средств массовой информации? Аналитические подходы задают теоретические рамки для упорядочивания этих вопросов, но окончательные ответы требуют уже эмпирических и интердисциплинарных исследований. Очевидно, что в рамках правового позитивизма ответ будет более «ограниченным»: право валидно, если оно соответствует установленным критериям признания [15], а субъективное отношение граждан желательно, но не критично для формального статуса норм. Тогда как в рамках правового монизма Кельзена ситуация еще жестче: он стремится вообще очистить теорию права от психологических категорий, оставляя лишь постулирование принципа. Но и Кельзен признавал, что без фактического признания норм право невозможно.

С другой стороны, «интегративные» или «интерпретационные» модели [5; 6; 15] сближают право и мораль, а следовательно, и правосознание выходит на первый план как ключ к пониманию того, почему определенные нормы считаются справедливыми, а другие – нет. Такая позиция делает теорию права более «человекоориентированной», но одновременно стирает жесткую границу между законом как позитивным фактом и моралью как субъективным (или общественным) идеалом. Для многих аналитических юристов это создает методологические сложности.

На практике современная тенденция состоит в том, что государства становятся более заинтересованными в общественном признании своих институтов, поскольку легитимность – это ресурс, который нельзя заместить лишь насилием или командной системой. В либерально-демократических странах это проявляется в процедуре публичных слушаний, референдумов, социологических опросов, фиксирующих одобрение законопроектов. В более структурированных системах (или переходных) формальное упоминание «общественного правосознания» может использоваться как инструмент легитимизации. В обоих случаях очевидно, что при любом строе правосознание становится фактором, который либо подкрепляет, либо ослабляет силу юридических норм.

Следовательно, анализ правосознания с позиций аналитической философии права имеет не только академический, но и практический интерес. Он помогает понять, как «внутреннее» отношение к праву может предопределять стабильность системы, определять рамки конфликта между моралью и законом, а также выявлять «точки роста» или «зоны разрыва», где право может утратить свое влияние из-за несоответствия массовым ожиданиям и установкам.

В заключение отметим, что дальнейшие исследования в этой области могут включать разработку точных критериев для эмпирической операционализации правосознания, что позволит сопоставлять аналитические выводы с социологическими данными, а также обсуждение вопроса о том, не приводит ли признание субъективного элемента в правовой теории к неоправданной релятивизации закона и моральной перегрузке судебных процедур, либо оно, напротив, обеспечивает большую гибкость и справедливость.

Таким образом, понятие правосознания в аналитической философии права играет роль методологического «моста» между формально-юридическим анализом и морально-социологическими исследованиями. При всех разногласиях между позитивистами, постпозитивистами, интерпретивистами и сторонниками натурального права значительная часть авторов сходится в том, что без учета внутренней убежденности и восприятия правовых норм со стороны субъектов мы не можем получить полную картину права как социального феномена.

Список источников

1. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства / пер. с англ. В.М. Когана. СПб., 1867.

2. Остин Дж. Провинция юриспруденции определена / пер. с англ. В.В. Суровцева. М., 1948.

3. Кельзен Г. Чистая теория права / пер. с нем. С.С. Алексеева. М., 1988.

4. Харт Г.Л.А. Понятие права / пер. с англ. В.П. Ревина. М., 1994.

References

1. Bentham I. Introduction to the foundations of morality and legislation / translated from English by V.M. Kogan, St. Petersburg, 1867.

2. Austin J. The province of jurisprudence is defined / translated from English by V.V. Surovtsev, Moscow, 1948.

3. Kelsen G. Pure theory of Law / translated from German by S.S. Alekseev, Moscow, 1988.

4. Hart G.L.A. The concept of law / translated from English by V.P. Revina, Moscow, 1994.

5. Дворкин Р. Империя права / пер. с англ. В.П. Ревина. М., 1996.
6. Дворкин Р. Принимая права всерьез / пер. с англ. В.П. Ревина. М., 1988.
7. Раз Дж. Авторитет права: эссе о праве и морали / пер. с англ. В.П. Ревина. М., 1991.
8. Ролз Дж. Теория справедливости / пер. с англ. С.М. Моисеева. Новосибирск, 1995.
9. Бикс Б. Философии в американском праве: аналитическая философия права. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-filosofii-v-amerikanskom-prave-analiticheskaya-filosofiya-prava (дата обращения: 03.02.2025).
10. Фуллер Л. Моральность права / пер. с англ. В.А. Туманова. М., 1975.
11. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. Философия и политика. М., 1991.
12. Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм // Избранные произведения по общей теории права и государства. М., 1980.
13. Трубецкой, Е.Н. Энциклопедия права. Репринт. М., 1998.
14. Лукашева Е.А. Социалистическое правосознание и законность: монография. М., 1973.
15. Финнис Дж. Естественное право и естественные права / пер. с англ. В.В. Петрова. М., 2001.

5. Dvorkin R. Empire of Law / translated from English by V.P. Revina, Moscow, 1996.
6. Dvorkin R. Taking rights seriously / translated from English by V.P. Revina, Moscow, 1988.
7. Times J. The Authority of Law: an Essay on Law and Morality / translated from English by V.P. Revin, Moscow, 1991.
8. J. Rawls Theory of justice / translated from English by S.M. Moiseev. Novosibirsk, 1995.
9. Bix B. Philosophy in American Law: analytical philosophy of law. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-filosofii-v-amerikanskom-prave-analiticheskaya-filosofiya-prava (date of access: 03.02.2025).
10. Fuller L. The morality of law / translated from English by V.A. Tumanov, Moscow, 1975.
11. Novgorodtsev P.I. On the social ideal. Philosophy and Politics. Moscow, 1991.
12. Pashukanis E.B. General theory of law and Marxism // Selected works on the general theory of law and the state. Moscow, 1980.
13. Trubetskoy, E.N. Encyclopedia of Law. Reprint. Moscow, 1998.
14. Lukasheva E.A. Socialist legal awareness and legality: a monograph. Moscow, 1973.
15. Finnis J. Natural Law and Natural Rights / translated from English by V.V. Petrov, Moscow, 2001.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карнаушенко Леонид Владимирович, *доктор исторических наук, профессор, начальник кафедры теории и истории права и государства. Краснодарский университет МВД России. 350005, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Karnaushenko Leonid Vladimirovich, *Grand PhD in History, Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 128, Yaroslavskaya St., Krasnodar 350005 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 4 (115). – С. 19–25.
Philosophiya prava. 2025. № 4 (115). – Pp. 19–25.

Научная статья
УДК 351.74(470)

ХАРАКТЕР, ОСОБЕННОСТИ И СПЕЦИФИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАБОТНИКОВ МИЛИЦИИ В ВОЕННЫЙ ПЕРИОД 1941-1945 ГГ.

Кобец Петр Николаевич
Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Российская Федерация, pkobets37@rambler.ru

Введение: *актуальность рассматриваемой проблематики определяется тем, что, несмотря на то, что роль работников милиции в годы войны исследована достаточно неплохо, и отечественными учеными в рамках изучения данной проблематики подготовлены научные работы, затрагивающие отдельные компоненты этой важной темы, в настоящее время ряд аспектов героической детальности советских милиционеров в рассматриваемый период требует их дальнейшего изучения.*

Материалы и методы: *методологической базой работы выступил всеобщий диалектический метод. В процессе исследования обозначенного вопроса автор опирался на результаты анализа законодательных актов, которые стали применять в условиях военного времени. В том числе в процессе работы над рукописью использованы результаты ранее проведенных научных исследований по рассматриваемой теме. Поскольку затрагиваемые и анализируемые в данном исследовании проблемы весьма широки и разнообразны, автор был вынужден осветить наиболее значимые и актуальные вопросы.*

Результаты исследования: *в процессе проведенного исследования автором акцентируется внимание на том, что с первых дней войны органы милиции являлись важнейшей государственной структурой, напрямую взаимодействующей с обществом, обеспечивая соблюдение дисциплины, законности и правопорядка, борясь с преступными проявлениями во всех сферах. В том числе органам милиции в довольно непростых условиях военного времени весьма оперативно и грамотно удалось реализовать весь необходимый правоохранительный функционал, от которого напрямую зависели условия победы в Великой Отечественной войне.*

Выводы и заключения: *с начала военного периода вся деятельность работников милиции была перестроена по усиленному варианту несения службы. С первых дней войны многие сотрудники милиции принимали непосредственное участие в боевых действиях. При этом важнейшим из ключевых и приоритетных направлений работы милицейских подразделений оставалось противодействие преступности. Для этого в течение короткого времени последовали масштабные перемены в работе всех милицейских подразделений и органов их управления, переустроенных в соответствии с военными порядками и требованиями военного положения.*

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, история милиции, военное положение, милицейский функционал, развитие законодательных основ, истребительные батальоны, борьба с беспризорностью, деятельность в особых условиях, казарменное положение, обеспечение правопорядка.*

Для цитирования: Кобец П. Н. *Характер, особенности и специфика профессиональной деятельности работников милиции в военный период 1941-1945 гг. / П. Н. Кобец // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4 (115). – С. 19–25.*

Original paper

CHARACTER, FEATURES AND SPECIFICITY OF PROFESSIONAL ACTIVITIES OF POLICE OFFICERS DURING THE WAR PERIOD 1941-1945

Kobets Peter Nikolaevich
All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Introduction: *the relevance of this topic is determined by the fact that, although the role of police officers during the war has been fairly well researched, and domestic scholars have authored scholarly works addressing individual components of this important topic, several aspects of the heroic deeds of Soviet police officers during this period currently require further study.*

Materials and methods: *the methodological basis of this study is the universal dialectical method. In researching this issue, the author relied on the results of an analysis of legislative acts that came into force during wartime. The results of previous scientific research on this topic were also utilized in the process of preparing the manuscript. Since the issues addressed and analyzed in this study are quite broad and diverse, the author was compelled to highlight the most significant and relevant issues.*

Results of the study: *the author emphasizes that from the first days of the war, the police were a vital government agency, directly interacting with society, ensuring discipline, law, and order, and combating criminal activity in all areas. Furthermore, despite the challenging wartime conditions, the police quickly and competently implemented all necessary law enforcement functions, which directly impacted victory in the Great Patriotic War.*

Findings and conclusions: *from the beginning of the war, all police activities were restructured to reflect an enhanced work schedule. From the first days of the war, many police officers directly participated in combat operations. Crime control remained the most important and priority focus of police units. To achieve this, large-scale changes were quickly implemented in the work of all police units and their command bodies, which were reorganized in accordance with military regulations and the requirements of martial law.*

Keywords: *Great Patriotic War, history of the police, martial law, police functions, development of legislative frameworks, extermination battalions, combating homelessness, activities in special conditions, barracks regulations, maintaining law and order.*

For citation: Kobets P. N. *Character, features and specificity of professional activities of police officers during the war period 1941-1945 / P. N. Kobets // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4 (115). – Pp. 19–25.*

С первых дней военной агрессии фашистской Германии против Советского Союза сформировалась и установилась настоятельная необходимость по изменению большинства имевшихся на тот момент механизмов функционирования государственных структур и организационно-правовых форм их деятельности. Целью выполненных трансформаций в правоохранительной системе прежде всего было быстрое формирование наиболее оптимальной и продуктивной структуры, в первую очередь с фокусированием на решении задач в сфере обороноспособности страны. Во многом подобный подход был обусловлен положениями программного документа, направленного на перестройку всей жизнедеятельности страны в военный период, которым большинство отечественных экспертов считает Директиву СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. В данном документе акцентировалось внимание на: «укреплении тыла Красной Армии, подчинении интересам фронта всей деятельность, важности работы по обеспечению усиленной работы всех предприятий, необходимости разъяснении трудящимся, их обязанностей и создавшегося в стране положения, организации охраны заводов, электростанций, мостов и телеграфной связи» [1, с. 219].

В годы Великой Отечественной войны милицейская структура, как, впрочем, и структура современных органов внутренних дел, выстраивалась на основе территориального принципа. Центральное место в данной иерархии было отведено Главному управлению милиции (далее – ГУМ), являвшемуся составным элементом всей системы Народного комиссариата внутренних дел (далее – НКВД) СССР. В Республиках Советского Союза, впрочем как и во всех других субъектах страны, находились управления милиции, которые возглавляли заместители (по работе милиции) наркомов внутренних дел данных субъектов. Во всех городских и сельских районах страны были отделы и отделения милиции, которые были обязаны исполнять единый правоохранительный функционал.

Директивой ГУМ НКВД СССР от 7 июля 1941 г. были сформулированы и обозначены основные задачи, которые являлись приоритетными для органов милиции на период военных действий. В частности, в данном документе особо и настоятельно отмечалось, что сложившаяся на данный момент в государстве военная ситуация диктует необходимость того, чтобы органы милиции постоянно и в различных условиях и обстоятельствах находились в готовности как автономно, так и общими усилиями с бойцами Красной Армии реализовывать боевые задачи, связанные с уничтожением вражеских диверсионных групп, парашютных десантов и армейских подразделений.

Заслуживает особого внимания одно из обстоятельств, а именно то, что десятки тысяч милиционеров буквально в первые дни войны решили добровольно отправиться на фронт. В частности, путь на фронт выбрало более 50 % сотрудников московского гарнизона. Многие из них участвовали в историческом параде, который проходил 7 ноября

1941 г. на Красной площади в г. Москве. В том числе с этого парада отправился на фронт сформированный из работников московской милиции мотострелковый полк. Примечательно, что из работников МУРа были сформированы истребительные батальоны, бойцы которых пускали под откос эшелоны немецкой техники [2, с. 7]. Во многих других городах страны, так же как и в г. Москве, из милиционеров образовывали целые боевые соединения для борьбы с врагом. К примеру, в августе 1941 г. сталинградскую милицию свели в единый батальон, сформировав из всех городских милицейских отделений специальные строевые подразделения, а из милиционеров г. Краснодара образовали эскадрон конной милиции [3, с. 160].

С началом войны с работниками милиции сразу же без промедления стали проводить специальные служебные занятия, чтобы они приобрели необходимые навыки владения в боевых условиях всеми имеющимися видами стрелкового оружия для уничтожения пехоты противника. Милиционеры также стали получать навыки противотанковой борьбы. Но даже не сражавшиеся на фронтах Великой Отечественной войны сотрудники милиции также способствовали приближению победы, организовывая и ведя активную борьбу с немецкими диверсионными группами, выявляя шпионов и разведчиков на объектах важнейших оборонных и иных стратегических предприятий, производящих продукцию для фронта.

В годы Великой Отечественной войны милицейский функционал существенно расширился благодаря внутренним миграционным процессам, обусловленным эвакуацией и мерами по трудовой мобилизации. В том числе с самого начала военных действий в ряде регионов страны стали возникать угрозы проникновения на их территорию немецких диверсантов и парашютных групп. Именно по этим причинам в годы войны стала так чрезвычайно важна правоохранительная деятельность, направленная на выявление немецкой агентуры в советских тылах и борьбы с диверсионными группами и парашютистами. В соответствии с Постановлением СНК СССР от 24 июня 1941 г. «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе» началось формирование истребительных батальонов под командованием работников милиции» [4, с. 36]. В процессе сбора разного рода разведданных эти подразделения помогали организовывать на временно захваченных врагом советских территориях партизанское сопротивление, при этом налаживая диверсионную работу, а также приводя в негодность важнейшие вражеские стратегические объекты.

Одновременно с этим в прифронтовых городах милиция активно боролась с забрасываемыми в наш тыл разведывательными и диверсионными группами противника. При поступлении оперативных данных о фактах высадки немецких парашютных групп милицейские наряды сразу же направлялись для их обезвреживания. Для беспрепятственного проникновения на советские военные объекты диверсанты и шпионы переодевались в форменное обмундирование бойцов Красной Армии. Поэтому нормативно-правовая база, регламентировавшая образцы военной формы, документов и ношения наград, постоянно совершенствовалась. Патрульным группам необходимо было в совершенстве владеть не только информацией, доводимой циркулярами об изменениях формы одежды для выявления диверсантов противника, но также обращать внимание на различные мелочи в поведении проверяемых лиц. Только в блокадном Ленинграде милиция выявила более 200 шпионских и диверсионных вражеских групп, а также был раскрыт ряд террористических организаций и поймано несколько диверсантов одиночек. Кроме того, работниками милиции было обезврежено более 800 лиц, расхищающих продовольствие, а также изъято и возвращено государству более 30 тонн похищенных продуктов питания [5, с. 488].

Война привнесла еще одну важную задачу и без того в нелегкий милицейский функционал. На протяжении всех военных лет им пришлось бороться с дезертирством и лицами, которые уклонялись от призыва и дальнейшей службы в Красной Армии. Большую опасность для населения страны оказывало появление дезертиров, поскольку, не имея постоянных доходов, их большая часть вливалась в организованные преступные группы, которые промышляли разного рода хищениями и грабежами. В соответствии с Постановлением Государственного комитета обороны СССР от 11 октября 1942 г. № 2401 «О мерах наказания дезертиров, занимающихся бандитизмом, вооруженными грабежами и контрреволюционной повстанческой работой» [6, с. 71] милицейским силам пришлось проводить в том числе и активную оперативную работу, чтобы своевременно выявлять и задерживать лиц, которые дезертировали из армии либо со стратегических военных заводов и предприятий. В военный

период работниками милиции благодаря ведению точного учета всего движения дезертиров отслеживалась и задерживалась существенная часть всех дезертировавших как в одиночку, так и группами лиц.

Важнейшим из ключевых и приоритетных направлений работы милицейских подразделений оставалось противодействие преступности. При этом важно отметить, что в рассматриваемый период тенденции преступных проявлений имели существенное изменение. В частности, возникали различные новые преступные посягательства, как, например, мародерство, а также преступные проявления, связанные с экономической сферой, мешочничество, фальшивомонетничество, разного рода мошеннические действия и др. Поэтому важнейшая из правоохранительной сферы, в которой в военный период было проведено существенное реформирование организации работы, стало противодействие борьбы с хищениями госсобственности [7, с. 157]. Рост хищений в рассматриваемой сфере мог вызвать не только массовые нарушения правопорядка, но и в целом дестабилизировать социальную стабильность в тыловых регионах страны. Именно по этой причине с начала войны общее число подразделений, занимающихся противодействием хищений государственной собственности и спекуляции, увеличили более чем на 30 %.

В 1942 г. издается Директива ГУМ НКВД СССР, в соответствии с которой работники милиции должны были бороться с мешочниками: их обязали оказывать противодействие лицам, осуществляющим в спекулятивных целях вывоз продовольствия из деревень в города [8, с. 21]. Принимая во внимание острую необходимость противодействия обозначенным противоправным намерениям, милицейское руководство потребовало, чтобы работники оперативных аппаратов как можно быстрее реагировали, разоблачали, незамедлительно пресекали и арестовывали членов обозначенных преступных группировок [9, с. 145]. Об этом весьма убедительно свидетельствует правоохранительная практика военных лет. Так, только за период с 1942 по 1943 г. в отношении спекулянтов работники милиции расследовали 63 978 и 67 012 уголовных дел, по которым 82 515 и 86 303 лица было привлечено к мерам уголовной ответственности [10, с. 20].

В первые дни Великой Отечественной войны в стране в существенной мере произошло осложнение криминогенной ситуации. В сложившемся положении существенная часть правоохранительного функционала в сфере охраны правопорядка была возложена на участковых уполномоченных. Работникам милиции было необходимо оказывать всестороннее содействие и, привлекая общественность, делегировать ей часть правоохранительного функционала. Огромная востребованность совершенствования совместной работы общественности и правоохранителей предопределила необходимость создания различных новых форм общественных объединений. Значительную работу по охране общественного порядка провели различные общественные формирования граждан, деятельность которых возглавляли работники милиции [11, с. 55].

В рассматриваемый исторический период также в существенной мере возрос уровень как в целом всей общеуголовной, так и организованной преступности. Так, в соответствии с данными ГУМ НКВД СССР, уже в 1942 г. в сравнении с 1941 г. общая численность преступлений возросла на 22 %, в 1943 г. ее рост составил 20,9 %, не замедлился он и в 1944 г., увеличившись на 8,6 %. Лишь только в первой половине 1945 г. удалось переломить данную тенденцию, снизив численность регистрируемых преступлений на 9,9 % [12, с. 340]. В сложившейся обстановке транспортировка и перемещение разного рода грузов, товаров, материальных ценностей в глубь страны инициировало активизировать деятельность работников милиции, связанную с противодействием проявлениям бандитизма и различным преступным сообществам. По этой причине 30 сентября 1941 г. активно включились в работу образованные подразделения по борьбе с бандитизмом. Наряду с этим оперативные подразделения занимались борьбой с немецкой агентурой, а также изъятием из оборота незаконного оружия.

В течение короткого времени последовали масштабные перемены в работе всех подразделений и органов управления. В частности, весь функционал работников транспортной милиции был перестроен с учетом начавшихся военных действий по усиленному варианту несения службы. В том числе в оперативные сроки был произведен перевод всего личного состава на казарменное положение. Немаловажным является и то, что сотрудники наружной службы были переведены с трехсменной суточной работы на двухсменную по 12 часов. Окончание рабочего дня для большинства работников транспортной милиции происходило в час ночи [13, с. 67].

Важно отметить, что на милицейские подразделения легли обязанности, связанные с осуществлением контрольных функций в

сфере хранения огнестрельного оружия и изъятия оружия, которое хранилось незаконно. Кроме всего прочего, работниками милиции пришлось усилить охрану различных систем по водоснабжению, энергосетей, тепловых сетей, разного рода транспортных магистралей и вокзалов, предприятий, готовивших продукцию оборонного назначения, иных объектов критически важной инфраструктуры. Они также следили за тем, чтобы коммунальные службы своевременно очищали тротуары от снега и обязательно посыпали их песком. В том числе милицейским подразделениям вменялось контролировать, как работают санитарно-противоэпидемические службы в населенных пунктах.

Немаловажно и то, что милицией стал осуществляться строгий контроль по использованию множительной техники и оборудования, по подготовке разного рода полиграфической продукции. Ужесточение милицейского контроля было вызвано участившимися случаями изготовления поддельных талонов и карточек для получения хлеба. Кроме того, органы милиции «осуществляли надзор и контролировали выполнение решений, принятых Советами депутатов трудящихся в сфере благоустройства городов и рабочих поселков, в том числе они должны были следить за тем, каково состояние домовладений и уличных домовых фонарей» [14, с. 71].

С первых дней начала военных действий усложнились процессы, связанные с обменом паспортов, а во втором полугодии 1941 г. были прекращены массовые обмены и выдача данного документа. Властями страны было принято решение и санкционирована деятельность по продлению сроков действия ранее выданных гражданам паспортов. Сразу же с началом войны стали проводиться мероприятия в сфере укрепления контроля за соблюдением паспортного законодательства. Только в 1942 г. работниками милиции было выявлено 801 316 лиц, нарушивших паспортные правила [15, с. 203]. Кроме того, в годы войны милицейским паспортным аппаратам пришлось выполнять огромный массив адресно-справочного функционала. В том числе среди первоочередных задач, которые требовалось решать данным аппаратам, была задача оперативного решения вопросов прописки и выписки граждан.

В рассматриваемый период государство стало придавать как можно больше внимания проблематике воспитания подрастающего поколения, которое потеряло родных и близких во время войны. В частности, «согласно Постановлению СНК СССР от 23 января 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» создали сеть справочных адресных детских столов, а на милицию возложили розыск несовершеннолетних, утерянных родителями» [16, с. 16]. С февраля 1942 г. в соответствии с директивой ГУМ НКВД СССР работниками милиции проводилась активная работа по выявлению несовершеннолетних, которые остались сиротами, их было необходимо направлять приемники-распределители.

Данный функционал исполнялся работниками детских комнат милиции, которых до 1942 г. было очень мало. Постепенно в военный период численность детских комнат существенно возросла, и к окончанию войны их было более тысячи по всей стране. Однако правовой акт, регламентировавший работу данных подразделений и порядок их функционирования, был издан только в июне 1944 г. Также немаловажно указать на то, что в соответствии с директивой НКВД СССР в июле 1943 г. был создан отдел борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью с организацией подобных подразделений на местах.

В заключение, подводя итоги проведенного исследования, отметим, что в условиях военного времени деятельность ГУМ НКВД СССР сразу же была переустроена в соответствии с военными порядками. При этом для того, чтобы работа милиции была как можно лучше подчинена интересам военного положения, пришлось с первых дней военных действий реорганизовывать ее функционал. В то же время немаловажно, что данная задача реализовывалась одновременно по двум направлениям: посредством создания новых структурных подразделений ввиду выросшего милицейского функционала, а также реформирования и оптимизации некоторых прежних направлений ее работы в условиях военного положения. При этом второе направление указывало на необходимость в условиях военного времени в первую очередь провести мобилизацию работы транспортной милиции на железнодорожном транспорте в целях более результативной работы в сфере противодействия преступным проявлениям. С первых дней войны работники милиции участвовали в налаживании деятельности истребительных батальонов, а также подготовке партизанских отрядов для борьбы с врагом. Кроме того, во время войны многие сотрудники милиции, будучи рядом с линией фронта, зачастую принимая непосредственное участие в боевых действи-

ях, в том числе одновременно этим выполняли свой основной функционал: охраняли общественный порядок, линии правительственной связи, вверенные им территории, железнодорожные объекты, стратегические сооружения, военные предприятия, осуществляли сопровождение военнопленных и заключенных, выявляли и обезвреживали диверсантов, обеспечивали порядок в тылу армии, были заняты поиском дезертиров, боролись с расхитителями госсобственности, которая была так необходима для скорейшей победы.

Список источников

1. Директива Совнаркома Союза ССР и ЦК ВКП(б) № П 509 партийным и советским организациям прифронтовых областей. 29 июня 1941 г. // Известия ЦК КПСС. 1991. № 6.

2. Эриашвили Н.Д. Подвиг советской милиции в годы Великой Отечественной войны // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 5.

3. Советская милиция: история и современность, 1917-1987 / А.П. Косицын, Р.С. Мулукаев, С.В. Биленко [и др.]; под ред. А.В. Власова. М., 1987.

4. Панфилец А.В. Правовые основы деятельности Ленинградской городской милиции в начальный период Великой Отечественной войны (1941-1944 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 2(58).

5. Криволап Н.А. Ленинградская милиция: основные направления деятельности в годы Великой Отечественной войны // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне): материалы Международной науч. конф. (28–29 апреля 2020 г.). СПб., 2020.

6. Емелин С.М. Органы внутренних дел в годы Великой отечественной войны (1941-1945): правовые основы, исторический опыт и современность // Актуальные проблемы права и государства в XXI в. 2018. № 1. Т. 10.

7. Кобец П.Н., Ильин И.В. Борьба с хищениями государственной собственности, осуществляемая подразделениями органов внутренних дел в период с 1941 по 1945 год // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 71. Т. 3.

8. Тишков С.В. Алабердеев Р.Р., Латов Ю.В. История борьбы в СССР с хищениями социалистической собственности (к 70-летию ОБХСС/ДЭБ) // Историко-экономические исследования. 2007. № 1. Т. 8.

9. Кобец П.Н. Противодействие экономической преступности в годы Великой Отечественной войны // Юристъ-Правоведъ. 2025. № 2(113).

10. Блинова В.В. Борьба со спекуляцией в годы Великой Отечественной войны (историко-правовой анализ) // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. № 3.

References

1. Directive of the Council of People's Commissars of the USSR and the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) № P 509 to party and soviet organizations in front-line regions. June 29, 1941 // Izvestiya of the Central Committee of the CPSU. 1991. № 6.

2. Eriashvili N.D. The feat of the Soviet militia during the Great Patriotic War // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. № 5.

3. Soviet militia: history and modernity, 1917-1987 / A.P. Kositsyn, R.S. Mulukaev, S.V. Bilenko [et al.]; edited by A.V. Vlasov. Moscow, 1987.

4. Panfilets A.V. Legal Framework for the Activities of the Leningrad City Militia in the Initial Period of the Great Patriotic War (1941-1944) // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. № 2 (58).

5. Krivolap N.A. Leningrad Militia: Main Areas of Activity during the Great Patriotic War // State. Law. War (on the 75th Anniversary of the Victory of the Soviet People in the Great Patriotic War): Proceedings of the International Scientific Conf. (April 28-29, 2020). St. Petersburg, 2020.

6. Emelin S.M. Internal Affairs Bodies during the Great Patriotic War (1941-1945): Legal Framework, Historical Experience, and Modernity // Actual Problems of Law and State in the 21st Century. 2018. № 1. V. 10.

7. Kobets P.N., Ilyin I.V. The Fight Against Theft of State Property Carried Out by Units of Internal Affairs Bodies in the Period from 1941 to 1945 // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 71. V. 3.

8. Tishkov S.V., Alaberdeev R.R., Latov Yu.V. History of the Fight Against Theft of Socialist Property in the USSR (on the 70th Anniversary of the OBKhSS/DEB) // Historical and Economic Research. 2007. № 1. V. 8.

9. Kobets P.N. Counteracting Economic Crime During the Great Patriotic War // Jurist-Pravoved. 2025. № 2(113).

10. Blinova V.V. The Fight Against Speculation During the Great Patriotic War (Historical and Legal Analysis) // Education. Science. Scientific Personnel. 2019. № 3.

11. Кобец П.Н. Нормативные и управленческие основы оптимизации взаимодействия органов НКВД СССР и общественных правоохранительных объединений во время Великой отечественной войны // Вестник Самарского юридического института. 2025. № 2(63).

12. Кокоев Х.М. Подвиг сотрудников милиции в годы Великой Отечественной войны // Подвиг сотрудников и военнослужащих органов и войск НКВД СССР в годы фашистской блокады Ленинграда: материалы Международной научно-практ. конф. (25 января 2024 г.). СПб., 2024.

13. Забайкальская транспортная: штрихи к истории Забайкальской транспортной милиции / редсовет: Э.О. Хавкин, ред.-сост. и др. Чита, 1999.

14. Емелин С.М. Органы внутренних дел в годы Великой отечественной войны (1941-1945): правовые основы, исторический опыт и современность // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2018. № 1. Т. 10.

15. Карлос А.Б.К. Становление паспортной службы советской милиции // Будущее науки-2016: сб. научных статей 4-й Международной молодежной науч. конф.: в 4 т. (14–15 апреля 2016 г.). Курск, 2016. Т. 2.

16. Исаков В.М., Мельник Е.В. НКВД и милиция Советского государства в условиях военного и послевоенного времени (1941-1950 гг.) // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 9.

11. Kobets P.N. Regulatory and Management Foundations for Optimizing the Interaction of the NKVD of the USSR and Public Law Enforcement Associations During the Great Patriotic War // Bulletin of the Samara Law Institute. 2025. № 2(63).

12. Kokoev H.M. The Feat of the Police During the Great Patriotic War // The Feat of the Employees and Military Personnel of the NKVD of the USSR During the Nazi Siege of Leningrad: Proceedings of the International Scientific and Practical Conf. (January 25, 2024). St. Petersburg, 2024.

13. Transbaikal Transport: Touches on the History of the Transbaikal Transport Police / Editorial Board: E.O. Khavkin, ed. and others. Chita, 1999.

14. Emelin, S.M. Internal Affairs Agencies during the Great Patriotic War (1941-1945): Legal Foundations, Historical Experience, and Modernity // Actual Problems of Law and State in the 21st Century. 2018. № 1. V. 10.

15. Carlos, A.B.K. Formation of the Passport Service of the Soviet Police // The Future of Science-2016: Collection of Scientific Articles from the 4th International Youth Scientific Conf.: in 4 volumes (April 14–15, 2016). Kursk, 2016. V. 2.

16. Isakov, V.M., Melnik, E.V. The NKVD and the police of the Soviet state in the conditions of war and post-war time (1941-1950) // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 9.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кобец Петр Николаевич, *доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра организационного обеспечения научной деятельности. Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России. 121069, Российская Федерация, г. Москва, ул. Поварская, 25, стр. 1.*
ORCID: 0000-0001-6527-3788

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kobets Peter Nikolaevich, *Grand PhD in Law, Professor, Chief Researcher of the Center for Organizational Support of Scientific Activities. All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 25/1, Povarskaya St., Moscow 121069 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 4 (115). – С. 26–32.
Philosophiya prava. 2025. № 4 (115). – Pp. 26–32.

Научная статья
УДК 321.01

ПРИНЦИП ЗАКОННОСТИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОГО ГОСУДАРСТВА: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Оржаховский Александр Юрьевич
Таганрогский институт управления и экономики, Таганрог, Российская Федерация, orgakhovsky@gmail.com

Оржаховская Ирина Юрьевна
Таганрогский институт управления и экономики, Таганрог, Российская Федерация, orgahovskaya2@yandex.ru

Введение: *принцип законности представляет собой гарантию защиты прав и свобод граждан в условиях развития цифрового пространства, расширяя доверие к государству, обеспечивая баланс интересов. В связи с этим модернизация принципа законности в условиях внедрения цифровых технологий становится фундаментом для предотвращения тотального контроля и неравенства, где технологии будут управлять людьми, а не служить им.*

Материалы и методы: *в ходе исследования были задействованы общетеоретические методы и специальные юридические методы, которые позволили исследовать поставленную проблему с точки зрения внедрения цифровых технологий в систему государственного управления.*

Результаты исследования: *принцип законности в условиях цифровизации общества становится фундаментальным, претерпевая трансформацию от формального соблюдения правовых норм к обеспечению цифровой справедливости и правовой предсказуемости в быстро меняющейся среде. Актуальность принципа законности сегодня проявляется в его способности стать стабилизирующим фундаментом и гарантом прав человека в процессе цифровой трансформации, предотвращая скатывание к технократической диктатуре и обеспечивая, чтобы цифровое государство было правовым государством.*

Выводы и заключения: *ключевым аспектом становится формирование цифровой правовой культуры, которая будет способствовать повышению доверия общества к новым формам взаимодействия между органами государственной власти и населением. Таким образом, будущее цифрового государства зависит от грамотного сочетания технологического прогресса и строгого соблюдения принципа законности, что станет основой его устойчивого развития и успешной реализации целей цифровой эпохи.*

Ключевые слова: *цифровое государство, принцип законности, цифровизация, принципы права, государство, цифровое пространство, государство, модернизация.*

Для цитирования: Оржаховский А. Ю., Оржаховская И. Ю. *Принцип законности в условиях формирования цифрового государства: новые вызовы и перспективы / А. Ю. Оржаховский, И. Ю. Оржаховская // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4 (115). – С. 26–32.*

Original paper

THE PRINCIPLE OF LEGALITY IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF A DIGITAL STATE: NEW CHALLENGES AND PROSPECTS

Orzhakhovsky Alexander Yuryevich
Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog, Russian Federation

Orzhakhovskaya Irina Yuryevna
Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog, Russian Federation

Introduction: *digitalization expands new capabilities for the state and modernizes social relations, which in turn necessitates the transformation of legal regulation to prevent abuses by both citizens and the state. The principle of legality guarantees the protection of citizens' rights*

and freedoms in the context of the development of the digital space, enhancing trust in the state and ensuring a balance of interests. Therefore, modernizing the principle of legality in the context of the introduction of digital technologies becomes the foundation for preventing total control and inequality, where technology will control people rather than serve them.

Materials and methods: *during the study, the following methodological approaches were used to develop the topic: general theoretical methods and special legal methods, which made it possible to study the problem from the point of view of the introduction of digital technologies into the public administration system.*

Results of the study: *the principle of legality is becoming fundamental in the context of the digitalization of society, undergoing a transformation from formal compliance with legal norms to ensuring digital justice and legal predictability in a rapidly changing environment. The relevance of the principle of legality today is demonstrated by its ability to become a stabilizing foundation and guarantor of human rights during the digital transformation process, preventing a slide into technocratic dictatorship and ensuring that the digital state is a state governed by the rule of law.*

Findings and conclusions: *the study concluded that the principle of legality becomes the foundation for the functioning of the rule of law when digital technologies are introduced into the public administration system. The development of a digital legal culture becomes crucial, as it will foster public trust in new forms of interaction between government bodies and the public. Thus, the future of the digital state depends on a competent combination of technological progress and strict adherence to the principle of legality, which will form the basis for its sustainable development and the successful achievement of the goals of the digital age.*

Keywords: *digital state, principle of legality, digitalization, principles of law, state, digital space, state, modernization.*

For citation: Orzhakhovsky A. U., Orzhakhovskaya I. U. *The principle of legality in the context of the formation of a digital state: new challenges and prospects / A. U. Orzhakhovsky, I. U. Orzhakhovskaya // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4 (115). – Pp. 26–32.*

Эпоха цифровизации ставит перед государством и его структурами новые вызовы, в частности связанные с реализацией классических принципов права, в том числе и принципа законности, который модернизируется в условиях формирования цифрового государства. Внедрение цифровых технологий расширяет возможности государства, что обуславливает не только новые возможности для реализации принципа законности, но и порождает проблемы в обеспечении соблюдения и реализации правовых норм, защите прав и свобод граждан, предотвращении злоупотреблений как со стороны граждан, так и со стороны государства. Принцип законности включает в себя неукоснительное соблюдение законов и подзаконных актов всеми субъектами правовых отношений: органы публичной власти фокусируются на соответствии действий и решений власти заранее установленным и опубликованным правовым нормам, однако стремительное развитие цифровой среды бросает вызов классической доктрине. В связи с этим выявление специфики правореализации принципа законности приобретает новую актуальность в условиях формирования и развития цифровой среды, формирования цифрового государства с целью выявления направлений адаптации к новым реалиям.

В системе фундаментальных принципов права принцип законности занимает особое место, т. к. является основополагающим для обеспечения правового государства и основ демократического общества. Историко-правовое развитие указанного принципа свидетельствует о том, что классическая юридическая традиция трансформируется посредством закрепления в нормативных правовых актах разных периодов истории. Как справедливо отмечает профессор Мулукаев Р.С., «законность возникла с рождением государства и права», что свидетельствует о длительном эволюционном развитии принципа законности [1, с. 97]. Принцип законности всегда представлял интересную и актуальную тему для юридической науки на протяжении множества веков. Это связано не только с его теоретической обусловленностью, но и правореализационным аспектом. Исследование принципа законности требует постоянного внимания и адаптации, что связано с трансформацией цифрового пространства, т. к. системный и комплексный подход, основанный на научных концепциях, сможет обеспечить эффективную реализацию указанного принципа в условиях формирования цифрового пространства.

Использование информационных технологий для предоставления государственных

услуг, реализации управленческих решений, взаимодействий с гражданским обществом становится характеристикой становления и развития цифрового государства, что требует создания новых правовых механизмов и правил, учитывающих специфику цифровой среды. Внедрение цифровых инструментов порой оказывается недостаточным для регулирования новых форм взаимодействия государственных структур, обуславливая необходимость в разработке и внедрении нормативных правовых актов, которые бы обеспечивали юридическую определенность при использовании электронной подписи, электронных документов, автоматизированных систем управления и обработки персональных данных.

Особое внимание следует уделять защите прав и свобод граждан в эпоху цифровизации, что требует совместных усилий и государства, и общества, в том числе регламентирования ответственности за возможные злоупотребления в цифровой среде. Современные авторы справедливо отмечают, что «осознанное участие граждан, гражданских объединений в решении вопросов защиты прав и свобод граждан в цифровом пространстве может создать условия для безопасного и гармоничного развития цифрового общества» [2, с. 392]. В связи с этим трансформация принципа законности под влиянием развития цифровых технологий создает условия для грамотного построения цифрового государства.

Современные отечественные ученые, рассматривая вопрос цифрового государства, формулируют его как «концепцию развития общества и экономики с помощью цифровых технологий» [3, с. 73]. Цифровое государство предполагает широкое использование электронных инструментов для автоматизации административных процессов и создание единого цифрового пространства, где обеспечивается доступность и качество государственных сервисов для всего населения. В рамках разработки указанной концепции В.В. Скоробогацкий указывает на интеграцию информационных систем во все сферы деятельности государственных структур, что является основой для повышения эффективности управленческих процессов, снижения бюрократических препятствий в рамках осуществления государственной власти и обеспечивает прозрачное взаимодействие между государством и населением [4, с. 104]. Такой подход представляется узким, т. к. сводится только к экономическим причинам формирования цифрового государства.

Плеханов С.М. в своей концепции о цифровом государстве рассматривает государство как «новую модель государственности» и выделяет его преимущества: улучшение жизни населения в связи с предоставлением широкого спектра государственных услуг посредством информационных технологий; повышение уровня доверия населения к государственной власти за счет прозрачности, доступности и возможности осуществления общественного контроля через формы онлайн-демократии (электронное голосование, петиции, опросы и т. д.); содействует развитию инноваций за счет расширения возможностей для науки, бизнеса, образования и других институтов, повышающих качество жизни населения [3, с. 74]. Такой подход делает упор на развитие инноваций в различных сферах общественной жизни, в том числе экономической и социальной, а не только политической, несмотря на узкоспециализированное определение цифрового государства.

Аксенов П.Ю. в своем научном труде о развитии электронного правительства в Российской Федерации рассматривает цифровое государство как «систему, которая основана на использовании информационно-коммуникационных технологий для повышения эффективности государственных функций, обеспечения прозрачности, улучшения взаимодействия с гражданами и развития цифровой экономики» [5, с. 338–339]. В данном контексте автор делает упор на внедрение цифровых технологий в системе реализации государственных функций, что не является полным и обоснованным, т. к. цифровое государство – это не только реализация его функционала, но и модернизация общественных отношений внутри этого государства в цифровом пространстве (например, цифровая грамотность населения). В противовес представленному мнению С.А. Толкачев указывает, что «цифровое государство – это не только технологическая модернизация, но и новая модель управления, ориентированная на открытость, доступность и инклюзивность, а также на создание условий для активного участия граждан в управлении и принятии решений» [6, с. 225]. Таким образом, цифровое государство не может рассматриваться только с точки зрения внедрения цифровых технологий в систему государственного управления, но и как трансформация модели управления, реализации власти, а также обновление общественных отношений.

На основании вышеизложенных подходов к вопросу рассмотрения цифрового государ-

ства можно отметить следующие важные аспекты. Во-первых, понимание цифрового государства не должно быть ограничено внедрением технологий в систему государственного управления с целью оптимизации работы государства и его структурных элементов, а должно рассматриваться как комплекс мер, ориентированных на модернизацию всех общественных отношений в цифровом пространстве. Во-вторых, цифровое государство – это комплексная трансформация модели управления, которая включает в себя обновление общественных отношений под влиянием внедрения цифровых технологий, а также изменение способов реализации государственной власти. В-третьих, цифровизация способствует созданию открытых и прозрачных механизмов взаимодействия государства и населения, в том числе происходит развитие новых форм гражданского участия и ответственности.

Формирование цифрового государства становится условием для трансформации классических институтов и принципов, в связи с чем принцип законности приобретает особое значение, т. к. цифровые технологии создают как возможности, так и вызовы для правоприменительной деятельности. В рамках проведенного исследования были обозначены вызовы, с которыми сталкивается правореализация принципа законности в системе общественных отношений в цифровом пространстве. Первым вызовом является защита данных и кибербезопасность как новая угроза в условиях внедрения цифровых технологий в систему государственного управления [7, с. 12–13].

В данном случае важным аспектом становится обеспечение законных механизмов защиты личной информации и предотвращения киберпреступлений, что может проявляться посредством правотворческой, правоприменительной и управленческой деятельности государства. В процессе правотворческой деятельности государства и применения цифровых технологий в данной области существует риск нарушения баланса в пользу государственных интересов в ущерб частным. Основной задачей органов государственной власти становится защита прав и свобод человека и гражданина от угроз кибертерроризма. Следовательно, принцип законности в данном контексте должен быть реализован прежде всего с целью обеспечения безопасности прав и свобод человека в условиях развития цифрового пространства в системе органов государственной власти.

Регулирование цифровых платформ государственными структурами с целью формирования деятельности крупных технологических компаний и их алгоритмов для обеспечения защиты персональных данных и предотвращения злоупотреблений является важным аспектом. В данном контексте принцип законности становится фундаментальным при разработке нормативных правовых актов, которые призваны регулировать процесс внедрения цифровых технологий в систему государственного управления для достижения стандартов прозрачности и ответственности, обеспечения баланса интересов между населением и государством. О.И. Колмар и А.В. Шелепов справедливо отмечают, что «модернизация правового регулирования должна быть постепенной и носить ограниченный характер, что связано с важностью поддержания баланса между стимулированием развития цифровых платформ и защитой частных интересов» [8, с. 17]. Таким образом, принцип законности в условиях формирования и развития цифрового государства становится фундаментом для трансформации действующего правового регулирования.

В рамках построения цифрового государства ключевую роль играют цифровая идентификация и электронные документы, что призвано обеспечить безопасность и эффективность взаимодействия населения с органами государственной власти. Цифровая идентификация личности включает в себя процесс подтверждения личности человека или организации при использовании электронных средств, в том числе при помощи электронной подписи, биометрики, либо многофакторной аутентификации, что обеспечивает надежное установление личности в цифровой среде. В своем научном труде М.А. Егорова отмечает: «важным аспектом цифровой идентификации личности является установление правового регулирования не только на национальном уровне, но и на международном уровне, что позволяет повысить гибкость, эффективность и функциональность систем цифровой идентификации» [9, с. 26]. Следовательно, принцип законности обеспечивает надежную правовую основу для использования цифровых идентификационных средств и электронных документов, повышая доверие участников цифровых взаимодействий и защищая их права.

Существенным вызовом современных реалий при построении цифрового государства становится правовая регламентация искусственного интеллекта с целью обеспечения юридической ответственности за принятые решения при помощи использования

цифровых технологий для предотвращения возможных негативных последствий. Поднятая проблема становится одной из самых дискуссионных: в системе государственного управления интеллектуальные технологии необходимо рассматривать как инструмент повышения доступности и качества государственных услуг [10, с. 525–526]. В таком аспекте принцип законности становится гарантией для соблюдения баланса интересов населения и государства. Внедрение цифровых технологий в систему государственного управления должно осуществляться с соблюдением правовых предписаний для обеспечения безопасности, автоматизации процессов власти и снижение издержек. Алексеева М.А. справедливо отмечает, что «принятие законов должно сопровождаться постоянным взаимодействием ученых, юристов, программистов, специалистов технологических компаний и государственных органов» [11, с. 24–25]. Разработка нормативных правовых актов в условиях формирования цифрового государства становится базой для установления правовых рамок, направленных на обеспечение прозрачности алгоритмов и их решений, что в свою очередь способствует установлению доверия граждан и защите прав человека.

Перспективы модернизации принципа законности в условиях построения цифрового государства связаны прежде всего с адаптацией нормативного правового регулирования к новым реалиям. Во-первых, создание правовой базы как стандартизированной основы для регулирования внедрения и использования информационных систем в рамках осуществления государственного управления необходимо с целью обеспечения законности и придания юридической силы указанным процедурам. Дженакова Е.В. справедливо указывает, что «использование единой методологии при формулировании нормативного правового обеспечения в условиях информационно-технологического ресурса осуществления государственной власти должно быть осуществлено с учетом характера данной деятельности, наделяя определенной правосубъектностью и правовым статусом субъектов этих правоотношений» [12, с. 73–74]. В данном контексте принцип законности выполняет функцию обеспечения равенства и определения правосубъектности и правового статуса как субъектов, осуществляющих внедрение цифровых технологий в систему власти, так и субъектов, воспринимающих данную власть.

Внедрение автоматизированных систем контроля – важная перспектива для модернизации принципа законности в условиях развития цифрового пространства. Тотурбиев А.А., рассматривая вопросы совершенствования систем контроля, предлагает «оптимизировать создание единой цифровой платформы, обеспечивающей интеграцию информационных систем и взаимодействие всех участников» [13, с. 247]. Такой подход может быть справедливым только с учетом соблюдения баланса между технологическими возможностями и защитой прав подконтрольных субъектов. Следовательно, использование цифровых технологий может быть применено как для мониторинга соблюдения действующего законодательства, так и для автоматической проверки правомерности решений государственной власти.

Обеспечение прозрачности и ответственности государственного управления является важной предпосылкой для развития цифрового пространства в системе государственной власти и его реализации. Яковлев-Чернышев В.А. указывает, что «цифровизация является важным направлением развития системы государственного управления на современном этапе развития общественных отношений, одновременно с этим необходимо обращать особое внимание на устранение имеющихся пробелов в законодательных актах» [14, с. 43–44]. Внедрение цифровых технологий позволяет обеспечить публичный доступ к решениям государственно-властных структур, что впоследствии становится основанием для повышения доверия и подотчетности их населению, обеспечивая дальнейшее развитие демократического политического режима.

Цифровая неграмотность населения становится серьезной проблемой современного общества, в котором активно развиваются и внедряются цифровые технологии в систему органов государственной власти. Современные авторы указывают на проявляющиеся проблемы цифровой неграмотности: ограничение доступа граждан к электронным услугам, снижение участия в цифровом управлении, а также увеличение риска социального неравенства [15, с. 124]. В связи с этим для достижения равных прав и возможностей их реализации необходимо повысить цифровую грамотность, что позволит построить эффективное взаимодействие граждан с органами государственной власти.

Перечисленные меры представляются перспективами для модернизации классического принципа законности в условиях развития цифрового государства, что в дальнейшем позволит обеспечить эффективное, прозрачное и ответственное соблюдение за-

кона, сохраняя при этом фундаментальные принципы правового государства. Таким образом, принцип законности в цифровом государстве требует постоянного обновления правовых механизмов и активного использования технологий для их реализации и защиты прав граждан в цифровом пространстве.

В противовес возможностям и перспективам развития современные ученые отмечают, что развитие цифрового государства сопровождается рисками, которые требуют внимательного регулирования и стратегического подхода, в частности и к вопросу трансформации принципа законности [16, с. 57–58]. Отметим некоторые риски: высокие капитальные издержки на развитие цифровой инфраструктуры системы органов государственной власти; цифровая неграмотность населения становится новым критерием для дифференциации социума и усиливающая социальную дифференциацию; использование цифровых технологий государственными органами власти с целью манипуляций и контроля граждан. Следовательно, указанные риски требуют комплексных решений, включающих развитие нормативной правовой базы, обеспечение прозрачности и ответственности, а также меры по повышению цифровой грамотности и защите прав граждан.

В заключение обозначим следующие выводы проведенного исследования. Во-первых, принцип законности является основой функционирования правового государства, когда внедрение цифровых технологий в систему государственного управления требует своевременных мер по модернизации выражения принципа законности для формулирования и реализации законодательной базы. Во-вторых, вызовы и риски – кибербезопасность, защита персональных данных, цифровая грамотность и предотвращение злоупотреблений – требуют разработки соответствующих нормативных механизмов и стандартов. В-третьих, перспективы развития в этом направлении связаны с созданием прозрачных, ответственных и гибких правовых рамок, способных обеспечить эффективность цифрового управления без ущерба для прав и свобод граждан. Вследствие этого важным становится формирование цифровой правовой культуры, которая будет способствовать укреплению доверия общества к новым формам взаимодействия между органами государственной власти и населением. Таким образом, будущее цифрового государства зависит от грамотного сочетания технологического прогресса и строгого соблюдения принципа законности, что станет основой его устойчивого развития и успешной реализации целей цифровой эпохи.

Список источников

1. Мулукаев Р.С. Исторический аспект законности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2017. № 1.

2. Морозова С.С., Смирнова Ю.Г. Защита прав граждан современной России в цифровую эпоху: политико-правовой анализ // Креативная экономика. 2024. № 6.

3. Плеханов С.М. Правовое регулирование деятельности цифрового государства Российской Федерации // Юридическая наука. 2023. № 4.

4. Скоробогацкий В.В. Цифровая трансформация государственного управления: институциональные пределы возможного // Антиномии. 2023. № 1.

5. Аксенов П.Ю. Развитие электронного правительства в России: достижения и инновационные подходы // Вестник науки. 2023. № 10(67).

6. Толкачев С.А. Цифровая трансформация публичного управления: вызовы и перспективы // Journal of Monetary Economics and Management. 2024. № 12.

7. Дубень А.К. Новые вызовы и угрозы в цифровом пространстве: безопасность как

References

1. Mulukaev R.S. The historical aspect of legality // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2017. № 1.

2. Morozova S.S., Smirnova Yu.G. Protection of the rights of citizens of modern Russia in the digital age: a political and legal analysis // Creative Economy. 2024. № 6.

3. Plekhanov S.M. Legal regulation of the digital state of the Russian Federation // Legal Science. 2023. № 4.

4. Skorobogatsky V.V. Digital transformation of public administration: institutional limits of what is possible // Antinomies. 2023. № 1.

5. Aksenov P.Y. Development of e-government in Russia: achievements and innovative approaches // Bulletin of Science. 2023. № 10(67).

6. Tolkachev S.A. Digital transformation of public administration: challenges and prospects // Journal of Monetary Economics and Management. 2024. № 12.

7. Duben A.K. New challenges and threats in the digital space: security as a criterion for the development of information technology // Security issues. 2023. № 3.

критерий развития информационных технологий // Вопросы безопасности. 2023. № 3.

8. Шелепов А.В., Колмар О.И. Регулирование цифровых платформ в России // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2024. № 2.

9. Егорова М.А. Проблема цифровой идентификации личности в Российской Федерации и Европейском союзе // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2022. № 1(89).

10. Кутявина Т.А. Искусственный интеллект как инструмент повышения качества государственных услуг // Вестник науки. 2025. № 10(91).

11. Алексеева М.В. Правовое регулирование искусственного интеллекта в государственном управлении в Российской Федерации: вызовы и возможности // Правовой порядок и правовые ценности. 2025. № 2.

12. Дженакова Е.В. Субъекты правоотношения по распространению информации: к постановке проблемы // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 1(109).

13. Тотурбиев А.А. Совершенствование государственного контроля в условиях цифровизации // Вестник науки. 2025. № 3(84).

14. Яковлев-Чернышев В.А. Цифровизация государственного управления в Российской Федерации: преимущества и риски // NB: Административное право и практика администрирования. 2021. № 2.

15. Измайлов М. К. Цифровые неравенства: проблемы доступа и включения в цифровую экономику // Вестник Института экономических исследований. 2023. № 3(31).

16. Зайко Я.В. Цифровое государство: особенности, механизмы и перспективы предоставления государственных услуг гражданам современной России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 3(84).

8. Shelepov A.V., Kolmar O.I. Regulation of digital platforms in Russia // Bulletin of International Organizations: education, Science, new Economy. 2024. № 2.

9. Egorova M.A. The problem of digital identity identification in the Russian Federation and the European Union // Bulletin of the O. E. Kutafin University. 2022. № 1(89).

10. Kutyavina T.A. Artificial intelligence as a tool for improving the quality of public services // Bulletin of Science. 2025. № 10(91).

11. Alekseeva M.V. Legal regulation of artificial intelligence in public administration in the Russian Federation: challenges and opportunities // Legal order and legal values. 2025. № 2.

12. Jenakova E.V. Subjects of legal relations in the dissemination of information: towards a problem statement // Russian law: education, practice, science. 2019. № 1(109).

13. Toturbiev A.A. Improving state control in the context of digitalization // Bulletin of Science. 2025. № 3(84).

14. Yakovlev-Chernyshev V.A. Digitalization of public administration in the Russian Federation: advantages and risks // NB: Administrative Law and Practice of Administration. 2021. № 2.

15. Izmailov M. K. Digital inequalities: problems of access and inclusion in the digital economy // Bulletin of the Institute of Economic Research. 2023. № 3(31).

16. Zaiko Ya.V. The digital state: features, mechanisms and prospects of providing public services to citizens of modern Russia // The Caspian region: politics, economics, culture. 2025. № 3(84).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Оржаховский Александр Юрьевич, *аспирант. Таганрогский институт управления и экономики. 347900, Российская Федерация, г. Таганрог, ул. Петровская, 45.*

Оржаховская Ирина Юрьевна, *старший преподаватель кафедры теории истории государства и права. Таганрогский институт управления и экономики. 347900, Российская Федерация, г. Таганрог, ул. Петровская, 45.*

ORCID: 0000-0001-9072-3947

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Orzhakhovsky Alexander Yuryevich, *postgraduate student. Taganrog Institute of Management and Economics. 45, Petrovskaya St., Taganrog 347900 Russian Federation.*

Orzhakhovskaya Irina Yuryevna, *Senior lecturer of the Department of Theory of History of State and Law. Taganrog Institute of Management and Economics. 45, Petrovskaya St., Taganrog 347900 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 4 (115). – С. 33–40.
Philosophiya prava. 2025. № 4 (115). – Pp. 33–40.

Научная статья
УДК 342.9

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ, НОРМАТИВНЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОГРАММ ПРАВОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В ЮЖНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ И РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

Давыдов Максим Вячеславович
Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова, Орел, Российская Федерация, mdd86.m@yandex.ru

Лубский Роман Анатольевич
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, roma-thebest@mail.ru

Працко Геннадий Святославович
Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, dasha_sam94@mail.ru

Введение: *исследование темы позволило авторам статьи, с одной стороны, выявить концептуальные, нормативные и институциональные особенности программ правового просвещения, реализуемых в Южном федеральном округе, с другой – определить специфику правового просвещения как элемента защиты традиционных ценностей.*

Материалы и методы: *методологическую основу статьи составляют нормативный и деятельностный подходы научного исследования, позволившие уяснить концептуальные и нормативно-правовые особенности реализации программ правового просвещения, действующих на территории Южного федерального округа (в Волгоградской и Ростовской областях), а также определить особенности специальных мероприятий, проводимых на соответствующей территории с целью правового просвещения.*

Результаты исследования: *на основе методологических принципов нормативного и деятельностного подходов научного исследования авторами статьи выявлены концептуальные, нормативные, а также институциональные особенности практической реализации региональных программ правового просвещения, реализуемых в Южном федеральном округе (на примере Волгоградской и Ростовской областей).*

Выводы и заключения: *программы правового просвещения, действующие на территории Волгоградской и Ростовской областей, во-первых, носят концептуальный характер, во-вторых, реализуются с целью повышения уровня правовой грамотности и предупреждения правонарушений, совершаемых различными категориями лиц, прежде всего лицами, не достигшими совершеннолетнего возраста, в-третьих, ориентированы на всестороннее развитие институтов социокультурного и правового воспитания на основе приоритета традиционных ценностей.*

Ключевые слова: *правовое просвещение, программы правового просвещения, правовая осведомленность, правовая грамотность, правовое воспитание, бесплатная юридическая помощь.*

Для цитирования: Давыдов М. В., Лубский Р. А., Працко Г. С. *Концептуальные, нормативные и институциональные особенности практической реализации региональных программ правового просвещения в Южном федеральном округе (на примере Волгоградской и Ростовской областей) / М. В. Давыдов, Р. А. Лубский, Г. С. Працко // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4 (115). – С. 33–40.*

Original paper

CONCEPTUAL, REGULATORY AND INSTITUTIONAL FEATURES OF THE PRACTICAL IMPLEMENTATION OF REGIONAL LEGAL EDUCATION PROGRAMS IN THE SOUTHERN FEDERAL DISTRICT (ON THE EXAMPLE OF THE VOLGOGRAD AND ROSTOV REGIONS)

Davydov Maxim Vyacheslavovich
Oryol Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia named after V.V. Lukyanov, Oryol, Russian Federation

Lubsky Roman Anatolyevich
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Pratsko Gennady Svyatoslavovich
Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *the study allowed the authors to identify the conceptual, normative, and institutional features of legal education programs implemented in the Southern Federal District, and to determine the specifics of legal education as an element of protecting traditional values.*

Materials and methods: *the article's methodological basis is formed by normative and activity-based approaches to scientific research, which allowed them to clarify the conceptual and normative-legal features of the implementation of legal education programs operating in the Southern Federal District (in the Volgograd and Rostov regions), as well as to identify the specific features of special events held in the relevant territory for the purpose of legal education.*

Results of the study: *based on the methodological principles of normative and activity-based approaches to scientific research, the authors identified the conceptual, normative, and institutional features of the practical implementation of regional legal education programs implemented in the Southern Federal District (using the Volgograd and Rostov regions as examples).*

Findings and conclusions: *legal education programs operating in the Volgograd and Rostov regions are, firstly, conceptual in nature; secondly, they are implemented with the aim of raising legal literacy and preventing offenses committed by various categories of individuals, primarily minors; and thirdly, they are focused on the comprehensive development of sociocultural and legal education institutions based on the priority of traditional values.*

Keywords: *legal education, legal education programs, legal awareness, legal literacy, legal education, free legal aid.*

For citation: Davydov M. V., Lubsky R. A., Pratsko G. S. *Conceptual, regulatory and institutional features of the practical implementation of regional legal education programs in the Southern Federal District (on the example of the Volgograd and Rostov regions) / M. V. Davydov, R. A. Lubsky, G. S. Pratsko // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4 (115). – Pp. 33–40.*

С момента начала специальной военной операции, обострившей до предела степень геополитического противостояния двух диаметрально противоположных систем цивилизационного развития, в современном российском социокультурном и правовом дискурсе приобрела особую актуальность проблема защиты традиционных ценностей, определяющих специфику цивилизационного развития российской государственности в целом.

В свою очередь, проблема защиты традиционных российских ценностей придала актуальность необходимости правового просвещения россиян, правовое сознание которых на протяжении длительного периода времени формировалось под влиянием ценностей западной идеологии, насаждающей чуждые российской ментальности нарративы, искажающие реальность и формирующие неприемлемые образы и алгоритмы социального поведения, подрывающие основы традиционной российской государственности в целом [1].

Сформировать представление об особенностях правового просвещения различных представителей современного российского общества стало возможным на основе контент-анализа общенациональных программ и концепций правового просвещения, а также нормативных правовых актов, позволивших установить, что их практическая реализация

в Южном федеральном округе (в Волгоградской и Ростовской областях) осуществляется на основе норм федерального законодательства и в контексте правотворческой деятельности региональных институтов публичной власти.

Федеральные нормативные правовые акты, отражающие специфику государственной политики в сфере правового просвещения, правового информирования и бесплатной юридической помощи [2], наряду с иными нормативными правовыми актами необходимо рассматривать в качестве устойчивых правовых конструкций, ориентированных на повышение эффективности регионального правотворчества, осуществляемого в контексте специальных региональных программ, разработанных с целью минимизации рисков безнадзорности, а также предупреждения различных видов правонарушений, совершаемых лицами, не достигшими совершеннолетнего возраста [3].

Исследование специфики федеральных программ (концепций) просветительской направленности, реализуемых на территории отдельных субъектов Южного федерального округа (на примере Волгоградской и Ростовской областей), позволяет заключить, что они, с одной стороны, носят стратегический характер [4], с другой – ориентированы на всестороннее развитие институтов социокультурного, правового и патриотического воспитания, осуществляемого в контексте переформатирования основных направлений воспитательного процесса в системе начального, среднего и профессионального образования на основе приоритета традиционных ценностей [5], составляющих основу российской государственности и права [6, с. 71–77].

Отличительной особенностью этих программ, распространяющих свое действие на территории Волгоградской и Ростовской областей, является их межведомственная природа и нацеленность на правовое просвещение несовершеннолетних, рассматриваемое региональным законодателем в качестве приоритетного фактора их правового воспитания и социокультурной идентификации. В качестве актуального примера региональной программы соответствующей направленности необходимо отметить программу, принятую в Ростовской области, предусматривающую различные формы и механизмы профилактики правовых девиаций, получивших широкое распространение среди несовершеннолетних граждан, находящихся на территории донского региона [7].

Особенности региональной программы (концепции) правового просвещения, действующей на территории Ростовской области

Одной из особенностей рассматриваемой региональной программы межведомственного уровня является наличие в ней Приложений, содержащих Перечень мероприятий, составляющих ее основное содержание и предусматривающих такие из них, реализация которых предполагает сокращение общего числа правонарушений, совершаемых лицами несовершеннолетнего возраста, и социальную и правовую помощь [7].

В соответствии с Перечнем мероприятий, предусмотренных программой, профилактика правонарушений несовершеннолетних на территории Ростовской области должна осуществляться, с одной стороны, на основе поддержания в актуальном состоянии учета несовершеннолетних правонарушителей, а также систематического контроля (внезапных и запланированных выездных проверок) региональных субъектов предупреждения подростковой преступности, с другой – за счет координации профессиональной деятельности субъектов региональной и муниципальной профилактики, осуществляемой в рамках социального-патриотического и правового воспитания несовершеннолетних с целью формирования у них установок законопослушного сознания и поведения (правовое воспитание), а также недопустимости вовлечения детей в несанкционированные акции и массовые беспорядки (социально-патриотическое воспитание), что особенно актуально в условиях военного противостояния двух цивилизационных систем.

Еще одной формой профилактики правонарушений несовершеннолетних, предусмотренной Перечнем мероприятий региональной программы в Ростовской области, является социальная опека (адресная социальная помощь) семьям, в которых воспитывается нуждающийся в материальной и психологической поддержке ребенок, не достигший совершеннолетнего возраста.

Особенности региональной программы (концепции) правового просвещения, действующей на территории Волгоградской области

В свою очередь анализ региональной программы (концепции) правового просвещения, действующей на территории Волгоградской области, позволяет сформулировать

гипотезу о том, что ее практическая реализация осуществляется в рамках трех базовых направлений: 1) концептуального (в контексте основных целей и ориентиров профилактики, предусмотренных ее содержанием); 2) нормативного (на основе правовых норм федерального и регионального законодательства); 3) институционального (в рамках профессиональной активности специальных комиссий по делам несовершеннолетних).

Региональная программа (концепция) правового просвещения, действующая на территории Волгоградской области, обладает рядом особенностей: 1) она разработана с целью удовлетворения потребностей регионального сообщества в бесплатной юридической помощи; 2) бесплатная юридическая помощь является доминантой правового просвещения, обусловливающей его специфику; 3) правовое просвещение населения Волгоградской области осуществляется с целью стимулирования интереса к вопросам права и повышения уровня правовой осведомленности, обеспечения свободного доступа к правовой информации и создания системы дополнительного правового образования; 4) правовое просвещение носит вторичный по отношению к бесплатной юридической помощи характер, являясь его следствием, а не причиной; 5) правовое просвещение не является самостоятельным направлением региональной государственной политики, а является продолжением федеральной политики в этой сфере [8; 9].

Вместе с тем несмотря на то, что правовое просвещение в Волгоградской области рассматривается в первую очередь как способ повышения правовой культуры всего населения, оно также выступает и как элемент системы правового воспитания детей и молодежи. Об этом свидетельствует содержание региональной программы 2023 г., предусматривающей возможность проведения специальных мероприятий, запланированных с целью правового воспитания несовершеннолетних и направленных на профилактику правонарушений и безнадзорности среди обучающихся образовательных организаций Волгоградской области, а также на решение проблем правового и патриотического воспитания и просвещения детей и молодежи. С этой целью в региональной программе по оказанию бесплатной юридической помощи и правовому просвещению есть пункты, предусматривающие организацию и проведение Всероссийского дня правовой помощи детям [10].

Особенностью этих акций является то, что они, с одной стороны, формально являются мероприятиями воспитательного характера, а не просветительского, с другой – запланированы для предотвращения противоправных деяний, совершаемых несовершеннолетними. Среди них есть и такие, которые можно рассматривать как мероприятия по правовому просвещению, предусмотренные с целью формирования основ правовой грамотности и устойчивой мотивации к законопослушному поведению. Например, в рамках проведения в Волгоградской области Года семьи 4 июня 2024 г. на территории волгоградского Городского оздоровительного центра для детей и молодежи «Орленок» прошли специальные мероприятия и мастер-классы по составлению правовых документов, нацеленные на формирование правовой грамотности, с одной стороны, позволившие, несовершеннолетним распознавать финансовое мошенничество и находить правильные решения для его предотвращения, с другой – ознакомившие молодых людей с правилами и особенностями заключения трудовых договоров с работодателем.

В связи с тем, что одной из целей правового просвещения населения Волгоградской области является противодействие правонарушениям среди несовершеннолетних, отдельное внимание необходимо уделить Постановлению Администрации Волгоградской области от 17.01.2017 № 7-п, утвердившему государственную программу Волгоградской области «Профилактика правонарушений и обеспечение общественной безопасности на территории Волгоградской области», разработанную с целью консолидации усилий региональных и муниципальных институтов публичной власти в рамках противодействия преступности, в том числе среди несовершеннолетних правонарушителей [11].

Особенностью этой региональной программы является то, что на ее основе закреплены базовые приоритеты и цели регионального правотворчества в этом вопросе, которые рассматриваются Администрацией Волгоградской области в качестве ключевых направлений ее деятельности в сфере обеспечения безопасности регионального сообщества. Кроме того, сформулирован перечень основных задач в сфере развития профилактики правонарушений, осуществлена их классификация, в рамках которой выделены задачи, обусловленные приоритетами национального развития (национальные приоритеты), и задачи, направленные на

достижение социально значимых результатов (социальные приоритеты) [11].

Решение этих задач, по замыслу регионального законодателя, необходимо осуществить, с одной стороны, в контексте профилактики различных проявлений терроризма, экстремизма, а также конфликтов, возникающих на межнациональной почве (национальные приоритеты), с другой – на основе предупреждения информационных угроз, инициированных стремительным развитием коммуникационных технологий, особенно тех из них, которые оказывают негативное воздействие на психику несовершеннолетнего (социальные приоритеты). Важно отметить, что необходимость решения этих задач, помимо всего прочего, порождает профессиональные вызовы сотрудникам органов внутренних дел, служебная деятельность которых непосредственно связана с противодействием правонарушениям, совершаемым в этом сегменте правовой социальности [12].

Помимо федеральных и региональных программ (концепций) правового просвещения, предусматривающих его стратегические цели, объекты и ориентиры, в качестве нормативной основы правового просвещения, осуществляемого на территории Волгоградской области, выступают нормативные акты федерального и регионального уровня.

В связи с тем, что в Волгоградской области сформировалась устойчивая правовая традиция рассматривать правовое просвещение как форму (способ) удовлетворения потребностей населения в безвозмездной правовой помощи, что в полной мере соответствует правовой политике, проводимой на федеральном уровне правотворчества и управления, в качестве системного нормативного акта, регулирующего различные аспекты правового просвещения на территории Волгоградского региона, необходимо рассматривать федеральный закон, регулирующий различные формы юридической помощи [2].

Особое значение этого закона в сфере нормативного регулирования различных аспектов бесплатной юридической помощи (правового просвещения) на территории Волгоградской области обусловлено тремя основными обстоятельствами: 1) именно его положения получают практическую реализацию и последующее развитие в рамках аналогичных по своему содержанию региональных программ; 2) именно его положения выступают правовой основой для нормативных актов (приказов, межведомственных комплексных планов мероприятий и т.д.), принятых (изданных) органами государственной власти Волгоградской области [13]; 3) в связи с тем, что региональные программы оказания бесплатной юридической помощи населению Волгоградской области традиционно предусматривают различные акции с целью правового воспитания детей и молодежи, в том числе с целью предупреждения противоправных деяний, совершаемых несовершеннолетними, положения федерального закона о бесплатной юридической помощи развиваются региональными законами, которые предназначены не столько для правового просвещения, сколько для предупреждения негативных явлений, обусловленных его отсутствием или его неэффективным характером.

В качестве такого нормативного акта необходимо рассматривать региональный закон, в который на протяжении более 20 лет систематически вносились изменения, позволяющие сделать вывод об основных направлениях деятельности, осуществляемой институтами государственной власти Волгоградской области с целью предупреждения противоправных деяний, совершаемых несовершеннолетними. В соответствии с этим законом субъекты региональной профилактики реализуют свои профессиональные полномочия в рамках специальной политики, которая должна быть направлена на обеспечение, во-первых, условий для организации досуга несовершеннолетних, во-вторых, их занятности, в-третьих, организации и проведения индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними [14].

Анализ региональных нормативных правовых актов, действующих в Волгоградской области в сфере нормативного урегулирования различных аспектов бесплатной юридической помощи, позволил заключить, что правовое просвещение несовершеннолетних на территории региона должно осуществляться прежде всего с целью профилактики подростковой преступности в рамках системы координационных, реабилитационных, адаптационных, корректирующих, консультативных, информативных и иных видов мероприятий («Стоп – Спайс», «Рецидив», «Лидер», акции «Полиция – детям», «Неформал», «Дурман», «Неблагополучная семья»), направленных на профилактику безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних, в том числе содержащихся в Центре временного содержания несовершеннолетних правонарушителей ГУ МВД России по Волгоградской области. Эти мероприятия имеют прямое отношение

к сфере правового просвещения, осуществляемого с целью противодействия правонарушениям несовершеннолетних, т. к. помимо своей основной цели они предусматривают прямое воздействие специалистов сферы профилактики на поведение несовершеннолетнего, оказываемого на основе совместного проведения специальных мероприятий (выставок, форумов, конкурсов), и способствуют повышению профессионального мастерства специалистов органов и учреждений, осуществляющих профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Рассматривая практические аспекты правового просвещения, осуществляемого в рамках основных направлений деятельности по противодействию правонарушениям несовершеннолетних на территории Волгоградской области, необходимо отметить, что в определенной степени их содержание может быть выражено в рамках вопросов повестки дня, оформленных постановлениями, принятыми Комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав Волгоградской области в рамках реализации Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 г.

В связи с этим необходимо особо выделить вопросы, связанные с общим состоянием подростковой преступности и детского травматизма, особой ролью учреждений культуры как ресурса формирования правовой культуры безопасного поведения несовершеннолетних, эффективностью работы по профилактике подростковой преступности, профилактике повторных преступлений среди несовершеннолетних, вступивших в конфликт с законом, предупреждением преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, приобретающих особую актуальность в связи с необходимостью решения проблем подростковой беременности, профилактики вовлечения подростков и молодежи в неформальные молодежные объединения или группы деструктивной направленности, а также организацией межведомственного взаимодействия по предупреждению суицидального поведения и иных проявлений отклоняющегося поведения несовершеннолетних лиц [15].

Таким образом, исследование специфики практической реализации региональных программ правового просвещения в Южном федеральном округе (на примере Волгоградской и Ростовской областей) позволило сделать следующие выводы: 1) программы правового просвещения, действующие на территории Волгоградской и Ростовской областей, развивают положения федеральных и региональных нормативных правовых актов, а также федеральных программ просветительской направленности, представляющих собой общенациональную стратегию «переформатирования» воспитательного процесса, реализуемую на основе приоритета традиционных ценностей, обусловливающих специфику российской государственности; 2) отличительной особенностью этих программ является их межведомственная природа; 3) если программа правового просвещения на территории Волгоградской области реализуется прежде всего с целью удовлетворения потребностей регионального сообщества в бесплатной юридической помощи, то программа правового просвещения, действующая на территории Ростовской области, реализуется в контексте мероприятий по правовому просвещению несовершеннолетних, которое рассматривается региональным законодателем в качестве приоритетного фактора их правового воспитания и социокультурной идентификации и осуществляется с целью сокращения общего числа правонарушений, совершаемых лицами несовершеннолетнего возраста, и оказания социальной и правовой помощи.

Список источников

1. Лубский Р.А. Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития: автореф. дис. … д-ра философ. наук. Ростов н/Д, 2015.

2. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: федер. закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ (в ред. от 31.07.2025). Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

3. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации:

References

1. Lubskiy R.A. Russian Statehood as a Social Reality: Methodology of Multidimensional Research, Types, and Specifics of Development: Abstract of Doctor of Philosophy Dissertation. Rostov-on-Don, 2015.

2. On Free Legal Aid in the Russian Federation: Federal Law of 21.11.2011 № 324-FL (as amended on 31.07.2025). Access from the legal system «Garant».

3. On the Fundamentals of the Crime Prevention System in the Russian Federation:

федер. закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ (в ред. от 08.08 2024). Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

4. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г.: распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р. URL: https://regulation.gov.ru (дата обращения: 28.09.2025).

5. Об утверждении государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

6. Войтенко В.П., Соколов В.А., Лубский Р.А. Коллективизм и индивидуализм в России как предмет теоретической рефлексии // Философия права. 2019. № 3(90).

7. Об утверждении региональной межведомственной программы «Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на 2022–2030 гг.» (в ред. от 03.02.2025): постановление Правительства Ростовской области от 21.09.2021 № 762. URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 28.09.2025).

8. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утверждены Президентом Российской Федерации 04.05.2011). Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

9. О некоторых вопросах оказания бесплатной юридической помощи на территории Волгоградской области (в ред. от 02.05.2024): постановление Губернатора Волгоградской области от 27.05.2013 № 492. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Программа по оказанию бесплатной юридической помощи и правовому просвещению населения Волгоградской области на 2023 г. URL: https://minjust.gov.ru (дата обращения: 28.09.2025).

11. О государственной программе Волгоградской области «Профилактика правонарушений и обеспечение общественной безопасности на территории Волгоградской области» (в ред. от 25.04.2025): постановление Администрации Волгоградской области от 17.01.2017 № 7-п. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

12. О полиции: федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (в ред. от 31.07.2025). Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

13. О бесплатной юридической помощи на территории Волгоградской области (в ред. от 04.04.2024): закон Волгоградской области от 27.11.2012 № 164-ОД. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

Federal Law of 23.06.2016 № 182-FL (as amended on 08.08.2024). Access from the legal system «Garant».

4. Strategy for the Development of Education in the Russian Federation through 2025: RF Government Order of 29.05.2015 № 996-r. URL: https://regulation.gov.ru (date of access: 28.09.2025).

5. On Approval of the State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: RF Presidential Decree of 09.11.2022 № 809. Access from the legal system «Garant».

6. V.P. Voitenko, V.A. Sokolov, R.A. Lubsky. Collectivism and Individualism in Russia as a Subject of Theoretical Reflection // Philosophy of Law. 2019. № 3(90).

7. On Approval of the Regional Interdepartmental Program «Prevention of Juvenile Neglect and Delinquency for 2022–2030». (as amended on 03.02.2025): Resolution of the Government of the Rostov Region dated 21.09.2021, № 762. URL: http://publication.pravo.gov.ru (date of access: 28.09.2025).

8. Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the Sphere of Developing Legal Literacy and Legal Awareness of Citizens (approved by the President of the Russian Federation on 04.05.2011). Access from the legal system «Garant».

9. On Certain Issues of Providing Free Legal Aid in the Volgograd Region (as amended on 02.05.2024): Resolution of the Governor of the Volgograd Region dated 27.05.2013, № 492. Accessed from the legal system «ConsultantPlus».

10. Program for Providing Free Legal Aid and Legal Education to the Population of the Volgograd Region for 2023. URL: https://minjust.gov.ru (date of access: 28.09.2025).

11. On the State Program of the Volgograd Region «Crime Prevention and Ensuring Public Safety in the Volgograd Region» (as amended on 25.04.2025): Resolution of the Administration of the Volgograd Region dated 17.01.2017 № 7-p. Access from the legal system «Garant».

12. On the Police: Federal Law dated 07.02.2011 № 3-FL (as amended on 31.07.2025). Access from the legal system «Garant».

13. On Free Legal Aid in the Volgograd Region (as amended on 04.04.2024): Volgograd Region Law № 164-OD of 27.11.2012. Access from the legal system «Garant».

14. On the Prevention of Juvenile Neglect and Delinquency in the Volgograd Region (as amended on April 26, 2025): Volgograd Region Law № 748-OD of 31.10.2002. Access from the legal system «Garant».

14. О профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Волгоградской области (в ред. от 26.04.2025): закон Волгоградской области от 31.10.2002 № 748-ОД. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

15. Об утверждении плана мероприятий на 2021–2025 гг. по реализации Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 г.: постановление Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Волгоградской области от 01.07.2021 № 4/5. URL: http://kdnizp.volganet.ru (дата обращения: 28.09.2025).

15. On Approval of the Action Plan for 2021–2025. on the implementation of the Concept for the Development of a System for the Prevention of Neglect and Delinquency of Minors for the Period up to 2025: Resolution of the Commission on Minors and the Protection of Their Rights of the Volgograd Region dated 01.07.2021 № 4/5. URL: http://kdnizp.volganet.ru (date of access: 28.09.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Давыдов Максим Вячеславович, *кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел. Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова. 302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.*

Лубский Роман Анатольевич, *доктор философских наук, доцент, профессор кафедры административного права. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

Працко Геннадий Святославович, *доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры коммерческого и предпринимательского права. Донской государственный технический университет. 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Davydov Maxim Vyacheslavovich, *PhD in Law, Senior Lecturer of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies. Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2, Ignatova St., Oryol 302027 Russian Federation.*

Lubskiy Roman Anatolyevich, *Grand PhD in Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Administrative Law. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Pratsko Gennady Svyatoslavovich, *Grand PhD in Law, Grand PhD in Philosophy, Professor, Professor of the Department of Commercial and Entrepreneurial Law. Don State Technical University. 1, Gagarin Square, Rostov-on-Don 344002 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 4 (115). – С. 41–45.
Philosophiya prava. 2025. № 4 (115). – Pp. 41–45.

Научная статья
УДК 342.721.3

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИНСТИТУТА АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Денисенко Виктор Васильевич
Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Российская Федерация,
profdenisenko@mail.ru

Введение: *административное принуждение как форма публичного воздействия в правовом государстве требует философского обоснования, выходящего за рамки технико-правового описания. Его легитимность определяется не только нормативной базой, но и глубинной антропологической и этической парадигмой, лежащей в основе правопорядка.*

Материалы и методы: *в исследовании использованы методы философского анализа, сравнительно-исторического сопоставления и интерпретации нормативных актов. Основой служат классические тексты Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, М. Вебера и И. Канта, а также конституционные положения РФ, нормы КоАП РФ и позиции Конституционного и Верховного Судов России.*

Результаты исследования: *выявлено, что административное принуждение легитимно лишь в рамках философской парадигмы, где оно интерпретируется не как проявление власти, а как средство реализации высшей цели правового государства – благой жизни (eudaimonia) гражданина. Принципы законности, пропорциональности, гуманизма и презумпции невиновности выступают как юридические выражения кантовской этики и социального контракта: принуждение оправдано только как защита достоинства личности, а не как инструмент подавления.*

Выводы и заключения: *институт административного принуждения теряет легитимность при переходе от гуманистической к позитивистской модели: когда целью становится не защита человека, а выполнение административных показателей. Для сохранения правового государства необходимо закрепить философскую основу принуждения в профессиональной этике и образовании сотрудников ОВД, превратив его из технической процедуры в акт нравственной ответственности.*

Ключевые слова: *административное принуждение, правовое государство, свобода, порядок, легитимность, социальный контракт, гуманизм, пропорциональность, философия права.*

Для цитирования: Денисенко В. В. *Философско-правовое измерение института административного принуждения / В. В. Денисенко // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4 (115). – С. 41–45.*

Original paper

THE PHILOSOPHICAL AND LEGAL DIMENSION OF ADMINISTRATIVE COERCION

Denisenko Viktor Vasilievich
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation

Introduction: *administrative coercion as a form of public influence in a state governed by the rule of law requires a philosophical justification that goes beyond the scope of a technical and legal description. Its legitimacy is determined not only by the normative framework, but also by the deep anthropological and ethical paradigm underlying the rule of law.*

Materials and methods: *the research uses methods of philosophical analysis, comparative historical comparison and interpretation of normative acts. The basis is the classical texts of T. Hobbes, J. Locke, J.-J. Russo, M. Weber and I. Kant, as well as the constitutional provisions of the Russian Federation, the norms of the Administrative Code of the Russian Federation and the positions of the Constitutional and Supreme Courts of Russia.*

Results of the study: *it is revealed that administrative coercion is legitimate only within the framework of the philosophical paradigm, where it is interpreted not as a manifestation of power, but as a means of realizing the highest goal of the rule of law – the good life (eudaimonia) of a citizen. The principles of legality, proportionality, humanism, and the presumption of innocence act as legal expressions of Kantian ethics and the social contract: coercion is justified only as a defense of personal dignity, not as an instrument of oppression.*

Findings and conclusions: *the institution of administrative coercion loses legitimacy during the transition from a humanistic to a positivist model: when the goal is not to protect a person, but to fulfill administrative indicators. In order to preserve the rule of law, it is necessary to consolidate the philosophical basis of coercion in the professional ethics and education of police officers, turning it from a technical procedure into an act of moral responsibility.*

Keywords: *administrative coercion, rule of law, freedom, order, legitimacy, social contract, humanism, proportionality, philosophy of law.*

For citation: Denisenko V. V. *The philosophical and legal dimension of administrative coercion / V. V. Denisenko // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4 (115). – Pp. 41–45.*

Современное правовое государство постоянно балансирует между двумя фундаментальными ценностями – свободой личности и необходимостью общественного порядка. Эта диалектика находит свое институциональное выражение в механизмах государственного принуждения, среди которых особое место занимает административное принуждение как форма публичного воздействия, применяемая органами исполнительной власти для обеспечения законности, охраны правопорядка и предупреждения административных правонарушений.

В отличие от уголовного принуждения, ориентированного на наказание за тяжкие посягательства, административное принуждение характеризуется оперативностью, профилактической направленностью и преимущественно внесудебным порядком применения; в отличие от гражданско-правового оно носит публично-властный характер и не предполагает равенства сторон. Его специфика заключается в повседневности: оно реализуется в «точках контакта» государства и гражданина – на улице, в транспорте, при проверках, при реализации разрешительных процедур и др. Именно эта повседневность делает административное принуждение ключевым индикатором качества правового государства: если оно осуществляется произвольно, жестко, без уважения к личности, это разрушает доверие к власти. Если же оно справедливо, соразмерно и прозрачно – укрепляет правопорядок и правосознание. Однако несмотря на широкое нормативное регулирование, институт административного принуждения недостаточно исследован в философско-правовом измерении. Преобладающий доктринальный подход сосредоточен на технико-юридических аспектах, тогда как сама возможность и обоснованность принуждения в демократическом обществе требуют глубокого философского осмысления.

Легитимность любого государственного принуждения, включая административное, не может быть основана лишь на силе или традиции. Ее философское обоснование восходит к теории социального контракта Т. Гоббса [1, с. 89–99; 2, с. 70–83; 3, с. 19–24]. В частности, согласно данной теории «пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, они находятся в том состоянии, которое называется войной, а именно в состоянии войны всех против всех» [4, с. 87], и в естественном состоянии «война всех против всех» делает жизнь «одинокой, бедной, злобной, жестокой и короткой». Чтобы выйти из этого состояния, индивиды добровольно передают часть своей свободы суверену, который обеспечивает безопасность и порядок.

По утверждению Т. Гоббса, «государство есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем, чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и защиты» [4, с. 133]. Административное принуждение в этом контексте выступает как инструмент реализации воли суверена по поддержанию общественного мира. Джон Локк, в свою очередь, считал, что «люди вступают в соглашение с другими людьми об объединении в сообщество для того, чтобы удобно, мирно совместно жить, спокойно пользуясь своей собственностью и находясь в большей безопасности, чем кто-либо не являющийся членом общества» [5, с. 135]. Таким образом, он подчеркивал, что государство создается для защиты естественных прав – жизни, свободы и собственности. Принуждение легитимно

только в той мере, в какой оно служит этой цели. Любое превышение власти становится тиранией.

Подобные взгляды об общественном договоре разделял и Ж.-Ж. Руссо [6, с. 9–11; 7, с. 343–347], который развил идею о том, что подчинение закону есть подчинение самому себе, поскольку закон выражает «общую волю». Административное принуждение, основанное на таком законе, не есть насилие, а форма свободы, реализуемой через коллективное самоуправление. Таким образом, философская традиция социального контракта утверждает, что принуждение легитимно, если оно основано на согласии (реальном или предполагаемом), служит общему благу, ограничено рамками закона и направлено на защиту прав, а не на подавление личности.

Эти постулаты находят свое продолжение в работах М. Вебера [8; 9], в том числе в концепции рационально-правовой легитимности, исходя из анализа которой В.Н. Плигин отмечает, что, согласно Веберу, современное государство опирается не на харизму или традицию, а на веру в законность установленных порядков и прав компетентных властей [10]. Административное принуждение должно быть предсказуемым, формализованным, подконтрольным, иначе оно теряет легитимность и превращается в произвол.

Центральное место в философском обосновании административного принуждения занимает категорический императив И. Канта, известная версия которого звучит следующим образом: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» [11, с. 205]. Этот принцип имеет прямое отношение к практике административного принуждения. Административное задержание, досмотр, административный штраф, административный арест и иные меры административного принуждения – все это не должно быть формальным ритуалом власти, а актом, направленным на предотвращение вреда, восстановление нарушенного порядка, формирование уважения к праву. Если же принуждение применяется для «отработки плана», демонстрации силы или унижения личности – оно нарушает кантовский императив и утрачивает моральное основание. Эта идея находит свое отражение в гуманистической парадигме современного права, прежде всего в ст. 2 Конституции РФ, закрепившей, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства»[1].

Административное принуждение легитимно только тогда, когда оно служит человеку, а не бюрократической машине. Его оправданность не в формальном соблюдении инструкций или «выполнении плана», а в том, насколько оно способствует защите прав, свобод и достоинства личности как высшей ценности в правовом государстве.

Хотя принцип гуманизма прямо не закреплен в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), его элементы проявляются в ряде ключевых норм, выражающих уважение к личности даже в условиях принудительного воздействия:

– запрете применения мер административного наказания и иных мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении, унижающих честь и достоинство личности» (ст. 1.6 КоАП РФ);

– возможности освобождения от административной ответственности за малозначительность правонарушения (ст. 2.9 КоАП РФ), что позволяет избежать формального наказания, когда деяние не представляет общественной опасности;

– ограничении сроков административного задержания (ст. 27.5 КоАП РФ), что предотвращает произвольное лишение свободы;

– гарантии права на защиту (ст. 25.1 КоАП РФ), включая участие защитника, дачу объяснений и ознакомление с материалами дела.

Эти положения не существуют изолированно – они укоренены в конституционных основах российского правопорядка. Статья 21 Конституции РФ прямо провозглашает: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления». Таким образом, хотя термин «гуманизм» в КоАП РФ отсутствует, его содержание реализуется через конституционные гарантии и отдельные нормы кодекса, направленные на уважение личности и соразмерность принуждения. Гуманизм административного принуждения проявляется, в частности, в обязательном информировании гражданина о его правах при административном задержании (ст. 27.3, 28.2 КоАП РФ), в возможности ограничиться предупреждением вместо административного штрафа (ст. 3.4 КоАП РФ) при малозначительных

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

нарушениях, в отказе от формального карательного подхода в пользу воспитательного и профилактического. Именно такой подход, ориентированный на человека, а не на систему, делает административное принуждение не инструментом подавления, а элементом справедливого и доверяющего обществу правопорядка.

Философские идеи о свободе, справедливости и достоинстве находят свое конкретное выражение в принципах административного права, закрепленных в законодательстве. Принцип законности требует, чтобы любая мера правового принуждения, в т. ч. административного принуждения, имела четкое нормативное основание – это юридическое выражение идеи «правления закона», а не «правления людей». Презумпция невиновности отражает уважение к личности и недопустимость обвинения без доказательств: бремя доказывания лежит на органе, применяющем меру. В частности, это требование нашло отражение в ч. 3 ст. 1.5 КоАП РФ, согласно которой «лицо, привлекаемое к административной ответственности, не обязано доказывать свою невиновность, за исключением случаев, предусмотренных примечанием к настоящей статье»[2].

Принцип пропорциональности прямо не назван в КоАП РФ, но он вытекает из ст. 55 Конституции РФ, закрепившей, что «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства»[3]. Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ также придерживаются правовой позиции, согласно которой мера принуждения должна соответствовать тяжести нарушения и преследовать законную цель[4]. Неотвратимость ответственности гарантирует равенство перед законом и справедливость. Эти принципы формируют правовую «оболочку», предотвращающую дрейф административного принуждения в сторону полицейского произвола.

В условиях XXI в. институт административного принуждения сталкивается с новыми вызовами. Цифровизация – автоматические камеры, биометрия, «умные» системы слежения – повышает эффективность, но ставит под угрозу право на приватность и презумпцию невиновности. Чрезвычайные ситуации, будь то пандемии или террористические угрозы, ведут к расширению полномочий органов под предлогом временных мер, которые нередко становятся постоянными, нарушая баланс «безопасность – свобода». Дискреция должностных лиц при отсутствии четких критериев увеличивает риск селективного применения мер, что подрывает доверие к праву. В этих условиях особенно важны судебный контроль, публичная отчетность и развитие административной юстиции как гарантии против злоупотреблений.

Таким образом, административное принуждение – это не просто технический инструмент публичной власти, а сложный философско-правовой институт, выражающий суть правового государства. Его легитимность определяется не возможностью применить силу, а справедливостью, прозрачностью и уважением к человеческому достоинству. Философская традиция – от социального контракта до кантовской этики – утверждает: принуждение оправдано лишь тогда, когда оно служит свободе, а не подавляет ее; когда оно защищает человека, а не унижает его; когда оно направлено на благую жизнь (eudaimonia), а не на поддержание власти ради власти. Как писал Аристотель в книге «Политика», «государство создается не ради того только, чтобы жить, но преимущественно для того, чтобы жить счастливо» [12, с. 460]. Административное принуждение должно быть подчинено этой высшей цели. Только в этом случае оно остается не угрозой свободе, а ее необходимым условием.

Список источников

1. Тартыгашева Г.В. Идеи общественного договора в трудах Томаса Гоббса // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2023. № 4.

References

1. Tartygasheva G.V. Ideas of a social contract in the works of Thomas Hobbes // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Philosophy. Sociology. Art history. 2023. № 4.

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.10.2025). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] О применении судами мер процессуального принуждения при рассмотрении административных дел: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.06.2017 № 21. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Тимонин А.Н. Томас Гоббс о происхождении государства: опыт комплексного анализа комбинированной концепции // Правовое государство: теория и практика. № 1(63).
3. Вражнова А.С., Царев Д.А. Теория общественного договора в «Левиафане» Томаса Гоббса // Время науки. 2016. № 3.
4. Гоббс Т. Левиафан. М., 2001.
5. Локк Дж. Сочинения: в 3 т. Т. 3 / ред. и примеч.: И.С. Нарский, А.Л. Субботин; пер. с англ. А.Н. Савина. М., 1988.
6. Бойко Н.Д. Об общественном договоре Жан-Жака Руссо: краткий анализ // Право и государство: теория и практика. 2023. № 1(217).
7. Васильченко Д.О. Учение Ж.-Ж. Руссо об общественном договоре, о социальном неравенстве и его причинах // Аллея науки. 2019. № 12(39). Т. 3.
8. Вебер М. Избранное. Образ общества: пер. с нем. М., 1994.
9. Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. М., 1990.
10. Плигин В.Н. Легальное господство и вопросы легитимности государства в работах Макса Вебера // Государство и право. 2020. № 7.
11. Кант И. Основоположения метафизики нравов: соч.: в 8 т. Т. 4 / под общ. ред. А.В. Гулыги. М., 1994.
12. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М., 1984.

2. Timonin A.N. Thomas Hobbes on the origin of the state: the experience of a comprehensive analysis of a combined concept // The rule of law: theory and practice. № 1(63).
3. Vrazhnova A.S., Tsarev D.A. The theory of social contract in Thomas Hobbes' Leviathan // Time of Science. 2016. № 3.
4. Hobbes T. Leviathan, Moscow, 2001.
5. Locke J. Essays: in 3 volumes, vol. 3 / ed. and notes: I.S. Narsky, A.L. Subbotin; translated from English by A.N. Savin, Moscow, 1988.
6. Boyko N.D. On the social contract of Jean-Jacques Rousseau: a brief analysis // Law and the State: theory and practice. 2023. № 1(217).
7. Vasilchenko D.O. The teaching of Zh. Rousseau on the social contract, on social inequality and its causes // Alley of Science. 2019. № 12(39). Vol. 3.
8. Weber M. Favorites. The image of society: translated from German Moscow, 1994.
9. Weber M. Selected works: translated from German Moscow, 1990.
10. Pligin V.N. Legal domination and issues of the legitimacy of the state in the works of Max Weber // State and Law. 2020. № 7.
11. Kant I. Fundamentals of the metaphysics of morals: op.: in 8 vols. Vol. 4 / under the general editorship of A.V. Gulyga. Moscow, 1994.
12. Aristotle. Essays: in 4 volumes, vol. 4. Moscow, 1984.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Денисенко Виктор Васильевич, *доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного, административного и гражданского права. Краснодарский университет МВД России. 350005, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.*
ORCID: 0000-0003-4704-0774

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Denisenko Viktor Vasilievich, *Grand PhD in Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional, Administrative and Civil Law. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 128, Yaroslavskaya St., Krasnodar 350005 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 4 (115). – С. 46–50.
Philosophiya prava. 2025. № 4 (115). – Pp. 46–50.

Научная статья
УДК 342.4

ПРОБЛЕМА КОНСТИТУЦИОННОГО СУВЕРЕНИТЕТА В КОНТЕКСТЕ СООТНОШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Джагарян Наталья Владимировна
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, nvdzhagaryan@sfedu.ru

Абдурахманова Ирина Вениаминовна
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Российская Федерация, ira_rd@rambler.ru

Литвинова Юлия Игоревна
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, litvinova.iu@yandex.ru

Введение: *современные правовые и геополитические реалии обусловили концептуальное переосмысление проблемы обеспечения конституционного суверенитета в процессе взаимодействия национального и международного права. Статья посвящена анализу новых тенденций и форм взаимодействия внутригосударственного (в частности, конституционного) и международного права.*

Материалы и методы: *основу статьи составили исследования современных конституционалистов, теоретиков права и международников в области соотношения международного и национального права. В процессе написания статьи авторами использовались методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, системно-структурный, а также сравнительно-правовой метод.*

Результаты исследования: *существует необходимость модернизации конституционного механизма национального и международного права в новых геополитических условиях современности.*

Выводы и заключения: *сформулированы выводы относительно перспективных форм и эффективных моделей взаимодействия национального и международного права в контексте обеспечения конституционного суверенитета. В качестве основных тенденций авторы называют интернационализацию национального права и конституционализацию права международного.*

Ключевые слова: *конституционный суверенитет, глобализация, международное право, конституционализация международного права, модель взаимодействия международного и национального права.*

Для цитирования: Джагарян Н. В., Абдурахманова И. В., Литвинова Ю. И. *Проблема конституционного суверенитета в контексте соотношения национального и международного права / Н. В. Джагарян, И. В. Абдурахманова, Ю. И. Литвинова // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4 (115). – С. 46–50.*

Original paper

THE PROBLEM OF CONSTITUTIONAL SOVEREIGNTY IN THE CONTEXT OF THE RELATIONSHIP BETWEEN NATIONAL AND INTERNATIONAL LAW

Dzhagaryan Natalia Vladimirovna
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abdurakhmanova Irina Veniaminovna
Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russian Federation

Litvinova Yulia Igorevna
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *modern legal and geopolitical realities have led to a conceptual rethinking of the problem of ensuring constitutional sovereignty in the process of interaction between national and international law. The article is devoted to the analysis of new trends and forms of interaction between domestic (in particular, constitutional) and international law.*

Materials and methods: *the article is based on the research of modern constitutionalists, legal theorists and international experts in the field of correlation between international and national*

law. In the process of writing the article, the authors used the methods of analysis and synthesis, induction and deduction, the system-structural, as well as the comparative legal method.

Results of the study: *there is a need to modernize existing constitutional and national law in the new geopolitical conditions of our time.*

Findings and conclusions: *conclusions are formulated regarding promising forms and effective models of interaction between national and international law in the context of ensuring constitutional sovereignty. The authors cite the internationalization of national law and the constitutionalization of international law as the main trends.*

Keywords: *constitutional sovereignty, globalization, international law, constitutionalization of international law, model of interaction between international and national law.*

For citation: Dzhagaryan N. V., Abdurakhmanova I. V. Litvinova Ju. I. *The problem of constitutional sovereignty in the context of the relationship between national and international law / N. V. Dzhagaryan, I. V. Abdurakhmanova, Ju. I. Litvinova // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4 (115). – Pp. 46–50.*

Проблема конституционно-правового суверенитета и конституционного механизма его обеспечения в силу ее научно-теоретической и прикладной значимости привлекала внимание исследователей и вызывала полемику среди представителей научной общественности на протяжении многих лет. На современном этапе развития российского конституционализма и формирования принципиально новых международных отношений, пришедших на смену однополярному миру и навязанной глобализации, возникла необходимость в новых формах взаимодействия международного и национального права. Вопросам обеспечения конституционного суверенитета в связи с этим должно уделяться особое внимание, что требует соответствующего концептуального осмысления.

Учитывая не прекращающуюся в научных кругах полемику относительно понятий «внутригосударственное право» и «международное право», а также их соотношения, подчеркнем, что авторы исходили из признания самостоятельности этих правовых систем. Безопасность является фундаментальной ценностью конституционализма, будучи правом гражданина, и ее обеспечение является важнейшим направлением деятельности государства. Отсюда связь конституционного права с вопросами международного права. Последние приобретают статус конституционно-правовой проблемы, поскольку связаны с обеспечением основ конституционного строя и конституционных ценностей. Поэтому данным вопросам в контексте конституционного права придается сегодня столь важное значение.

Сложившаяся после Второй мировой войны система международного публичного права на протяжении нескольких десятилетий обеспечивала относительную геополитическую стабильность и баланс государственного суверенитета субъектов международного права и международного сообщества в целом. Закрепленный в источниках международного права статус международно-правовых норм и особенности их признания государствами обусловил соответствующие модели соотношения международного и национального права. Это обстоятельство объясняет, почему данная проблема вызывала столь повышенный интерес у представителей как международного, так и конституционного права.

Как пишет А.Н. Морозова, «кризисные явления в международных отношениях многократно усиливают значимость общепризнанных принципов и норм международного права в конституционном развитии Российского государства» [1, с. 16]. Установленные после Второй мировой войны международный правопорядок и система коллективной безопасности, основанная на идеологии коллективизма и ценностях коллективной ответственности [2, с. 71–77], сегодня фактически не функционируют, порождая новые глобальные угрозы и вызовы для национальных правовых систем. Приходится констатировать девальвацию международного права как гаранта международной законности и стабильности. Международно-правовая модель однополярного мира нуждается в модернизации с учетом новых тенденций мирового и регионального конституционного развития различных стран. Неэффективность современного международного права таит угрозы конституционному строю государств, их суверенитету, национальной безопасности. В связи с этим возникает необходимость переосмыслить соотношение международного и национального права и конституционный механизм его закрепления.

Практической реализации этой модели должно предшествовать комплексное осмысление и научно-правовое обоснование принципов, целей, организационных форм международного сотрудничества, средств обеспечения экономических и иных интересов суверенных государств и моделей взаимодействия международного и нацио-

нального права. Эффективная модель взаимодействия этих двух правовых систем, закрепленная в международных актах и в конституциях суверенных государств, является средством обеспечения международного правопорядка и реализации международной законности.

О взаимодействии как модели, разновидности соотношения международного и национального права писали в своих трудах многие ученые. Широкое распространение в юриспруденции получила теория интернационализации международного права. Под интернационализацией понималось возрастание в силу объективных экономических и геополитических процессов роли и значения международного права, его регулятивного потенциала. Как пишет А.А. Каширкина, «суть интернационализации заключается в расширении и диверсификации связей между государствами, в том числе за счет реализации принципа сотрудничества государств» [3, с. 35].

Об устойчивой тенденции роста влияния международного права на внутригосударственное свидетельствует анализ взаимодействия международного и внутригосударственного права даже в наиболее консервативных европейских странах. Эту тенденцию можно охарактеризовать как «конституционализацию международного права», когда все больше современных конституций содержат нормы, посвященные взаимодействию международного и внутригосударственного права. Трудно не согласиться с этим тезисом, однако, подчеркнем, что современные конституции по-разному решают вопрос соотношения международного и внутреннего права, закрепляя различные конституционные механизмы их взаимодействия.

Как правило, конституционализация международного права связывается учеными с конституционализацией внешней политики, которая выражается в том, что в конституционном праве современных государств растет количество норм, посвященных принципам, целям, направлениям внешней политики. Эта тенденция не предполагает обязательного внесения поправок в тексты действующих конституций и может ограничиваться уровнем правовых актов меньшей юридической силы, которые, например, затрагивают полномочия органов государственной власти во внешнеполитической сфере.

Как пишет В.С. Хижняк, давая определение конституционализации международного права, «это процесс воздействия норм и принципов конституционного права различных государств на международное право» [4, с. 17]. Однако можно назвать и иную тенденцию – интернационализацию конституционного права, когда нормы международного права все больше проникают в конституционное право. Обе эти тенденции составляют смысл взаимодействия, которое может объективно изменить соотношение национального и международного права. Поскольку конституционное право является базовой отраслью, определяющей принципы правового регулирования во всех отраслях частного и публичного права, закладывает основы правового регулирования, то изучение взаимодействия именно в рамках конституционного права имеет особое значение. Соотношение внутригосударственного права с международным в значительной степени обусловлено тем, как это взаимодействие определяется источниками конституционного права.

Таким образом, возникающие в новых геополитических условиях концепции осмысления конституционного механизма взаимодействия международного и внутригосударственного права должны предполагать не слияние этих двух правовых систем, а поиск и обоснование новых форм взаимодействия и взаимовлияния. Критика концепции мирового государства или мирового права носит аргументированный и обоснованный характер, поскольку опирается на анализ государственно-правовых процессов как на международном уровне, так и на внутригосударственном.

Согласимся с мнением ученых, что при анализе взаимодействия конституционного и международного права на современном этапе следует избегать вульгаризации в понимании сущности процесса глобализации и сведения ее к стандартизации национальных правовых систем по западному образцу. Крах политики мультикультурализма в Западной Европе выявил необходимость сохранения национальной государственно-правовой идентичности, одним из средств обеспечения которой является конституционное закрепление модели взаимодействия международного и внутригосударственного права. Эта модель должна быть нацелена, с одной стороны, на обеспечение конституционного суверенитета, а с другой – на эффективное международное взаимодействие. При этом правовое регулирование международного взаимодействия должно опираться на демократические конституционные принципы.

В условиях краха глобализационной политики (в крайнем ее проявлении) все большее значение для соотношения международного

и национального права приобретают иные факторы. Доминировавшие на протяжении второй половины XX в. модели соотношения национального и международного права были обусловлены сложившимся после Второй мировой войны международным правопорядком в условиях биполярного мира. Ядром механизма обеспечения международной законности и правопорядка являлись международные организации (прежде всего ООН как универсальная международная организация). В данной парадигме сложилась и функционировала достаточно эффективно на протяжении всех послевоенных десятилетий модель соотношения международного и национального права.

Учитывая наблюдавшуюся еще с момента распада Советского Союза и наиболее четко обозначившуюся в последнее десятилетие тенденцию политизации и антироссийскую направленность их деятельности, приходится констатировать утрату этими субъектами международного права значения в том контексте, в котором они изначально создавались. И это вполне логично. Очевидно, что в условиях однополярного мира с точки зрения единственного центра силы в мире нет потребности в подобных механизмах обеспечения законности и в самой законности как таковой.

С одной стороны, потребности международного и национального права совпадают в области защиты прав человека, противодействия международной преступности и международному терроризму, противостояния новым глобальным угрозам и вызовам. С другой стороны, актуализируется проблема защиты своих национальных интересов и государственного суверенитета, противодействия угрозам, обозначенным в доктринальных документах Российской Федерации.

Практическая реализация модернизированной монистической модели наблюдается в доктринальных стратегических документах США, например, в доктрине национальной безопасности, которая, исходя из признания верховенства национальных интересов, допускает применение мер, не основанных на принципах и нормах международного права, включая «превентивные меры» и «упреждающие удары». Односторонний выход США из международных договоров ведет к разрушению системы коллективной безопасности, противоречит Уставу ООН, провоцирует вмешательство во внутренние дела суверенных государств, порождающее гуманитарные катастрофы и грубое массовое нарушение прав человека в этих регионах. К новым геополитическим факторам, которые ведут к пересмотру действовавшей ранее модели соотношения конституционного и международного права, можно отнести так называемые «двойные стандарты» и незаконные с точки зрения санкции как проявление недобросовестной конкуренции и политического давления.

Международное право не является ценностью само по себе. Его значимость следует рассматривать в контексте средства реализации национальных приоритетов, названных в программных документах долгосрочного развития Российской Федерации, прежде всего обеспечения национальной безопасности, защиты прав и свобод человека, обеспечения достойного уровня жизни граждан.

Признание новых реалий и необходимости новых форм взаимодействия международного и национального права требует реакции на уровне конституционного права, что в полной мере отразила конституционная реформа 2020 г. Как пишет А.А. Каширкина, «доктрина современного международного права исходит из множественности, многоуровневости и нелинейности соотношения глобализирующегося международного и национального права» [3, с. 36]. Необходимо закреплять на конституционном уровне новый смысл, сущность, формы, цели взаимодействия международного и внутригосударственного права и формировать соответствующий конституционный механизм реализации этого взаимодействия. Значение конституционного регулирования взаимодействия международного и национального права обусловлено и тем, что новые тенденции государственно-правового, цифрового, социально-экономического развития порождают новые объекты правового регулирования, находящиеся на стыке публично-правовых и частноправовых начал.

Дискуссии о соотношении международного и конституционного права сегодня особо актуальны. Сделать определенные выводы относительно закрепленных на конституционном уровне моделей этого соотношения позволяет анализ конституционных положений различных конституций, а также законодательства зарубежных государств о международных договорах. Распространенной моделью является признание норм международного права, проявляющееся в различных формах. Конституция и иные источники конституционного права должны определить средства и способы имплементации международных обязательств в национальное законодательство с учетом конституционных приоритетов.

Отметим, что в научной литературе, посвященной данной проблеме, для обозначения соотношения международного и национального права нередко применяется термин «влияние». Полагаем, его использование в данном контексте некорректно, поскольку он имеет более политико-философский смысл, чем юридический. А для обозначения правовой связи, возникающей между национальным и международном правом, следует, по нашему мнению, применять термины «соотношение» и «модели соотношения». Кроме того, термин «влияние» подразумевает односторонне направленное воздействие международного права на внутригосударственное, что не отражает объективные сложные процессы и взаимное влияние этих двух систем друг на друга.

Список источников

1. Морозова А.Н. Конституционное отражение общепризнанных принципов и норм международного права // Журнал российского права. 2018. № 7.

2. Войтенко В.П., Соколов В.А., Лубский Р.А. Коллективизм и индивидуализм в России как предмет теоретической рефлексии // Философия права. 2019. № 3(90).

3. Каширкина А.А. Доктринальные подходы к соотношению международно-правовых и национальных норм // Журнал российского права. 2009. № 6.

4. Хижняк В.С. Конституционно-правовой механизм взаимодействия внутригосударственного права Российской Федерации и международного права: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2008.

References

1. Morozova A.N. Constitutional reflection of generally recognized principles and norms of international law // Journal of Russian Law. 2018. № 7.

2. Voitenko V.P., Sokolov V.A., Lubsky R.A. Collectivism and individualism in Russia as a subject of theoretical reflection // Philosophy of Law. 2019. № 3(90).

3. Kashirkina A.A. Doctrinal approaches to the correlation of international law and national norms // Journal of Russian Law. 2009. № 6.

4. Khizhnyak V.S. The constitutional and legal mechanism of interaction between the domestic law of the Russian Federation and international law: abstract of the diss. ... Grand PhD in Law. Saratov, 2008.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Джагарян Наталья Владимировна, *доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционализма. Южный федеральный университет. 344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42.*

Абдурахманова Ирина Вениаминовна, *кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права. Ростовский государственный экономический университет (РИНХ). 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69.*

Литвинова Юлия Игоревна, *кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Dzhagaryan Natalia Vladimirovna, *Grand PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutionalism. Southern Federal University. 105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344006 Russian Federation.*

Abdurakhmanova Irina Veniaminovna, *PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law. Rostov State University of Economics (RINH). 69, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344002 Russian Federation.*

Litvinova Yulia Igorevna, *PhD in Law, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 4 (115). – С. 51–55.
Philosophiya prava. 2025. № 4 (115). – Pp. 51–55.

Научная статья
УДК 342.951

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ РЕЖИМА ВЫСЫЛКИ И ДЕПОРТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА

Карпушкин Артем Вячеславович
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Российская Федерация, artem.karpuschkin@yandex.ru.

Введение: *в статье проводится комплексный анализ современных механизмов принудительного прекращения правовой связи лица с государством в контексте миграционного законодательства Российской Федерации. Исследуется эволюция от института отмены решения о приеме в гражданство к конструкции его прекращения как конституционно-правовой санкции. Особое внимание уделено правовой природе вновь введенного режима высылки, совмещающего характеристики административно-правового и конституционно-правового воздействия.*

Материалы и методы: *в ходе представленного исследования изучены материалы научных статей, официальные статистические данные МВД России, а также мнения представителей научного сообщества. В статье нашли применение научный анализ, моделирование, сравнение и статистический метод.*

Результаты исследования: *доказывается формирование нового вида государственного принуждения в миграционной сфере, выходящего за рамки традиционных видов юридической ответственности.*

Выводы и заключения: *научная новизна исследования заключается в обосновании концепции квазиадминистративных и квазиконституционных мер обеспечения миграционного правопорядка. Практическая значимость работы связана с выявлением системных проблем правового регулирования и необходимостью разработки адекватных процессуальных гарантий при реализации расширенных полномочий МВД России в рассматриваемой сфере.*

Ключевые слова: *режим высылки, прекращение гражданства, реестр контролируемых лиц, конституционно-правовая санкция, административное принуждение, миграционное законодательство, МВД России, квазиадминистративные меры.*

Для цитирования: Карпушкин А. В. *К вопросу о правовом статусе режима высылки и депортации иностранных граждан и лиц без гражданства / А. В. Карпушкин // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4 (115). – С. 51–55.*

Original paper

ON THE LEGAL STATUS OF THE EXPULSION AND DEPORTATION OF FOREIGN CITIZENS AND STATELESS PERSONS

Karpushkin Artem Vyacheslavovich
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Moscow, Russian Federation

Introduction: *the article provides a comprehensive analysis of modern mechanisms for the forced termination of a person's legal relationship with the state in the context of the migration legislation of the Russian Federation. The article examines the evolution from the institution of revocation of the decision on admission to citizenship to the construction of its termination as a constitutional and legal sanction. Special attention is paid to the legal nature of the newly introduced expulsion regime, which combines the characteristics of administrative and constitutional legal impact.*

Materials and methods: *in the course of the presented research, the materials of scientific articles, official statistics of the Ministry of Internal Affairs of Russia, as well as the opinions of representatives of the scientific community were studied. The article uses scientific analysis, modeling, comparison and statistical method.*

Results of the study: *the formation of a new type of state coercion in the migration sphere, which goes beyond the traditional types of legal responsibility, is proved.*

Findings and conclusions: *the scientific novelty of the study is to substantiate the concept of quasi-administrative and quasi-constitutional measures to ensure migration law and order. The practical significance of the work is related to the identification of systemic problems of legal regulation and the need to develop adequate procedural guarantees in the implementation of the expanded powers of the Ministry of Internal Affairs of Russia in this area.*

Keywords: *expulsion regime, termination of citizenship, register of controlled persons, constitutional and legal sanction, administrative coercion, migration legislation, Ministry of Internal Affairs of Russia, quasi-administrative measures.*

For citation: Karpushkin A. V. *On the legal status of the expulsion and deportation of foreign citizens and stateless persons / A. V. Karpushkin // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4 (115). – Pp. 51–55.*

Совершенствование системы федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграционных процессов представляет собой одно из приоритетных направлений современной законотворческой деятельности Российской Федерации, что нашло свое непосредственное отражение в принятии Федерального закона от 8.08.2024 № 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 260)[1]. Данный нормативный акт инкорпорирует в правовое поле ряд концептуальных новелл, нацеленных на системную оптимизацию законодательного регулирования в области контроля (надзора) за пребыванием и проживанием на территории Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства.

Ключевым изменением, вступающим в силу с 5 февраля 2025 г., является введение специального миграционного режима высылки, предусматривающего обязательное включение сведений обо всех подвергнутых его действию иностранных гражданах в реестр контролируемых лиц (далее – РКЛ). Указанный учет сохраняет свою актуальность вплоть до момента фактического выдворения (в форме депортации или административного выдворения), самостоятельного выезда указанных лиц с территории Российской Федерации либо легализации их правового статуса. Содержательная сущность данного правового режима заключается в установлении комплексных ограничений для иностранных граждан, пребывающих на территории России с нарушением установленного порядка, в реализации отдельных прав и свобод, а также в существенной интенсификации применяемых в отношении них мер государственного контроля и надзора.

Отечественное правовое поле предусматривает ряд законодательно закрепленных механизмов, направленных на исключение возможности дальнейшего пребывания на территории страны иностранных граждан и лиц без гражданства, нарушивших установленные требования миграционного законодательства, ключевыми среди которых выступают административное выдворение, депортация и реадмиссия. При этом вводимый режим высылки, исходя из его законодательной дефиниции, не является тождественным ни одному из перечисленных инструментов.

Институт административного выдворения, нормативная конструкция которого закреплена в ст. 3.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), претерпел существенную эволюцию в части субъектного состава уполномоченных органов – изначально относимое к исключительной прерогативе судебной власти как мера административной ответственности, выражающаяся в принудительном и контролируемом перемещении через государственную границу либо в альтернативной форме контролируемого самостоятельного выезда, в настоящее время данное полномочие делегировано законодателем должностным лицам системы МВД России. Подобная модификация административно-юрисдикционного процесса, при сохраняющейся детальной регламентации процедурных аспектов и механизмов судебного контроля, актуализирует дискуссию о соразмерности ограничений конституционных прав иностранных граждан и лиц без гражданства в связи с применением к ним столь существенной санкции во внесудебном порядке.

Генезис же понятийного аппарата в сфере межгосударственного взаимодействия по реадмиссии берет начало с момента ратификации Соглашения о партнерстве и сотруд-

[1] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 08.08.2024 № 260-ФЗ // Российская газета. 2024. 16 августа.

ничестве с Европейскими сообществами в 1996 г.[2]. При этом, следуя доктринальной позиции О.И. Жуковой [1, с. 287–288], следует признать дуалистический характер данного института, выступающего одновременно в качестве инструмента противодействия незаконной миграции и специального механизма защиты уязвимых категорий лиц, имплементация которого обусловлена исключительно наличием международно-правового договора между государством реадмиссии и государством происхождения, постоянного проживания либо первоначального въезда мигранта.

Институт депортации, получающий свою нормативную дефиницию в ст. 2 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 115) в качестве принудительной высылки, инициируемой в связи с утратой или прекращением законных оснований для дальнейшего нахождения на территории страны[3], реализуется в административном порядке на основании положений ст. 31 названного федерального закона и детализированного ведомственного регламента, утвержденного Приказом МВД России от 24.04.2020 № 239[4].

Применение данной меры принуждения связывается с нарушением миграционного законодательства, выразившимся в несоблюдении установленных сроков для добровольного выезда, которые составляют трое суток при сокращении срока пребывания и 15 суток в случае аннулирования разрешения на временное проживание, вида на жительство или иного легитимирующего документа. Принципиальной процессуальной особенностью, закрепленной в законодательстве, является возможность передачи иностранного гражданина, подлежащего депортации, иностранному государству в рамках процедуры реадмиссии, предусмотренной соответствующим международным договором Российской Федерации, что интегрирует данный внутригосударственный институт в систему трансграничного административно-правового сотрудничества.

Тем не менее анализ Приказа МВД России № 239 позволяет констатировать расширительное толкование круга лиц, подлежащих депортации, посредством включения в него на основании п. 2.8 иностранных граждан, в отношении которых применяется режим высылки и которые не исполнили неоднократно (два и более раза) возложенные на них п. 5 ст. 9.1 Федерального закона № 115 обязанности. Таким образом, ведомственное нормотворчество закономерно конкретизирует и развивает основания для применения данной меры в рамках общей государственной миграционной политики.

Спустя значительный период имплементации положений Федерального закона № 260 в правоприменительную практику актуализируется потребность в глубоком научном осмыслении складывающихся административных процедур и окончательном доктринальном определении юридической природы режима высылки, представляющего собой специализированный правовой режим, применяемый на основании федерального законодательства в отношении иностранных граждан, пребывающих на территории Российской Федерации с нарушением установленного порядка[5].

Институционализация данного режима формирует систему расширенных контрольно-надзорных полномочий органов внутренних дел[6] [2, с. 387–391]. Синхронно реализуется второй структурный элемент режима, характеризующийся имплементацией комплексных ограничений конституционных прав и свобод контролируемого лица[7].

В связи с этим первый из обозначенных блоков мер формирует правовые основания для применения к контролируемому лицу

[2] О ратификации Протокола к Соглашению о партнерстве и сотрудничестве, учреждающему партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны, учитывающего присоединение Республики Хорватии к Европейскому союзу: федер. закон от 09.03.2016 № 50-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

[3] О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федер. закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ // Российская газета. 2002. 31 июля.

[4] Об утверждении Порядка депортации иностранных граждан и лиц без гражданства Министерством внутренних дел Российской Федерации и его территориальными органами: приказ МВД России от 24.04.2020 № 239. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

[5] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 08.08.2024 № 260-ФЗ // Российская газета. 2024. 16 августа.

[6] Контрольно-надзорные полномочия заключаются в комплексе мер от включения лица в реестр контролируемых лиц и установления его личности посредством обязательной государственной дактилоскопической регистрации и фотографирования до оперативно-розыскных мероприятий по установлению места нахождения, процедур доставления, задержания и помещения в специальные учреждения, верификации документов, согласования миграционного маршрута до пункта пропуска через Государственную границу Российской Федерации и др.

[7] Комплекс мер включает в себя запреты на осуществление предпринимательской деятельности посредством государственной регистрации в качестве юридического лица или индивидуального предпринимателя, совершение гражданско-правовых сделок по приобретению недвижимого имущества и транспортных средств с последующей государственной регистрацией прав, реализацию права на управление транспортными средствами и получение водительского удостоверения, вступление в брак и др.

мер административного принуждения, в то время как ограничительные меры по своей правовой природе сводятся к лишению его возможности реализации целого ряда гражданских и конституционных прав, что закономерно порождает дискуссионный вопрос о корректности квалификации всей совокупности указанных мер в качестве мер административного принуждения в его классическом понимании.

Нормативная конструкция включения физического лица в реестр контролируемых лиц с порождаемым ею комплексом правоограничений обнаруживает свою правоприменительную природу в контексте противоправного нахождения такого лица на территории Российской Федерации, выражающегося в нарушении императивных предписаний миграционного законодательства. В свою очередь, традиционные меры административного принуждения функционально ориентированы на реализацию полицейской деятельности в ее классическом понимании, включающей превенцию и пресечение административных деликтов, процессуальное обеспечение производства по делам об административных правонарушениях, восстановление нарушенного правового состояния и применение санкций к правонарушителям.

Буквальное толкование действующего закона позволяет выделить две альтернативные цели включения в РКЛ: либо последующее узаконивание пребывания лица на территории России, либо обеспечение его безусловного удаления из страны в случае нежелания соблюдать законодательство[8]. В первом случае применение ограничительных мер может быть обосновано их превентивной функцией в отношении совершения правонарушений, предусмотренных гл. 18 КоАП РФ, лицом, уже пребывающим на территории Российской Федерации с нарушением требований миграционного законодательства. Однако вторая цель, носящая исключительно обеспечительный характер, не позволяет в полной мере отождествить весь комплекс применяемых ограничений с классическими мерами административного принуждения, что дает основания для их характеристики в качестве мер квазиадминистративного принуждения.

Дополнительным аспектом, проясняющим правовую природу данных мер, является институциональное разграничение компетенции: решения о депортации и применении режима высылки, а также о помещении в центры временного содержания иностранных граждан на срок до 48 часов, отнесены к полномочиям структурных подразделений МВД России в сфере гражданства и регистрации иностранных граждан различных уровней, в то время как помещение в специальные учреждения лиц, подлежащих административному выдворению, регламентировано ст. 27.19 КоАП РФ в рамках мер обеспечения производства, что подчеркивает процедурное различие между депортацией и административным выдворением.

Законодательная техника, использованная в п. 5 ст. 9.1 Федерального закона № 115, где основания для депортации сформулированы по аналогии с составом противоправного деяния, сближает ее с преюдициальными составами преступлений, однако назначение административных наказаний остается прерогативой сотрудников полиции в установленных законом пределах (предупреждение и административный штраф), а уголовных – исключительно суда.

Коротко следует упомянуть и вопросы прекращения гражданства Российской Федерации. Так, сравнительный анализ Федерального закона от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»[9] с утратившим силу Федеральным законом от 31.05.2002 № 62-ФЗ[10] с тождественным названием обуславливает констатацию эволюции законодательного подхода: в предыдущей редакции нормативного акта был предусмотрен механизм отмены решения о приеме в гражданство, сопровождавшийся детализированным механизмом правового регулирования последствий такой отмены.

В действующей редакции Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» законодатель осуществил принципиальный переход от института отмены решения о приеме в гражданство к конструкции его прекращения, что детерминировало системную ревизию оснований и правовых последствий данной процедуры. Принятие решения о принудительном прекращении гражданства, отнесенного к компетенции федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориальных органов, а также федерального органа исполнительной власти в сфере международных отношений, дипломатических представительств или консульских учреждений, по своей правовой природе представляет собой конституционно-правовую санкцию в отношении лица, дискредитировавшего себя нарушением законодательства Российской Федерации, и влечет за собой ретроспективное аннулирование всех правоотношений между государством и таким лицом, возник-

[8] Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в целях повышения эффективности федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции)». URL: https://sozd.duma.gov.ru (дата обращения: 27.04.2024).

[9] О гражданстве Российской Федерации: федер. закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

[10] О гражданстве Российской Федерации: федер. закон 31.05.2002 № 62-ФЗ // Российская газета. 2002. 5 июня.

ших с момента приобретения гражданства Российской Федерации.

Таким образом, формирование многообразия законодательно закрепленных механизмов безусловного удаления с территории Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства, включая качественно новый режим высылки, направленный на радикальное усиление государственного контроля (надзора) в миграционной сфере, свидетельствует о создании фундаментального правового института, реализация которого порождает значительные юридические последствия, не укладывающиеся в рамки традиционных видов юридической ответственности.

Настоящий этап законотворческой деятельности позволяет констатировать, что отечественный законодатель находится у истоков формирования принципиально нового вида правового воздействия. Наделение МВД России полномочиями по принятию решений о прекращении гражданства наряду с депортацией в совокупности с административно-правовыми мерами принуждения позволяет говорить о генезисе особого, конституционно-правового вида ответственности, где режим высылки, реализуемый исключительно органами внутренних дел Российской Федерации, выступает в качестве комплексного инструмента, сочетающего в себе характеристики как квазиадминистративных, так и квазиконституционных мер обеспечения правопорядка в сфере миграции.

Проведенное исследование позволяет подчеркнуть формирование в российском законодательстве комплексного и многоуровневого института принудительного прекращения правовой связи между государством и лицом, нарушающим установленный правопорядок. Данный институт, объединяющий такие меры, как принудительное прекращение гражданства, депортация и режим высылки, демонстрирует последовательную эволюцию от разрозненных мер воздействия к системе взаимосвязанных инструментов публично-правового принуждения. Качественным отличием современного этапа является появление мер, не укладывающихся в классическую типологию юридической ответственности, что наиболее рельефно проявляется в правовой природе режима высылки, сочетающего черты административного контроля и конституционно-правовых ограничений. Сосредоточение в органах внутренних дел полномочий по применению столь разнородных, но взаимодополняющих мер – от включения в реестр контролируемых лиц до прекращения гражданства – свидетельствует о становлении нового, интегративного вида государственного принуждения в миграционной сфере. Однако столь значительное расширение властных полномочий требует адекватных процессуальных гарантий и четких критериев соразмерности, что обусловливает необходимость дальнейшего доктринального осмысления и законодательного совершенствования данного института в целях обеспечения баланса между интересами государственной безопасности и защитой хоть и дискредитировавших себя иностранных граждан и лиц без гражданства, но не лишенных фундаментальных прав человека.

Список источников

1. Жукова О.И. Понятие и виды реадмиссии // Закон и право. 2025. № 2.

2. Синяжников Д.А. Меры административного пресечения, применяемые полицией в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, совершающих административные правонарушения // Актуальные проблемы правовых, экономических и гуманитарных наук: сб. статей научно-представительских мероприятий. М., 2025.

References

1. Zhukova O.I. The concept and types of readmission // Law and Law. 2025. № 2.

2. Sinyazhnikov D.A. Administrative preventive measures applied by the police against foreign citizens and stateless persons who commit administrative offenses // Actual problems of legal, economic and humanitarian sciences: collection of articles of scientific and representative events. Moscow, 2025.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карпушкин Артем Вячеславович, *кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел. Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя. 117997, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Karpushkin Artem Vyacheslavovich, *PhD in Law, Senior Lecturer in the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies. Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot. 12, Akademika Volgina St., Moscow 117997 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 4 (115). – С. 56–61.
Philosophiya prava. 2025. № 4 (115). – Pp. 56–61.

Научная статья
УДК 343.85

ЛЕЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ ПРОФИЛАКТОРИИ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НАРКОМАНОВ, СКЛОННЫХ К ПРАВОНАРУШЕНИЯМ: ВОЗМОЖНОСТЬ ИХ ВОССТАНОВЛЕНИЯ

Кашуба Юрий Анатольевич
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
koshianatol@yandex.ru

Введение: *вопрос о принудительном лечении лиц, страдающих наркоманией и алкоголизмом, особенно среди несовершеннолетних, на протяжении десятилетий оставался одной из наиболее острых проблем наркологической практики. Изучение опыта советских лечебно-трудовых и лечебно-воспитательных профилакториев важно для понимания эффективности таких методов лечения и воспитания несовершеннолетних наркозависимых, а также профилактики подростковой преступности.*

Материалы и методы: *для написания работы использовался историко-правовой опыт и архив автора.*

Результаты исследования: *деятельность правоохранительных органов по противодействию наркомании среди несовершеннолетних требует глубокого понимания специфики этих процессов и владения современными методиками их раннего выявления. В советский период законодательство СССР предусматривало применение медико-правовых мер, включая принудительное лечение несовершеннолетних в лечебно-трудовых и лечебно-воспитательных профилакториях (ЛТП и ЛВП). В 1990 г. принудительное лечение было признано незаконным, а в 1994 г. система ЛТП упразднена. В последнее время представители правоохранительных органов выступают с инициативами по созданию специализированных учреждений, в которых лица, страдающие наркотической зависимостью, будут проходить обязательное лечение. Данная позиция обусловлена необходимостью комплексного подхода к решению проблемы наркомании среди несовершеннолетних, с учетом особенностей их психофизиологического развития и социальной адаптации.*

Выводы и заключения: *в работе проанализирован опыт создания лечебно-трудовых профилакториев для содержания и лечения наркозависимых, в том числе несовершеннолетних, на основе законодательства советского периода. С 1989 по 1991 г. в СССР были организованы два таких ЛВП, однако подробно изучить результаты работы этих учреждений по содержанию и лечению несовершеннолетних наркозависимых не представилось возможным из-за последующего распада СССР. Таким образом, эксперимент по направлению несовершеннолетних в ЛВП остался незавершенным. Вопрос об эффективности деятельности лечебно-трудовых профилакториев, лечебно-воспитательных профилакториев, а также в целом принудительного лечения наркомании и алкоголизма (особенно среди несовершеннолетних) до сих пор остается открытым и вызывает дискуссии среди специалистов-наркологов.*

Ключевые слова: *несовершеннолетние наркозависимые, принудительное лечение, лечебно-трудовые профилактории, лечебно-воспитательные профилактории.*

Для цитирования: Кашуба Ю. А. *Лечебно-воспитательные профилактории для несовершеннолетних наркоманов, склонных к правонарушениям: возможность их восстановления / Ю. А. Кашуба // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4 (115). – С. 56–61.*

Original paper

THERAPEUTIC-EDUCATIONAL PROPHYLACTIC INSTITUTIONS FOR JUVENILE DRUG ADDICTS PRONE TO OFFENDING: THE POSSIBILITY OF THEIR RESTORATION

Kashuba Yuri Anatolyevich
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *the issue of compulsory treatment for drug and alcohol addiction, particularly among minors, has remained one of the most pressing issues in drug treatment practice for decades. Studying the experience of Soviet therapeutic-labor and therapeutic-educational preventoriums is important for understanding the effectiveness of such treatment and education methods for juvenile drug addicts, as well as for preventing juvenile delinquency.*

Materials and methods: *this paper draws on the author's historical and legal experience and archive.*

Results of the study: *law enforcement efforts to combat drug addiction among minors require a thorough understanding of the specifics of these processes and mastery of modern methods for their early detection. During the Soviet period, USSR legislation provided for the use of medical and legal measures, including compulsory treatment of minors in therapeutic-labor and therapeutic-educational preventoriums (LTP and LVP). In 1990, compulsory treatment was declared illegal, and in 1994, the LTP system was abolished. Recently, law enforcement officials have proposed creating specialized facilities where individuals suffering from drug addiction would undergo mandatory treatment. This position stems from the need for a comprehensive approach to addressing the problem of drug addiction among minors, taking into account the characteristics of their psychophysiological development and social adaptation.*

Findings and conclusions: *this paper analyzes the experience of creating therapeutic and labor centers for the care and treatment of drug addicts, including minors, based on Soviet-era legislation. From 1989 to 1991, two such LTPs were established in the USSR. However, a detailed study of the results of these facilities for the care and treatment of juvenile drug addicts was not possible due to the subsequent collapse of the USSR. Therefore, the experiment of sending minors to LTPs remained unfinished. The effectiveness of therapeutic and labor rehabilitation centers, therapeutic and educational rehabilitation centers, and compulsory treatment for drug and alcohol addiction in general (especially among minors) remains an open question and a source of debate among addiction specialists.*

Keywords: *juvenile drug addicts, compulsory treatment, therapeutic and labor rehabilitation centers, therapeutic and educational rehabilitation centers.*

For citation: Kashuba Yu. A. *Therapeutic-educational prophylactic institutions for juvenile drug addicts prone to offending: the possibility of their restoration / Yu. A. Kashuba // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4 (115). – Pp. 56–61.*

Деятельность правоохранительных органов по борьбе с наркоманией несовершеннолетних всегда требовала и требует глубокого знания особенностей этих негативных процессов, механизма возникновения и развития, методики раннего их установления для принятия мер по блокированию данных явлений.

Ранее действовавшее законодательство СССР охватывало почти все известные формы наркотизма. Для устранения данных правонарушений в нем предусматривались в том числе меры медицинско-правового характера. В соответствии со ст. 59[1] Законодательства о здравоохранении РСФСР к таким мерам относилось направление лиц, в том числе несовершеннолетних, злостно уклоняющихся от обязательного лечения от наркомании, на принудительное лечение в лечебно-трудовые профилактории (далее – ЛТП)[1].

Рост преступности среди несовершеннолетних, страдающих наркозависимостью, в 1980-х гг. побудил законодателя принять дополнительные правовые меры, направленные на предупреждение преступлений и иных антиобщественных проявлений. В частности, была предпринята попытка введения принудительного лечения таких несовершеннолетних. Согласно Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 06.08.1986, несовершеннолетние, достигшие 16-летнего возраста и больные наркоманией, подлежали направлению в лечебно-воспитательные профилактории (далее – ЛВП) для принудительного лечения на срок от шести месяцев до двух лет[2]. Данная мера рассматривалась как своеобразный правовой эксперимент, ориентированный на несовершеннолетних, страдающих наркотической зависимостью и склонных к противоправному поведению.

Законодательство предусматривало ряд специальных ограничений, регулирующих порядок направления таких подростков в ЛВП. В частности, туда не могли быть помещены лица младше 16 лет, нетрудоспособные или страдающие заболеваниями, препятствующими принудительному лечению, а также осужденные условно или к лишению свободы с отсрочкой исполнения приговора на время испытательного срока либо отсрочки. Кроме того, исключались те, в отношении кого продолжается расследование или проверка по уголовным делам согласно ст. 109 УПК РСФСР и аналогичным статьям других союзных республик до вынесения окончательного решения. Основанием для помещения являлось постановление районного (городского) народного суда, подлежащее исполнению в течение десяти дней.

Во исполнение Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 06.08.1986 был издан приказ МВД СССР от 17.12.1986 № 247 «О мерах по усилению борьбы с наркоманией среди несовершеннолетних». Данный

[1] Первый ЛТП на территории СССР появился в 1964 г. в Казахстане. Затем подобные учреждения стали создавать в РСФСР и других республиках. 25 августа 1972 г. Президиум Верховного Совета РСФСР принял указ о создании ЛТП для наркоманов, в том числе несовершеннолетних.

[2] О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты РСФСР и утверждении Положения о лечебно-воспитательном профилактории для больных наркоманией: указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 06.08.1986 № 3785-XI (с изменениями на 30.12.2001). Утратил силу с 01.01.2012 на основании Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «Гарант». (Настоящий Указ вводился в действие с 1 января 1987 г. Не подлежал опубликованию. – Прим. авт.)

приказ и специальная Инструкция регламентировали порядок содержания несовершеннолетних, больных наркоманией, включая проведение медицинских процедур, организацию самостоятельного лечения, воспитательную работу, а также общеобразовательную и профессиональную подготовку[3].

Правила внутреннего распорядка в ЛВП утверждались по согласованию с органами здравоохранения и образования[4]. Совместное содержание в одном учреждении больных наркоманией мужского и женского пола не допускалось. Лицам, находящимся в профилактории, запрещалось иметь при себе личные документы, деньги, а также иные предметы, не разрешенные к хранению[5]. Для них предусматривалось ношение одежды установленного образца. В необходимых случаях несовершеннолетние наркоманы подвергались личному досмотру.

Вопрос о продлении пребывания совершеннолетних в ЛВП решался на основании мотивированного постановления руководителя учреждения, согласованного с комиссией по делам несовершеннолетних и утвержденного прокурором. В случае необходимости перевода совершеннолетнего пациента, страдающего наркотической зависимостью, из лечебно-воспитательного в лечебно-трудовой профилакторий данный вопрос рассматривался народным судом по представлению администрации ЛВП, согласованному с комиссией по делам несовершеннолетних.

Анализируя положения указанного приказа, действовавшего в прошлом, можно отметить, что он предусматривал комплекс мер, направленных на повышение эффективности борьбы с наркоманией среди несовершеннолетних. Данный документ возлагал на профильных сотрудников органов внутренних дел обязанность не только регулярно изучать нормативные акты, регулирующие соответствующую сферу, но и обеспечивать строгий контроль за соблюдением принципов социалистической законности при подготовке ходатайств в народные суды о направлении несовершеннолетних, страдающих наркотической зависимостью, в лечебно-воспитательные профилактории. Главному управлению уголовного розыска МВД СССР поручалось оказывать практическую поддержку территориальным органам внутренних дел в совершенствовании профилактических и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на предупреждение наркомании среди подростков, а также регулярно заслушивать отчеты руководителей подразделений уголовного розыска в регионах с наиболее сложной оперативной обстановкой по вопросам направления несовершеннолетних на принудительное лечение.

В приказе особое внимание уделялось научному сопровождению профилактической работы. Всесоюзному научно-исследовательскому институту МВД СССР было поручено провести комплексные исследования по вопросам противодействия наркомании среди несовершеннолетних. На основании собранных данных институту поручалось разработать научно-методические рекомендации для городских и региональных органов внутренних дел. Эти рекомендации должны были включать вопросы выявления подростков, употребляющих наркотические вещества, организации профилактических мероприятий, а также порядок направления таких лиц в лечебно-воспитательные профилактории.

Медицинское управление и Главное управление исправительно-трудовых учреждений (ГУИТУ) должны были до 1 января 1987 г. представить в Министерство здравоохранения СССР предложения по формированию перечня медицинских противопоказаний для направления несовершеннолетних в профилактории, а также по порядку их лечения в специализированных учреждениях. Кроме того, приказ обязывал Главный информационный центр, Главное управление уголовного розыска и ГУИТУ МВД СССР в первом квартале 1988 г. обобщить результаты временной отчетности и направить в Центральное статистическое управление СССР предложения по утверждению форм статистической отчетности о деятельности органов внутренних дел, связанных с исполнением законодательства о принудительном лечении и перевоспитании несовершеннолетних, страдающих наркоманией. На ГУИТУ также возлагалась ответственность за контроль соблюдения установленных правил и условий содержания в профилакториях, а также за подбор кадров и создание необходимых жилищно-бытовых условий для сотрудников.

Наконец, начиная с 1987 г. кадровое управление, управление учебной и научно-исследовательской работы и ГУИТУ МВД СССР должны были организовать подготовку и переподготовку специалистов для ЛВП на базе специализированных высших и средних учебных заведений МВД СССР, а также учебных центров МВД союзных и автономных республик и региональных органов внутренних дел.

В СССР предполагалось создание и функционирование с 1989 г. всего двух ЛВП: в Одесской области УССР и г. Сегеже Карельской АССР. Автор обнаружил документ, относящийся к работе Минздрава РСФСР. В документе отмечается, что Министерство здравоохранения РСФСР провело анализ состояния медицинской помощи лицам с нарко-

[3] Объявлена Приказом МВД СССР от 17.12.1986 № 247.
[4] Аналогичные правилам внутреннего распорядка воспитательно-трудовых колоний. – Прим. авт.
[5] Хранение документов и денег осуществлялось администрацией ЛВП.

логическими и токсикологическими проблемами в связи с исполнением Постановления Совета Министров РСФСР от 22.07.1987 № 305 «О неудовлетворительном выполнении решений партии и правительства об усилении борьбы с наркоманией», а также на основании решения коллегии Министерства здравоохранения СССР от 13.10.1987 (протокол № 25-3) «О ходе борьбы с наркоманией и токсикоманией в РСФСР, Киргизской ССР и Таджикской ССР».

В частности, указывался следующий негативный факт: по вине министра здравоохранения Карельской АССР т. Исполатова Д.Ф. в течение года не был укомплектован штат наркологов для первого в стране лечебно-воспитательного профилактория в г. Сегеже, что привело к срыву его работы. Кроме того, уровень профессиональной подготовки наркологов существенно отставал от современных требований, а на руководящие должности в наркологической службе нередко назначались лица, не имеющие необходимой специальной подготовки[6]. К сожалению, изучить подробнее результаты работы этих профилакториев по содержанию и лечению несовершеннолетних наркоманов, склонных к совершению преступлений, не удалось в связи с распадом СССР.

В 1990 г. Комитет конституционного надзора СССР – предшественник современного Конституционного суда России – признал нормативные акты, регулирующие принудительное лечение, незаконными. В результате 28 февраля 1991 г. Верховный Совет РСФСР постановил освободить из ЛВП граждан, которые были помещены туда исключительно за уклонение от добровольного лечения или за продолжение употребления наркотиков после курса терапии. Окончательная ликвидация системы принудительного лечения в лечебно-трудовых профилакториях состоялась в 1994 г.

В постсоветский период предпринимались попытки возродить практику принудительного лечения несовершеннолетних, страдающих наркотической зависимостью. Так, в 1998 г. было введено положение, согласно которому несовершеннолетним наркозависимым в возрасте до 16 лет наркологическая помощь могла предоставляться без их согласия – по инициативе или с согласия родителей либо законных представителей, за исключением случаев, прямо предусмотренных законодательством Российской Федерации[7].

В январе 1998 г. в Государственную думу был внесен законопроект, предусматривающий принудительную реабилитацию несовершеннолетних, страдающих зависимостью, в лечебно-трудовых профилакториях с целью предотвращения распространения алкоголизма и наркомании среди этой категории населения. Инициаторами выступили депутаты Астраханской областной думы, подготовившие ряд поправок к Федеральному закону «О наркотических и психотропных веществах». Предлагалось, чтобы подростки в возрасте от 16 до 18 лет, страдающие алкогольной или наркотической зависимостью, подвергались принудительному лечению без решения суда. Особая актуальность этих поправок была обусловлена высокой распространенностью наркомании и алкоголизма в регионе, что во многом связано с его географическим положением вблизи Средней Азии, являющейся одним из основных путей транзита наркотических веществ.

В качестве основания для принудительного лечения предусматривалось систематическое нарушение общественного порядка несовершеннолетними. Реабилитация должна была проходить в лечебно-трудовых профилакториях, где лечение сочеталось бы с трудовой дисциплиной и медицинскими процедурами.

Однако правозащитники указывали, что любое ограничение свободы и принуждение к лечению без судебного решения нарушает основные права человека. Член Комитета Госдумы по охране здоровья О. Куликов отмечал, что депутаты не намерены торопиться с принятием решения и планируют тщательно взвесить все «за» и «против» предлагаемых поправок[8].

В декабре 2012 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин давал поручение Госнаркоконтролю и Минздраву России разработать программу реабилитации наркоманов и представить соответствующие предложения по развитию антинаркотического законодательства. В новом законопроекте предусматривалось, что основанием для назначения принудительного лечения станет наличие двух и более административных правонарушений в течение года, а также соответствующее решение суда. При этом согласие самих наркозависимых или их родственников не требуется. В качестве одной из мер по борьбе с наркоманией руководство наркополиции предлагало восстановить советскую систему ЛТП[9].

Международный опыт свидетельствует о том, что практика принудительного лече-

[6] О ходе выполнения Постановления Совета Министров РСФСР от 22.07.1987 № 305, Решения Коллегии Минздрава СССР от 13.10.1987 (Протокол № 25-3) и мерах по дальнейшему совершенствованию наркологической помощи больным наркоманиями и токсикоманиями в РСФСР: приказ Минздрава РСФСР от 30.06.1988 № 194. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

[7] П. 2 ст. 54 Федерального закона от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (в ред. Федерального закона от 01.12.2004 № 146-ФЗ). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

[8] Указанный законопроект не был принят. – Прим. авт.

[9] Российских наркоманов хотят лечить по-советски – трудом. URL: https://www.m24.ru/articles/narkomaniya/29112012/9664 (дата обращения: 19.05.2025).

ния наркозависимых сохраняется во многих странах СНГ. В частности, в Азербайджане, Таджикистане, Армении, Казахстане, Киргизии и Беларуси продолжают действовать лечебно-трудовые профилактории. В такие учреждения лица с наркотической зависимостью могут быть направлены по решению суда на срок до одного года [1]. Данная практика направлена на обеспечение социальной реабилитации и снижение уровня преступности, связанной с употреблением наркотиков. Кроме того, деятельность ЛТП регулируется специальными нормативными актами, которые устанавливают порядок направления, условия содержания и перечень медицинских и реабилитационных мероприятий, проводимых с наркозависимыми.

Анализ правоприменительной практики сопредельных государств свидетельствует о том, что в ряде случаев эффективная реализация антинаркотической политики невозможна без применения принудительных медицинских мер в отношении лиц, страдающих наркотической зависимостью. Это особенно актуально при наличии общественно опасного поведения, требующего временной изоляции в целях обеспечения общественной безопасности. Указанная позиция подтверждается результатами научных исследований и поддерживается представителями правоохранительных органов, в том числе специалистами и руководителями, осуществляющими деятельность по противодействию незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ.

Согласно результатам социологического исследования среди 102 сотрудников 20 территориальных подразделений МВД России, 85,3 % респондентов выступили за создание специализированных медицинских организаций, уполномоченных проводить обязательную диагностику и при необходимости осуществлять принудительное лечение лиц с установленной наркотической зависимостью [4, с. 68]. Профессор О.А. Дизер отмечал, что в настоящее время определен перечень медицинских мер административно-правовой защиты общественной нравственности, однако остаются нерешенными вопросы, связанные с процедурой применения принудительных мер медицинского характера [3, с. 164].

В условиях современных социально-правовых вызовов и с учетом накопленного практического опыта возрождение системы лечебно-трудовых профилакториев в России может рассматриваться как эффективный правовой механизм для применения принудительных медицинских мер в отношении лиц, страдающих наркозависимостью. Такой подход может быть применим и к гражданам, в отношении которых имеются достаточные юридические основания предполагать употребление ими наркотических средств, психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных соединений, если их поведение представляет угрозу общественной безопасности. Как подчеркивал профессор Д.Н. Бахрах, «при наличии заболеваний, представляющих угрозу для окружающих, человек не только имеет право, но и обязан проходить лечение» [2, с. 457]. Поэтому П.Е. Шишкину представляется, что создание подобных «специализированных учреждений будет завершающим элементом системы применяемых полицией административно-правовых средств побуждения лиц, совершивших административные правонарушения, к лечению от наркомании, медицинской и (или) социальной реабилитации» [4, с. 69].

В то же время, обсуждая принудительное лечение лиц, совершивших административные правонарушения, автор не рассматривает специфику применения подобных мер в отношении несовершеннолетних наркозависимых, склонных к противоправным действиям. Между тем этот аспект имеет особое значение: эксперимент по направлению таких подростков в лечебно-воспитательные профилактории, проведенный в СССР в 1989–1991 гг., остался неисследованным и не получил логического завершения.

Эффективность работы лечебно-трудовых и лечебно-воспитательных профилакториев, а также принудительного лечения наркомании и алкоголизма среди несовершеннолетних, продолжает вызывать споры и остается предметом профессиональных дискуссий в среде специалистов-наркологов.

Список источников

1. Административно-правовые средства побуждения больных наркоманией, совершивших административные правонарушения, к лечению от наркомании, а также к медицинской и социальной реабилитации (по законодательству государств – участников Содружества Независимых Государств): аналитический обзор / науч. рук. А.В. Жильцов. Красноярск, 2018.

References

1. Administrative and legal means of encouraging drug addicts who have committed administrative offenses to undergo treatment for drug addiction, as well as to undergo medical and social rehabilitation (under the legislation of the member states of the Commonwealth of Independent States): an analytical review / research director A.V. Zhiltsov. Krasnoyarsk, 2018.

2. Бахрах Д.Н. Административное право России: учебник. М., 2002.
3. Дизер О.А. Административно-правовая защита общественной нравственности: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2019.
4. Шишкин П.Е. О целесообразности восстановления системы лечебно-трудовых профилакториев в Российской Федерации в рамках совершенствования системы административно-правовых средств побуждения лиц, совершивших административные правонарушения, к лечению от наркомании, медицинской и (или) социальной реабилитации // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2021. № 4.

2. Bakhrakh D.N. Administrative Law of Russia: textbook. Moscow, 2002.
3. Dizer O.A. Administrative and legal protection of public morality: diss. ... Grand PhD in Law. Omsk, 2019.
4. Shishkin P.E. On the feasibility of restoring the system of medical-labor dispensaries in the Russian Federation as part of improving the system of administrative and legal means for encouraging persons who have committed administrative offenses to undergo treatment for drug addiction, medical and (or) social rehabilitation // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 4.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кашуба Юрий Анатольевич, *доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kashuba Yuri Anatolyevich, *Grand PhD in Law, Professor, Professor of the Department of Criminalistics and Operational Investigative Activities. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 4 (115). – С. 62–66.
Philosophiya prava. 2025. № 4 (115). – Pp. 62–66.

Научная статья
УДК 351.81

К ВОПРОСУ О МИНИМИЗАЦИИ ВЛИЯНИЯ НА БЕЗОПАСНОСТЬ ФАКТОРОВ, СВЯЗАННЫХ С ОТВЛЕЧЕНИЕМ ВНИМАНИЯ УЧАСТНИКОВ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Миллерова Елена Александровна
Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, millerovyevea@yandex.ru

Сорокун Николай Сергеевич
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, nik-sorokun@yandex.ru

Овсепян Геворг Мартинович
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, Симферополь, Российская Федерация, qevorq.ovsepyan.90@list.ru

Введение: *отвлечение внимания участников дорожного движения во всем мире признано серьезной проблемой на пути к достижению более безопасной дорожной среды. С повышением мобильности населения и распространением средств индивидуальной мобильности, а также велосипедов в качестве средств доставки курьерами проблема обеспечения безопасности дорожного движения становится все более актуальной и требует изучения факторов, способствующих выполнению второстепенных задач и способах взаимодействия участников дорожного движения с технологиями, частоте взаимодействия и контексте, в котором это происходит. Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе обеспечения безопасности движения при использовании альтернативных видов транспорта.*

Материалы и методы: *методологическую основу проведенного исследования составили общенаучные и специальные методы: диалектический метод познания, а также логико-правовой, сравнительно-правовой, системно-структурный, социологический и статистические методы.*

Результаты исследования: *рассмотрен круг вопросов, связанных с переключением внимания от действий, критически важных для безопасного вождения, на конкурирующий вид деятельности при использовании средств индивидуальной мобильности и велосипедов в различных целях.*

Выводы и заключения: *в заключении обосновывается необходимость корректировки ст. 12.36.1 и 11.23 КоАП РФ и ряда норм административного законодательства.*

Ключевые слова: *безопасность дорожного движения, правила дорожного движения, аварийность, велосипед, средство индивидуальной мобильности, курьерская доставка, отвлечение внимания, выполнение второстепенных задач.*

Для цитирования: Миллерова Е. А., Сорокун Н. С., Овсепян Г. М. *К вопросу о минимизации влияния на безопасность факторов, связанных с отвлечением внимания участников дорожного движения / Е. А. Миллерова, Н. С. Сорокун, Г. М. Овсепян // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4 (115). – С. 62–66.*

Original paper

ON THE ISSUE OF MINIMIZING THE IMPACT OF DISTRACTING FACTORS ON ROAD SAFETY

Millerova Elena Alexandrovna
Rostov State University of Railway Transport, Rostov-on-Don, Russian Federation

Sorokun Nikolay Sergeevich
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Ovsepyan Gevorg Martinovich
Crimean branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Simferopol, Russian Federation

Introduction: *road user distraction is recognized worldwide as a serious challenge to achieving safer road environments. With increasing population mobility and the widespread use of personal mobility devices, including bicycles as delivery couriers, road safety is becoming increasingly important and requires studying the factors that facilitate secondary task performance and the ways in which road users interact*

with technology, the frequency of interaction, and the context in which this occurs. This study focuses on the social relations that develop during the process of ensuring road safety when using alternative modes of transport.

Materials and methods: *the methodological basis of this study was formed by general scientific and specialized methods: the dialectical method of cognition, as well as logical-legal, comparative-legal, system-structural, sociological, and statistical methods.*

Results of the study: *the study examined a range of issues related to the shift in attention from actions critical to safe driving to competing activities when using personal mobility devices and bicycles for various purposes.*

Findings and conclusions: *the conclusion substantiates the need to amend Articles 12.36.1 and 11.23 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and a number of administrative legislation provisions.*

Keywords: *road safety, traffic regulations, accident rate, bicycle, personal mobility device, courier delivery, distraction, performance of secondary tasks.*

For citation: Millerova E. A., Sorokun N. S., Ovsepyan G. M. *On the issue of minimizing the impact of distracting factors on road safety / E. A. Millerova, N. S. Sorokun, G. M. Ovsepyan // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4 (115). – Pp. 62–66.*

Вопросы обеспечения безопасности дорожного движения являются приоритетными для государства, т. к. дорожно-транспортные происшествия наносят значительный ущерб имуществу (более триллиона рублей ежегодно) и здоровью граждан и являются одной из ведущих внешних причин смерти.

В связи с этим на расширенной коллегии МВД России в 2025 г. Президентом РФ В.В. Путиным отмечалась необходимость серьезного внимания к вопросам безопасности на дорогах[1], главой государства поставлена задача к 2013 г. снизить смертность в результате дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) в 1,5 раза[2].

Проблема безопасности дорожного движения (далее – БДД) является глобальной социальной проблемой и является одной из основных причин гибели несовершеннолетних во многих странах мира (как пешеходов, так и начинающих водителей). В связи с этим проблема БДД является междисциплинарной. Представители гуманитарных [1, с. 205–213], технических [2], медицинских [3] наук на основе эмпирических исследований рассматривают различные аспекты предупреждения, снижения аварийности и защищенности участников дорожного движения.

Однако, по сравнению с объемом научных исследований в области предупреждения управления различными видами транспортных средств в состоянии опьянения [4, с. 293–295], по-прежнему недостаточно опубликованных работ, касающихся факторов риска, связанных с отвлечением внимания участников дорожного движения.

Технический прогресс, с одной стороны, позволяет активно использовать цифровые платформы для транспортных подсистем, повышая БДД, с другой стороны, появление средств индивидуальной мобильности и отвлечение участников дорожного движения на действия, критически важные для безопасного вождения, повышают риск дорожно-транспортных происшествий.

Проводимые зарубежные исследования показывают, что отвлечение внимания участников дорожного движения является фактором, способствующим 8 % смертельных случаев и 14 % аварий с травмами различной степени тяжести. Помимо повышенного риска аварийности отвлечение внимания снижает эффективность вождения (скорость реакции и процессы принятия решений), это актуально и по отношению к другим участникам дорожного движения. Отвлечение внимания можно охарактеризовать как переключение внимания от действий, критически важных для безопасного вождения, на конкурирующий вид деятельности, что может привести к недостаточному вниманию или его отсутствию на действия, критически важные для безопасного вождения. Отвлечение можно классифицировать по категориям, включая визуальное, слуховое, биомеханическое (физическое/ручное) и когнитивное. Участник дорожного движения может одновременно подвергаться нескольким из этих типов отвлечения, например, удерживание телефона и набор номера (визуальное и ручное), одновременно пытаясь вспомнить номер (когнитивное). Одним из наиболее распространенных источников отвлечения внимания является выполнение второстепенных задач, не связанных с безопасностью основной задачи.

[1] Расширенное заседание коллегии МВД России. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/76408 (дата обращения: 14.08.2025).

[2] Марат Хуснуллин провел заседание Правительственной комиссии по обеспечению безопасности дорожного движения. URL: http://government.ru/news/54812/ (дата обращения: 14.08.2025).

Частой второстепенной задачей для участников дорожного движения является использование смартфонов: например, для совершения звонков, чтения или написания текстовых сообщений, прослушивания музыки, поиска маршрута, а также доступа в Интернет или социальные сети.

В связи с этим в качестве правового механизма, призванного устранить проблему, стало принятие в 2007 г. ст. 12.36.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), предусматривающей административную ответственность за нарушение правил пользования телефоном водителем транспортного средства (п. 2.7 Правил дорожного движения Российской Федерации (далее – ПДД РФ[3]), однако данный состав не охватывает других участников движения, например велосипедистов, а ведь каждый третий курьер в России (по данным Минпромторга России, в 2024 г. курьерами трудоустроены были 1,5 млн человек[4]) использует его в качестве средства передвижения (так, в среднем курьер за год преодолевает путь более 2 тыс. километров[5]). Таким образом, ежедневно 500 тыс. человек занимаются второстепенной задачей, которая отвлекает, увеличивая вероятность ошибок и наступления ДТП.

Научные исследования подтверждают данные выводы. Так, исследователи из Нидерландов, где традиционно развита велоинфраструктура, отмечают, что при прослушивании музыки в мобильном телефоне или при разговоре во время движения велосипедисты демонстрировали существенно более небезопасное поведение (наблюдалось снижение производительности, аналогичное снижению у водителей автотранспортных средств, а именно снижение ситуационной осведомленности, ухудшение восприятия звуков дорожного движения, увеличение субъективной рабочей нагрузки и большая изменчивость бокового положения). Риск аварий у голландских велосипедистов увеличивается в 1,4 раза при использовании мобильного телефона во время езды на велосипеде, что подтверждает необходимость поиска и решения проблемы снижения вовлеченности во второстепенные задачи участников дорожного движения.

В результате особое значение приобретают административные методы государственного управления. В частности, считаем необходимым расширить субъектный состав ст. 12.36.1 КоАП РФ путем ведения новых субъектов – велосипедистов и лиц, использующих средства индивидуальной мобильности, при этом первоначально необходимо внести ряд поправок в ПДД РФ, устанавливающих прямой запрет на эти действия. Стоит отметить, что такой опыт уже применяется в зарубежных странах [5, с. 23], в частности в Японии санкции варьируются от предупреждения, штрафа до шести месяцев тюремного заключения.

Учитывая растущее число пользователей велосипедов и средств индивидуальной мобильности, а также эксплуатацию этих видов в качестве средства доставки различных грузов, решение по обеспечению БДД лежит не только в плоскости запрета. Как отмечают отечественные ученые, наибольшее количество ДТП происходит в местах, где отсутствует инфраструктура [6, с. 159]. На примере г. Ростова-на-Дону можно отметить фрагментарное построение велосипедных дорожек, которое не позволяет в большинстве случаев проложить маршрут, не покидая велосипедной инфраструктуры, кроме того, практически отсутствуют велополосы на дорогах общего пользования. Это в совокупности с вовлеченностью во второстепенные задачи увеличивает риск создания аварийно-опасной ситуации. Данный фактор отмечен и в проекте Стратегии повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.[6] (далее – Стратегия 2030) как отсутствие достаточной инфраструктуры для активной мобильности.

Важно отметить, что в Стратегии 2030 предусмотрено направление по идентификации и минимизации влияния на БДД факторов, связанных с отвлечением внимания участников дорожного движения, обусловленных в том числе использованием цифровых мобильных устройств. В связи с этим считаем возможным проработку стандарта, в рамках которого компании, предлагающие курьерские услуги, должны будут обеспечить использование тех-

[3] О Правилах дорожного движения» (вместе с Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности): постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 16.07.2025). Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

[4] Минпромторг: в РФ работают 1,5 млн курьеров. URL: https://www.retail.ru/news/minpromtorg-v-rf-rabotayut-1-5-mln-kurerov-2-dekabrya-2024-248253 (дата обращения: 14.08.2025).

[5] Исследование: каждый третий курьер в России использует велосипед. URL: https://nsn.fm/society/kazhdyi-tretii-kurer-ispolzuet-velosiped (дата обращения: 14.08.2025).

[6] Об утверждении Стратегии повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.: проект Указа Президента РФ (подготовлен МВД России от 17.07.2025). Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

нологии hands-free (свободных рук) курьерами, а также внедрить в используемые курьерами приложения функции ограничения взаимодействия во время движения. Однако это только верхушка айсберга вопросов, которые требуют правового регулирования. Так, в частности, необходима проработка вопроса ограничения времени работы курьеров, как это сделано с режимом ежедневной работы водителей[7], поскольку переутомление (усталость) становится фактором, влияющим на аварийность.

Очевидно, что решение, касающееся продолжения работы курьера в состоянии переутомления (усталости), принимается под влиянием экономических соображений, поэтому необходимо использовать административно-деликтное законодательство в качестве экономического рычага, направленного в первую очередь на компании, предлагающие курьерские услуги, т. к. они, по сути, являются работодателями и регулятором.

В связи с этим предлагаем включать в рабочее время курьера:

– время управления соответствующим средством передвижения;

– время перерыва для отдыха от управления соответствующим средством передвижения;

– время работы, не связанной с управлением соответствующим средством передвижения.

Также необходимо внести корректировку в ч. 3 ст. 11.23 КоАП РФ, дополнив объективную сторону посредством «управления транспортным средством, средством индивидуальной мобильности… водителей, лиц, использующих для передвижения средства индивидуальной мобильности…».

Растущая зависимость от мобильных устройств в повседневной жизни требует дальнейшего изучения факторов, способствующих выполнению второстепенных задач, и способов взаимодействия участников дорожного движения с технологиями, частоты взаимодействия и контекста, в котором это происходит. Это актуально для моделирования стратегии снижения отвлекающих факторов, особенно среди молодежи.

Понимание психологических механизмов поможет выработать эффективные методы информирования о риске и стратегии для изменения поведения различных участников дорожного движения, что позволит достичь целевых показателей Стратегии 2030.

Список источников

1. Пестов Р.А. К вопросу об альтернативных подходах к обеспечению безопасности движения // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. № 1(75). Т. 9.
2. Кравченко А.А. Совершенствование методики определения мест возникновения дорожно-транспортных происшествий: автореф. дис. ... канд. технич. наук. Орел, 2021.
3. Носс И.Н., Шпорт С.В., Булыгина В.Г. Методологические вопросы медико-психологического обеспечения безопасности дорожного движения // Российский психиатрический журнал. 2018. № 1.
4. Новичкова Е.Е. Ответственность за отказ от освидетельствования на состояние опьянения / Е.Е. Новичкова, Р.А. Пестов, Ю.А. Гусев // Аграрное и земельное право. 2025. № 2.
5. Михеева И.Е. Регулирование деятельности курьерских сервисов как фактор повышения безопасности движения / И.Е. Михеева, О.Ф. Засемкова // Московский транспорт. Наука и проектирование. 2025. № 2(2).
6. Чаннов С.Е., Добробаба М.Б. Зарубежный опыт обеспечения безопасности дорожного движения при использовании курьерами велосипедов с электродвигателями // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2024. № 3.

References

1. Pestov R.A. On the Issue of Alternative Approaches to Ensuring Traffic Safety // Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal Sciences. 2023. № 1 (75). Vol. 9.
2. Kravchenko A.A. Improving the Methodology for Determining the Locations of Road Accidents: abstract of diss … PhD in Law. Oryol, 2021.
3. Noss I.N., Shport S.V., Bulygina V.G. Methodological Issues of Medical and Psychological Support of Road Safety // Russian Journal of Psychiatry. 2018. № 1.
4. Novichkova E.E. Liability for Refusal to Take an Intoxication Test / E.E. Novichkova, R.A. Pestov, Yu.A. Gusev // Agrarian and Land Law. 2025. № 2.
5. Mikheeva I.E. Regulation of Courier Services as a Factor in Improving Traffic Safety / I.E. Mikheeva, O.F. Zasemkova // Moscow Transport. Science and Design. 2025. № 2(2).
6. Channov S.E., Dobrobaba M.B. Foreign Experience in Ensuring Road Safety When Couriers Use Bicycles with Electric Motors // Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. 2024. № 3.

[7] Об утверждении Особенностей режима рабочего времени и времени отдыха, условий труда водителей автомобилей: приказ Министерства транспорта РФ от 16.10.2020 № 424. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Миллерова Елена Александровна, *кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права и уголовно-правовых дисциплин. Ростовский государственный университет путей сообщения. 344038, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, площадь Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, 2.*

Сорокун Николай Сергеевич, *кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

Овсепян Геворг Мартинович, *кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД. Крымский филиал Краснодарского университета МВД России. 295053, Российская Федерация, г. Симферополь, ул. Академика Х.Х. Стевена, 14.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Millerova Elena Alexandrovna, *PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Administrative Law and Criminal Law Disciplines. Rostov State University of Railway Transport. 2, Rostov Infantry Regiment Square, Rostov-on-Don 344038 Russian Federation.*

Sorokun Nikolay Sergeevich, *PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Ovsepyan Gevorg Martinovich, *PhD in Law, Senior Lecturer of the Department of Administrative activities of Internal Affairs Bodies. Crimean branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 14, Akademika Kh.Kh. Stevena St., Simferopol 295053 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 4 (115). – С. 67–73.
Philosophiya prava. 2025. № 4 (115). – Pp. 67–73.

Научная статья
УДК 347

ГЕНЕЗИС РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ (ЧАСТЬ 2)

Золин Иван Юрьевич
Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Российская Федерация, olzolin2016@yandex.ru

Введение: *в центре внимания автора – ключевые законодательные новеллы, внесенные Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (Закон 2002 г.) в правовое регулирование арбитражного управления, и их влияние на развитие механизма гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего. Особый акцент сделан на анализе средств финансового обеспечения такой ответственности, в том числе обязательном страховании и компенсационном фонде саморегулируемых организаций арбитражных управляющих, возникновение которых представляет одно из наиболее значимых структурных нововведений данного закона.*

Материалы и методы: *методологической основой настоящего исследования послужили общенаучные методы познания, такие как синтез, анализ, индукция и дедукция, а также частнонаучные методы: историко-правовой, сравнительно-правовой, технико-юридический метод и др.*

Результаты исследования: *посредством сравнительного анализа положений Закона 2002 г. и Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 01.08.1998 № 6-ФЗ установлены ключевые изменения в правовом регулировании гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего, отражающие как преемственность, так и пересмотр отдельных элементов ее основания. Выявлено влияние изменений в правовом статусе управляющего на механизм привлечения к ответственности, а также зафиксированы противоречия и пробелы в новом регулировании.*

Выводы и заключения: *Закон 2002 г. расширил круг потерпевших, усилил механизмы их защиты, но сузил основание ответственности до причинения убытков вследствие нарушения арбитражным управляющим законодательства о несостоятельности (банкротстве). Вместе с тем остались нерешенными вопросы о роли вины и порядке осуществления компенсационных выплат.*

Ключевые слова: *арбитражный управляющий, убытки, компенсационный фонд, нарушение законодательства о несостоятельности (банкротстве), обязанности, саморегулируемая организация, вина.*

Для цитирования: *Золин И. Ю. Генезис российского законодательства о гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего в деле о банкротстве (Часть 2) / И. Ю. Золин // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4 (115). – С. 67–73.*

Original paper

THE GENESIS OF RUSSIAN LEGISLATION ON THE CIVIL LIABILITY OF THE INSOLVENCY PRACTITIONER IN BANKRUPTCY PROCEEDINGS (PART 2)

Zolin Ivan Yurievich
Ural Law Institute of the Misistry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russian Federation

Introduction: *the author focuses on the key legislative innovations introduced by Federal Law № 127-FL dated 26.10.2002, «On Insolvency (Bankruptcy)» (the 2002 Law) into the legal regulation of arbitration management, and their impact on the development of the civil liability mechanism for arbitration managers. Particular emphasis is placed on the analysis of the means*

of financial support for such liability, including mandatory insurance and the compensation fund for self-regulatory organizations of arbitration managers, the emergence of which represents one of the most significant structural innovations of this law.

Materials and methods: *the methodological basis of this study was provided by general scientific methods of inquiry, such as synthesis, analysis, induction, and deduction, as well as specific scientific methods: historical-legal, comparative legal, technical-legal, and others.*

Results of the study: *through a comparative analysis of the provisions of the 2002 Law and the Federal Law «On Insolvency (Bankruptcy)» dated 01.08.1998 № 6-FL, key changes in the legal regulation of the civil liability of insolvency administrators were identified, reflecting both continuity and revision of individual elements of its basis. The impact of changes in the legal status of the administrator on the liability mechanism was identified, and contradictions and gaps in the new regulations were identified.*

Findings and conclusions: *the 2002 Law expanded the scope of victims and strengthened their protection mechanisms, but narrowed the basis for liability to damages caused by the bankruptcy trustee's violation of insolvency (bankruptcy) laws. However, questions regarding the role of fault and the procedure for compensatory payments remained unresolved.*

Keywords: *bankruptcy trustee, losses, compensation fund, violation of insolvency (bankruptcy) laws, obligations, self-regulatory organization, fault.*

For citation: Zolin I. Yu. *The genesis of Russian legislation on the civil liability of the insolvency practitioner in bankruptcy proceedings (Part 2) / I. Yu. Zolin // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4 (115). – Pp. 67–73.*

Настоящая статья представляет собой вторую часть научного исследования, посвященного эволюции законодательного регулирования гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего. В целях систематизации результатов историко-правового анализа и обеспечения последовательности изложения автор структурировал содержание исследования, выделив четыре тематических раздела, обозначенных цифровыми маркерами (1), (2), (3), (4), каждый из которых соответствует конкретному этапу развития исследуемого правового института согласно авторской периодизации.

Первые два этапа были рассмотрены в предыдущей публикации[1], в связи с чем цифровое обозначение смысловых блоков в настоящей статье продолжается с цифрового маркера (3).

(3) Развитие нормативной основы гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего

(А) Новеллы правового регулирования деятельности арбитражного управляющего в Федеральном законе от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон 2002 г.)

Закон 2002 г. ввел ряд принципиальных изменений в правовое регулирование арбитражного управления. Внедрение в отечественную систему правового регулирования несостоятельности (банкротства) процедуры финансового оздоровления обусловило необходимость законодательного закрепления новой разновидности арбитражных управляющих – административного управляющего[2]. Лицензирование деятельности арбитражного управляющего было отменено, а вместе с ним и требование об обязательной регистрации управляющих при арбитражных судах. Был избран иной подход: допуск к профессии управляющего в деле о банкротстве осуществлялся посредством вступления в саморегулируемые организации арбитражных управляющих (далее – СРО).

В качестве обязательного условия деятельности СРО Закон 2002 г. предусмотрел наличие компенсационного фонда или имущества у общества взаимного страхования (далее – фонды), предназначенных для финансового обеспечения ответственности их членов за причиненные при исполнении обязанностей в деле о банкротстве убытки. Средства указанных фондов не могли слу-

[1] См. Золин И.Ю. Генезис российского законодательства о гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего в деле о банкротстве. Часть первая // Философия права. 2025. № 3(114).

[2] Позднее Федеральным законом от 29.06.2015 № 154-ФЗ «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» введен еще один вид арбитражных управляющих, утверждаемых для проведения процедур реструктуризации долга и реализации имущества в деле о банкротстве гражданина, – финансовый управляющий.

жить объектом взыскания по обязательствам СРО или их членов, если возникновение таких обязательств не было связано с осуществлением предусмотренной Законом 2002 г. деятельности (ч. 5 п. 2 ст. 21 Закона 2002 г.).

Системный анализ указанных норм позволяет выдвинуть предположение о том, что фонды предоставляли участникам процедуры банкротства дополнительные гарантии возмещения имущественного вреда, причиненного неправомерной деятельностью арбитражного управляющего. Согласно Временному положению о размещении и расходовании средств компенсационных фондов саморегулируемых организаций арбитражных управляющих, утвержденному постановлением Правительства РФ от 09.07.2004 № 344 (далее – Временное положение), назначением средств компенсационного фонда служило возмещение убытков, причиненных арбитражными управляющими – членами СРО лицам, участвующим в деле о банкротстве и процедурах банкротства. Таким образом, в сущности, Закон 2002 г. установил ответственность СРО за убытки, причиненные их членами.

Однако порядок реализации такой ответственности не следует как из приведенных норм, так и из других положений Закона 2002 г., на что обращает внимание М.В. Телюкина [1, с. 215]. По мнению исследователя, использование термина «обеспечение» позволяет сформулировать вывод о том, что ч. 10 п. 2 ст. 22 Закона 2002 г. имеет в виду не возможность взыскания убытков непосредственно за счет средств фонда, а то, что «его наличие (и внесение в него средств управляющим) сможет обеспечить более серьезное отношение его к исполнению своих обязанностей». А.В. Юхнин в то же время прямо отмечает, что законом о банкротстве не предусмотрена возможность обращения взыскания на средства компенсационного фонда в связи с причинением арбитражным управляющим в деле о банкротстве убытков [2, с. 119, 128–131].

Еще одним значимым нововведением Закона 2002 г. стал институт обязательного страхования ответственности арбитражного управляющего. Значение данного института проявляется в двух аспектах: с одной стороны, страхование призвано обеспечить защиту интересов страхователя (арбитражного управляющего), с другой – гарантировать возмещение убытков выгодоприобретателю, как отмечает Конституционный Суд РФ в определении от 30.01.2024 № 144-О. Наличие у арбитражного управляющего заключенного договора страхования ответственности стало условием для его утверждения в деле о банкротстве. При этом после своего утверждения в деле о банкротстве управляющий должен был дополнительно застраховать свою ответственность.

Таким образом, к моменту принятия Закона 2002 года в отечественном правопорядке была выявлена объективная потребность в создании правовых механизмов, направленных на обеспечение защиты имущественных прав лиц, пострадавших от неправомерных действий арбитражного управляющего. Это соответствовало общей тенденции развития мировых правопорядков, в рамках которой обеспечиваются различные формы возмещения убытков, причиненных управляющим в деле о банкротстве. Согласно данным исследования ассоциации INSOL Europe, во многих странах не существует каких-либо обязательных механизмов покрытия убытков, причиненных конкурсной массой, или возможного ущерба, вызванного нарушением управляющим своих обязанностей. Тем не менее на практике страхование профессиональной ответственности управляющих широко распространено. Например, в Дании суды по делам о банкротстве требуют наличие такого страхования, как условие для назначения управляющего, в Болгарии его наличие предусмотрено правилами профессиональных объединений, а в Бельгии, Франции и Германии обязанность страхования обусловлена принадлежностью управляющих к профессиям, для которых страхование является обязательным (прежде всего юристам и бухгалтерам). С момента принятия Закона 2002 г. Российская Федерация присоединилась к числу государств, в которых финансовое обеспечение ответственности управляющих в деле о банкротстве, прямо предусмотрено законодательством [3].

В то же время обращает на себя внимание то обстоятельство, что в п. 8 ст. 20 Закона 2002 г. выгодоприобретателями по договору страхования ответственности арбитражного управляющего названы лица, участвующие в деле о банкротстве. Гражданско-правовая ответственность арбитражного управляющего перед иными лицами, в соответствии

с буквальным толкованием текста указанной нормы, не требует обязательного страхового обеспечения, на что указывает и абз. 6 п. 6 ст. 20 Закона 2002 г.

Кроме того, Закон 2002 г. не называет круг лиц, имеющих право на получение выплаты из компенсационного фонда СРО. Пункт 3 Временного положения относит к их числу лиц, участвующих в деле о банкротстве и процедурах банкротства. Состав управомоченных данной нормой лиц оказывается шире, чем круг выгодоприобретателей по договору обязательного страхования ответственности, однако не вполне ясно, какие именно субъекты являются «лицами, участвующими в процедурах банкротства». Очевидно, данные субъекты не являются лицами, участвующими в деле о банкротстве (ст. 32 Закона 2002 г.). Однако Закон 2002 г. не содержит каких-либо положений, регулирующих правовой статус «лиц, участвующих в процедурах банкротства».

Наконец, интересно и то, что Временное положение называет в качестве условия возмещения причиненных убытков из средств компенсационного фонда СРО неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей арбитражного управляющего.

(Б) Ответственность арбитражного управляющего

В новом законе значительные изменения претерпели и положения, предусматривающие собственно основания гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего. В соответствии с п. 3 ст. 24 Закона о банкротстве 2002 г. арбитражный управляющий, утвержденный арбитражным судом, обязан возмещать убытки должнику, кредиторам, третьим лицам в случае причинения им убытков при исполнении возложенных на него обязанностей с даты вступления в законную силу судебного акта о возмещении таких убытков.

Правовое основание гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего было сконструировано в форме обязания последнего возместить убытки более широкому, по сравнению с предыдущим законом, кругу лиц – должнику, кредиторам и третьим лицам, а условие о нарушении законодательства РФ было устранено. Вместо последнего в норму был включен элемент «при исполнении возложенных на него (арбитражного управляющего) обязанностей». Не вполне ясным остается содержание данного условия.

С одной стороны, его можно понимать как период времени с момента утверждения лица арбитражным управляющим в деле о банкротстве до момента прекращения исполнения им соответствующих обязанностей в связи с освобождением или отстранением от исполнения обязанностей или прекращением (завершением) производства по делу. Следование этому подходу означает возложение на арбитражного управляющего ответственности за любые убытки, причиненные должнику, кредиторам и иным лицам, независимо от того, причинены они правомерными или неправомерными действиями, виновно или в отсутствие вины. Судебная практика однозначно высказалась против такого понимания. Так, согласно п. 48 Постановления Пленума ВАС РФ от 15.12.2004 г. № 29 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”» арбитражный управляющий несет ответственность в виде возмещения убытков при условии, что таковые причинены в результате его неправомерных действий.

Исследуя проблему разграничения ответственности арбитражного управляющего и управляемого им должника – юридического лица, А.В. Юхнин приходит к выводу, что требование о взыскании убытков непосредственно с арбитражного управляющего может иметь место в тех случаях, если указанные убытки причинены вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения управляющим возложенных на него Законом 2002 г. обязанностей. Если причинение убытков стало следствием осуществления арбитражным управляющим полномочий органа управления должника, обязанным лицом по соответствующему требованию является сам должник [2, с. 115]. Нормативным основанием приведенных доводов служила норма п. 5 ст. 20 Закона 2002 г., устанавливающая применимость по отношению к арбитражному управляющему, осуществляющему полномочия руководителя должника, всех мер ответственности, предусмотренных для руководителя такого должника. В связи с этим С.А. Карелина отмечает, что к арбитражному управляющему применяются общие положения об ответственности органа юридического лица [4, с. 76].

Указанные рассуждения закладывают основу для альтернативного варианта толкования нормы п. 3 ст. 24 Закона 2002 г. Поскольку обязанности арбитражного управляющего находят свое прямое нормативное закрепление в Законе 2002 г., неисполнение данных обязанностей характеризует неправомерность поведения управляющего и формирует основание для привлечения его к ответственности за убытки, причиненные таким поведением. Однако исчерпывается ли содержание неправомерности деяний арбитражного управляющего совершением действий (допущением бездействия) вопреки возложенным на него обязанностям в деле о банкротстве?

Ответ на данный вопрос следует искать в соотношении п. 3 ст. 24 с нормой п. 3 ст. 25 Закона 2002 г., установившей законодательный запрет на утверждение в качестве арбитражного управляющего лица, не осуществившего полное возмещение должнику, кредиторам и иным лицам убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением требований Закона 2002 г. Таким образом, в сущности законодатель указал на возможность взыскания с арбитражного управляющего убытков, причиненных не только в результате неисполнения обязанностей, возложенных на него Законом 2002 г., но и в результате нарушения других нормативных предписаний Закона 2002 г., на что указывает М.В. Жаботинский [5, с. 43–45]. Таким образом, следует признать, что на рассматриваемом этапе исторического развития арбитражный управляющий подлежал привлечению к ответственности за убытки, причиненные в результате любого допущенного им нарушения требований Закона 2002 г., в том числе не устанавливающих конкретной обязанности для арбитражного управляющего.

(В) Момент возникновения обязанности возместить причиненные убытки

Помимо этого, в Закон 2002 г. был включен ряд крайне спорных положений. Например, норма была дополнена указанием на момент возникновения обязанности по возмещению убытков управляющим – с момента **вступления в законную силу решения суда** о возмещении убытков. С точки зрения теории правоотношения обязанность по возмещению противоправно причиненного имущественного вреда является элементом содержания охранительного правоотношения, основанием возникновения которого является юридический факт – гражданское правонарушение [6, с. 33]. Следовательно, момент возникновения обязанности по возмещению вреда соответствует моменту совершения гражданского правонарушения при прочих равных условиях. И хотя исполнение данной обязанности в силу охранительной природы правоотношения, возникшего между потерпевшим и правонарушителем, обеспечивается государственным принуждением, это не означает, что сама по себе обязанность возникает с момента удовлетворения государственным судом соответствующего материально-правового притязания. С момента возникновения убытков на стороне потерпевших лиц управляющий несет обязанность по восстановлению их имущественного положения, исполнить которую он может добровольно или будучи принужденным к этому в судебном порядке. Таким образом, условие о наличии вступившего в законную силу судебного решения представляется излишним в гипотезе нормы об обязанности арбитражного управляющего возместить убытки.

(Г) Субъектный состав потерпевших

Кроме того, обращает на себя внимание формулировка нормы о составе лиц, перед которыми арбитражный управляющий несет обязанность по возмещению убытков. Помимо должника и кредиторов (2 (В) **субъектный состав дополнился третьими лицами**. Закон 2002 г. не дает дефиницию понятию «третьи лица». Как отмечал В.В. Витрянский, «не может не настораживать то обстоятельство, что Закон о банкротстве содержит целый ряд положений о так называемых третьих лицах, которые, не являясь ни лицами, участвующими в деле о банкротстве, ни лицами, участвующими в арбитражном процессе по делу о банкротстве, нередко наделяются полномочиями, аналогичными тем, которые предоставлены учредителям (участникам) хозяйственных обществ и товариществ, а также собственнику имущества должника – унитарного предприятия» [7].

Затрудняет выявление содержания понятия «третьи лица» применительно к норме об ответственности арбитражного управляющего его широкое использование законодателем по отношению к самым разным аспектам процедуры несостоятельности.

Так, согласно ст. 157 Закона 2002 г. допускается участие в мировом соглашении третьих лиц, под которыми при системном толковании в совокупности с п. 2 ст. 155 Закона 2002 г. следует понимать любых лиц, кроме должника и его кредиторов [7]. Кроме того, в п. 2 ст. 143 Закона 2002 г. термин «третьи лица» применяется по отношению к лицам, имеющим задолженность перед должником; лицам, владеющим подлежащим выявлению и истребованию от таких лиц имуществом должника; лицам, подлежащим привлечению к субсидиарной ответственности по обязательствам должника в связи с доведением его до банкротства. Очевидно, что каждая из перечисленных норм для определения принадлежности конкретных субъектов к категории «третьих лиц» учитывает разные критерии, выбор которых предопределен специфическим содержанием регулируемых этой нормой отношений.

Еще большую неопределенность в вопрос о круге субъектов, перед которыми арбитражный управляющий несет ответственность за причиненные им убытки по правилам Закона 2002 г., вносят **положения, касающиеся обстоятельств, препятствующих утверждению** лица в качестве арбитражного управляющим в деле о банкротстве. К числу таковых ч. 3 ст. 25 Закона 2002 г. относит невозмещение в полном объеме должнику, кредиторам и иным лицам убытков, причиненных арбитражным управляющим в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения требований Закона 2002 г.

В научной литературе к иным лицам применительно к данной норме предлагается относить собственника имущества должника – унитарного предприятия, отстраненного руководителя, любого учредителя (участника), работника должника, которым были причинены убытки [8, с. 136]. В то же время в абз. 4 п. 6 ст. 20 Закона 2002 г. утверждается, что арбитражным судом не могут быть утверждены в деле о банкротстве арбитражные управляющие, которые не возместили убытки, причиненные **должнику, кредиторам, третьим лицам** при исполнении обязанностей арбитражного управляющего. Таким образом, законодатель фактически отождествил понятия «иные лица» и «третьи лица».

(Д) Вывод

Закон 2002 г. засвидетельствовал потребность в развитии правил об ответственности арбитражного управляющего за убытки, причиненные его неправомерным поведением в деле о банкротстве. В первую очередь, круг лиц, имеющих право требовать возмещения причиненных арбитражным управляющим убытков на основании специальной нормы законодательства о банкротстве, был существенно расширен за счет предоставления такого права иным («третьим») лицам, не являющимся должником или его кредиторами (3 (В). Условием привлечения управляющего к ответственности, исходя из системного толкования норм п. 3 ст. 24 и п. 3 ст. 25 Закона 2002 г., названо нарушение требований законодательства о банкротстве, более узкое по своему содержанию, чем соответствующее условие, сформулированное в п. 3 ст. 21 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 01.08.1998 № 6-ФЗ (2 (Г), (3 (Б). Кроме того, законодатель предусмотрел дополнительные механизмы обеспечения защиты потерпевших от неблагоприятных имущественных последствий, связанных с действиями арбитражного управляющего в рамках дела о банкротстве. В частности, была введена обязанность заключения управляющим договора страхования своей ответственности за причинение убытков участникам дела о банкротстве, а также установлен механизм финансового обеспечения такой ответственности за счет средств компенсационного фонда СРО (3 (А).

Однако Закон 2002 г. оставил нерешенными ряд принципиально важных для института ответственности арбитражного управляющего проблем, к числу которых следует отнести, в первую очередь, значение и содержание вины в системе условий гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего (2 (Г), а также порядок реализации обеспечительного механизма выплаты потерпевшим средств из компенсационного фонда СРО в связи с возмещением потерпевшим убытков, причиненных арбитражным управляющим (3 (А).

Список источников

1. Телюкина М.В. Основы конкурсного права. М., 2004.
2. Юхнин А.В. Правовые проблемы организации деятельности арбитражных управляющих: дис. … канд. юрид. наук. М., 2005.
3. Report on the regulation of insolvency office holders // Insolvency professionals in reconstruction & recovery – INSOL Europe. URL: https://www.insol-europe.org/download/documents/1118 (дата обращения: 06.05.2025).
4. Карелина С.А. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства): учеб.-практ. пособие. М., 2006.
5. Жаботинский М.В. Гражданско-правовая ответственность арбитражного управляющего // Исполнительное право. 2007. № 2.
6. Шевченко А.С., Шевченко Г.Н. Деликтные обязательства в российском гражданском праве: учебное пособие. М., 2013.
7. Научно-практический комментарий (постатейный) к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» / под ред. В.В. Витрянского. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Тай Ю.В. Правовые проблемы арбитражного управления: дис. … канд. юрид. наук. М., 2006.

References

1. Telyukina, M.V. Fundamentals of Bankruptcy Law. Moscow, 2004.
2. Yukhnin, A.V. Legal Issues in Organizing the Activities of Insolvency Managers: Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow, 2005.
3. Report on the Regulation of Insolvency Office Holders // Insolvency Professionals in Reconstruction & Recovery – INSOL Europe. URL: https://www.insol-europe.org/download/documents/1118 (date of access: 06.05.2025).
4. Karelina, S.A. Legal Regulation of Insolvency (Bankruptcy): A Textbook and Practical Handbook. Moscow, 2006.
5. Zhabotinsky, M.V. Civil Liability of an Insolvency Manager // Executive Law. 2007. № 2.
6. Shevchenko A.S., Shevchenko G.N. Tort Obligations in Russian Civil Law: A Study Guide. Moscow, 2013.
7. Scientific and Practical Commentary (Article-by-Article) to the Federal Law «On Insolvency (Bankruptcy)» / edited by V.V. Vitryansky. Access from the legal system «ConsultantPlus».
8. Tai Yu.V. Legal Issues of Arbitration Management: diss. … PhD in Law. Moscow, 2006.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Золин Иван Юрьевич, *адъюнкт адъюнктуры. Уральский юридический институт МВД России. 620057, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zolin Ivan Yurievich, *adjunct.. Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 66, Korepina St., Yekaterinburg 620057 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 4 (115). – С. 74–79.
Philosophiya prava. 2025. № 4 (115). – Pp. 74–79.

Научная статья
УДК 346.5

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ И НАПРАВЛЕНИЙ ОПТИМИЗАЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Негодаева Елена Георгиевна
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, a.negodaeva@bk.ru

Введение: *корпоративное управление представляет собой комплекс принципов, процессов и практик, обеспечивающих эффективное функционирование организаций и способствующих защите интересов всех заинтересованных сторон, включая акционеров, кредиторов, менеджмент и общество в целом. Современные экономические реалии диктуют необходимость соответствия национальных систем корпоративного управления международным стандартам, что повышает конкурентоспособность компаний на мировом рынке и способствует привлечению инвестиций.*

Материалы и методы: *при проведении исследования использованы формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный методы. Проведен критический анализ законодательства.*

Результаты исследования: *среди наиболее острых остаются вопросы, связанные с недостаточностью механизмов реализации прав мелких акционеров, отсутствием должного контроля над действиями исполнительных органов, и др. Недостаточно развитый институт независимой экспертизы усиливает риск неэффективного распределения ресурсов и замедляет процесс внедрения современных методов управления капиталом. Еще одной важной проблемой остается низкий уровень культуры корпоративного управления среди владельцев и топ-менеджмента компаний среднего размера.*

Выводы и заключение: *российский рынок нуждается в создании полноценной инфраструктуры корпоративного управления, включающей институты независимой оценки деятельности руководителей, надежные механизмы учета мнений всех групп акционеров и эффективные инструменты предотвращения злоупотреблений.*

Ключевые слова: *корпоративное управление, экономический рост, глобальная экономика, привлечение инвестиций, российский бизнес, устойчивое развитие, инвестиционная привлекательность, управление корпорациями, государственное регулирование.*

Для цитирования: Негодаева Е. Г. *Трансформация корпоративного управления в эпоху глобализации: критический анализ проблем и направлений оптимизации правового регулирования в современной России / Е. Г. Негодаева // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4 (115). – С. 74–79.*

Original paper

TRANSFORMATION OF CORPORATE GOVERNANCE IN THE ERA OF GLOBALIZATION: A CRITICAL ANALYSIS OF THE PROBLEMS AND DIRECTIONS OF OPTIMIZING LEGAL REGULATION IN MODERN RUSSIA

Negodaeva Elena Georgievna
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *corporate governance is a set of principles, processes, and practices that ensure the effective functioning of organizations and help protect the interests of all stakeholders, including shareholders, creditors, management, and society as a whole. Modern economic realities dictate the need for national corporate governance systems to comply with international standards, which increases the competitiveness of companies in the global market and helps attract investment.*

Materials and methods: *formal-legal, comparative-legal, system-structural methods were used in the research. A critical analysis of the legislation has been conducted.*

Results of the study: *among the most pressing issues are the lack of mechanisms for exercising the rights of small shareholders, the lack of proper control over the actions of executive bodies, etc. An insufficiently developed institute of independent expertise increases the risk of inefficient allocation of resources and slows down the process of introducing modern methods of capital management. Another important problem remains the low level of corporate governance culture among owners and top management of medium-sized companies.*

Findings and conclusions: *the Russian market needs to create a full-fledged corporate governance infrastructure, including institutions for independent evaluation of managers, reliable mechanisms for taking into account the opinions of all groups of shareholders and effective tools to prevent abuse.*

Keywords: *corporate governance, economic growth, global economy, investment attraction, Russian business, sustainable development, investment attractiveness, corporate governance, government regulation.*

For citation: Negodaeva E. G. *Transformation of corporate governance in the era of globalization: a critical analysis of the problems and directions of optimizing legal regulation in modern Russia / E. G. Negodaeva // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4 (115). – Pp. 74–79.*

В условиях все более жесткой рыночной конкуренции, постоянного изменения потребностей клиентов и стремительного развития науки и техники выживание и развитие предприятий сталкиваются с все более серьезными проблемами. Большое количество теоретических исследований и практических изысканий показало, что внедрение стратегического управления является для предприятий фундаментальным способом получения постоянного конкурентного преимущества в сложной и изменчивой бизнес-среде. Более того, с ускорением процесса экономической глобализации и интернационализации рынка предприятия должны конкурировать на международном уровне с многонациональными компаниями по всему миру. Это требует от предприятий правильного формулирования своих конкурентных стратегий, основанных на внешней среде и ее изменяющихся тенденциях, в сочетании с их собственными внутренними ресурсными условиями, чтобы получить постоянное конкурентное преимущество, т. е. стратегическое управление предприятиями стало центром внимания и ядром управления предприятием.

Однако в целом возможности стратегического управления наших предприятий, как правило, недостаточны. На большинстве предприятий в нашей стране нет специального отдела стратегических исследований и управления, а стратегическое мышление предприятий обычно существует только в головах корпоративных лидеров. Также не существует научной и обоснованной демонстрационной системы для формулирования стратегии. Нет ни организационной гарантии реализации стратегии, ни регулярной оценки реализации стратегии в процессе реализации стратегии.

За рубежом корпоративное управление переживает активное развитие, обусловленное появлением ряда факторов, таких как усиление интеграции экономик стран мира, рост объемов международного капитала и ужесточение регуляторных режимов. Западные корпорации используют разнообразные методы оптимизации внутренних процессов, основанные на рекомендациях международных организаций и профессиональных ассоциаций.

Среди значимых успехов международного сообщества выделяется становление универсальных стандартов корпоративного управления, принятых Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) [1]. Эти стандарты содержат базовые рекомендации, ориентированные на достижение открытости и справедливости корпоративных взаимоотношений. Ключевыми элементами являются необходимость предоставления равных возможностей каждому владельцу акций, предотвращение проявлений коррупции, обеспечение полноты и объективности публикуемой информации, а также поддержание равновесия между правами собственников и иными участниками корпоративных взаимодействий.

Другие международные инициативы, такие как Кодекс наилучших практик Всемирного банка и рекомендации Всемирной федерации бирж (WFE), подчеркивают важность прозрачности и стабильности институциональной среды для устойчивого функционирования акционерного общества.

Современный международный опыт свидетельствует о возрастающем значении социального компонента корпоративного управления, выражающегося в обеспечении социальной справедливости, экологичности производства и вклада компаний в устойчивое развитие общества. Этот тренд находит отражение в формировании концепции ESG-фак-

торов (Environmental, Social and Governance), оказывающих влияние на оценку стоимости акций компаний и определяющих стратегию их инвестиционных вложений [2].

В то время как мировые рынки активно внедряют эти принципы, отечественный рынок в условиях нарастающей глобализации также остро нуждается в обновленной нормативно-правовой базе, способствующей совершенствованию корпоративного управления. Важнейшими факторами успеха здесь выступают прозрачность корпоративной информации, эффективная структура внутреннего контроля и наличие действенного механизма борьбы со злоупотреблениями в среде руководства компаний.

Именно в контексте законодательного обеспечения этих потребностей в первую очередь необходимо отметить, что гл. 4 «Юридические лица» Гражданского кодекса РФ предусматривает основания возникновения и прекращения юридического лица, формы организации предприятий, куда хотелось бы добавить отдельную норму, определяющую принципы эффективного корпоративного управления в рамках коммерческих организаций, включающую механизмы предотвращения конфликтов интересов и минимизации коррупционных практик [3].

Важным моментом также является необходимость установить жесткие требования к раскрытию информации о деятельности компаний, предусмотрев детальные формы отчетности, понятные всем участникам рынка. Такие меры обеспечат повышенную степень прозрачности и снизят неопределенность для потенциальных инвесторов. Развивая эту идею, стоит отметить, что ст. 92 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.09.2025) «Об акционерных обществах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) устанавливает обязанность публичного акционерного общества раскрывать годовую бухгалтерскую отчетность, составленную в соответствии с международными стандартами учета. Однако практика показывает, что эта норма соблюдается далеко не всеми компаниями. А также для решения этой проблемы и обеспечения более полного раскрытия информации предлагаем существенно повысить уровень детализации раскрываемой информации в Федеральном законе от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» в ст. 30 «Раскрытие информации», которая регламентирует обязанность эмитентов раскрывать определенную информацию о своей деятельности, добавив регулярную отчетность о рисках компании, мерах по борьбе с конфликтами интересов, результатах оценки внутренней структуры управления [4].

Далее предстоит усилить систему внутреннего контроля и аудита, внедрить механизмы регулярных проверок деятельности управляющей команды и ввести обязательное применение специализированного программного обеспечения для автоматизации обработки данных. В результате повысится способность компаний быстро обнаруживать отклонения и предотвращать возможные нарушения. В Федеральном законе от 30.12.2008 № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» в ст. 5 «Обязательный аудит» указаны виды организаций, обязанных проводить аудит, однако предлагаем распространить обязательное проведение внешнего аудита на большее количество средних и малых компаний, особенно тех, чьи акции обращаются на фондовом рынке [5].

Введение обязательного аудита для более широкого круга компаний усилит контроль за правомерностью принимаемых решений и, соответственно, за возлагаемой на них ответственностью. Это напрямую связано со ст. 53.1. Гражданского кодекса РФ, которая регулирует вопросы ответственности юридических лиц за действия своих представителей. Согласно этой статье юридическое лицо несет ответственность за действия своих органов управления и представителей, поскольку именно через них оно реализует свою волю и принимает решения. Однако несмотря на формальную ясность нормы на практике применение ст. 53.1 Гражданского кодекса РФ вызывает ряд вопросов и трудностей, в частности:

– подтверждение наличия полномочий: контрагенты часто сталкиваются с проблемой подтверждения факта наделения представителя соответствующими полномочиями;

– добросовестность контрагента: вопрос о добросовестности контрагента также является предметом споров, особенно если полномочия были предоставлены устно или косвенно;

– недействительность сделок: недействительные сделки создают проблемы для обеих сторон, поскольку приводят к неопределенности правовых последствий.

Особое внимание следует уделить вопросам защиты прав миноритарных акционеров. Миноритарные акционеры часто оказываются в ситуации, когда крупные инвесторы принимают решения, влияющие на компанию и затрагивающие их интересы, но без учета мнения меньших держателей акций. Хотя закон обязывает проводить голосование и тре-

бовать определенного уровня поддержки по важным вопросам, контроль за исполнением решений зачастую недостаточен. Компания может формально соблюдать требования закона, но фактически игнорировать интересы миноритариев. Все эти сложности наглядно иллюстрируются следующими примерами:

– злоупотребление контролем: мажоритарий может контролировать важные процессы голосования, обеспечивая поддержку своего решения большинством голосов, независимо от интересов остальных акционеров;

– формальное соблюдение процедур: компании часто обходят процедуру консультаций с миноритарными акционерами, ограничивая доступ к информации и участие в принятии решений формальным уведомлением о собрании.

Нужно пересмотреть действующие нормы, допуская более широкое представительство миноритариев в органах управления и наделяя их дополнительными полномочиями, такими как право вето на ключевые решения и правомочия самостоятельно инициировать судебное разбирательство в случае нарушения их интересов.

Немаловажной задачей является укрепление института независимых директоров. Статья 273 Трудового кодекса РФ вводит понятие руководителя организации, устанавливая минимальный перечень обязанностей и квалификационные требования [6]. Однако конкретные критерии компетентности, опыт и профессиональные знания в законе не прописаны детально. Система аттестации руководителей отсутствует, а сам факт наличия лицензии или диплома не гарантирует высокого уровня компетенции. Учитывая эти недостатки, для реального укрепления института независимых директоров следует ограничить совместительство постов председателя правления и члена совета директоров, увеличить долю независимых членов в составе последнего, ввести процедуру обязательной аттестации и организовать подготовку высококвалифицированных кадров.

Следует отметить высокую ценность цифровых технологий в повышении прозрачности корпоративного управления. Уже давно назрела необходимость широкого внедрения облачных технологий хранения данных, электронного документооборота и автоматизированных систем анализа большого объема информации, позволяющих снизить риск ошибок и выявить скрытые схемы злоупотреблений.

Еще одна важная мера – оптимизация налоговой политики, направленная на стимулирование высокого качества корпоративного управления и внедрение ESG-факторов, – является ключевым шагом для развития отечественного бизнеса [1]. Недостаточность существующих налоговых стимулов для компаний, инвестирующих в экологичность, социальную ответственность и прозрачность, снижает их конкурентоспособность и замедляет переход к устойчивому развитию. Необходимо ввести систему налоговых льгот, привязанных к ESG-рейтингам, например, снизить налог на прибыль, ввести налоговые вычеты на «зеленые» инвестиции и ускоренную амортизацию экологически чистых активов.

Внедряя дифференцированную налоговую нагрузку, учитывающую качество корпоративного управления, и стимулируя выпуск «зеленых» облигаций, государство сможет привлечь больше инвестиций в ответственный бизнес. Важно также создать прозрачные механизмы оценки ESG-показателей и поддерживать образовательные программы для компаний.

Наконец, возникает необходимость в разработке специального правового поля для регулирования виртуальных активов, таких как криптовалюта и цифровые токены. Однако несмотря на очевидную потребность в таком регулировании отсутствие четких законодательных рамок создает ряд существенных проблем. Криптовалюты, лишенные юридического статуса, открывают возможности для отмывания денег, уклонения от уплаты налогов и мошеннических схем, что подрывает финансовую стабильность и доверие к любым новым финансовым инструментам.

Решение заключается в комплексном подходе к регулированию. Необходимо определить криптовалюты либо как финансовый актив, либо как платежное средство, установив четкие требования к их эмиссии, обороту и хранению. Важно внедрить механизмы AML/CFT (противодействие отмыванию денег и финансированию терроризма) для платформ, работающих с виртуальными активами, а также разработать систему налогообложения операций с криптовалютами, обеспечивающую прозрачность и справедливость. Кроме того, следует активнее информировать граждан о рисках, связанных с виртуальными активами, и создавать инструменты для защиты инвесторов от мошенничества.

Все указанные направления нуждаются в комплексной проработке, согласованной с общими целями развития экономики страны и созданием условий для расширения присутствия российских компаний на глобальном уровне.

Основополагающим принципом такой комплексной проработки является признание того, что предприятие является ячейкой экономики и общества, а экономика предприятия – микроэкономической основой макроэкономики. Следовательно, при разработке и реализации стратегии развития предприятие должно учитывать ее взаимосвязь со стратегией экономического и социального развития. Что касается взаимосвязи между стратегией развития предприятия и стратегией экономического и социального развития, то она заключается главным образом в том, что стратегия развития предприятия должна основываться на стратегии экономического и социального развития.

Позиционирование и корректировка отрасли и продукции предприятия должны соответствовать национальной промышленной политике; масштабы развития, отраслевая структура и структура продукции предприятия должны способствовать трансформации методов экономического развития; технический прогресс и технологические инновации предприятия должны соответствовать тенденциям и направлению социального развития; путь развития предприятия должен соответствовать требованиям перехода на путь новой индустриализации, который способствует энергосбережению, сокращению выбросов и охране окружающей среды.

Создав прочную основу для успешного развития института корпоративного управления, Россия сможет укрепить свою позицию в глобальной экономике, привлечь новые инвестиции и реализовать потенциал собственного бизнеса. В связи с этим предлагаемые меры способны качественно изменить российское корпоративное управление, сделав его привлекательным для иностранных инвесторов и позволив отечественной экономике уверенно двигаться вперед в условиях жесткой глобальной конкуренции. Только объединив усилия законодателей, бизнеса и общественности, можно сформировать такую систему корпоративного управления, которая станет гарантией стабильности и процветания российской экономики в XXI веке.

Список источников

1. Романов И.Г. Методологические подходы к оценке участия национальных экономик в глобальных цепочках создания стоимости. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-podhody-k-otsenke-uchastiya-natsionalnyh-ekonomik-v-globalnyh-tsepochkah-sozdaniya-stoimosti (дата обращения: 30.09.2025).

2. Сметанин А.С., Морозова И.А., Сметанина А.И. ESG-менеджмент с применением искусственного интеллекта: подход к управлению устойчивым развитием бизнеса в условиях цифровой трансформации. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/esg-menedzhment-s-primeneniem-iskusstvennogo-intellekta-podhod-k-upravleniyu-ustoychivym-razvitiem-biznesa-v-usloviyah-tsifrovoy (дата обращения: 30.09.2025).

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025). Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

4. О рынке ценных бумаг: федер. закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ (посл. ред.). Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

5. Об аудиторской деятельности: федер. закон от 30.12.2008 № 307-ФЗ (посл. ред.). Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

6. Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.09.2025). Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

7. Нехода Е.В., Краковецкая И.В., Каз М.С. [и др.]. Подходы к оценке реализации устой-

References

1. Romanov I.G. Methodological approaches to assessing the participation of national economies in global value chains. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-podhody-k-otsenke-uchastiya-natsionalnyh-ekonomik-v-globalnyh-tsepochkah-sozdaniya-stoimosti (date of access: 30.09.2025).

2. Smetanin A.S., Morozova I.A., Smetanina A.I. ESG management using artificial intelligence: an approach to managing sustainable business development in the context of digital transformation. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/esg-menedzhment-s-primeneniem-iskusstvennogo-intellekta-podhod-k-upravleniyu-ustoychivym-razvitiem-biznesa-v-usloviyah-tsifrovoy (date of access: 30.09.2025).

3. The Civil Code of the Russian Federation (part one): feder. Law № 51-FL of 30.11.1994 (as amended on 31.07.2025) (as amended and supplemented, intro. effective from 01.08.2025). Access from the legal system «Garant».

4. About the securities market: feder. law dated 22.04.1996 № 39-FL (as amended). Access from the legal system «Garant».

5. About auditing activities: feder. law № 307-FL of 30.12.2008 (as amended). Access from the legal system «Garant».

6. The Labor Code of the Russian Federation: feder. law № 197-FL dated 30.12.2001 (as amended on 29.09.2025). Access from the legal system «Garant».

7. Nekhoda E.V., Krakovetskaya I.V., Kaz M.S. [and others]. Approaches to assessing the implementation

чивых практик бизнеса в условиях эволюции концепции устойчивого развития. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-otsenke-realizatsii-ustoychivyh-praktik-biznesa-v-usloviyah-evolyutsii-kontseptsii-ustoychivogo-razvitiya (дата обращения: 30.09.2025).

of sustainable business practices in the context of the evolution of the concept of sustainable development. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-otsenke-realizatsii-ustoychivyh-praktik-biznesa-v-usloviyah-evolyutsii-kontseptsii-ustoychivogo-razvitiya (date of access: 30.09.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Негодаева Елена Георгиевна, *кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Negodaeva Elena Georgievna, *PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 4 (115). – С. 80–85.
Philosophiya prava. 2025. № 4 (115). – Pp. 80–85.

Научная статья
УДК 347.44

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ АКТИВНОСТЬ ГРАЖДАН В РАМКАХ ИНСТИТУТА САМОЗАНЯТОСТИ: ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВОВОГО СТАТУСА И ПРИРОДЫ

Пономарева Наталья Витальевна
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, ponomari2008@yandex.ru

Введение: *вопрос индивидуальной предпринимательской активности граждан привлекает пристальное внимание в современных экономических реалиях. Одним из ключевых направлений легализации индивидуального предпринимательства стало появление категории «самозанятые граждане». Определение правового статуса самозанятых лиц, выявление специфики их участия в хозяйственном обороте и раскрытие основ правовой природы требуют отдельного изучения. Актуальность данной тематики обусловлена необходимостью оптимизации налогового администрирования, укрепления позиций малого бизнеса и поддержки субъектов предпринимательской деятельности, выступающих в роли самозанятых.*

Материалы и методы: *при проведении исследования использованы формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный методы. Проведен критический анализ законодательства.*

Результаты исследования: *правовой статус самозанятых граждан формируется на пересечении гражданского и налогового права, являясь переходной формой между обычными физическими лицами и полноценными предпринимателями. Самозанятые характеризуются возможностью самостоятельного ведения бизнеса без найма сотрудников, использованием специального налогового режима (налог на профессиональный доход) и соблюдением лимита дохода. Основным преимуществом является простота регистрации и налогообложения через специальное приложение «Мой налог».*

Выводы и заключение: *институт самозанятости является эффективным средством вовлечения граждан в сферу предпринимательской деятельности, стимулирует рост доходов населения и поддерживает стабильность в финансово-хозяйственной среде. Вместе с тем существует острая необходимость совершенствования правовых норм, определяющих правовой статус самозанятых граждан, устранения возможных пробелов и противоречий. Перспективы развития предполагают дальнейшее сближение правового статуса самозанятых с общей структурой предпринимательства, дополненное мерами социальной поддержки и улучшением налогового администрирования.*

Ключевые слова: *самозанятые граждане, индивидуальный предприниматель, налогообложение, правовой статус, налог на профессиональный доход, экономическая активность, государство, налоговые льготы, специальная регистрация, специальные налоговые режимы.*

Для цитирования: Пономарева Н. В. *Индивидуальная предпринимательская активность граждан в рамках института самозанятости: характеристика правового статуса и природы / Н. В. Пономарева // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4 (115). – С. 80–85.*

Original paper

DIGITAL TECHNOLOGIES AND FAMILY RELATIONS: MODERN REALITY AND LEGAL CHALLENGES

Ponomareva Natalia Vitalievna
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *the issue of individual entrepreneurial activity of citizens attracts close attention in modern economic realities. One of the key directions of the legalization of individual entrepreneurship has become the emergence of the category of «self-employed citizens». The determination of the legal status of self-employed persons, the identification of the specifics of their participation in economic turnover and the disclosure of the basics of the legal nature require a separate study. The relevance of this topic is due to the need to optimize tax administration, strengthen the position of small businesses and support business entities acting as self-employed.*

Materials and methods: *formal-legal, comparative-legal, system-structural methods were used in the research. A critical analysis of the legislation has been conducted.*

Results of the study: *the legal status of self-employed citizens is formed at the intersection of civil and tax law, being a transitional form between ordinary individuals and full-fledged entrepreneurs. The self-employed are characterized by the ability to independently run a business without hiring employees, using a special tax regime (professional income tax) and complying with the income limit. The main advantage is the ease of registration and taxation through a special «My Taxes» application.*

Findings and conclusions: *the institution of self-employment is an effective means of involving citizens in the field of entrepreneurial activity, stimulates the growth of household incomes and maintains stability in the financial and economic environment. At the same time, there is an urgent need to improve the legal norms governing the legal status of self-employed citizens and eliminate possible gaps and contradictions. The development prospects suggest a further convergence of the legal status of the self-employed with the general structure of entrepreneurship, complemented by social support measures and improved tax administration.*

Keywords: *self-employed citizens, individual entrepreneur, taxation, legal status, professional income tax, economic activity, government, tax benefits, special registration, special tax regimes.*

For citation: Ponomareva N. V. *Digital technologies and family relations: modern reality and legal challenges / N. V. Ponomareva // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4 (115). – Pp. 80–85.*

Индивидуально-предпринимательская активность граждан постепенно превращается в одну из доминирующих форм ведения хозяйства в условиях постиндустриального общества. Современная реальность предъявляет особые требования к уровню и качеству правового регулирования взаимоотношений между государством и гражданами, вовлеченными в процесс оказания услуг и производства товаров в собственном бизнесе. Новая институциональная конструкция – институт самозанятых граждан – приобрела особую популярность в последние годы, став предметом острых дебатов и серьезной критики.

Правовой статус самозанятых граждан возник как своеобразный компромисс между традиционными формами предпринимательства и современными цифровыми технологиями. Сегодняшняя правовая система предоставляет самозанятым лицам уникальный шанс начать собственный бизнес практически без бюрократических препятствий, что заметно отличает их от классических индивидуальных предпринимателей и юридических лиц. Тем не менее сам факт существования подобной разновидности правового статуса порождает целый спектр серьезных вопросов.

С 2019 г. в России был внедрен институт самозанятости [1], в рамках которого осуществляется эксперимент по введению специального налогового режима – налога на профессиональный доход. Данный вид налога распространяется на денежные поступления, извлекаемые гражданами, ведущими деятельность без привлечения работодателей и не заключающими трудовые соглашения с иными работниками, равно как и на прибыль, получаемую от пользования имуществом, находящимся в личной собственности. Вместе с тем действующее законодательство не содержит четкого нормативного закрепления дефиниции «самостоятельная профессиональная занятость» и не устанавливает конкретных квалификационных критериев, позволяющих точно квалифицировать род занятий и сферы приложения сил, доступные представителям упомянутой категории.

Самозанятые граждане, надлежащим образом зарегистрировавшиеся в рамках Федерального закона от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход”» (далее – Федеральный закон № 422-ФЗ), приобретают законную возможность заниматься предпринимательской деятельностью, обходя столь сложный этап, как учреждение юридического лица. Данная мера открывает перед ними поистине широчайшие горизонты для профессиональной самореализации: от предоставления

различного рода услуг до успешной торговли товарами. Такое решение, несомненно, оказывает положительное влияние на развитие сегмента малого бизнеса, облегчая стартовый этап для начинающих деятелей предпринимательской сферы.

По сведениям, опубликованным Федеральной налоговой службой (далее – ФНС России), на август 2025 г. общее количество граждан, реализовавших выбор в пользу особого налогового режима «самозанятость», превысило отметку 13 млн человек и составило 13 638 462 зарегистрированных налогоплательщика [2]. Из приведенных данных видно, что в течение последнего отчетного периода произошло увеличение численности данной категории граждан на 229 889 человек, что наглядно иллюстрирует сохраняющийся тренд возрастающей привлекательности указанного правового института.

Среди регионов с наибольшим количеством зарегистрированных самозанятых выделяются Москва (2 041 036 человек), Московская область (945 427), Санкт-Петербург (885 609), Краснодарский край (669 550), Свердловская область (413 839), Республика Татарстан (398 384), Ростовская область (396 662), Республика Дагестан (323 111), Самарская область (316 390) и Новосибирская область (310 406).

№	Наименование субъекта Российской Федерации	Сведения о количестве самозанятых граждан
1	г. Москва	2 041 036
2	Московская область	945 427
3	г. Санкт-Петербург	885 609
4	Краснодарский край	669 550
5	Свердловская область	413 839
6	Республика Татарстан	398 384
7	Ростовская область	396 662
8	Республика Дагестан	323 111
9	Самарская область	316 390
10	Новосибирская область	310 406

Стоит отметить, что в самом институте самозанятости заложен мощный стимул для расширения круга активных участников рыночных процессов. Но здесь важно учитывать риск утраты преимуществ подобного формата ведения бизнеса в силу недостаточного знания своего статуса и слабой осведомленности о правах и обязанностях. Соответственно, необходим постоянный мониторинг состояния самозанятых граждан, обучение их правильным юридическим нормам и приемам ведения бизнеса.

В связи с этим особую актуальность приобретает рассмотрение самого понятия самозанятого лица, а также правовой природы самозанятости как новой формы экономической активности.

Отсутствие четкого описания границ статуса самозанятого гражданина является основной проблемой данного института. Размытые критерии принадлежности к данному классу создают предпосылки для возникновения конфликтов между участниками экономической деятельности и контролирующими органами. Необходимо предпринять серьезные усилия по разработке универсальных стандартов идентификации самозанятых лиц, их полномочий и обязанностей.

Категория самозанятости зачастую воспринимается исключительно в связи с установленным налоговым режимом, согласно которому лица обязаны уплачивать налог на профессиональный доход (далее – НПД), регламентированный Федеральным законом № 422-ФЗ. Подобное восприятие формирует ограниченное понимание данного феномена, суживая представление о нем до рамок налогового статуса и игнорируя широкий спектр социальных и экономических аспектов, характеризующих явление самозанятости [3].

Данная дефиниция ограничивается узким налогово-правовым контекстом, не позволяя в полной мере оценить самозанятость как самостоятельную форму трудовой деятельности с ее уникальной правовой спецификой. Гражданское и трудовое законодательство не предоставляет никаких определений или специальных норм для самозанятых, что приводит к тому, что эти лица фактически оказываются вне рамок системного правового регулирования. Как справедливо подчеркивается в юридической литературе, рас-

смотрение самозанятости исключительно через призму налогового режима не отражает ее глубоких сущностных характеристик: «понятие «физическое лицо, применяющее специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход», не полностью соответствует термину «самозанятость», как он трактуется в законодательстве о занятости населения».

Предлагаемое определение звучит следующим образом: самозанятыми гражданами следует признать физических лиц, самостоятельно осуществляющих профессиональную деятельность без привлечения третьих лиц по трудовым договорам и не находящихся в трудовых отношениях с работодателем, добровольно избравших специальный налоговый режим и уведомивших уполномоченный налоговый орган о намерении заниматься соответствующей деятельностью в установленном порядке.

Анализ существующей нормативно-правовой базы позволяет сделать вывод о недостаточной полноте законодательного закрепления основных дефиниций, касающихся явления самозанятости. Данная ситуация порождает фрагментарность правового регулирования и отсутствие унифицированных критериев идентификации самозанятых лиц в качестве самостоятельных субъектов правовых отношений. Для преодоления этих трудностей и более точного определения правового положения самозанятых необходимо сосредоточиться на уточнении ключевых понятий в Федеральном законе № 422-ФЗ, в частности:

– «наемные работники»: четко определить, кого считать «наемным работником» в контексте НПД. Например, указать, что речь идет о работниках, с которыми заключен трудовой договор, и исключить из этого определения разовых фрилансеров, с которыми заключены гражданско-правовые договоры (при условии, что они не имеют признаков трудовых отношений);

– «перепродажа товаров» и «собственное производство»: уточнить, какие виды деятельности подпадают под запрет на перепродажу, а что считать «собственным производством». Например, выделить категории товаров, которые запрещено перепродавать (например, подакцизные товары, товары, требующие обязательной сертификации). Для «собственного производства» можно прописать, что оно подразумевает использование собственных материалов и трудовых ресурсов, а не просто сборку из готовых компонентов;

– «посреднические услуги»: разъяснить, какие виды посреднических услуг разрешены, а какие приравниваются к запрещенным (например, агентские договоры, если суть деятельности заключается в перепродаже);

– разъяснения ФНС России: активное информирование налогоплательщиков через официальные источники (сайт ФНС России, разъяснения, вебинары) по наиболее спорным вопросам. Федеральная налоговая служба может выпускать письма и рекомендации, которые, хотя и не являются нормативными актами, служат руководством к действию;

– разработка методических рекомендаций: создание подробных методических рекомендаций для налоговых органов и налогоплательщиков, в которых будут рассмотрены типовые ситуации и предложены пути их правового решения;

– система «категоризации» видов деятельности: возможно, в будущем стоит разработать систему, которая позволит более четко классифицировать виды деятельности в зависимости от налогового режима, чтобы избежать неопределенности.

Также примечательно, что в действующем Гражданском кодексе РФ категория самозанятых не выделена в отдельную группу участников гражданского оборота, что существенно осложняет полноценную реализацию их гражданской правоспособности, особенно в случаях заключения сложных сделок или долгосрочных контрактов.

С правовой точки зрения статус самозанятых характеризуется уникальной особенностью самостоятельного установления рабочей нагрузки и ценовых условий на предоставляемые ими услуги либо продукцию. Это обстоятельство способствует формированию обстановки повышенной гибкости и адаптируемости субъектов предпринимательской активности в рамках динамично развивающегося рыночного пространства. Тем не менее данная степень свободы сопряжена с рядом обязательств: самозанятым гражданам предписано неукоснительно придерживаться установленных норм налогообложения и вести строгий учет доходов, что предполагает высокий уровень самоорганизации и ответственность. Нарушение порядка оформления финансовой документации чревато привлечением к административной ответственности, включая наложение штрафов и иных негативных последствий.

Статусы самозанятого гражданина и наемного работника являются совместимыми: физическое лицо имеет право получать основной заработок как сотрудник организации, при этом оплачивая подоходный налог (НДФЛ) традиционным образом, и параллельно осуществлять деятельность в ста-

тусе самозанятого, уплачивая специальный налог на профессиональный доход. Последняя форма налогообложения применяется исключительно к прибыли, полученной непосредственно от самостоятельной профессиональной деятельности.

Кроме того, самозанятое лицо может выступать одновременно и индивидуальным предпринимателем (далее – ИП), без ограничения права заниматься трудовой деятельностью или коммерческой деятельностью в качестве индивидуального предпринимателя. Важно подчеркнуть, что, выбрав режим НПД, ИП тем самым отказывается от возможности применения других систем налогообложения, таких как ОСНО (Общая система налогообложения), УСН (Упрощенная система налогообложения) или ПСН (Патентная система налогообложения), что четко прописано в ст. 15 Федерального закона № 422-ФЗ. Таким образом, одновременное наличие статуса самозанятого и ИП возможно только при условии, что ИП полностью переходит на специальный налоговый режим НПД, исключая применение иных систем налогообложения.

Примечательной особенностью правового статуса самозанятых является возможность одновременного выполнения работы по трудовому договору и наличия статуса индивидуального предпринимателя, что позволяет осуществлять дополнительную деятельность, приносящую доход, как по трудовым, так и по гражданско-правовым договорам. Для исключения риска конфликтных ситуаций, вызванных множественностью правового статуса физического лица, целесообразно временно применять дифференцированный подход до завершения формирования полноценной нормативной базы, регламентирующей деятельность самозанятых граждан.

Самозанятые не обязаны сдавать никакой отчетности. После каждой продажи в течение суток они формируют чек в мобильном приложении «Мой налог» и отправляют его покупателю в виде ссылки, СМС-сообщения или через мессенджер. В каждом чеке необходимо указать сумму и наименование товара или услуги. Федеральная налоговая служба сама рассчитывает подлежащий уплате налог: 4 % – от продаж физическим лицам и 6 % – от продаж индивидуальным предпринимателям.

Следовательно, институт самозанятости обеспечивает физическим лицам оптимальный инструмент для занятия коммерческой деятельностью, характеризующейся пониженным объемом налоговых обременений и упрощенным порядком бухгалтерской отчетности.

Правовой анализ института самозанятости свидетельствует о том, что несмотря на широкую распространенность и очевидную востребованность данной формы экономической активности нормативное оформление института ограничено преимущественно вопросами налогообложения, тогда как гражданско-правовые, трудовые и социальные аспекты правового статуса самозанятых граждан находятся в стадии формирования и нуждаются в дополнительном регулировании.

Список источников

1. О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»: федер. закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ (ред. от 29.11.2024). Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

2. Платформа поставки данных ФНС России. URL: https://geochecki-vpd.nalog.gov.ru/self-employment (дата обращения: 26.09.2025).

3. Снегина С.Н. Особенности правового регулирования экономической деятельности в статусе самозанятого. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-regulirovaniya-ekonomicheskoy-deyatelnosti-v-statuse-samozanyatogo (дата обращения: 26.09.2025).

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

5. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: федер. закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

References

1. On conducting an experiment to establish a special tax regime «Tax on professional income»: feder. law of 27.11.2018 № 422-FL (as amended on 29.11.2024). Access from the legal system «Garant».

2. The data delivery platform of the Federal Tax Service of Russia. URL: https://geochecki-vpd.nalog.gov.ru/self-employment (date of access: 26.09.2025).

3. Snegina S.N. Features of the legal regulation of economic activity in the status of self-employed. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-regulirovaniya-ekonomicheskoy-deyatelnosti-v-statuse-samozanyatogo (date of access: 26.09.2025).

4. The Civil Code of the Russian Federation (part one): feder. law № 51-FL of 30.11.1994. Access from the legal system «Garant».

5. On the development of small and medium-sized enterprises in the Russian Federation: feder. law of 24.07.2007 № 209-FL. Access from the legal system «Garant».

6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

7. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 31.07.1998 № 146-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

6. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the nationwide vote on 01.07.2020). Access from the legal system «Garant».

7. The Tax Code of the Russian Federation (Part one): feder. law of 31.07.1998 № 146-FL. Access from the legal system «Garant».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пономарева Наталья Витальевна, *кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ponomareva Natalia Vitalievna, *PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 4 (115). – С. 86–93.
Philosophiya prava. 2025. № 4 (115). – Pp. 86–93.

Научная статья
УДК 347.626.1

К ВОПРОСУ О ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ СИСТЕМАМИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Фатхи Валентина Игоревна
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, v.i.fatkhi@gmail.com

Батурина Наталия Игоревна
Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Российская Федерация, nataliya_baturina@mail.ru

Фатхи Денис Владимирович
Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, dfathi@donstu.ru

Введение: *стремительная эволюция технологий искусственного интеллекта (ИИ), особенно в области самообучающихся и автономных систем, порождает фундаментальные вызовы для традиционных правовых конструкций, сформированных в антропоцентричной парадигме. Ключевой проблемой становится «разрыв ответственности» – ситуация, когда невозможно однозначно возложить ответственность за вред, причиненный решениями ИИ. В статье проводится комплексный анализ существующих и перспективных моделей распределения ответственности за вред, причиненный системами ИИ.*

Материалы и методы: *методологическую основу научной статьи составляет совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимают анализ, синтез, обобщение и методы сравнительного правоведения.*

Результаты исследования: *на основе сравнительно-правового исследования релевантного зарубежного опыта и новейших доктринальных разработок авторами предлагаются контуры гибридной, риск-ориентированной распределенной модели ответственности. Данная модель призвана обеспечить справедливое распределение бремени возмещения вреда, стимулирование ответственной разработки и внедрения ИИ, а также защиту прав потерпевших, не препятствуя при этом технологическому прогрессу.*

Выводы и заключения: *авторами доказывается целесообразность внедрения риск-ориентированной модели распределенной ответственности, нормативно правового закрепления механизма «значимого человеческого контроля», что необходимо для предотвращения угроз безопасности личности и общества, а также недопущения нарушений прав человека.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, гражданско-правовая ответственность, причинение вреда, разрыв ответственности, правосубъектность искусственного интеллекта.*

Для цитирования: Фатхи В. И., Батурина Н. И., Фатхи Д. В. *К вопросу о гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный системами искусственного интеллекта / В. И. Фатхи, Н. И. Батурина, Д. В. Фатхи / Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4 (115). – С. 86–93.*

Original paper

ON THE ISSUE OF CIVIL LIABILITY FOR DAMAGE CAUSED BY ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS

Fatkhi Valentina Igorevna
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Baturina Natalia Igorevna
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation

Fatkhi Denis Vladimirovich
Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *the rapid evolution of artificial intelligence (AI) technologies, especially in the field of self-learning and autonomous systems, poses fundamental challenges to traditional legal structures formed in an anthropocentric paradigm. The key problem becomes the «responsibility gap» – a situation where it is impossible to unequivocally assign responsibility for the harm caused by AI solutions. The article provides a comprehensive analysis of existing and prospective models for the allocation of responsibility for harm caused by AI systems.*

Materials and methods: *the methodological basis of the scientific article is a set of methods of scientific knowledge, among which the main place is occupied by analysis, synthesis, generalization and methods of comparative jurisprudence.*

Results of the study: *based on a comparative legal study of relevant foreign experience and the latest doctrinal developments, the authors propose the contours of a hybrid, risk-oriented distributed responsibility model. This model is designed to ensure a fair distribution of the burden of harm compensation, stimulate responsible development and implementation of AI, as well as protect the rights of victims, without hindering technological progress.*

Findings and conclusions: *the authors prove the expediency of introducing a risk-based model of distributed responsibility, the regulatory consolidation of the mechanism of «meaningful human control», which is necessary to prevent threats to the security of individuals and society, as well as the prevention of human rights violations.*

Keywords: *artificial intelligence, civil liability, harm, liability gap, legal personality of artificial intelligence.*

For citation: Fatkhi V. I., Baturina N. I., Fatkhi D. V. *On the issue of civil liability for damage caused by artificial intelligence systems / V. I. Fatkhi, N. I. Baturina, D. V. Fatkhi // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4 (115). – Pp. 86–93.*

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) порождает новые вызовы для правовых систем, что способствует необходимости тщательного правового регулирования их применения. Всего за семь десятилетий ИИ прошел путь от теоретических размышлений Алана Тьюринга в статье 1950 г. «Вычислительные машины и разум» [1] до интеграции в повседневную жизнь, найдя практическую реализацию в различных сферах. Как подчеркивается в литературе, «сегодня ИИ – это чрезвычайно многогранная и комплексная сфера деятельности, аккумулирующая в себе результаты многих наук, таких как генная инженерия, биотехнологии, медицина, нанотехнологии, робототехника, микроэлектроника, психология, социология и др.» [2, с. 5]. В 2025 г. мировой рынок ИИ, согласно исследованию Grand View Research, составляет 390 млрд долларов, а в правительстве России прогнозируют, что российский рынок ИИ в 2025 г. достигнет триллиона рублей[1].

Искусственный интеллект представляет собой систему, способную действовать автономно, без непосредственного управления человеком, имитируя при этом когнитивные функции человека. Правовая регламентация отношений в сфере создания и практического применения ИИ в России имеет недолгую историю. Первым юридическим документом, положившим начало разработке нормативной правовой базы ИИ в России, стала Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 г. в Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) (далее – Национальная стратегия развития ИИ). Согласно легальному определению, искусственный интеллект – «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений» (пп. «а» п. 5 Национальной стратегии развития ИИ). Данное определение подчеркивает функциональный подход законодателя к дефиниции искусственного интеллекта, что имеет ключевое значение для вопросов ответственности.

Во всем мире предпринимаются попытки ответственного, прозрачного и подотчетного применения ИИ-систем, при этом сам искусственный интеллект правосубъектностью не наделяется, за исключением Саудовской Аравии, где человекоподобный робот по имени София был признан гражданином страны с правами и обязанностями, эквивалентными правам и обязанностям

[1] Читайте подробнее: URL: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2025/02/23/1092331-gosudarstvo-i-biznes?from=copy_text (дата обращения: 20.09.2025).

человека[2]. Ключевой проблемой для правового регулирования является вопрос, как разделить ответственность за вред, причиненный ИИ-системами, между теми, кто их создал, контролирует и использует. Данный вопрос приобретает особую актуальность в перспективе самообучающихся автономных систем, способных продолжать «обучаться» и развиваться в процессе использования. Это приводит к ситуации, когда даже самый добросовестный разработчик не в состоянии предвидеть все возможные последствия работы созданного им алгоритма. Только в таком случае «речь идет об автономности воли системы искусственного интеллекта, т. е. в остальных случаях она с точки зрения права все же является орудием или средством» [3] совершения правонарушения, а не его субъектом.

Примером такой распределенной ответственности можно считать ставший уже классическим для научных статей и учебных изданий коллизионный вопрос о возмещении вреда, причиненного беспилотным транспортным средством. Кто несет ответственность за такой вред, если в создании беспилотного транспортного средства участвуют десятки специалистов (программисты, data scientis-специалисты, инженеры-разработчики, тестировщики, операторы и т. д.), решение об эксплуатации принимает Компания (разработчик, заказчик и т. д.), правомочия собственности принадлежат конкретному субъекту, а использует другое лицо (эксплуатант)? И кто может гарантировать, что автономно генерируемые решения ИИ-системы принимаются с учетом интересов человека и не основаны на вероятностных моделях или каких-либо предубеждениях?

Традиционные правовые доктрины, формировавшиеся веками в антропоцентричной парадигме, сталкиваются с ситуацией, когда «субъектом» правоотношения становится не человек, а алгоритм, чье поведение может быть непредсказуемым, необъяснимым и неконтролируемым в режиме реального времени. Это приводит к возникновению правового вакуума, обозначаемого в англоязычной литературе как «разрыв ответственности» (accountability gap) [4], т. е. складывается правовая ситуация, при которой невозможно в полной мере и справедливо возложить ответственность за вред на конкретного субъекта или осуществить разграничение ответственности по основаниям и в порядке, предусмотренным действующим законодательством.

Мельникова Е.Н. выделяет три основных подхода к разрешению ситуации «разрыва ответственности», сложившихся в правовой доктрине: «фатализм» (проблема неразрешима), «дефационизм» (достаточно имеющегося правового регулирования), «решенизм» (необходимость внедрениям новых технических и (или) юридических инструментов) [5, с. 80–92]. Филипова И.А. указывает на пять вариантов возможного определения лица, ответственного за вред, причиненный ИИ-системами: ответственность всегда несет владелец системы искусственного интеллекта; частичное освобождение от ответственности посредством выплаты потерпевшему страхового возмещения; полное освобождение кого-либо от ответственности; разделение ответственности; ответственность самой системы искусственного интеллекта [6, с. 182–183]. Бахтеев Д.В. подчеркивает, что ответственность при использовании ИИ-систем может быть распределена согласно 11 моделям, и приходит к обоснованному выводу о необходимости самостоятельной правовой оценки систем искусственного интеллекта, вне сравнения с уже существующими правовыми категориями [3]. С этим выводом невозможно не согласиться.

В современной правовой доктрине можно выделить три основных подхода к проблеме ответственности за вред, причиненный действиями (бездействием ИИ-систем):

1. Ответственность субъекта за вред, причиненный ИИ-системами. Вред возмещается физическим или юридическим лицом, создающим, владеющим или использующим ИИ: разработчик, производитель, оператор, владелец и т. д. Применительно к российской правовой системе речь идет о привлечении к деликтной ответственности по правилам о возмещении вреда, причиненного источником повышенной опасности (ст. 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) либо в силу ст. 1064 ГК РФ. Однако данная модель не учитывает ключевой особенности сложных ИИ – его автономности. Если вред наступил в результате решения, которое не мог предвидеть даже самый добросовестный разработчик (например, из-за непредсказуемости выбора нейросети), несправедливо привлекать к ответственности человека. Механизм ст. 1079 ГК РФ возлагает ответственность на владельца источника повышенной опасности, что не решает проблему распределения бремени возмещения причиненного ущерба между

[2] Саудовская Аравия предоставила гражданство роботу. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3454104 (дата обращения: 22.09.2025).

ним и разработчиком ИИ-систем, если вред наступил в результате скрытого дефекта алгоритма.

2. Признание правосубъектности ИИ по типу «электронное лицо» [7, с. 10–14; 8, с. 27–32; 9, с. 221–236]. Это достаточно спорная и радикальная концепция, предлагающая наделить автономные ИИ-системы правосубъектностью и, соответственно, деликтоспособностью за счет принадлежащих ему обособленных активов (например, за счет страхования). Однако ИИ лишен сознания, свободной воли, намерений и понимания правовых последствий своих «действий» (бездействий), что является краеугольным камнем классической теории правосубъектности. Кроме того, концепция признания правосубъектности ИИ, хоть и ограниченной, не решает проблему изначального распределения ущерба, а лишь создает искусственного «виновного». В конечном счете обособленные активы такого «электронного лица» формируются реальными субъектами (разработчиками, владельцами и т. д.), и вопрос об их первоначальном вкладе и распределении рисков остается открытым. Авторы являются сторонниками запрета признания ИИ «личностью» или субъектом права. Имитация ИИ человеческой мыследеятельности не может считаться приемлемой: попытки замещения человека в процессах принятия решений уже в ряде случаев влекут поломанные судьбы и смерти реальных людей, за которые не с кого спросить об ответственности [10, с. 48].

3. Модель – ответственность за недостаток товара (продукта). Эта модель чрезмерно упрощает проблему, сводя ее к материальному носителю, в то время как основной вредоносный потенциал заключен в программном обеспечении и данных, которые постоянно обновляются.

Таким образом, ни одна из этих моделей не предлагает комплексного и справедливого решения, адекватного распределению рисков и угроз в реальной экосистеме создания и использования систем ИИ. Сегодня мировое сообщество находится в активном поиске оптимальной модели регулирования. Регулирование в цифровой сфере отличается в зависимости от правовой культуры: в англосаксонских странах – США, Австралия, Новая Зеландия и Великобритании – отличается либеральными моделями правового регулирования, в Евросоюзе – императивными. Анализ зарубежного опыта позволяет выделить следующие модели ответственности за вред, причиненный ИИ-системами.

Комплексное регулирование ответственности ИИ-систем в Евросоюзе. Регламент или Закон об искусственном интеллекте (далее – Регламент)[3], принятый 13 марта 2024 г. Европарламентом, является важной вехой на пути формирования нового технологического уклада, определяющего развитие человечества в XXI столетии. В Регламенте используются такие понятия, как «риск», «системный риск», где под риском имеется в виду сочетание вероятности причинения вреда и тяжести этого вреда, а под системными рисками – увеличивающиеся с возможностями и охватом модели на протяжении всего ее жизненного цикла риски, на которые влияют условия неправильного использования модели, ее надежность, справедливость и безопасность, уровень автономности, комбинированные модальности, стратегии выпуска и распространения и другие факторы [11, с. 39]. Вопросу ответственности посвящен отдельный предлагаемый акт – «Директива об адаптации правил внедоговорной ответственности к искусственному интеллекту»[4]. Она вводит «презумпцию причинно-следственной связи» между нарушением обязательных требований и причиненным ущербом, что кардинально облегчает бремя доказывания для потерпевшего. Ответственность при этом возлагается либо на оператора ИИ «высокого риска», либо в зависимости от наличия вины – на субъекта, использующего ИИ.

Децентрализованный и отраслевой подход, характерный для США. В США отсутствует единый федеральный закон, регулирующий ИИ. На уровне федерации принимаются исполнительные указы[5], задающие общие принципы использования систем ИИ, рассматривается более 1000 законопроектов, связанных с ИИ, причем подавляющее большинство из них – на уровне штатов[6]. Ключевую роль играют регуляторы в конкретных отраслях: Управление по кон-

[3] European artificial intelligence act comes into force. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_24_4123 (дата обращения: 20.09.2025).
[4] Directive of the European parliament and of the council. URL: https://ai.gov.ru/upload/iblock/d9a/m64n22m2lhhgedyf4fjy103b9afzao4x.pdf (дата обращения: 20.09.2025).
[5] Например: Removing barriers to American leadership in artificial intelligence. URL: https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/removing-barriers-to-american-leadership-in-artificial-intelligence/ (дата обращения: 21.09.2025).
[6] We're not ready for AI Liability. URL: https://ai-frontiers.org/articles/options-for-ai-liability (дата обращения: 21.09.2025).

тролю за продуктами и лекарствами США (FDA)[7] одобряет/запрещает использование ИИ-систем в медицине, Национальное управление безопасностью движения на трассах (NHTSA)[8] – беспилотные автомобили. В отсутствие надлежащего правового регулирования контуры ответственности за вред, причиненный «действиями/ бездействием» ИИ-систем, весьма размыты.

Тройственная структура ответственности «разработчик – оператор – пользователь» в Китае. Китай развивает правовое регулирование ИИ, фокусируясь на управлении данными, алгоритмами и обеспечении национальной безопасности, делая ставку на жесткие требования для провайдеров алгоритмов (требования к безопасности, прозрачности, предотвращению предвзятости) и приоритет государственного контроля. Согласно «Положению об управлении углубленным синтезом информационных услуг Интернета» Китая, когда речь заходит о деликтной ответственности генеративного искусственного интеллекта, обычно существуют три основных субъекта: разработчики сервисных технологий, поставщики услуг (операторы) и пользователи услуг[9].

Обратимся к отечественному правовому опыту. Принятые документы, такие как Национальная стратегия развития ИИ и Концепция регулирования ИИ и робототехники, носят рамочный характер и лишь обозначают проблему ответственности. В российском гражданском законодательстве содержатся нормы, устанавливающие общие начала и особенности как деликтной, так и договорной ответственности в силу существенного различия в правовой природе обязательств по основанию их возникновения: из деликта и договора. В рамках экспериментальных правовых режимов участников обязывают страховать гражданскую ответственность при реализации экспериментального правового режима, в том числе в результате использования технологий искусственного интеллекта[10]. В октябре 2021 г. в России был принят рекомендательный Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта[11], в мае 2025 г. – Кодекс этики в сфере разработки и применения искусственного интеллекта на финансовом рынке[12], предусматривающие, что за последствия работы ИИ-систем всегда должен отвечать конкретный актор – физическое или юридическое лицо.

При этом в силу таких свойств ИИ-систем, как автономность, непрозрачность, самообучаемость, а также вовлеченности множества независимых субъектов в создание и эксплуатацию одной такой системы, традиционные механизмы доказывания вины и причинно-следственной связи становятся неэффективными. Без четких нормативно закрепленных, обеспеченных принудительной силой государства правил распределения ответственности потерпевший окажется в положении, когда ему придется вести тяжбу с несколькими технологическими компаниями, каждая из которых будет ссылаться на вину другого участника цепочки: разработчик базовой модели – сборщик и поставщик данных – интегратор/настройщик – производитель аппаратного обеспечения – оператор/ владелец – конечный пользователь.

В такой ситуации необходимо признание распределенной ответственности как гражданско-правовой конструкции, в рамках которой обязанность по возмещению вреда, причиненного «действиями/бездействием» автономной системы ИИ, возлагается на нескольких субъектов, связанных с ее созданием, обучением и эксплуатацией, с учетом их функциональной роли, степени контроля и возможности минимизировать риск. Несомненно, концепция распределенной ответственности предусматривает четкое распределение ролей и обязанностей каждого субъекта, задокументированное на каждом этапе (проектирование, разработка, внедрение, обучение, мониторинг, использование).

Полагаем необходимым законодательное закрепление риск-ориентированной модели распределенной ответственности в сфере систем ИИ, которое должно базироваться на следующих принципах:

[7] 10 принципов FDA относительно регулирования ИИ в здравоохранении. URL: https://webiomed.ru/blog/10-printsipov-fda-regulirovaniia-ii/ (дата обращения: 21.09.2025).
[8] National Highway Traffic Safety Administration // URL: https://www.nhtsa.gov/ (дата обращения: 21.09.2025).
[9] 生成式人工智能侵权责任问题研究. URL: https://www.shszfy.gov.cn/detail.jhtml?id=2025051909080633860ec82bf948302e (дата обращения: 21.09.2025).
[10] О внесении изменений в Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»: федер. закон от 08.07.2024 № 169-ФЗ (посл. ред.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
[11] Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта (от 26 октября 2021 г.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
[12] О Кодексе этики в сфере разработки и применения искусственного интеллекта на финансовом рынке: информационное письмо Банка России от 09.07.2025 № ИН-016-13/91. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

– принцип солидарной ответственности для ИИ-систем высокого и неприемлемого риска, что гарантирует потерпевшему возмещение вреда в полном объеме. Внутренние правоотношения между солидарными должниками (регрессные требования) будут определяться исходя из их договоренностей и степени вины (вклада в причинение вреда), которую можно установить;

– принцип долевой ответственности для систем значительного и низкого риска: если степень вины каждого из субъектов в причинении вреда может быть установлена, ответственность распределяется между ними в соответствующих долях. Бремя доказывания размера своей доли лежит на каждом из ответчиков;

– презумпция строгой/безусловной ответственности для систем высокого риска, в частности, возложение на разработчика и интегратора ИИ-систем бремени доказывания отсутствия своей вины. Для этого необходимо ввести обязательную сертификацию всех высокорисковых систем с регистрацией в соответствующем государственном реестре. Соблюдение утвержденных государством стандартов, прохождение обязательной сертификации и оценок соответствия для систем высокого риска должно быть весомым, но не безусловным доказательством отсутствия вины разработчика. Если будет доказано, что даже при формальном соблюдении всех требований вред был причинен из-за скрытого дефекта, ответственность все равно может наступить;

– обязательное страхование гражданско-правовой ответственности разработчиков и операторов систем ИИ высокого риска. Размер страховой суммы должен быть адекватен потенциальному ущербу. Необходимо установить минимальные стандарты страхового покрытия для ключевых отраслей (медицина, транспорт, финансы).

Говоря об ответственности автономных ИИ-систем, неизбежно возникает вопрос, связанный со степенью контроля над автономными системами со стороны человека. Для решения этих проблем в ходе политико-правовых дебатов британской неправительственной организацией в ст. 36 в 2013 г. (British NGO Article 36) был введен принцип «значимого человеческого контроля» [12, с. 16]. Согласно этому принципу люди, а не алгоритмы ИИ, должны в конечном счете контролировать и, следовательно, нести ответственность за принятие соответствующих решений. Основу философского подхода к значимому человеческому контролю, опираясь на концепцию «управляемого контроля», разработанную в ходе философских дебатов о свободе воли и моральной ответственности, заложили Филиппо Сантони де Сио и Йеруна ван ден Ховен [13]. Авторы формулируют конкретные условия, которые должны быть выполнены, чтобы над системой осуществлялся осмысленный контроль: информированность оператора о ситуации, целях системы и возможных последствиях ее действий; мотивация оператора на осуществление контроля в соответствии с нормами морали (например, оператор не должен быть уставшим или безразличным); знания и навыки оператора; возможность оказать влияние на поведение системы в решающие моменты. Заложенные в данном исследовании принципы направлены на преодоление «разрыва ответственности» через создание проработанной теоретической модели осуществления человеческого контроля за действиями ИИ-систем, а также обосновывают необходимость создания соответствующей правовой среды использования автономных ИИ-систем, в которой осмысленный контроль возможен и обязателен.

Полагаем, что необходимость нормативно-правового закрепления «значимого человеческого контроля» обусловлена следующим:

1. Без законодательного определения параметров осуществления «значимого человеческого контроля» возникает правовая неопределенность. Даже при распределенной ответственности невозможно установить, какие конкретно действия/бездействие каждого участника цепочки создания и использования ИИ следует считать виновными. Юридическая фиксация требований к контролю (например, необходимость системы мониторинга, протоколирования решений и возможности вмешательства оператора) создает четкие стандарты поведения, отклонение от которых будет являться основанием для привлечения к ответственности.

2. Распределение ответственности между несколькими субъектами требует четкого обоснования. Таким обоснованием выступает способность каждого из них осуществлять контроль на своем участке работы. Таким образом, ответственность становится производной от невыполнения законодательно установленных контрольных функций, а не от самого факта создания или использования «вредоносной» ИИ-технологии.

3. Нормативное закрепление критериев «значимого человеческого контроля» создает необходимые инструменты доказывания.

В частности, если потерпевший демонстрирует, что вред наступил из-за ситуации, которую должен был предотвратить контроль со стороны ответчика (например, оператор проигнорировал системные предупреждения, а разработчик не предусмотрел алгоритм обработки ошибочных суждений ИИ-систем), это становится весомым доказательством вины конкретного субъекта. Требование к прохождению обязательной сертификации и оценок соответствия, закрепленное в законе, снимает с потерпевшего непосильное бремя доказывания того, что именно пошло не так внутри «черного ящика».

4. Четкие юридические требования к контролю переводят этические принципы в плоскость правового комплаенса. Это создает для организаций четко определенные правила законной деятельности и стимулирует инвестиции в создание контролируемых и безопасных ИИ-систем.

Таким образом, юридическое закрепление значимого человеческого контроля является не просто дополнением к модели распределенной ответственности, а ее системообразующим элементом. Данный подход обеспечивает компенсационную защиту потерпевших, стимулирует ответственное развитие технологий и минимизирует правовые риски для цифровой экономики, не создавая неоправданных барьеров для технологического прогресса.

Список источников

1. Тьюринг А. Вычислительные машины и разум / пер. с англ. К. Королева. М., 2018.
2. Ватьян А.С., Гусарова Н.Ф., Добренко Н.В. Системы искусственного интеллекта. СПб., 2022.
3. Бахтеев Д.В. Правовой статус систем искусственного интеллекта и модели дифференциации юридической ответственности за причиненный ими вред // Lex russica. 2024. № 77(4).
4. Matthias A. The responsibility gap: Ascribing responsibility for the actions of learning automata. Ethics and Information Technology. 2004.
5. Мельникова Е.Н. Проблема «разрыва ответственности» за вред, причиненный использованием систем и приложений искусственного интеллекта // Российский юридический журнал. 2024. № 4(157).
6. Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие. 3-е издание, обновл. и дополн. Н. Новгород, 2025.
7. Болотаева О.С. Признаки правосубъектности электронного лица / // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: История. Политология. Право. 2022. № 4(28).
8. Богданов В.М. Искусственный интеллект как субъект предпринимательской деятельности // Бизнес, менеджмент и право. 2025. № 2(66).
9. Ларинская А.В. Правовое регулирование и основные элементы правосубъектности юнитов искусственного интеллекта / А.В. Ларинская, А.К. Шереметьева // Вопросы российского и международного права. 2025. № 1-1. Т. 15.
10. Овчинников А.И. Человеческая идентичность и права человека в условиях сингу-

References

1. Turing A. Computing machines and Reason / translated from English by K. Koroleva, Moscow, 2018.
2. Vatian A.S., Gusarova N.F., Dobrenko N.V. Artificial intelligence systems. St. Petersburg, 2022.
3. Bateev D.V. Governing Statute of the public Administration system and Public Administration Methodology for the primary period // Lex Russia. 2024. № 77(4).
4. Mattias A. The gap in responsibility: attributing responsibility for the actions of learning automata. Ethics and information technology. 2004.
5. Melnikova E.N. The problem of the «liability gap» for harm caused by the use of artificial intelligence systems and applications // Russian Law Journal. 2024. № 4(157).
6. Filipova I.A. Legal regulation of artificial intelligence: a textbook. 3rd edition, updated and supplemented N. Novgorod, 2025.
7. Bolotaeva O.S. Signs of the legal personality of an electronic person / // Bulletin of the Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov. Series: History. Political science. Right. 2022. № 4(28).
8. Bogdanov V.M. Artificial intelligence as a business entity // Business, management and law. 2025. № 2(66).
9. Larinskaya A.V. Legal regulation and the main elements of legal personality of artificial intelligence units / A.V. Larinskaya, A.K. Sheremetyeva // Issues of Russian and international law. 2025. № 1-1. V. 15.
10. Ovchinnikov A.I. Human identity and human rights in the context of a singularity: a philosophical and legal dimension / A.I. Ovchinnikov, N.V. Krotkova, V.I. Fathi // State and Law. 2025. № 3.
11. Ovchinnikov A.I. Goals and objectives of legal expertise in the field of digital

лярности: философско-правовое измерение / А.И. Овчинников, Н.В. Кроткова, В.И. Фатхи // Государство и право. 2025. № 3.

11. Овчинников А.И. Цели и задачи правовых экспертиз в сфере применения цифровых технологий: обеспечение безопасности общества и прав человека / А.И. Овчинников, В.И. Фатхи // Философия права. 2024. № 4(111).

12. Булавинова М.П. «Значимый человеческий контроль» как основа для этического и правового регулирования применения автономных систем // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 8: Науковедение. 2020. № 4.

13. Де Сио де Сио Ф.С. Meaningful Human Control over Autonomous Systems: A Philosophical Account // Frontiers in Robotics and al. 2018. V. 5.

technologies: ensuring the security of society and human rights / A.I. Ovchinnikov, V.I. Fathi // Philosophy of Law. 2024. № 4(111).

12. Bulavinova M.P. «Meaningful human control» as a basis for ethical and legal regulation of the use of autonomous systems / // Social Sciences and Humanities. Russian and foreign literature. Series 8: Science Studies. 2020. № 4.

13. Di Sio di Sio S. Meaningful human control over autonomous systems: a philosophical view // Frontiers in robotics and others, 2018. V. 5.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Фатхи Валентина Игоревна, *кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*
ORCID: 0009-0004-9859-5571

Батурина Наталия Игоревна, *кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин. Волгоградская академия МВД России. 400075, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.*
ORCID: 0000-0003-4306-2749

Фатхи Денис Владимирович, *кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры информационных технологий. Донской государственный технический университет. 344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Fatkhi Valentina Igorevna, *PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Baturina Natalia Igorevna, *PhD in Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Civil Law Disciplines. Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 130, Historical St., Volgograd 400075 Russian Federation.*

Fatkhi Denis Vladimirovich, *PhD in Technical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Information Technology Department. Don State Technical University. 1, Gagarin Square, Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 4 (115). – С. 94–98.
Philosophiya prava. 2025. № 4 (115). – Pp. 94–98.

Научная статья
УДК 343.98

ЗНАЧЕНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ИНФОРМАЦИИ В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ НЕПРАВОМЕРНОГО ДОСТУПА К КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ, СОВЕРШАЕМОГО ДОЛЖНОСТНЫМИ ЛИЦАМИ

Ганжа Максим Владиславович
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, Putrin.p@yandex.ru

Введение: *одним из ключевых субъектов цифрового взаимодействия в современной России выступают операторы сотовой связи, предоставляющие телекоммуникационные услуги практически каждому жителю страны. Ввиду того, что сотрудники сотовых компаний обладают доступом к персональным данным, возникает потенциальная угроза получения к ним неправомерного доступа. Это в свою очередь предопределяет необходимость выстраивания эффективного механизма предупреждения, выявления и пресечения подобных действий.*

Материалы и методы: *в работе применялись общенаучные методы анализа, синтеза, классификации, обобщения и интерпретации, а также системный и функциональный подход к изучению роли оперативно-розыскной информации в выявлении, раскрытии и расследовании преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 272 УК РФ. В ходе исследования проанализированы научные труды С.С. Овчинского, И.М. Волчкова, В.А. Лукашова, В.Ю. Голубовского, С.В. Зуева и др., посвященные вопросам сущности и классификации оперативно-розыскной информации.*

Результаты исследования: *оперативно-розыскная информация позволяет установить факт и способы совершения преступления, круг причастных лиц, а также цифровые следы. Вместе с тем выявлены факторы, затрудняющие эффективное использование оперативно-розыскной информации: задержки в получении информации, отсутствие отлаженных каналов связи между правоохранительными органами и коммерческими организациями, сложности в идентификации пользователей. Отмечена зависимость результативности применения оперативно-розыскной информации от уровня профессиональной подготовки оперативных сотрудников, их технической компетентности и знания особенностей преступлений в сфере компьютерной информации.*

Выводы и заключения: *значение оперативно-розыскной информации выходит за рамки помощи следствию – она обеспечивает основу для построения версий, планирования следственных и оперативных мероприятий. Современная оперативно-розыскная деятельность в данном направлении требует не только знания правовых основ, но и высокой компетентности в сфере информационных технологий, что обусловлено спецификой цифровых следов и методов сокрытия преступлений.*

Ключевые слова: *оперативно-розыскная информация, неправомерный доступ к компьютерной информации, должностные лица, цифровые следы, оперативно-розыскная деятельность, расследование компьютерных преступлений.*

Для цитирования: Ганжа М. В. *Значение оперативно-розыскной информации в раскрытии и расследовании неправомерного доступа к компьютерной информации, совершаемого должностными лицами / М. В. Ганжа // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3 (114). – С. 94–98.*

Original paper

THE IMPORTANCE OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE INFORMATION IN THE DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF UNLAWFUL ACCESS TO COMPUTER INFORMATION BY OFFICIALS

Ganzha Maxim Vladislavovich
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *mobile operators are one of the key players in digital interactions in modern Russia, providing telecommunications services to virtually every resident of the country. Given that mobile company employees have access to personal data, there is a potential threat of unauthorized access. This, in turn, necessitates the development of an effective mechanism to prevent, detect, and suppress such actions.*

Materials and methods: *this study utilized general scientific methods of analysis, synthesis, classification, generalization, and interpretation, as well as a systems and functional approach to studying the role of operational-search information in the detection, detection, and investigation of crimes under Part 3 of Article 272 of the Criminal Code of the Russian Federation. The study also analyzed the works of S.S. Ovchinsky, I.M. Volchkov, V.A. Lukashov, V.Yu. Golubovsky, S.V. Zuev, and others, devoted to the nature and classification of operational-search information.*

Results of the study: *investigative intelligence allows us to establish the fact and method of committing a crime, the circle of persons involved, and digital traces. However, factors hindering the effective use of investigative intelligence were identified: delays in obtaining information, the lack of established communication channels between law enforcement agencies and commercial organizations, and difficulties in user identification. The effectiveness of investigative intelligence depends on the level of professional training of operational personnel, their technical competence, and their knowledge of the specifics of computer crimes.*

Findings and conclusions: *the importance of investigative intelligence extends beyond assisting the investigation – it provides the basis for developing leads and planning investigative and operational activities. Modern investigative activities in this area require not only knowledge of legal frameworks but also a high level of competence in information technology, due to the specific nature of digital traces and methods of concealing crimes.*

Keywords: *investigative intelligence, unauthorized access to computer information, officials, digital traces, investigative intelligence, computer crime investigation.*

For citation: Ganzha M. V. *The importance of operational investigative information in the disclosure and investigation of unlawful access to computer information by officials / M. V. Ganzha // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3 (114). – Pp. 94–98.*

Эффективное раскрытие и расследование преступлений требуют комплексного подхода, в котором оперативно-розыскная деятельность играет большую роль [1]. В частности, нас интересует важность оперативно-розыскной информации в расследовании неправомерного доступа к компьютерной информации, совершаемого должностными лицами.

Под оперативно-розыскной информацией С.С. Овчинский понимает «разновидность социальной информации, специальной по цели получения (борьба с преступностью), методам получения и режиму использования, обеспечивающим конспирацию, надежную зашифровку источников, возможность проверки сообщаемых сведений и их применение только заинтересованным оперативным работникам и следственным аппаратам» [2]. В целом в таком определении можно усмотреть даже признаки оперативно-розыскной информации, однако, по нашему мнению, этого недостаточно для отражения ее сущности и полезности в раскрытии и расследовании преступлений.

Похожее определение, но уже с отсылкой на функциональные особенности оперативно-розыскной информации дает И.М. Волчков, определяя ее как «разнообразные фактические данные, сведения и знания, составляющие специальный ресурс, полученные субъектом системы оперативно-розыскной деятельности посредством управления ее силами, средствами и методами, объем и содержание которых устраняет неопределенность и обеспечивает функционирование указанной системы в решении стоящих перед оперативными аппаратами задач, определенных Федеральным законом от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [3, с. 23].

Более узкое определение приводит В.А. Лукашов, представляя под оператив-

но-розыскной информацией «обстоятельства, имеющие непосредственное или потенциальное значение для планирования и осуществления оперативно-розыскных мероприятий, проведение аналитической работы, а также оказание содействия предварительному следствию» [3, с. 18].

Еще одно определение приводит В.Ю. Голубовский, определяя оперативно-розыскную информацию как «сведения о лицах (сообществах физических лиц), предметах, документах, фактах, событиях, явлениях и процессах, получаемые в порядке, предусмотренном оперативно-розыскным законом и ведомственными нормативными актами по тактике оперативно-розыскной деятельности, зафиксированные на материальных носителях с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать, сосредотачиваемые в информационных системах и делах оперативного учета» [4, с. 41].

Анализ различных научных подходов к определению оперативно-розыскной информации позволяет выявить как общие, так и отличительные черты в понимании ее сущности. Обобщив указанные позиции, приходим к выводу, что под оперативно-розыскной информацией следует понимать проверяемые, специально получаемые в установленном законом порядке сведения о лицах, предметах, событиях и процессах, представляющие оперативный интерес, зафиксированные и систематизированные для планирования, осуществления и анализа оперативно-розыскных мероприятий, содействия расследованию преступлений и решения задач, возложенных на органы оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД).

Оперативно-розыскная информация имеет действительно большое значение для раскрытия и расследования преступлений. Так, С.В. Зуев выделил основные направления использования оперативно-розыскной информации в уголовном процессе:

– принятие процессуальных решений по уголовному делу/материалам проверки (возбуждение уголовного дела, прекращение/приостановление уголовного дела, объявление лица в розыск, избрание меры пресечения);

– подготовка и проведение следственных действий;

– использование результатов ОРД в качестве доказательств, а также в целях ориентира расследования;

– обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства [5, с. 57].

Сотрудникам правоохранительных органов в целях раскрытия и расследования преступления требуется тесно взаимодействовать с организациями, осуществляющими хранение и обработку данных, в системе которых либо посредством цифровых и информационных ресурсов которых были совершены преступные посягательства [6, с. 527–531].

В целях эффективного раскрытия и расследования неправомерного доступа к компьютерной информации либо пресечения и предупреждения таких преступлений сотрудники правоохранительных органов должны обладать знанием способов совершения таких преступлений, методов и тактик злоумышленников, видов и свойств электронно-цифровых следов, свидетельств и их свойств, условий, при которых они могут быть оставлены.

Только при условии, что сотрудник правоохранительных органов знает специфику совершения преступлений в сфере компьютерной информации, он будет предпринимать правильные шаги по получению соответствующей оперативно-розыскной информации.

Этот факт также определенным образом связан с иными возникающими проблемами, свидетельствующими об отсутствии отлаженной работы по направлению получения ключевой оперативно-розыскной информации, которая в последующем служит основой для формирования доказательной базы. В свою очередь, опрос сотрудников территориальных органов внутренних дел, проведенный И.А. Кузьминым касательно проблем организации информационного обеспечения в борьбе с преступлениями, совершенными с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, показал следующие результаты:

1. Несвоевременность получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, особенно в случаях, когда информация необходима от оператора связи, не имеющего представительств в регионе местонахождения инициатора запроса.

2. Длительность получения информации от интернет-провайдеров, а также от владельцев и администраторов различных интернет-ресурсов.

3. Сложность идентификации и обнаружения фактических собственников, а также администраторов и пользователей некоторых интернет-ресурсов [7].

Проблемы, лежащие в плоскости взаимодействия правоохранительных органов с гражданскими организациями, занимающимися обработкой и хранением личных данных пользователей, мы уже выделяли [6,

с. 527–531], поэтому отметим лишь тот факт, что такие пробелы создают условия для развития компьютерной преступности ввиду затягивающихся сроков предварительного расследования. В попытке обеспечить охрану конституционных прав и свобод граждан сотрудники правоохранительных органов вынуждены действовать в рамках устаревших и недостаточно эффективных условии и правил, что в свою очередь создает среду для нарушения этих же конституционных прав и свобод граждан, но уже в рамках статуса «потерпевший»; более того, такие условия автоматически увеличивают риск нарушения прав граждан преступниками в будущем.

Обозначенные проблемы возникают как на этапе проверки сообщения о преступлении, так и на этапе предварительного расследования. Необходимо обозначить важность оперативно-розыскной информации на каждом из этих этапов.

На стадии предварительной проверки, если говорить о неправомерном доступе к компьютерной информации, оперуполномоченный обычно получает сведения о возможном факте совершения преступления при помощи агентурного аппарата из числа сотрудников самой организации, занимающейся хранением и обработкой персональных данных (зачастую такие организации выступают в лице сотовых операторов и интернет-провайдеров).

В процессе проводимой доследственной проверки оперуполномоченному необходимо удостовериться в факте совершения преступления, установить возможные электронно-цифровые следы, место совершения преступления, предположительный способ совершения преступления, используемые средства и методы.

Как правило, электронно-цифровые свидетельства представляются после запроса правоохранительных органов в виде лог-файлов, отражающих действия сотрудника коммерческой организации в той или иной цифровой системе. Такие лог-файлы могут свидетельствовать о том, что лицо действительно вопреки требованиям закона осуществило неправомерный доступ к компьютерной информации, а также о том, что оно сделало с такими данными в последующем. Лог-файлы зачастую являются одним из основных свидетельств, составляющих доказательную базу, необходимую для успешного доказывания вины подозреваемого.

Ввиду специфики совершения неправомерного доступа к компьютерной информации должностными лицами (ч. 3 ст. 272 УК РФ) оперативно-розыскная информация, собранная оперуполномоченным, будет содержать максимально подробные сведения о лице, т. к. если должностное лицо, совершившее такое преступление в сфере компьютерной информации, официально трудоустроено, то организация будет обладать основным набором данных для идентификации и поиска преступника (ФИО, место жительства, контактные данные и др.).

В любом случае деятельность сотрудников оперативных подразделений будет направлена на получение материальных, идеальных, а также электронно-цифровых следов и сведений, позволяющих максимально эффективно реализовывать стадии доследственной проверки и предварительного расследования.

Деятельность оперуполномоченных, в частности направленная на получение оперативно-розыскной информации, играет ключевую роль в эффективном выявлении, предотвращение, раскрытии и расследовании неправомерного доступа к компьютерной информации.

Современные технологии и методы, используемые в оперативно-розыскной работе, позволяют не только быстро собирать и анализировать данные, но и адаптироваться к постоянно меняющимся угрозам компьютерной преступности. Оперативно-розыскные мероприятия способствуют созданию комплексной системы, включающей в себя взаимодействие правоохранительных органов, представителей крупного бизнеса и граждан.

Важно подчеркнуть, что успешное применение оперативно-розыскной информации требует высокой квалификации специалистов и их способности к быстрому реагированию на возникающие угрозы безопасности общества и государства.

Таким образом, развитие и совершенствование методов оперативной работы, взаимодействия сотрудников правоохранительных органов, правильное использование оперативно-розыскной информации в контексте компьютерных преступлений представляют собой необходимые условия для обеспечения защиты прав и свобод граждан в цифровом пространстве, а также безопасности информационных систем посредством увеличения эффективности проводимых мероприятий и расследования в целом.

Список источников

1. Осипенко А.Л. Оперативно-розыскная деятельность в киберпространстве: ответы на новые вызовы // Научный вестник Омской академии МВД России. 2010. № 2.
2. Овчинский С.С. Оперативно-розыскная информация / под. ред. А.С. Овчинского и В.С. Овчинского. М., 2000.
3. Волчков И.М. Реализация оперативно-розыскной информации: теоретико-методологические проблемы. Псков, 2011.
4. Голубовский В.Ю. Теория и практика информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности подразделений криминальной милиции: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2001.
5. Зуев С.В. Основные направления использования оперативной информации в уголовном процессе // Следователь. Федеральное издание. М., 2003. № 1.
6. Ганжа М.В. Проблемы взаимодействия правоохранительных органов с организациями, осуществляющими хранение и обработку данных при расследовании неправомерного доступа к компьютерной информации // Санкт-Петербургские встречи молодых ученых: материалы II Всероссийского конгресса (11 июня 2024 г.). СПб., 2024.
7. Кузьмин И.А. Отдельные вопросы информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности при выявлении и раскрытии преступлений, совершаемых с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 4(4).

References

1. Osipenko A.L. Operational-search activity in cyberspace: responses to new challenges // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. № 2.
2. Ovchinsky S.S. Operational-search information / edited by A.S. Ovchinsky and V.S. Moscow, 2000.
3. Volchkov I.M. Implementation of operational-search information: theoretical and methodological problems. Pskov, 2011.
4. Golubovsky V.Yu. Theory and practice of information support for operational-search activities of criminal police units: diss. ... Grand PhD in Law. St. Petersburg, 2001.
5. Zuev S.V. Main directions of using operational information in criminal proceedings // Investigator. Federal publication. Moscow, 2003. № 1.
6. Ganzha, M.V. «Problems of Interaction between Law Enforcement Agencies and Organizations Storing and Processing Data During the Investigation of Unauthorized Access to Computer Information» // St. Petersburg Meetings of Young Scientists: Proceedings of the II All-Russian Congress (June 11, 2024). St. Petersburg, 2024.
7. Kuzmin, I.A. «Certain Issues of Information Support for Operational-Investigative Activities in the Detection and Solving of Crimes Committed Using Computer and Telecommunication Technologies» // Forensic Science: Yesterday, Today, Tomorrow. 2017. № 4(4).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ганжа Максим Владиславович, *адъюнкт. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ganzha Maxim Vladislavovich, *adjunct. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015, Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 4 (115). – С. 99–105.
Philosophiya prava. 2025. № 4 (115). – Pp. 99–105.

Научная статья
УДК 323.3:004

ЦИФРОВАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ КАК ИННОВАЦИОННЫЙ ИНСТРУМЕНТ ВЛИЯНИЯ ЭЛИТ НА ОБЩЕСТВО

Григорян Давид Кромвелович
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, davo-davo23@mail.ru

Введение: *современное общество переживает глубокие трансформации под влиянием цифровизации. Она становится важным инструментом политического управления: позволяет элитам координировать общественные настроения, конструировать политическую идентичность и управлять поведением через социальные сети, платформы и медиаканалы. Анализ механизмов цифровой мобилизации и ее последствий для политической системы представляет собой актуальное направление исследования в контексте национальной безопасности и устойчивости институтов власти.*

Материалы и методы: *исследование основано на системно-структурном и сравнительно-политическом подходах. Использовались методы контент-анализа, кейс-стади и эмпирического сравнения, позволившие выявить особенности цифровой мобилизации в Российской Федерации и за рубежом. Эмпирическую базу составили статистические данные и материалы избирательных кампаний. Нормативной основой послужили федеральные программы в сфере цифровизации, интернет-платформы государственных органов и проекты вовлечения молодежи в общественную деятельность.*

Результаты исследования: *цифровизация преобразовала механизмы политической мобилизации, сделав ее постоянным процессом взаимодействия между властью и гражданами. Молодежь становится ключевым объектом и субъектом цифровой активности: социальные сети и онлайн-платформы создают условия для участия в политике без традиционных барьеров. Анализ показал, что цифровая мобилизация выполняет двойную функцию: с одной стороны, расширяет возможность вовлечения в общественные процессы, с другой – усиливает зависимость восприятия реальности от алгоритмов и медиатрендов.*

Выводы и заключения: *цифровая мобилизация представляет собой инновационный инструмент влияния политических элит на общество, основанный на управлении информационными потоками и формировании цифровых сообществ. Ее эффективность зависит от уровня медиаграмотности населения и прозрачности используемых технологий. Для минимизации рисков манипуляции и дезинформации необходима комплексная стратегия, включающая развитие критического мышления, гражданской ответственности и правовых механизмов регулирования цифровой среды.*

Ключевые слова: *информационно-коммуникационные технологии, цифровизация, цифровое общество, молодежь, политическое поведение, политическое участие, политические процессы.*

Для цитирования: Григорян Д. К. *Цифровая мобилизация как инновационный инструмент влияния элит на общество / Д. К. Григорян // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4 (115). – С. 99–105.*

Original paper

DIGITAL MOBILIZATION AS AN INNOVATIVE TOOL FOR ELITE INFLUENCE ON SOCIETY

Grigoryan David Kromvelovich
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *modern society is undergoing profound transformations under the influence of digitalization. It is becoming an important tool of political management: it allows elites to coordinate public sentiment, construct political identity, and manage behavior through social networks, platforms, and media channels. The analysis of the mechanisms of digital mobilization and its consequences for the political system is an urgent area of research in the context of national security and the sustainability of government institutions.*

Materials and methods: *the research is based on system-structural and comparative-political approaches. The methods of content analysis, case study and empirical comparison were used to identify the features of digital mobilization in the Russian Federation and abroad. The empirical base was made up of statistical data and materials from election campaigns. The regulatory framework is based on federal programs in the field of digitalization, Internet platforms of government agencies and projects involving young people in public activities.*

Results of the study: *digitalization has transformed the mechanisms of political mobilization, making it a constant process of interaction between government and citizens. Young people are becoming a key object and subject of digital activity: social networks and online platforms create conditions for participation in politics without traditional barriers. The analysis showed that digital mobilization performs a double function: on the one hand, it expands the possibility of involvement in social processes, on the other hand, it increases the dependence of reality perception on algorithms and media trends.*

Findings and conclusions: *digital mobilization is an innovative tool for the influence of political elites on society, based on the management of information flows and the formation of digital communities. Its effectiveness depends on the level of media literacy of the population and the transparency of the technologies used. To minimize the risks of manipulation and disinformation, a comprehensive strategy is needed, including the development of critical thinking, civic responsibility, and legal mechanisms for regulating the digital environment.*

Keywords: *information and communication technologies, digitalization, digital society, youth, political behavior, political participation, political processes.*

For citation: Grigoryan D. K. *Digital mobilization as an innovative tool for elites to influence society / D. K.Grigoryan // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4 (115). – Pp. 99–105.*

Современное общество переживает глубокие структурные преобразования, вызванные стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий. Цифровая среда становится не только пространством экономических и социальных взаимодействий, но и ареной формирования новых форм гражданской активности [1, с. 130–133]. Особенно остро эти процессы проявляются в среде молодежи – социально-динамичные, восприимчивые к инновациям и обладающие высоким потенциалом влияния на политические трансформации.

Переход к цифровым форматам коммуникации радикально изменил характер участия граждан в общественно-политической жизни. Интернет, социальные сети и мобильные платформы обеспечивают мгновенный доступ к информации, создавая возможности для выражения мнений, организации общественных инициатив и участие в выборах без пространственных и временных ограничений. В то же время цифровизация порождает новые риски: утрата доверия к официальным источникам, распространение недостоверных данных, усиление манипулятивных практик и информационное давление на сознание молодых граждан [2, с. 84–92]. В этих условиях исследование влияния информационно-коммуникационных технологий на политическое поведение молодежи приобретает особую значимость. Оно позволяет не только понять, каким образом цифровая среда формирует политическую идентичность нового поколения, но и выявить механизмы, способные обеспечить баланс между свободой информационного самовыражения и ответственностью за качество политического участия.

По данным Росстата, на апрель 2024 г. численность молодежи в России составляет около 37 млн человек, т. е. примерно четверть населения страны. Увеличение возрастного диапазона молодежи до 35 лет позволило распространить меры государственной поддержки и программы развития на более широкий круг граждан, включая молодых специалистов и семьи. В международной практике подходы различаются: в документах ООН молодежью считаются граждане от 15 до 24 лет, во Франции – от 16 до 25 лет, в Италии – от 18 до 29 лет. Таким образом, российская модель характеризуется одним из самых широких возрастных диапазонов, что отражает государственную стратегию, ориентированную на длительный период

социальной и профессиональной адаптации молодого поколения [3].

Прежде всего цифровизация обеспечивает доступность политической информации для молодых граждан: в условиях, когда традиционные средства массовой информации теряют доминирующее положение, Интернет и социальные сети становятся основными источниками знаний о деятельности органов власти, партиях и общественных движениях. По данным Фонда «Общественное мнение», среди россиян, интересующихся новостями, 24 % получают информацию через мессенджеры, 20 % – через поисковые системы, 19 % – через социальные сети, блоги и форумы, 11 % – через интернет-СМИ и такой же процент предпочитает новостные видео (рис. 1). Примерно четверть опрошенных респондентов регулярно пользуются VPN для доступа к контенту [4].

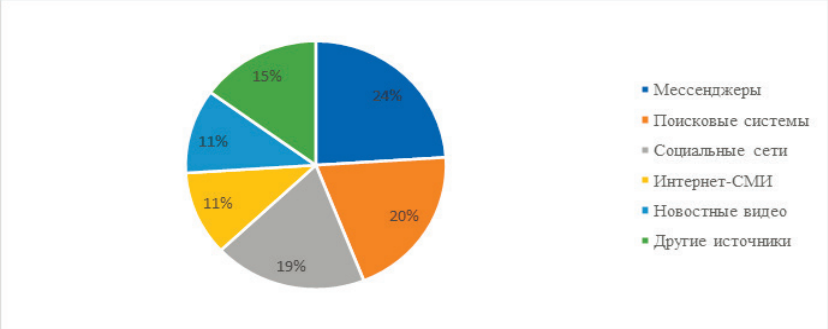


Рис. 1. Источники получения информации населением

Показательным примером служит президентская кампания в США 2024 г., когда кандидаты сделали ставку на цифровые технологии и взаимодействие с молодежной средой. Штаб Д. Трампа использовал собственную платформу Truth Social, где размещались обращения и видеоконтент кандидата, а также запустил коллекцию NFT-карточек в символических образах, выполнявших агитационную и мобилизационную функции. Существенные инвестиции в цифровую рекламу и технологии таргетинга (около 150 млн долларов) позволили адресно воздействовать на молодежный электорат [5].

Штаб оппонента Трампа – Камалы Харрис, напротив, акцентировал внимание на ценностях инклюзивности, активно применяя TikTok, Clubhouse и сеть инфлюэнсеров. Автоматизированные чат-боты обрабатывали запросы избирателей, а виртуальные митинги с использованием технологии VR создали эффект личного присутствия и стали уникальным опытом массовой цифровой политической коммуникации [5].

Не менее значимой тенденцией является снижение барьеров для политического участия. Если раньше вовлечение в политическую жизнь требовало значительных затрат времени и ресурсов, то сегодня участие возможно без отрыва от повседневных дел. Цифровые проекты предоставляют молодежи возможность заявить о себе в управленческой и общественной сфере в формате, привычном для «поколения онлайн». В российской практике примерами являются платформа «Россия – страна возможностей» и конкурс «Большая перемена», который вовлекает молодых граждан в дискуссии о развитии страны [6]. По данным Минпросвещения и ТАСС, в сезоне-2024: «в международный финал вышли участники из 30 стран», победителями для 5–7 классов стали 300 школьников; всего в конкурсе-2024 участвовало около 3,5 млн школьников, и до настоящего времени к проекту присоединилось свыше 5 млн участников, а для СПО-треков – 1 млн студентов [7]. Цифровая инфраструктура проекта (личные кабинеты, онлайн-этапы, трекинг компетенций) снижает барьеры входа, а сетевые коммуникации обеспечивают масштабируемую мобилизацию и поддержание лояльности к институтам.

Особую роль играют процессы сетевой мобилизации. Молодежь активно использует цифровые ресурсы для самоорганизации и координации действий в рамках политических кампаний. Деятельность Всероссийской общественной организации «Молодая Гвардия Единой России», которая выстраивает работу через социальные сети, формирует онлайн-сообщество сторонников и реализует медийные проекты, направлена на укрепление политической идентичности молодых граждан. В 2024–2025 гг. организацией был реализован ряд подробных мероприятий и программ, непосредственно связанных с вопросами политического воспитания и формирования национальной идентичности. Например, федеральный образовательный проект «ПолитЗавод», являющийся «пропуском в мир большой политики для энергичных и амбициозных молодых людей [8]»,

связан с передачей управленческого опыта подрастающему поколению. Популярные политтехнологи и действующие политики делятся профессиональными навыками и умениями, полученными в реальной политической деятельности, что укрепляет не только политический потенциал молодежи, но и чувство национальной идентичности, поддержки и взаимопомощи.

Важным направлением выступает развитие политической идентичности и дискурса в цифровой среде. Молодежь формирует собственные каналы политического выражения – от блогов до дискуссионных площадок, где обсуждаются актуальные законопроекты, электоральные процедуры или социальные инициативы. Популярные блогеры становятся лидерами мнений и способны вовлекать в политику даже аполитичных молодых людей. Для партий такой формат особенно ценен: например, в 2019 г. популярный блогер Ю. Хованский был назначен на должность помощника депутата В. Власова, представляющего фракцию ЛДПР в Государственной Думе [9]. Депутат подчеркнул, что блогер в своих видеороликах поднимает ряд социально значимых проблем, отвечающих запросам основной массы населения, в частности подрастающего поколения. Аудитория медиалидера позволила обеспечить передачу мнения молодежи и включить их в вопросы законотворчества для дальнейшей разработки актуальных законопроектов.

Информационно-коммуникационные технологии открывают новые каналы взаимодействия между государством и молодежью. В настоящий момент функционирует официальная платформа, содержащая официальную информацию о функционировании органов государственной власти Российской Федерации. Данный сервис включает в себя данные о деятельности главы государства – Президента Российской Федерации, а также ветвей государственной власти – законодательной, исполнительной и судебной. Помимо этого, сайт включает в себя информацию о структуре и деятельности Счетной палаты РФ, Совета Безопасности РФ, а также Собрание законодательства РФ.

Существует также отдельная платформа Правительства Российской Федерации и министерств, ведомств и соответствующих агентств. Единый сайт Администрации Президента РФ предполагает информирование населения о работе и основных направлениях деятельности главы государства, а также включает в себя ключевые стратегические нормативные правовые акты, утвержденные В.В. Путиным.

Внедрение цифровых платформ в работу органов государственной власти позволило не только оперативно доносить жалобы и соответствующие предложения населения, но и увеличить вовлеченность в выборные процессы. Наиболее показателен опыт дистанционного электронного голосования, реализованный на выборах Президента в 2024 г. в ряде субъектов Российской Федерации. Система, интегрированная с порталом Государственных услуг, дала возможность тысячам молодых избирателей протестировать современный формат участия в голосовании, что усилило восприятие цифровых технологий как полноценного инструмента демократического включения.

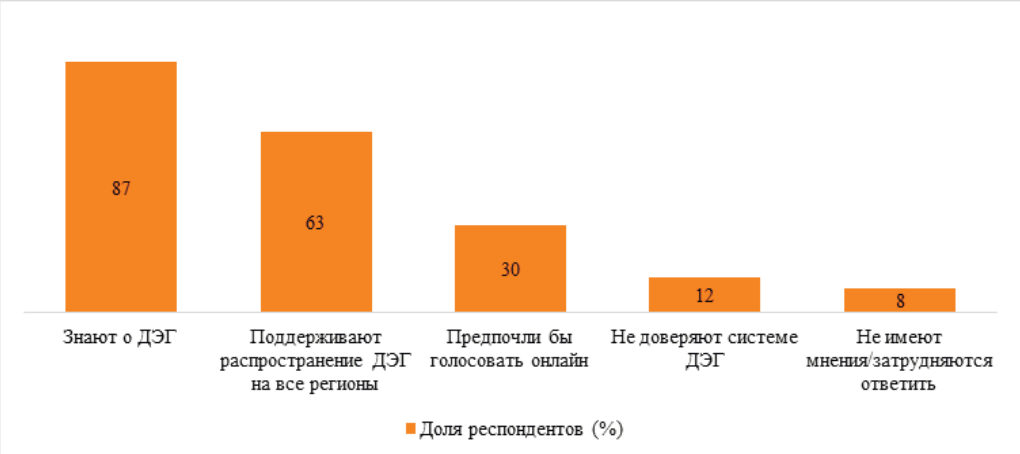


Рис. 2. Отношение россиян к дистанционному электронному голосованию (ВЦИОМ, 2024)

По данным ЦИК и ТАСС (рис. 2), в проекте дистанционного электронного голосования (далее – ДЭГ) приняли участие более 3,8 млн человек из 25 регионов, включая Москву. Средняя явка в электронном формате превысила 90 % [10]. Согласно опросу ВЦИОМ, 87 % россиян знают о возможности ДЭГ, 63 % поддерживают идею его распространения на все регионы, а 30 % предпочли бы голосовать онлайн [11]. Результаты

ДЭГ подтверждают, что цифровые технологии способны расширить участие молодежи и укрепить доверие к избирательным процессам.

Тем не менее современная молодежь сталкивается с переизбытком информации, что затрудняет ее критическое осмысление и делает молодых людей уязвимыми к манипуляциям. Политическое сознание становится объектом влияния партий, медиа и лидеров мнений, а цифровое пространство – ареной не только участия, но и психологического давления. Поэтому необходимо развивать систему политического образования, формирующую у молодежи устойчивые ценности, критическое мышление и ответственность за собственные политические решения [12, с. 239–255].

Одной из наиболее выраженных негативных тенденций становится информационная перегрузка (табл. 1), ведущая к когнитивной фрагментации политического сознания. Молодые пользователи ежедневно сталкиваются с потоком противоречивых данных: новостные телеграм-каналы, блоги, агрегаторы новостей и короткие видеоролики создают иллюзию осведомленности при фактическом отсутствии глубины понимания. Показателен пример освещения выборов Президента РФ в 2024 г., когда в социальных сетях активно распространялись недостоверные сообщения о ходе дистанционного голосования. Аналитика Роскомнадзора зафиксировала резкий рост числа фейковых новостей в мессенджерах, направленных на подрыв доверия к процедуре выборов. По данным аналитического отчета АНО «Диалог регионы», количество копий фейковых сообщений по социально-чувствительным темам выросло с около 4 тыс. уникальных сообщений в 2022 г. до 48,1 тыс. копий в 2024-м [13].

Таблица 1. Основные риски цифровой политической среды и их последствия

Тип угрозы	Механизм воздействия	Последствие
Информационная перегрузка	Поток противоречивых новостей, коротких видео, телеграм-каналов	Когнитивная фрагментация, поверхностное восприятие политики
Манипуляции и сетевые кампании	Координированные публикации, эмоциональные волны, боты	Поляризация мнений, усиление недоверия
Дипфейки и автоматизированный контент	Создание ложных визуальных свидетельств	Подрыв доверия к публичным лицам, дезориентация
Падение доверия к СМИ и институтам	Распространение непроверенных источников, подмена авторитетов	Рост скепсиса и апатии

Не менее значимой угрозой выступает использование манипулятивных технологий и цифрового популизма (табл. 1). Алгоритмы рекомендаций в социальных сетях подталкивают пользователей к контенту, вызывающему эмоциональную реакцию, усиливая политическую поляризацию и снижая качество общественной дискуссии. В 2024 г. в ходе выборов в Европарламент исследователи Оксфордского университета зафиксировали использование сетей ботов и дипфейков для создания ложного впечатления массовой поддержки отдельных кандидатов. Европейские регуляторы и исследовательские сети, включая European Digital Media Observatory (EDMO), отметили в преддверии выборов значительный рост дезинформационных угроз. В ежедневных дайджестах EDMO отмечались кампании, связанные с использованием дипфейков, чат-ботов и координированных сетевых операций [14]. Однако аналитические отчеты (The Guardian, Center for Media Engagement) подчеркивают, что прямое влияние этих технологий на результаты голосования оказалось ограниченным.

Основное воздействие оказывали не дипфейки, а массовые, организованные кампании в социальных сетях (табл. 1), особенно на платформе X (ранее Twitter), где фиксировались волны публикаций, формирующих эмоционально заряженный политический фон [15]. В ответ на эти вызовы Европейская комиссия активировала инструменты Digital Services (DSA) и Кодекса по борьбе с дезинформацией, обязывая крупные платформы – TikTok, Meta (признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ), X – усиливать модерацию и прозрачность алгоритмов. Тем самым механизмы противодействия дезинформации становятся полноправным участником политического процесса, формируя новые стандарты цифровой ответственности и устойчивости к манипуляциям. Аналогичные явления наблюдались в русскоязычном сегменте Telegram, где выявлялись анонимные каналы, распространявшие эмоционально окрашенные, но не проверенные политические заявления. Манипулятивная подача информации способствует укреплению поверхностного воспри-

ятия политики, где важнее не содержание, а выразительность медиасообщения.

Еще одной негативной тенденцией становится рост недоверия к государственным и традиционным СМИ (табл. 1) под воздействием дезинформации и фрагментарного восприятия политической реальности. Несмотря на высокий уровень цифровой вовлеченности открытость информационного пространства не всегда способствует укреплению доверия. Согласно данным Фонда «Общественное мнение» (2024 г.), лишь 36 % молодых россиян доверяют телевидению, тогда как более половины предпочитают получать информацию через интернет-источники, не всегда обладающие проверенной репутацией. Похожие результаты фиксирует и ВЦИОМ: уровень доверия к центральным СМИ среди граждан 18-24 лет остается ниже среднего по стране. Таким образом, открытая информационная среда, вопреки ожиданиям, не гарантирует рост прозрачности и доверия, а, напротив, способствует распространению скепсиса и политической апатии.

Негативное воздействие информационно-коммуникационных технологий на политическое поведение молодежи проявляется в росте информационной дезориентации, манипулятивного давления, недоверие к институтам и социально-политической дифференциации. Эти тенденции требуют комплексного ответа, включающего развитие политической и цифровой грамотности, поддержку достоверных источников информации и формирование культуры ответственного политического участия.

Информационно-коммуникационные технологии стали неотъемлемой частью политического пространства, изменив формы участия молодежи и сделав коммуникацию с государством более открытой и динамичной. Осваивая цифровые инструменты как естественную среду самовыражения, молодое поколение одновременно сталкивается с ростом отнесенности за качество политического дискурса и достоверность информации. Таким образом, можно сделать вывод, что информационно-коммуникационные технологии выступают и катализатором, и фактором искажения политической активности. Задача государства и общества – направить цифровое участие в созидательное русло через развитие политического образования, критического мышления и поддержку гражданских инициатив.

Список источников

1. Григорян Д.К. Информационно-коммуникационные технологии лидерско-элитного позиционирования в контексте политического влияния и политического управления // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 1(80).

2. Григорян Д.К., Аликберова А.Н. Молодежь и патриотизм: влияние в период проведения специальной военной операции // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 1(118). Т. 15.

3. Почти четверть населения России составляет молодежь, сообщила Голикова Т.А. URL: https://clck.ru/3QDvkh (дата обращения: 15.10.2025).

4. Источники новостной информации: интернет. URL: https://fom.ru/SMI-i-internet/15154 (дата обращения: 15.10.2025).

5. Победа Д. Трампа: как технологии и соцсети изменили выборы 2024. URL: https://dzen.ru/a/ZyslLYgebhLl576a (дата обращения: 15.10.2025).

6. Семь лет спустя: как платформа «Россия – страна возможностей» меняет жизни миллионов. URL: https://www.gazeta.ru/social/2025/05/22/21082436.shtml (дата обращения: 15.10.2025).

7. Около 3,5 млн школьников приняли участие в «Большой перемене» в 2024 г. URL:

References

1. Grigoryan D.K. Information and communication technologies of leadership and elite positioning in the context of political influence and political management // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. 2017. № 1(80).

2. Grigoryan D.K., Alikberova A.N. Youth and patriotism: influence during the special military operation // Issues of national and federal relations. 2025. № 1(118). V. 15.

3. Consider that Russia is a state of youth, sobila Golikova T.A. URL: https://clck.ru/3QDvkh (date of access: 15.10.2025).

4. Sources of news information: the Internet. URL: https://fom.ru/SMI-i-internet/15154 (date of access: 15.10.2025).

5. D. Trump's victory: how technology and social media changed the 2024 elections. URL: https://dzen.ru/a/ZyslLYgebhLl576a (date of access: 15.10.2025).

6. Seven years later: how the Russia – Land of Opportunity platform is changing the lives of millions. URL: https://www.gazeta.ru/social/2025/05/22/21082436.shtml date of access: 15.10.2025).

7. About 3.5 million people participated in the «Big Change» in 2024. URL: <url> https://tass.ru/obschestvo/21421787 (date of access: 15.10.2025).

https://tass.ru/obschestvo/21421787 (дата обращения: 15.10.2025).

8. ПолитЗавод – ваш пропуск в мир политики. URL: https://политзавод2025.рф/ (дата обращения: 15.10.2025).

9. Блогер Ю. Хованский стал помощником депутата. URL: https://ria.ru/20190617/1555619843.html (дата обращения: 15.10.2025).

10. В ДЭГ приняли участие более 3,8 млн россиян. URL: https://tass.ru/politika/21835959 (дата обращения: 15.10.2025).

11. ВЦИОМ. Новости: Дистанционное электронное голосование: мониторинг. URL: https://clck.ru/3QDvpJ (дата обращения: 15.10.2025).

12. Насырова Р. А., Родионова М. Е. Формирование политической культуры у российской молодежи в цифровом пространстве // Научные исследования и инновации. 2021. № 6.

13. «Диалог»: число фейков о межнациональных отношениях в РФ выросло на 95 % за год. URL: https://clck.ru/3QDvs7 (дата обращения: 15.10.2025).

14. EU Elections Disinfo Bulletin – EDMO. URL: https://clck.ru/3QDvr8 (дата обращения: 15.10.2025).

15. Disinformation networks «flooded» X before EU elections, report says / European Union / The Guardian. URL: https://clck.ru/3QDvrc (дата обращения: 15.10.2025).

8. The Political Factory is your passport to the world of politics. URL: https://политзавод2025.рф / (date of access: 15.10.2025).

9. Blogger Yu. Khovansky became the deputy's assistant. URL: https://ria.ru/20190617/1555619843.html (date of access: 15.10.2025).

10. More than 3.8 million Russians took part in the DEG. URL: https://tass.ru/politika/21835959 (date of access: 15.10.2025).

11. VTsIOM. News: Remote electronic voting: monitoring. URL: https://clck.ru/3QDvpJ (date of access: 15.10.2025).

12. Nasyrova R. A., Rodionova M. E. The formation of political culture among Russian youth in the digital space // Scientific research and innovation. 2021. № 6.

13. Dialog: the number of fakes about interethnic relations in the Russian Federation has increased by 95% in a year. URL: https://clck.ru/3QDvs7 (date of access: 15.10.2025).

14. Bulletin on the fight against elections in the EU – EDMO. URL: https://clck.ru/3QDvr8 (date of access: 15.10.2025).

15. Networks Disinformation «flooded» X before the EU elections, according to a report / European Union / The Guardian. URL: https://clck.ru/3QDvrc (date of access: 15.10.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Григорян Давид Кромвелович, *кандидат политических наук, доцент, начальник кафедры информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Grigoryan David Cromwelovich, *PhD in Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Information and Communication Technologies and Cybersecurity. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 4 (115). – С. 106–111.
Philosophiya prava. 2025. № 4 (115). – Pp. 106–111.

Научная статья
УДК 343.98

БЕСКОНТАКТНЫЙ СБЫТ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Залескина Анна Николаевна
Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Российская Федерация, zaleskina@yandex.ru

Яцкина Инна Александровна
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, inna.yatskina.91@mail.ru

Замащиков Владимир Сергеевич
ГУР пункта полиции № 2 МО МВД России «Заларинский», Балаганск, Российская Федерация, zamashikov@mail.ru

Введение: *повсеместное использование информационно-телекоммуникационных систем и компьютерных технологий, в особенности компьютерных сетей, стало причиной использования данных пространств не только для обеспечения жизнедеятельности людей, но и совершения преступлений, в частности распространения наркотических средств и психотропных веществ. Данный фактор обеспечивает условия неочевидности, в которой совершаются преступления, что существенно влияет на возможность их выявления и раскрытия.*

Материалы и методы: *в ходе исследования были использованы всеобщий диалектический метод научного познания, а также общенаучные методы исследования: анализ, синтез, систематизация и частнонаучный метод исследования: изучение правоприменительной практики.*

Результаты исследования: *подробно рассмотрен этап подготовки совершения преступлений, а именно сбыта наркотических средств путем бесконтактной передачи. Рассмотрены технические особенности бесконтактной передачи как непосредственного способа совершения преступления, которые, безусловно, могут оказать существенную помощь практическим сотрудникам.*

Выводы и заключения: *статья затрагивает наиболее ключевые элементы криминалистической характеристики, а именно способ и механизм совершения преступления, установление которых влияет на процесс как раскрытия, так и расследования преступлений.*

Ключевые слова: *бесконтактный сбыт, цифровые следы, способ, механизм следообразования.*

Для цитирования: Залескина А. Н., Яцкина И. А., Замащиков В. С. *Бесконтактный сбыт наркотических средств как элемент криминалистической характеристики преступлений / А. Н. Залескина, И. А. Яцкина, В. С. Замащиков // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3 (114). – С. 106–111.*

Original paper

NON-CONTACT SALE OF NARCOTIC DRUGS AS AN ELEMENT OF THE CRIMINALISTICS CHARACTERISTICS OF CRIMES

Zaleskina Anna Nikolaevna
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, Irkutsk, Russian Federation

Yatskina Inna Aleksandrovna
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Zamashchikov Vladimir Sergeevich
GUR of police station № 2 of the Ministry of Internal Affairs of the Russia «Zalarinsky», Balagansk, Russian Federation

Introduction: *the widespread use of information and telecommunication systems and computer technologies, especially computer networks, has led to the use of these spaces not only to ensure human life, but also to commit crimes, in particular the distribution of narcotic drugs and psychotropic substances. This factor provides conditions of non-obviousness in which crimes are committed, which significantly affects the possibility of their detection and disclosure.*

Materials and methods: *in the course of the research, the universal dialectical method of scientific cognition was used, as well as general scientific research methods: analysis, synthesis, systematization and a private scientific research method: the study of law enforcement practice.*

Results of the study: *the stage of preparation for the commission of crimes, namely the sale of narcotic drugs through contactless transfer, is considered in detail. The technical features of contactless transmission as a direct method of committing a crime are considered, which, of course, can provide significant assistance to practical staff.*

Findings and conclusions: *the article touches on the most key elements of criminalistic characteristics, namely the method and mechanism of committing a crime, the establishment of which affects the process of both disclosure and investigation of crimes.*

Keywords: *contactless sales, digital footprints, method, mechanism of trace formation.*

For citation: Zaleskina A. A., Yatskina I. A., Zamashchikov V. S. *Non-contact sale of narcotic drugs as an element of the criminalistics characteristics of crimes / A. A. Zaleskina, I. A. Yatskina, V. S. Zamashchikov // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 3 (114). – Pp. 106–111.*

Бесконтактный способ сбыта наркотиков, совершаемый с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и сети Интернет, популярен как в нашей стране, так и во всем мире. При этом стоит отметить, что в зарубежных странах этот способ до сих пор не имеет такого массового характера. В Российской Федерации же в настоящее время большая часть преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств и психотропных веществ, совершается именно бесконтактным способом [1, с. 169].

Способ совершения незаконного сбыта без прямого контакта «дилер – клиент» обусловлен обстоятельствами внешней среды, в которой совершается преступление [2, с. 356–359]. Изучив наиболее распространенную на сегодняшний день модель незаконного сбыта наркотических средств, а именно бесконтактную передачу данных о местонахождении закладки с запрещенным веществом посредством информационно-телекоммуникационных технологий, нельзя не отметить причины и предпосылки, сделавшие такую форму преступной деятельности не только возможной, но и доминирующей на современном наркорынке. Преступная практика в этой сфере демонстрирует очевидную связь между технологическим развитием и трансформацией способов совершения преступлений. Иными словами, мы наблюдаем пример того, как современные технологии, будучи объективным общественным явлением, оказывает влияние не только на легальные сферы жизни, но и на криминогенную среду.

Данный формат сбыта, как показывает криминалистическая практика, получил широкое распространение в последние годы, одним из ключевых факторов которого является минимизация рисков для самих сбытчиков. Именно поэтому анализ способа и механизма совершения преступления приобретает особую значимость как с точки зрения теории криминалистики, так и в практическом аспекте расследования.

Как указывают профессор А.В. Варданян и О.В. Айвазова, все «криминалистические научные школы, разделяющие положения учения о криминалистической характеристике преступлений, признают такие базовые элементы криминалистической характеристики, как способ совершения преступления и механизм следообразования» [3, с. 28].

Способ совершения преступления считается отправным в криминалистической характеристике и при расследовании большинства преступлений позволяет установить корреляционные связи с другими элементами. В связи с этим, как указывают профессор О.П. Грибунов и С.И. Усачев, «изучение и использование данных о способах преступной деятельности приобретают особое значение» [4, с. 152].

По рассматриваемым преступлениям способ всегда полноконструкторный и включает не только само действие, но и достаточно качественную подготовку и сокрытие, особенности которых рассмотрим ниже.

Анализ судебно-следственной практики позволил выделить ряд действий, осуществляемых на этапе подготовки преступления. Так, к первоначальным действиям всегда относится разработка плана совершения преступлений, распределяются роли, организуются действия по конспирации деятельности и сокрытию следов. Далее происходит приобретение или производство самих наркотических средств или психотропных веществ, а также всех необходимых технических средств и приборов (весы, пакетики) для последующей реализации, с целью хранения которых подбираются помещения. В зависимости от масштаба организации незаконного оборота могут организовываться тайники в местах максимально удаленных от людей (заброшенные здания, лесополосы).

Параллельно происходит приобретение средств связи: телефоны, планшеты, ноутбуки, сим-карты без регистрации абонента на конкретное лицо, а также банковские карты и расчетные счета на подставных лиц (неосведомленных о преступной деятельности и целях использования карт).

Важным элементом подготовки является подбор участников группы и определение функциональных обязанностей каждого. Довольно популярным способом поиска участников явля-

ется размещение объявлений на сайтах по трудоустройству и в социальных сетях.

Как отмечает Е.Н. Хазов, «способ вовлечения новых участников – обещание высокого дохода в кратчайший срок, перспектива роста, продвижение по службе; в качестве гарантии потенциальный работник предоставляет копии документов или залог» [5, с. 102].

Последним, но немаловажным действием является реклама товара через Интернет: сайты и социальные сети, а также путем размещения надписей на заборах, стенах домов.

Далее рассмотрим структуру непосредственного совершения преступлений, связанных с бесконтактным сбытом наркотических средств, который начинается с установления связи между потенциальным покупателем и сбытчиком. Данный контакт может осуществляться различными способами, однако все они опираются на использование цифровых средств коммуникации. Наиболее часто связь устанавливается посредством переписки в мессенджерах (например, Telegram), через социальные сети или же путем взаимодействия с интерфейсами специализированных сайтов. В последнем случае покупателю достаточно нажать кнопку «купить» или заполнить несложную онлайн-форму заявки. Этот этап может происходить в условиях полной анонимности, при этом сбытчик и покупатель, как правило, не знают личных данных друг друга, что существенно осложняет последующее расследование.

После этого происходит оплата заказа, в большинстве случаев это стопроцентная предоплата. Такая система расчета создает неравноправную ситуацию для покупателя, который не имеет фактических гарантий получения оплаченного товара. Несмотря на это некоторые нелегальные торговые площадки внедряют системы внутренней защиты покупателя – аналогичные тем, что используются на официальных интернет-платформах, вроде Amazon или AliExpress. Например, предусмотрена возможность отложенного перевода средств продавцу до момента подтверждения получения товара покупателем.

Оплата наркотического средства чаще всего осуществляется в электронном виде – через различные платежные системы. Наибольшее распространение получили сервисы, обеспечивающие анонимность и оперативность перевода: ЮMoney (бывшие «Яндекс.Деньги»), WebMoney, Visa Wallet и др. В последние годы наблюдается устойчивая тенденция к переходу на расчёты в криптовалюте, прежде всего в Bitcoin, что обусловлено трудностями отслеживания таких транзакций. В судебной практике зафиксированы случаи, когда обвиняемые переводили денежные средства на биткоин-кошельки, управляемые координаторами преступных сообществ. Например, в одном из дел, рассмотренных в Калужской области, осужденный осуществил перевод в размере 5 500 руб. в криптовалютном эквиваленте на адрес кошелька, использовавшегося организованной группой, после чего ему были переданы координаты тайника с наркотическим веществом .

Завершающим этапом является непосредственная передача наркотических средств покупателю. Именно в этот момент реализуется бесконтактный формат взаимодействия, исключающий физическую встречу сторон. Существуют две основные модели такой передачи. В первом случае сбытчик размещает наркотик в заранее подготовленном тайнике еще до получения оплаты и сразу после ее подтверждения передает покупателю точные координаты местонахождения закладки (так называемый метод «мгновенной закладки»). Покупателю остается лишь забрать вещество по полученным указаниям. Сообщения обычно содержат детальные ориентиры, например: «город, улица, номер дома, под лестницей возле второго подъезда, за кирпичом».

Во втором варианте сбытчик производит закладку лишь после получения оплаты. Затем, спустя некоторое время, покупатель получает сообщение с указанием места тайника. Иногда в целях маскировки используется фотография локации, описание ориентира или даже GPS-координаты. После этого покупатель самостоятельно находит указанное место и изымает вещество. Дальнейшее распоряжение наркотиком зависит исключительно от воли приобретателя – он может использовать его для личного потребления, перепродажи или иного незаконного использования.

Если сбыт осуществляется через автоматизированный онлайн-сервис, покупатель, как правило, обязан сообщить о факте получения товара. Некоторые площадки поощряют оставление отзывов о продавце, повышая его рейтинг в системе, тем самым способствуя увеличению его доверия и, соответственно, объема продаж. Что касается денежных средств, то они поступают продавцу либо сразу после подтверждения покупателем получения товара, либо по истечении определенного времени, предусмотренного политикой платформы. Это позволяет, с одной стороны, снизить риски недобросовестности покупателя, а с другой – создать у последнего иллюзию безопасности и прозрачности сделки, что является одной из причин популярности таких сервисов.

Одним из важнейших компонентов криминалистической характеристики преступлений, связанных с бесконтактным сбытом наркотических средств, является анализ механизма следообразования, а также способов сокрытия сформированных следов. Эти элементы неразрывно связаны между собой и напрямую коррелируют с особенностями самого способа совершения преступного деяния. Бесконтактный сбыт, как наиболее распространенная модель наркоторговли в

цифровую эпоху, предопределяет специфическую следовую картину, которая существенно отличается от традиционных форм незаконного оборота наркотиков.

Отличительной чертой следов, образующихся при бесконтактном сбыте, является их преимущественно нематериальный, электронно-цифровой характер. В отличие от классических ситуаций, где основное внимание следователя сосредоточено на физических следах (например, отпечатках пальцев, биологических следах, микрочастицах), при исследовании цифровой преступности акцент смещается в сторону анализа информационных следов, оставленных в Сети, на устройствах, в логах обмена данными. В связи с этим понятие электронно-цифрового следа приобретает ключевое значение в современной криминалистике [6, с. 15].

Под электронно-цифровыми следами в криминалистическом контексте понимается любая информация, имеющая криминалистическую значимость и зафиксированная в электронной форме. Это могут быть сообщения, файлы, логи действий, цифровые копии транзакций, метаданные, а также любые иные данные, отражающие активность субъекта в информационно-телекоммуникационной среде. Как правило, такие следы сохраняются на физических носителях (жесткие диски, флеш-накопители, облачные хранилища) либо передаются по цифровым каналам связи в виде электромагнитных сигналов. Их уникальность заключается в том, что они не обладают визуально-осязаемой формой и для их фиксации, анализа и интерпретации требуется использование специальных технических средств.

В данном случае особенно актуальной представляется позиция исследователя А.Н. Колычевой, которая подчеркивает принципиальное отличие цифровых следов от классических форм следообразования. В традиционном криминалистическом учении след возникает в результате физического взаимодействия между объектом, оставляющим след, и объектом, его воспринимающим [7, с. 50]. Однако в условиях цифровой среды такой контакт невозможен. Взамен него фиксируются изменения в структуре цифрового пространства, будь то изменение логов, IP-адресов, времени доступа, параметров соединения и других технических характеристик. Выявить эти изменения возможно исключительно с использованием специализированных программных и аппаратных средств, способных интерпретировать цифровые сигналы в форму, пригодную для человеческого восприятия и последующего анализа.

При этом, как справедливо отмечает А.Н. Колычева, каждый случай образования цифровых следов происходит в уникальной информационной среде, регулируемой своими алгоритмами, стандартами протоколов и структурой хранения данных [7, с. 50]. Следователь, работающий с такого рода доказательствами, должен не просто фиксировать технические следы, но и уметь «переводить» их в юридически значимую плоскость, извлекая из массива символов и кодов конкретные, практические данные, обладающие доказательственной силой. Без знания структуры этой среды – будь то операционная система, протокол передачи данных или специфика конкретного мессенджера – сама по себе цифровая информация может остаться недоступной для правовой оценки.

При анализе механизма следообразования в информационных сетях, в контексте расследования преступлений, совершенных с использованием бесконтактного способа сбыта наркотических средств, необходимо учитывать совокупность факторов, оказывающих влияние на формирование, видоизменение и сохранность цифровых следов. Указанные факторы представляют собой сложную систему взаимосвязанных условий, часть из которых носит объективный характер и не зависит от поведения участников преступной деятельности, в то время как другие обусловлены субъективными особенностями личности преступника либо потерпевшего.

К числу объективных, т. е. не зависящих от воли конкретных лиц, факторов следует отнести технологические параметры функционирования цифровой среды. Сюда входят типы и характеристики телекоммуникационного оборудования, архитектура сетей передачи данных, протоколы связи, используемые операционные системы и прикладное программное обеспечение, применяемое на стороне провайдеров, хостинг-сервисов и других субъектов, предоставляющих сетевые ресурсы. Существенное значение имеют и такие аспекты, как способ подключения к Сети (через мобильного оператора, Wi-Fi, VPN), наличие или отсутствие систем защиты от вторжений, а также уровень актуальности используемых решений в области информационной безопасности. Нередко именно технические уязвимости (устаревшие прошивки роутеров или «дыры» в защите мессенджеров) становятся каналами, через которые преступники осуществляют свою деятельность, не оставляя привычных цифровых следов.

Наряду с этими внешними обстоятельствами следует учитывать и субъективные факторы, обусловленные действиями самих преступников или других участников взаимодействия в Сети. Речь идет прежде всего об уровне их технической грамотности, осведомленности в вопросах сетевой архитектуры и методах сокрытия своей активности. Чем выше степень знаний у преступника в области информационной безопасности, тем более изощренными и скрытными оказываются его действия. Он может осознанно избегать

оставления следов, применять специфические средства анонимизации (например, Tails OS, TOR, Whonix), использовать зашифрованные или самоуничтожающиеся чаты, а также манипулировать сетевыми протоколами с целью запутывания цифрового следа. В определенных случаях на формирование следов влияет и психологический портрет личности – склонность к перфекционизму, осторожность, технический склад ума.

Относительно механизма сокрытия цифровых следов отметим, что ключевым направлением является использование различных технологий шифрования. Эти технологии позволяют максимально затруднить, а в ряде случаев полностью исключить доступ следствия к криминалистически значимой информации, хранящейся на цифровых носителях либо передающейся через Сеть.

Хотя большинство следов, образующихся при совершении бесконтактного сбыта наркотиков, действительно имеет электронно-цифровую природу, нельзя упускать из внимания и возможность фиксации иных видов следовой информации. В частности, речь идет о материальных (сами наркотические средства, сопутствующие предметы упаковки и расфасовки, окурки, следы биологического происхождения) и идеальных следах (показания свидетелей), которые несмотря на виртуальный характер взаимодействия преступников все еще сохраняют свое значение в следственной практике.

Следовательно, противодействие сокрытию электронных следов требует от следователей не только доступа к современной технической базе, но и высокого уровня цифровой подготовки, сотрудничества с экспертами в области информационной безопасности, а также умения оперативно фиксировать следы до момента их удаления или маскировки [8, с. 36].

Таким образом, особенности совершения преступлений, связанных с бесконтактным сбытом наркотических средств, предопределяются совокупностью объективных и субъективных факторов, коренящихся в условиях технологической трансформации общества и росте цифровизации коммуникаций. Данная форма преступной деятельности характеризуется высокой степенью организованности, конспирации и технической оснащенности, что значительно затрудняет ее выявление и расследование. Использование специализированных программных средств, защищенных каналов связи, анонимных платежных систем и криптовалют, а также применение методов скрытого распространения информации в цифровой среде позволяют преступникам эффективно минимизировать риски обнаружения, не прибегая к физическому контакту с покупателем.

При этом необходимо учитывать, что преступники используют целый арсенал методов сокрытия следов: от шифрования и использования анонимайзеров до применения децентрализованных сетей и операционных систем с повышенной защитой приватности. В этих условиях эффективность расследования во многом зависит от своевременного реагирования, внедрения современных технических средств и комплексного подхода к анализу цифровых доказательств.

Список источников

1. Низаева С.Р. К вопросу о способе совершения незаконного сбыта наркотических средств и психотропных веществ // Закон и право. 2021. № 10.

2. Таряшиев Д.О. Способы совершения незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Научный Лидер. 2021. № 42(44).

3. Варданян А.В., Айвазова О.В. Теоретические основы криминалистической характеристики преступлений, связанных с оборотом наркотических средств и психотропных веществ в учреждениях системы здравоохранения // Юристъ-Правоведъ. 2012. № 4(53).

4. Грибунов О.П., Усачев С.И. К вопросу о способах совершения мошенничества в сфере автострахования // Юристъ-Правоведъ. 2020. № 1(92).

5. Хазов Е.Н., Волченков В.В., Эриашвили Н.Д. Противодействие преступлениям террористической и экстремистской направленности: вопросы теории и практики оперативно-разыскной деятельности. М., 2023.

References

1. Nizaeva S.R. On the issue of the method of committing the illegal sale of narcotic drugs and psychotropic substances // Law and Law. 2021. № 10.

2. Taryashiev D.O. Methods of committing the illegal sale of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues // Scientific Leader. 2021. № 42(44).

3. Vardanyan A.V., Aivazova O.V. Theoretical foundations of criminalistic characteristics of crimes related to trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances in healthcare institutions // Jurist-Pravoved. 2012. № 4(53).

4. Gribunov O.P., Usachev S.I. On the issue of ways to commit fraud in the field of auto insurance // Lawyer-Jurist. 2020. № 1(92).

5. Khazov E.N., Volchenkov V.V., Eriashvili N.D. Countering terrorist and extremist crimes: issues of theory and practice of operational investigative activities. Moscow, 2023.

6. Kirsanova S.O., Kalinina A.A. Virtual footprints: concept, essence, problems // Skif. Questions of student science. 2022. № 3(19).

6. Кирсанова С.О., Калинина А.А. Виртуальные следы: понятие, сущность, проблемы // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2022. № 3(19).
7. Колычева А.Н. Фиксация доказательственной информации, хранящейся на ресурсах сети Интернет: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.
8. Информационная безопасность цифрового пространства / под ред. Е.В. Стельмашонок, И.Н. Васильевой. СПб., 2019.

7. Kolycheva A.N. Fixation of evidentiary information stored on Internet resources: diss. … PhD in Law. Moscow, 2018.
8. Information security of the digital space / edited by E.V. Stelmashonok, I.N. Vasilyeva. St. Petersburg, 2019.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Залескина Анна Николаевна, *кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664071, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.*
ORCID: 0000-0002-7213-6033
Яцкина Инна Александровна, *старший преподаватель кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*
ORCID: 0000-0002-4824-8166
Замащиков Владимир Сергеевич, *оперуполномоченный. ГУР пункта полиции № 2 МО МВД России «Заларинский». 666391, Российская Федерация, п. Балаганск, ул. Кольцевая, 59.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zaleskina Anna Nikolaevna, *PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminology. Eastern-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 110, Lermontov St., Irkutsk 664071 Russian Federation.*
ORCID: 0000-0002-7213-6033
Yatskina Inna Alexandrovna, *Senior lecturer at the Department of Criminology and Operational Investigative Activities. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don, 344015, Russian Federation.*
ORCID: 0000-0002-4824-8166
Zamashchikov Vladimir Sergeevich, *operative officer, GUR of police station № 2 of the Ministry of Internal Affairs of Russia «Zalarinsky». 59, Koltsevaya St., Balagansk 666391 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 4 (115). – С. 112–115.
Philosophiya prava. 2025. № 4 (115). – Pp. 112–115.

Научная статья
УДК 343.12

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРОЦЕССА ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Зеленский Владимир Дмитриевич
Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, Краснодар, Российская Федерация, kgau-uf@mail.ru

Куемжиева Светлана Александровна
Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, Краснодар, Российская Федерация, juristic@kubsau.ru

Введение: *в статье кратко изложены основные направления совершенствования процесса возбуждения уголовного дела.*

Материалы и методы: *был применен сопоставительный метод по отношению к действующему уголовному законодательству и практике.*

Результаты исследования: *рассмотрено содержание сообщений (поводов) о преступлении, причины большинства отказов в возбуждении дела, показана структура предварительной (досудебной) проверки.*

Выводы и заключения: *обосновано предложение о путях совершенствования предварительной проверки, включая производство отдельных следственных действий.*

Ключевые слова: *возбуждение уголовного дела, предварительная проверка, следственные действия.*

Для цитирования: Зеленский В. Д., Куемжиева С. А. *О совершенствовании процесса возбуждения уголовного дела / В. Д. Зеленский, С. А. Куемжиева // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4 (115). – С. 112–115.*

Original paper

IMPROVING THE PROCESS OF INITIATING A CRIMINAL CASE

Zelensky Vladimir Dmitrievich
Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russian Federation

Kuemzhieva Svetlana Alexandrovna
Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russian Federation

Introduction: *the article summarizes the main directions for improving the process of initiating criminal proceedings.*

Materials and methods: *a comparative method was applied in relation to the current criminal legislation and practice.*

Results of the study: *the content of reports (reasons) about the crime, the reasons for the majority of refusals to initiate proceedings, the structure of the preliminary (pre-trial) verification is shown.*

Findings and conclusions: *the proposal on ways to improve the preliminary inspection, including the conduct of individual investigative actions, is substantiated.*

Keywords: *initiation of a criminal case, preliminary check, investigative actions.*

For citation: Zelensky V. D., Kuemzhieva S. A. *Improving the process of initiating a criminal case / V. D. Zelensky, S. A. Kuemzhieva // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4 (115). – Pp. 112–115.*

Возбуждение уголовного дела является первоначальной стадией уголовно-процессуальной деятельности. Ее содержание заключается в вынесении и процессуальном закреплении решения о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела. Возбуждению уголовного дела предшествует процессуальная деятельность по проверке сообщения о событии, носящем преступный характер, выявлении основания для начала уголовно-процессуального расследования. Уголовно-процессуальные правоотношения в стадии возбуждения уголовного дела возникают с момента поступления в компетентные правоохранительные органы сообщения о совершенном или готовящемся

преступлении (нередко о событии, содержащем сведения о преступлении).

Значение стадии возбуждения уголовного дела состоит в том, что посредством ее реализации выявляются признаки преступления, принимаются неотложные меры для закрепления следов преступного события и создаются условия для успешной работы процессуального расследования. Стадия возбуждения уголовного дела позволяет оградить следователя и дознавателя от расследования событий, не содержащих признаков преступных деяний, и сконцентрировать усилия на выполнении основной обязанности – расследования преступлений.

Вместе с тем практика реализации положений закона о возбуждении уголовного дела свидетельствует, что основным по объему результатом является отказ в возбуждении уголовного дела. Подобное положение является, на наш взгляд, основной причиной предложения о ликвидации стадии возбуждения уголовного дела [1]. Действительно, значительная часть поводов к возбуждению уголовного дела не содержит признаков преступления и работа следователей и дознавателей осуществляется безрезультатно. Но для выводов о необходимости ликвидации стадии возбуждения уголовного дела одного указанного фактора недостаточно. Полагаем, что необходимо рассмотреть причины существующего явления.

Структурно стадия возбуждения уголовного дела включает оценку следователем (дознавателем) сообщения – проверку (при необходимости – проверочные действия, отдельные следственные действия) – оценку выявленных признаков преступления – решение о возбуждении уголовного дела или постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

Что представляет собой сообщение о преступлении? Субъект (гражданин или должностное лицо организации) субъективно полагает, что событие является преступлением, и осуществляет свое законное право проинформировать правоохранительные органы. Заявление гражданина – это форма его участия в борьбе с преступностью. При этом заявитель нередко заблуждается в оценке деяния как общественно опасного. Процент ошибочных заявлений трудно определить, но очевидно, что он немалый.

Второй причиной отказа в возбуждении уголовного дела является качество проверки сообщений и необоснованность выводов следователя. Часть таких постановлений отменяется в ходе прокурорского надзора. Повторная проверка может быть затруднена по различным причинам (часть фактических данных утрачена при первой проверке или со временем изменено их содержание и др.). Но недостаточное качество предварительной проверки не может являться поводом для ее отмены.

Помимо вышеуказанных существует также объективная причина необходимости стадии возбуждения уголовного дела. Она заключается в невозможности в отдельных ситуациях решить вопрос о возбуждении уголовного дела либо об отказе в возбуждении дела без предварительной (доследственной) проверки сообщения о совершенном преступлении (необходимость судебно-медицинского освидетельствования при изнасиловании; инвентаризация или ревизия при хищениях или должностных преступлениях и др.). Поэтому возбуждение уголовного дела, как стадия уголовного процесса, объективно необходима. При этом существует необходимость совершенствовать ее содержание.

Отметим, что большинстве случаев проверки не проводятся. Это происходит в ситуациях совершения преступления в условиях очевидности. Вторая типичная ситуация – свидетели воспринимают последствия события после его совершения, и очевидные следы не оставляют сомнения для однозначного вывода о преступности данного события. В изложенных ситуациях следователь воспринимает последствия события и на основе оценки начинает расследование.

Таким образом, можно сделать вывод, что в абсолютном большинстве ситуаций необходима предварительная, или доследственная, проверка сообщений о преступлении. Очевидно, проблема состоит в повышении качества этой проверки. Повышение качества может осуществляться по двум направлениям: дальнейшая разработка методики проверки и совершенствование законодательного регулирования ее содержания.

Методика проверки включает действия по выявлению признаков преступления в проверяемом событии, условия и способы их проведения, научно-практические рекомендации по использованию оптимальных средств и методов. Средства предварительной проверки – это проверочные действия поисково-удостоверительного характера, носящие административно-правовой характер: ознакомление с объектом, удостоверение в существовании факта, инвентаризация (проверка наличия определенных объектов), получение объяснений от лиц и др. Вторая группа рассматриваемых действий состоит из служебных (специальных) проверочных

действий. Они носят административно-правовой характер и направлены на установление содержания события в сфере производственной и социальной деятельности с признаками нарушений противоправного характера (несчастный случай на производстве, отравление детей в детском учреждении, недостача материальных ценностей в организации и др.). Это ревизия, проверка уполномоченным должностным лицом нарушения правил охраны труда и безопасности и др.

Как известно, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. первоначально не предусматривал производство следственных действий в ходе проверки. Практика показала необходимость осмотра места происшествия. В дальнейшем стало очевидным, что для качественной предварительной проверки необходимо производство ряда других следственных действий: следственного осмотра различных видов (помещений, документов и др.), освидетельствования, назначения судебно-медицинской и других экспертиз. Расширение использования следственных действий происходит под влиянием практической потребности сбора доказательств. Оказывает влияние и характер ситуации, когда получение доказательств необходимо провести в неотложном порядке. В противном случае промедление создает возможность утраты или изменения фактических данных. Полагаем, что под влиянием указанных факторов назрела объективная необходимость разрешения производства до возбуждения уголовного дела выемки и (в неотложных случаях) досмотра как специального вида осмотра. Производство указанных действий является формой реализации положений уголовно-процессуального закона об изъятии предметов и документов [2, с. 52–57].

Высказано предположение о возможности разрешения проводить до возбуждения уголовного дела допросы свидетелей [3, с. 138] с целью повышения качества предварительной проверки и избежания случаев дублирования действий (объяснение гражданина в ходе проверки и последующий его допрос по тем же вопросам (фактическое повторение) в случае возбуждения уголовного дела). Устранить данное дублирование можно посредством придания объяснениям доказательственной силы (как источника доказательств) либо путем разрешения допросов свидетелей до возбуждения уголовного дела.

При решении данного вопроса необходимо учитывать, что допрос свидетелей является самым распространенным следственным действием. Объясняется это характером отражения события преступления в окружающей действительности и значением показаний свидетелей для исследования материально-фиксируемого отражения события преступления и доказыванием его основных обстоятельств, изложенных в ст. 73 УПК РФ. Если разрешить производство допросов свидетелей до возбуждения уголовного дела, то в значительной мере стирается различие между досудебным следствием и предварительной проверкой. Полагаем, что такое решение вряд ли будет оптимальным.

В качестве альтернативы представляется возможным в качестве «золотой» середины разрешить только один вид допроса: лиц-заявителей или лиц, пострадавших от преступного события. Данное предложение объясняется ролью заявителей и лиц, пострадавших от действий правонарушителя в установлении обстоятельств события, а именно двух обязательных признаков преступления: общественной опасности и противоправности. Именно допрос, а не получение объяснения, позволяет следователю выяснить составные элементы события, что позволяет ему наряду с другими действиями обоснованно принять решение о возбуждении уголовного дела. Таким путем повышается качество предварительной проверки. В данном случае просматривается отдаленная аналогия со значением следственного осмотра в выяснении признаков преступления. Сочетание характера материальных следов, выявленных при осмотре, с содержанием показаний свидетеля-очевидца в отношении последних с большей вероятностью (практически с достоверностью) позволяет устанавливать содержание основных обстоятельств исследуемого события. Предварительная проверка в большинстве случаев с достоверностью позволяет в первую очередь выяснить признаки преступления и обязательно – общественную опасность и противоправность.

Анализ содержания доследственной проверки приводит к мысли о ее процессуальном характере: является проверка частью расследования или представляет, как принято считать, доследственную проверку. Отмечалось, что расследование как вид специфической социальной деятельности начинается с момента поступления информации (повода к возбуждению уголовного дела) в орган расследования и действий этого органа по проверке указанной информации. Основная цель этих действий определяет ее предварительный к процессуальному расследованию характер. Значительный объем следственных действий, на который обоснованно ука-

зывают отдельные авторы [4, с. 10], не меняет ее сущности как предварительного этапа к уголовно-процессуальному расследованию. Связь предварительной проверки и первоначального этапа расследования проявляются как соотношения двух частей системы криминалистической методики расследования.

Совершенствование процесса возбуждения уголовного дела является одной из задач уголовного процесса и криминалистки. Совершенствование осуществляется по направлению оптимизации проверочных действий, расширению числа следственных действий, производимых в процессе предварительной проверки, по распространению научно-практических рекомендаций криминалистической методики на предварительную проверку.

Список источников

1. Кругликов А.П. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе // Российская юстиция. 2011. № 6.
2. Гаврилов Б.Я. Законодательная инициатива и реализация использования специальных знаний на этапе проверки сообщения о преступлении // Криминалистические проблемы организации расследования: материалы Всероссийской научно-практ. конф. Краснодар, 2020.
3. Куемжиева С.А. Методика расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних. М., 2018.
4. Дечкин О.М. Особенности предварительного и первоначального этапов расследования умышленного причинения вреда жизни и здоровью, совершенного осужденными в местах лишения свободы: автореф. … канд. юрид. наук. Рязань, 2025.

References

1. Kruglikov A.P. Is the stage of initiation of a criminal case necessary in the modern criminal process? // Russian justice. 2011. № 6.
2. Gavrilov B.Ya. Legislative initiative and implementation of the use of special knowledge at the stage of verifying a crime report // Criminalistic problems of investigation organization: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Krasnodar, 2020.
3. Kuemzhieva S.A. Methods of investigating crimes against the family and minors. Moscow, 2018.
4. Dechkin O.M. Features of the preliminary and initial stages of the investigation of intentional harm to life and health committed by convicts in places of deprivation of liberty: abstract. ... diss. … PhD in Law. Ryazan, 2025.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Зеленский Владимир Дмитриевич, *профессор, доктор юридических наук, заслуженный юрист России, заслуженный юрист Кубани, почетный работник высшего профессионального образования РФ, руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета. Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина. 350044, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Калинина, 13.*

Куемжиева Светлана Александровна, *профессор, доктор юридических наук, заслуженный юрист Кубани, почетный работник высшего профессионального образования РФ, декан юридического факультета. Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина. 350044, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Калинина, 13.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zelensky Vladimir Dmitrievich, *Grand PhD in Law, Professor, Honoured Lawyer of Russia, Honoured Lawyer of Kuban, Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Head of Master's degree programmes of the Faculty of Law. Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin. 13, Kalinin St., Krasnodar 350044 Russian Federation.*

Kuemzhieva Svetlana Alexandrovna, *Grand PhD in Law, Professor, Honoured Lawyer of Kuban, Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Dean of the Faculty of Law. Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin. 13, Kalinin St., Krasnodar 350044 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 4 (115). – С. 116–124.
Philosophiya prava. 2025. № 4 (115). – Pp. 116–124.

Научная статья
УДК 343.12

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ КАК ВЫЗОВ ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Кашерокова Амина Азретовна
Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, akasherokova-22@ranepa.ru

Комерцов Вячеслав Викторович
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, komercov@yandex.ru

Введение: *современная эпоха характеризуется переходом от материальных форм противоборства к информационным. В условиях глобальной цифровизации именно контроль над потоками информации становится ключевым инструментом мировой политики и фактором, влияющим на национальную безопасность государств. Информационные войны перестают быть исключительно теоретической конструкцией и становятся реальным механизмом влияния на общественное сознание, легитимацию политических решений и баланс сил в международных отношениях.*

Материалы и методы: *использованы общенаучные и специальные методы анализа политических процессов: системный, институциональный, сравнительно-правовой и структурно-функциональный. Эмпирическую основу составляют документы международных организаций, нормативные правовые акты Российской Федерации, аналитические публикации отечественных и зарубежных авторов, а также актуальные примеры из мировой политики.*

Результаты исследования: *определено, что информационные войны в цифровую эпоху формируют новую реальность глобальной конкуренции. Контроль над информационными потоками становится стратегическим ресурсом, киберпространство – ареной политического и идеологического противоборства. Проанализированы популярные политические процессы с применением тактик ведения информационных войн и сделаны основные выводы.*

Выводы и заключения: *в итоге исследования можно заключить, что информационные войны превратились в самостоятельный фронт глобальной политики, воздействуя не на материальные ресурсы, а на сознание и восприятие. Для Российской Федерации обеспечение информационного суверенитета становится вопросом национальной безопасности. Необходима дальнейшая институционализация механизмов противодействия деструктивным информационно-психологическим воздействиям, развитие международного сотрудничества в сфере кибербезопасности и повышение уровня информационной культуры общества.*

Ключевые слова: *информационная война, информационная безопасность, цифровой суверенитет, международное право, мягкая сила, Российская Федерация, глобальная политика.*

Для цитирования: Кашерокова А. А., Комерцов В. В. *Информационные войны в цифровую эпоху как вызов для национальной безопасности Российской Федерации / А. А. Кашерокова, В. В. Комерцов // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4 (115). – С. 116–124.*

Original paper

INFORMATION WARFARE IN THE DIGITAL AGE AS A CHALLENGE TO THE NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Kasherokova Amina Azretovna
South Russian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russian Federation

Komertsov Vyacheslav Viktorovich
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *the modern era is characterized by the transition from material forms of confrontation to informational ones. In the context of global digitalization, it is control over the flow of information that is becoming a key instrument of world politics and a factor affecting the national security of states. Information wars are no longer an exclusively theoretical construct and are becoming a real mechanism of influence on public consciousness, the legitimization of political decisions and the balance of power in international relations.*

Materials and methods: *general scientific and special methods of analysis of political processes are used: systemic, institutional, comparative-legal, and structural-functional. The empirical basis consists of documents from international organizations, regulatory legal acts of the Russian Federation, analytical publications by domestic and foreign authors, as well as relevant examples from world politics.*

Results of the study: *it is determined that information wars in the digital age are forming a new reality of global competition. Control over information flows is becoming a strategic resource, and cyberspace is becoming an arena of political and ideological confrontation. The popular political processes using information warfare tactics are analyzed and the main conclusions are drawn.*

Findings and conclusions: *as a result of the research, it can be concluded that information wars have become an independent front of global politics, affecting not material resources, but consciousness and perception. For the Russian Federation, ensuring information sovereignty is becoming a matter of national security. It is necessary to further institutionalize mechanisms for countering destructive information and psychological influences, develop international cooperation in the field of cybersecurity, and raise the level of information culture in society.*

Keywords: *information warfare, information security, digital sovereignty, international law, soft power, Russian Federation, global politics.*

For citation: Kasherokova, A.A., Komertsov V. V. *Information warfare in the digital age as a challenge to the national security of the Russian Federation // A. A. Kasherokova, V. V. Komertsov // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4 (115). – Pp. 116–124.*

Современная международная система характеризуется не только высокой динамикой и усложнением форм взаимодействия, но и качественной трансформацией самих основ противоборства. Если в индустриальную эпоху баланс сил определялся прежде всего совокупной военной мощью и объемом материальных ресурсов, то в нынешнюю эпоху глобальных коммуникаций ключевое значение приобретает контроль над информационными потоками. В условиях мировых вызовов и структурной трансформации политического поля формируется новый тип капитала – информационный, способный определять как распределение власти, так и характер конкуренции.

Государственные и негосударственные акторы все активнее стремятся не только защищать свои интересы в ресурсной или военной плоскости, но и формировать новые нарративы, задающие рамки восприятия и интерпретации международной реальности. Именно в борьбе за конструирование смыслов и символических порядков проявляется один из центральных векторов глобальной политики XXI в.

С утверждением постиндустриальной эпохи информационные технологии превратились в автономный фактор мировой политики. В ситуациях, где применение военной силы сопряжено с чрезмерными издержками и рисками эскалации, государства и международные организации используют медийные и цифровые инструменты для достижения стратегических целей. Воздействие на массовое сознание, подрыв доверия к государственным институтам и формирование выгодных интерпретаций политической реальности осуществляются средствами информационного влияния. Именно в этом контексте закрепляется термин «информационная война», обозначающий институциализированную форму противоборства, в которой ключевым ресурсом выступают не вооруженные силы, а контроль над потоками информации и смысла [1, с. 113–124].

Понятие «информационная война» не связано с применением оружия массового поражения, открытием фронтов и гибелью тысяч людей. Ее действия реализуются через средства массовой информации и цифровые каналы, оказывая влияние на социальную, политическую и культурную ситуацию в государстве. При этом информационная война нередко активизируется накануне и в ходе военных действий, выполняя задачу подрыва морального духа армии противника и формирования нужного отношения к конфликту среди населения враждебной страны.

Реалии современной эпохи демонстрируют: ядро политического и социального развития – информация. Она определяет траектории цивилизационного развития, влияет на международное сотрудничество, деятельность государств, политических и экономических систем. Информация одновременно выступает ключевым ресурсом развития и инструментом политической борьбы, в том числе в рамках стратегии «мягкой силы».

Понятие «информационная война» в современной науке закрепилось благодаря разработкам ряда ключевых теоретиков. На Западе одним из наиболее авторитетных исследователей является М. Либики, который определял данный феномен как «использование информации для атаки на информацию». Также совместно с Дж. Наем он утверждал, что стратегия сдерживания, аналогичная ядерному сдерживанию, но с некоторыми модификациями, может быть использована в отношении кибервооружений [2, с. 77–80]. В российской научной традиции значительный вклад внесли А.А. Прохоров и Манойло А.В., разработавшие концепции информационно-психологических операций и подчеркнувшие их роль в современных конфликтах. Лисичкин В.А. и Л.А. Шелепин акцентировали внимание на психологическом измерении, рассматривая информационную войну как управление интеллектуальными и социальными процессами общества [1].

Нельзя забывать о том, что сама глобальная информационно-коммуникационная сеть Интернет возникла во многом как результат развития военных технологий и во многом предназначалась для сугубо милитаристских целей. Лишь спустя время этот инструмент приобрел гражданское значение и стал неотъемлемой частью повседневной жизни, однако его истоки напрямую связаны с военной сферой. Ключевую роль в становлении новых информационных технологий сыграло новаторское исследование Агентства Министерства обороны США – DARPA, инициировавшее создание сети ARPANET (Advanced Research Project Agency Network) в начале 1960-х гг. Первоначальная сеть предназначалась для управления перспективным планированием научно-исследовательских работ в интересах Пентагона. Лишь в 1980-е гг. было принято решение подключения к ARPANET частных коммерческих структур, что и привело к рождению Интернета как глобальной информационно-коммуникационной сети [2].

Международное нормативное оформление вопросов кибербезопасности началось в рамках деятельности Группы правительственных экспертов ООН по развитию в сфере информационной безопасности (с начала 2000-х гг.), вырабатывающей базовые принципы ответственного поведения государств в цифровом пространстве: неприменение силы, уважение государственного суверенитета и невмешательство во внутренние дела [3]. Важное место в международной практике занимает Будапештская конвенция о киберпреступности 2001 г., которая стала универсальной точкой отсчета в регулировании борьбы с преступностью в цифровой среде [4]. Вместе с тем Российская Федерация не присоединилась к Конвенции, указывая на содержащиеся в ней положения, в частности ст. 32, допускающую трансграничный доступ к компьютерным данным без согласия государства, где они находятся [5].

Позиция нашей страны основывается на приоритете принципов государственного суверенитета и необходимости обеспечивать баланс между эффективностью международного сотрудничества и защитой национальных интересов. При этом Российская Федерация с 1998 г. активно продвигает тему международной информационной безопасности на площадке ООН, выступая за выработку юридически обязывающих правил. Российская инициатива направлена на предотвращение гонки вооружений в цифровой сфере и обеспечивание равного доступа к технологиям как основы устойчивого развития. Важным шагом стало принятие в декабре 2024 г. Генеральной Ассамблеей консенсусом новой Конвенции о киберпреступности – о сотрудничестве и борьбе с некоторым видом преступлений, совершаемых с использованием средств информационно-коммуникационных технологий, и о доступе к электронным доказательствам, разработанной по инициативе Российской Федерации. Новый документ, ставший результатом многолетних переговоров, является первым универсальным международным договором об информационной безопасности, принятым в ответ на растущую потребность в справедливом регулировании цифровой среды в интересах всего международного сообщества [6].

Конвенция направлена на борьбу с несанкционированным доступом к электронным данным, незаконным перехватом информации, подделкой, кражей или мошенничеством, а также особое внимание уделено укреплению международного сотрудничества между компетентными органами и защите цифрового суверенитета государств-участников в отношении их информационного пространства. Тем самым Российская Федерация предлагает альтернативный путь регулирования, ориентированный на уважение государственного суверенитета и справедливое распределение цифровых ресурсов. Подписание Конвенции запланировано на 2025 г. и пройдет в Социалистической Республике Вьетнам [7].

Региональные организации также вносят вклад в формирование нормативных рамок:

Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) – в контексте евроатлантической безопасности, вырабатывая меры доверия в информационном пространстве [8]. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и БРИКС, напротив, акцентируют внимание на принципах цифрового суверенитета, равного доступа к технологиям и недопустимости использования информационных технологий в агрессивных целях, что формирует альтернативную модель глобального регулирования [9, с. 124–131].

В российской правовой системе нормативные ориентиры закреплены в Конституции РФ: свобода мысли и слова (ст. 29) увязываются с обязанностью государства обеспечивать безопасность личности, общества и государства, а оборона и внешняя политика, включая информационную сферу, отнесены к исключительному ведению Российской Федерации (ст. 71) [10]. Стратегический уровень задают Указы Президента РФ: от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» и от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». В Доктрине подчеркиваются наращивание некоторыми государствами потенциала информационно-технического воздействия в военных целях, активизация технической разведки в отношении российских органов власти, научных организаций и предприятий оборонно-промышленного комплекса, а также использование информационно-психологических методов для подрыва суверенитета и внутренней стабильности [11].

В Стратегии фиксируется кризис западной либеральной модели и на фоне этого попытки ряда государств целенаправленного размывания традиционных духовно-нравственных ценностей, искажения истории и пересмотр роли Российской Федерации в мировом развитии, а также ведение информационных кампаний, формирующих враждебный образ страны. В числе национальных интересов при этом обозначены развитие безопасного информационного пространства и защита общества от деструктивного информационно-психологического воздействия [12]. Тем самым формируется нормативно-правовой и стратегический фундамент для проведения целенаправленной государственной политики в области обеспечения информационной безопасности.

С началом нового столетия информационные войны перестали быть лишь теоретическим конструктом и стали проявляться в реальных политических процессах. Одним из первых масштабных примеров является так называемая «Арабская весна» (2010-2011). Итог этих событий оказался далек от заявленных целей: смена одних авторитарных режимов другими сопровождалась масштабными разрушениями и социальной дестабилизацией. Многие исследователи трактуют «Арабскую весну» как частичный эпизод информационной войны, в рамках которой внешние и внутренние игроки использовали цифровые, медийные и сетевые инструменты для переформатирования политического и экономического устройства региона [13, с. 201–209].

Ключевую роль сыграли социальные сети: они обеспечили мобилизацию, координацию и распространение лозунгов. Вместе с тем исследования указывали и на пределы «сетевого оптимизма» – уязвимость движений к манипуляциям и внешним рамкам повестки. В ряде аналитических исследований отмечается, что на фоне этих процессов администрация Дж. Буша-младшего продвигала концепцию Greater Middle East как инструмент «перестройки» региона. В публичной риторике государственного секретаря К. Райс реформы Ближнего Востока связывались с идеями «творческого разрушения» и «пересборки» политического порядка. В этих дискурсах обещания гражданам региона восстановления их цивилизационного величия служили своеобразной надстройкой к уже существующим ожиданиям – и в ряде случаев действовали как катализатор протестного импульса, особенно в условиях разрыва между обещаниями и реальными социально-экономическими реалиями [14, с. 98–105].

Интернет сыграл роль «катализатора перемен», а информационные потоки оказались способными трансформировать внутреннюю политическую повестку целого региона. Многие исследователи отмечают, что события в Тунисе, Египте и Ливии стали наглядной демонстрацией того, как информация и технологии превращаются в инструмент геополитического влияния. Важно, что массовая «горизонтальная» мобилизация нередко прикрывала «вертикальные» организационные механизмы. В Египте, например, на первый план в итоге вышла организация «Братья-мусульмане», долго остававшаяся в тени уличных протестов, хотя казалось, что народные волнения буквально свергли режим Х. Мубарака [15, с. 67–87]. Сокрытие религиозного характера части движения оказалось прагматичной стратегией: это расширяло коалицию сторонников и осложняло для властей моральную легитимацию жесткого подавления [16].

Хрестоматийным примером использования информационного оружия может служить деятельность ИГИЛ (террористическая организация, запрещенная в Российской Федерации), которая развернула масштабную пропагандистскую кампанию в цифровом пространстве, распространяя радикализованную интерпретацию ислама. Эта идеологическая конструкция, преподносившаяся как «возрождение подлинной веры», позволила организации привлечь значительное число сторонников и создать иллюзию религиозной легитимности своих действий. Другим примером расширения информационных войн за пределы государственных конфликтов можно считать кампании вокруг китайского движения Фалуньгун, демонстрирующие, как духовно-культурные феномены становятся частью глобальной информационной повестки [16, с. 32–45].

Следующим показательным кейсом стала информационная кампания вокруг вывода войск США из Исламского Эмирата Афганистана в 2021 г. Политико-правовая рамка была заложена Дохинским соглашением США с движением «Талибан» от февраля 2020 г., предусматривавшим вывод иностранного контингента при встречных гарантиях безопасности. Курс на свертывание военного присутствия был институционализирован решениями администраций Д. Трампа и Дж. Байдена. К августу 2021 г. падение провинциальных центров и вход талибов в Кабул привели к форсированному воздушному мосту союзников, эвакуации более 120 тыс. человек и трагическим инцидентам у аэропорта. Последствиями стали репутационные издержки, критика планирования операции и обострение дискуссии и гуманитарных обязательствах Запада перед афганскими партнерами [17, с. 72–94].

На внешнем контуре шла борьба за интерпретацию: Вашингтон акцентировал тезисы о прекращении невыполнимой миссии и перераспределении ресурсов на приоритетное направление; часть союзников НАТО настаивала на рисках утраты доверия и гуманитарных издержках; региональные акторы («соседи» Исламского Эмирата Афганистана) выстраивали повестку безопасности и транзитной стабильности. Параллельно сам «Талибан» активно использовал стратегические коммуникации и цифровые каналы для легитимации своего контроля, демонстрации порядка и адресной работы с международной аудиторией – пример асимметричной информационной стратегии низкозатратными средствами. США, в свою очередь, строили кризисные коммуникации вокруг масштабов эвакуации, логистики и контртеррористических гарантий, стремясь нивелировать нарратив некомпетентности и репутационного поражения.

Внутри США сформировалась поляризованная медиасцена: одни площадки возводили рамку исторической неизбежности и «правильности» ухода, другие – рамку оперативной несостоятельности и стратегического ущерба. На этом фоне усилились психологические эффекты: тема «моральной травмы» ветеранов, судьбы переводчиков и местных партнеров, дискуссии о «стоимости войны» и «ответственности администрации» [18, с. 1020–1032]. Важную роль сыграли платформенные решения (модерация контента, маркировка источников, ограничение аккаунтов связных структур), что подчеркивает то, что современные информационные кампании идут не только через традиционные СМИ, но и через правила самих цифровых платформ, выступающих де-факто регуляторами публичной сферы.

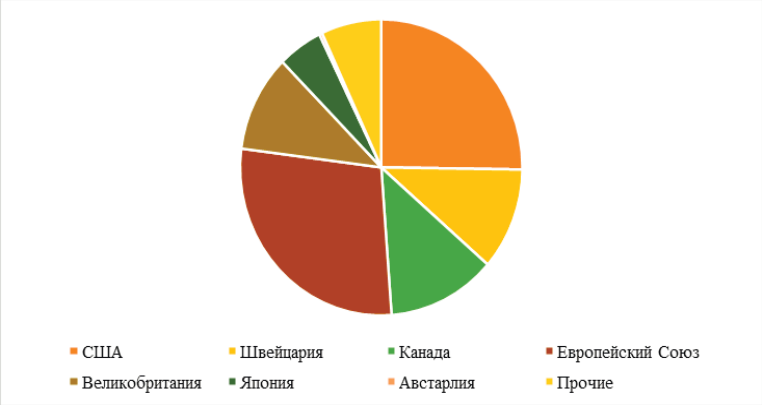
В сумме афганский кейс демонстрирует полный цикл информационной войны: от agenda-setting – задание повестки «конца бесконечной войны» и framing – конкурирующих интерпретаций причин и последствий до психологических операций и символического контролю над образами; от легитимации решений у собственных аудиторий к международному позиционированию и борьбе за нормы. Этот пример наглядно показывает, что в условиях цифровой эпохи именно управление восприятием способно радикально усилить или, напротив, обесценить военные и дипломатические действия, превращая информационное измерение в самостоятельный фронт современной политики [19].

Российская Федерация, являясь одной из ведущих держав мировой политики, экономики и культуры, является центром влияния в системе международных отношений и выступает ключевым участником таких площадок, как Совет Безопасности ООН, БРИКС, ШОС и других организаций. Однако именно эта позиция обуславливает ее нахождение в эпицентре современных процессов информационного противоборства [20, с. 163–167]. В условиях, когда прямое военное давление и санкционная политика коллективного Запада сопровождаются высокими издержками и рисками, все более заметное смещение происходит в сторону информационно-когнитивных стратегий.

Российская Федерация оказывается объектом целенаправленных информаци-

онно-психологических операций, направленных на формирование искаженного восприятия событий, связанных как с внешнеполитическими шагами страны, так и с ее внутренними социальными процессами. Подобные практики стремятся не только подорвать доверие к государственным институтам и дестабилизировать общественную систему, но и сконструировать неблагоприятный международный образ Российской Федерации, что в совокупности должно создать давление на политическое руководство страны [21, с. 252–262]. Одним из инструментов этого давления выступает санкционная политика, ставшая частью более широкой стратегии политико-информационного противоборства.

Диаграмма 1. Распределение санкций в отношении Российской Федерации по странам-инициаторам (февраль 2022 г. – июль 2025 г.)



На диаграмме представлено распределение санкций по странам, инициировавшим ограничительные меры в отношении Российской Федерации в период с февраля 2022 г. по июль 2025 г. Согласно представленным данным, лидирующие позиции занимают США (≈ 7,4 тыс. санкций), Европейские союз (≈ 8,2 тыс.) и Канада (≈ 3,6 тыс.). Примечательно, что Швейцария, традиционно ассоциируемая с политикой нейтралитета, занимает четвертое место – более 3,2 тыс. ограничительных мер. Участие таких государств, как Япония, Австралия и ряда других стран, в санкционной политике отражает трансформацию международной системы, в которой экономические и информационные инструменты приобретают роль альтернативы традиционным формам силового воздействия [22].

Информационное противоборство в ходе проведения специальной военной операции на Украине (в ходе которого украинская сторона пользуется американской разведкой в роли плацдарма и контрагента) стало самостоятельным фронтом, где медийные ресурсы, цифровые платформы и киберпространство превратились в арены битвы за интерпретацию реальности и мобилизацию общественного мнения [23, с. 107–117]. Здесь произошла перестройка всей архитектуры специальных мероприятий: на вершине «пирамиды» сохранили свое значение стратегические информационные операции, способные обеспечить долгосрочный эффект и сформировать международно-правовую повестку вокруг обвинений в адрес руководства Российской Федерации. Эпизод с «инцидентом в Буче» демонстрирует прямое наследование схемы «дела Скрипалей», а также показывает использование сценариев обвинительного характера, рассчитанных на закрепление за Российской Федерации образа нарушителя международного права (в частности, истории о «обстреле российскими войсками Запорожской АЭС», «Россия – спонсор международного терроризма», «ракетный удар по торговому центру в Кременчуге», «применение Россией химического оружия в Донбассе») [24, с. 56–69].

Ниже этого уровня активно разворачивается деятельность специальной пропаганды, направленной на деморализацию, подрыв доверия к политическим институтам и дискредитацию лидеров. Еще более массово применяются фейки, которые стали инструментом насаждения паники, распространения слухов и отвлечения сил на фиктивные угрозы. Украинская сторона превратила их производство в потоковый процесс, часто пренебрегая качеством ради эффекта масштаба: лавина слухов, компромата и инсайдов призвана перегрузить российскую контрпропаганду [25, с. 74–83]. Порой в них намеренно закладываются несостыковки, чтобы втянуть российскую сторону в публичные разоблачения и создать новые информационные поводы. Симптоматичным примером стал дипфейк с врио губернатора Курской области А. Смирновым в августе

2024 г.: в видеоролике ему приписали призыв к массовой мобилизации, хотя в действительности речь шла о пограничной напряженности.

Эти примеры показывают, что информационные войны в нынешнюю эпоху глобальных коммуникаций стали универсальным инструментом политики, проводимой многими современными государствами. Их специфика заключается в том, что они воздействуют не на материальную основу государственности, а на сферу сознания, формируя образ реальности, в котором политические решения и социальные реакции приобретают заданные извне начертания. В отличие от прошлых эпох, когда баланс сил определялся армиями и ресурсами, в настоящее время он все больше смещается в сторону контроля информации, умения формировать восприятие и интерпретацию событий, а также влиять на коллективное поведение и мобилизационный потенциал общества.

Информационное противоборство становится неотъемлемой частью современных международных процессов. Оно проявляется в форме стратегических операций, направленных на легитимацию обвинений и формирование международной повестки; в тактическом использовании пропаганды и дезинформации для подрыва доверия к государственным институтам и деморализации общества; в создании фейков и медиаповесток, способных инициировать кризисные реакции в политике и экономике. Тем самым информационная война не только сопровождает, но и предопределяет военные, дипломатические и экономические действия, превращаясь в самостоятельный фронт борьбы за власть.

Для Российской Федерации эта реальность особенно значима. Будучи крупным актором мировой политики, она неизбежно оказывается в центре информационных атак, сопровождающихся санкционным давлением и попытками сформировать неблагоприятный международной образ. В то же время Российская Федерация выстраивает собственную стратегию, опирающуюся на Доктрину информационной безопасности и Концепцию цифрового суверенитета, а также продвигает на международной арене инициативу, направленную на создание юридически обязывающих правил поведения в цифровом пространстве.

Таким образом, информационная война в современном мире перестает быть лишь вспомогательным средством и превращается в системообразующий фактор глобальной политики. Она определяет траектории развития международной системы, влияет на баланс сил и становится ключевым ресурсом, от владения которым зависит устойчивость и конкурентоспособность государств в XXI веке.

Список источников

1. Саидзода Д. А. Теоретические и концептуальные подходы к исследованию информационной войны // Светоч науки. 2024. № 4.

2. Мехтиева Н. Р. Информационные войны как «цифровой» аспект глобализации // Век глобализации. 2017. № 3(23).

3. Международное сотрудничество в области информационной безопасности. URL: https://clck.ru/3PR9zA (дата обращения: 25.09.2025).

4. Council of Europe – Convention on Cybercrime (ETS № 185). URL: https://clck.ru/3ParhC (дата обращения: 25.09.2025).

5. Россия не будет подписывать Конвенцию о киберпреступности. URL: https://ria.ru/20080325/102166095.html (дата обращения: 25.09.2025).

6. О принятии Конвенции ООН против киберпреступности. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1989289/ (дата обращения: 25.09.2025).

7. Press release on the adoption of the UN Convention against Cybercrime. URL: https://mid.ru/en/maps/vn/1989289/ (дата обращения: 25.09.2025).

References

1. Saidzoda D. A. Theoretical and conceptual approaches to the study of information warfare // Svetoch nauki. 2024. № 4.

2. Mehdiyeva N. R. Information wars as a «digital» aspect of globalization // The age of globalization. 2017. № 3(23).

3. International cooperation in the field of information security. URL: https://clck.ru/3PR9zA (date of access: 25.09.2025).

4. Council of Europe – Convention on Cybercrime (ETS No. 185). URL: https://clck.ru/3ParhC (date of access: 25.09.2025).

5. Russia will not sign the Convention on Cybercrime. URL: https://ria.ru/20080325/102166095.html (date of access: 25.09.2025).

6. On the adoption of the UN Convention against Cybercrime. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1989289 / (date of access: 25.09.2025).

7. Press release on the adoption of the UN Convention against Cybercrime. URL: https://mid.ru/en/maps/vn/1989289 / (date of access: 25.09.2025).

8. ОБСЕ. URL: https://clck.ru/3PartZ (дата обращения: 25.09.2025).

9. Юнусов А.А., Юнусов М.А., Алимов А.А. Организационно-правовые основы обеспечения безопасности государства и мирового сообщества на региональном уровне // Современное право. 2018. № 2.

10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://clck.ru/3ParqQ (дата обращения: 25.09.2025).

11. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646. URL: https://clck.ru/3Parnp (дата обращения: 25.09.2025).

12. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400. URL: https://clck.ru/3Parkj (дата обращения: 25.09.2025).

13. Антюхова Е.А. «Арабская весна»: новые механизмы смены авторитарных режимов // Вестник Московского государственного института международных отношений. 2015. № 2(41).

14. Ирхин А.А. Американский план «Большой Ближний Восток» и турецкая концепция «Стратегической глубины»: вызовы и возможности для российской внешней политики в Черноморско-Средиземноморском регионе // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 432.

15. Галкина Е.С. Революция в Египте: «Братья-мусульмане» как матрица гражданского общества // Вопросы национализма. 2011. № 3(7).

16. Демидов К.Б. «Арабская весна» как один из фронтов глобальной информационной войны: предварительная постановка проблемы // Социальные и гуманитарные науки. 2022. № 3.

17. Бубнова Н.И. Вывод американских войск из Афганистана и политика Вашингтона: что пошло не так? // Россия и современный мир. 2022. № 3(116).

18. Крупская С.Ю., Пажвак С.Б. Афганистан во внешнеполитической стратегии США в период президентства Б. Обамы, Д. Трампа, Дж. Байдена: сравнительный анализ // Via in tempore. История. Политология. 2023. № 4.

19. Ведение информационной войны США и их союзниками в ходе операции в Афганистане. URL: https://clck.ru/3ParrW (дата обращения: 25.09.2025).

20. Косов А.П. Роль и место Российской Федерации в трансформирующемся мире-

8. OSCE. URL: https://clck.ru/3PartZ (date of access: 25.09.2025).

9. Yunusov A.A., Yunusov M.A., Alimov A.A. Organizational and legal foundations of ensuring the security of the state and the international community at the regional level // Modern law. 2018. № 2

210. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the nationwide vote on 01.07.2020). URL: https://clck.ru/3ParqQ (date of access: 25.09.2025).

11. On the approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated 05.12.2016 № 646. URL: https://clck.ru/3Parnp (date of access: 25.09.2025).

12. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated 02.07.2021 № 400. URL: https://clck.ru/3Parkj (date of access: 25.09.2025).

13. Antyukhova E.A. «Arab Spring»: new mechanisms for changing authoritarian regimes // Bulletin of the Moscow State Institute of International Relations. 2015. № 2(41).

14. Irkhin A.A. The American plan «Greater Middle East» and the Turkish concept of «Strategic Depth»: challenges and opportunities for Russian Foreign Policy in the Black Sea-Mediterranean region // Bulletin of Tomsk State University. 2018. № 432.

15. Galkina E.S. Revolution in Egypt: The Muslim Brotherhood as a matrix of civil society // Issues of nationalism. 2011. № 3(7).

16. Demidov K.B. «Arab Spring» as one of the fronts of the global information war: a preliminary statement of the problem // Social Sciences and Humanities. 2022. № 3.

17. Bubnova N.I. Withdrawal of American troops from Afghanistan and Washington's policy: what went wrong? // Russia and the modern world. 2022. № 3(116).

18. Krupskaya S.Yu., Pazhvak S.B. Afghanistan in the US foreign policy strategy during the presidency of B. Obama, D. Trump, J. Biden: a comparative analysis // Via in tempore. History. Political science. 2023. № 4.

19. Waging an information war by the United States and its allies during the operation in Afghanistan. URL: https://clck.ru/3ParrW (date of access: 25.09.2025).

20. Kosov A.P. The role and place of the Russian Federation in the transforming world order // Russia: trends and development prospects. 2023. № 18(1).

21. Abdulragimov I.A. Socio-psychological aspects of the information confrontation

порядке // Россия: тенденции и перспективы развития. 2023. № 18(1).

21. Абдулрагимов И.А. Социально-психологические аспекты информационного противоборства России и коллективного Запада // Современная геостратегия Российской Федерации в условиях становления нового мирового порядка. 2024.

22. Количество санкций против России превысило 30 тыс. URL: https://ria.ru/20250720/strany-2030232496.html (дата обращения: 25.09.2025).

23. Манойло А.В. Информационные диверсии в конфликте на Украине // Российский социально-гуманитарный журнал. 2022. № 4.

24. Клинцова М.Н. Тактика ведения информационной войны во время СВО // Российская школа связей с общественностью. 2023. № 29.

25. Манойло А.В. Информационная война в контексте специальной военной операции на Украине // Международная жизнь. 2022. № 12.

between Russia and the collective West // Modern geostrategy of the Russian Federation in the context of the formation of a new world order. 2024.

22. The number of sanctions against Russia exceeded 30 thousand URLs: https://ria.ru/20250720/strany-2030232496.html (date of access: 25.09.2025).

23. Manoilo A.V. Information sabotage in the conflict in Ukraine // Russian Social and Humanitarian Journal. 2022. № 4.

24. Klintsova M.N. Tactics of information warfare during the SVO // Russian School of Public Relations. 2023. № 29.

25. Manoilo A.V. Information warfare in the context of a special military operation in Ukraine // International life. 2022. № 12.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кашерокова Амина Азретовна, *преподаватель факультета политологии и этнополитики. Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская 70.*

Комерцов Вячеслав Викторович, *старший преподаватель кафедры информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kasherokova Amina Azretovna, *Lecturer at the Faculty of Political Science and Ethnopolitics. South-Russian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 70, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don 344002 Russian Federation.*

Komertsov Vyacheslav Viktorovich, *Senior Lecturer at the Department of Information and Communication Technologies and Cybersecurity. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 4 (115). – С. 125–131.
Philosophiya prava. 2025. № 4 (115). – Pp. 125–131.

Научная статья
УДК 343.97:343.85:343.34

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО И ЭКСТРЕМИСТСКОГО ХАРАКТЕРА В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН

Мамонтов Денис Юрьевич
Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, Ставрополь, Российская Федерация, denger-80@mail.ru

Брюхнов Александр Анатольевич
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, lexandr@mail.ru

Напханенко Игорь Павлович
Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, Nip1966@yandex.ru

Введение: *на современном этапе развития нашего государства вопрос о преступлениях террористической и экстремистской направленности стоит особо остро. Проведенные исследования в области экстремистской и террористической деятельности показывают, что ситуация в данных областях сохраняется стабильной и находится под особым контролем.*

Материалы и методы: *основой научной статьи явились законодательство Российской Федерации, научная литература, монографии, а также материалы периодических изданий. В ходе исследования использованы следующие методы: исторический, сравнительный, логический, сравнительно-правовой анализ научной и специальной литературы и др.*

Результаты исследования: *рассматриваются особенности деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений террористического и экстремистского характера в Республике Дагестан.*

Выводы и заключения: *в вопросах противодействия преступлениям террористической и экстремистской направленности необходимо создание единого специализированного информационного банка данных экстремистских материалов и лиц, осужденных за совершение преступлений террористической и экстремистской направленности, а также данных об их связях.*

Ключевые слова: *деятельность органов внутренних дел, предупреждение преступлений, терроризм, экстремизм.*

Для цитирования: Мамонтов Д. Ю., Брюхнов А. А., Напханенко И. П. *Основные направления деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений террористического и экстремистского характера в Республике Дагестан / Д. Ю. Мамонтов, А. А. Брюхнов, И. П. Напханенко // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4 (115). – С. 125–131.*

Original paper

THE MAIN ACTIVITIES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES FOR THE PREVENTION OF CRIMES OF A TERRORIST AND EXTREMIST NATURE IN THE REPUBLIC OF DAGESTAN

Mamontov Denis Yurievich
Stavropol Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Stavropol, Russian Federation

Bryukhnov Alexander Anatolyevich
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Napkhanenko Igor Pavlovich
Rostov State University of Railway Engineering, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *at the present stage of the development of our state, the issue of terrorist and extremist crimes is particularly acute. The conducted research in the field of extremist and terrorist activities shows that the situation in these areas remains stable and is under special control.*

Materials and methods: *the scientific article is based on the legislation of the Russian Federation, scientific literature, monographs, as well as materials from periodicals. The following methods were used in the course of the research: historical, comparative, logical, comparative legal analysis of scientific and specialized literature, etc.*

Results of the study: *the article examines the specifics of the activities of the internal affairs bodies to prevent crimes of a terrorist and extremist nature in the Republic of Dagestan.*

Findings and conclusions: *in matters of countering terrorist and extremist crimes, it is necessary to create a single specialized information database of extremist materials and persons convicted of committing terrorist and extremist crimes, as well as data on their connections.*

Keywords: *activities of internal affairs bodies, crime prevention, terrorism, extremism.*

For citation: Mamontov D. Y., Bryukhnov A. A., Napkhanenko I. P. *The main activities of the internal affairs bodies for the prevention of crimes of a terrorist and extremist nature in the Republic of Dagestan / D. Yu. Mamontov, A. A. Bryukhnov, I. P. Napkhanenko // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4 (115). – Pp. 125–131.*

На протяжении всей истории человечества события и происшествия, трактуемые обществом как терроризм и наказуемые законодательными актами, проявлялись и имели свойство модернизироваться с течением времени. Терроризм как особая идеология насилия и устрашения, иногда приводящая к самым страшным последствиям, во все времена резонировал страх, переживания, неуверенность в завтрашнем дне значительных масс населения. Неудивительно, что во времена Смуты, в эпоху дворцовых переворотов, революций и военных действий террористами совершались многочисленные преступления, посредством которых преступники добивались самых разнообразных целей: сеяли страх и панику среди мирного населения, диктовали требования политическим органам, тем самым провозглашая свое превосходство и власть.

Один из самых жестоких и смертоносных террористических актов в современной России произошел 22 марта 2024 г. около 20:00 в зрительном зале «Крокус Сити Холл» (Красногорск, Московская область). Террористы открыли огонь по находившемуся в здании гражданскому населению, подожгли зрительный зал, а затем покинули здание и скрылись на автомобиле. В результате атаки погибли не менее 139 человек, более 360 граждан получили ранения. В результате взрывов и пожара здание концертного зала было почти полностью разрушено.

К сожалению, отдельные ситуации демонстрируют, что современная правовая система и сложившаяся правоприменительная практика сотрудников правоохранительных органов и отдельных спецслужб оказалась неготовой к новым вызовам и угрозам, которые несет в себе деятельность террористов, регулярно обновляющаяся в организационном и техническом аспекте.

В сложившейся ситуации актуальным средством ликвидации новых террористических атак может стать осуществление исследования правовых и организационных основ деятельности полиции по противодействию терроризму, а также заблаговременный анализ проблемных вопросов противодействия актам незаконного вмешательства и разработка путей их практического решения.

Противодействие терроризму на территории нашей страны является одним из приоритетных направлений деятельности правоохранительных органов. Несмотря на то, что эта деятельность является прерогативой Федеральной службы безопасности, огромную роль в этом направлении играет Министерство внутренних дел Российской Федерации. Одной из причин является то, что первичные данные о совершенных преступлениях террористического характера либо же об угрозе их осуществления поступают в дежурные части территориальных органов внутренних дел (далее – ОВД). Именно по этой причине сотрудники полиции самостоятельно проводят все первоначальные оперативно-розыскные и следственные мероприятия на месте происшествия до прибытия специальных подразделений, где им приходится пресекать реальную угрозу [1].

Этот процесс основывается на положениях, вытекающих из Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», где в п. 1 ст. 1 сказано, что «полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности». Пункт 16 ст. 12 данного Закона гласит, что полиция обязана «принимать в соответствии с федеральным законом меры, направленные на предупреждение, выявление и пресечение экстремистской деятельности общественных объединений, религиозных и иных организаций, граждан» [2]. Обязанность полиции как субъекта антитеррористической деятельности прописана и в Федеральном законе от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [3].

Немаловажным шагом в данном направлении является издание Указа Президента РФ от 06.09.2008 № 1316 «О некоторых вопросах МВД», в результате которого в органах внутренних дел были образованы оперативные подразделения по противодействию экстремизму. На сегодняшний день в состав центрального аппарата МВД России включены:

– главное управление по противодействию экстремизму МВД России (ГУПЭ);

– центры по противодействию экстремизму (созданы в каждом федеральном округе и входят в состав управлений МВД России по федеральным округам);

– центры по противодействию экстремизму (осуществляют свою деятельность в составе министерств внутренних дел по республикам, главных управлений, управлений МВД России по иным субъектам Российской Федерации.

В соответствии с российским законодательством ОВД РФ обязаны участвовать в противодействии экстремистским и террористическим явлениям [4]. Сюда входит выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие, а также расследование преступных деяний террористической и экстремистской направленности [5].

Проведя анализ практики антитеррористической деятельности подразделений МВД России, трудов ученых в сфере криминологии, оперативно-розыскной деятельности, административной деятельности полиции, авторы получили возможность сформулировать понятие «противодействия преступлениям террористической направленности органами внутренних дел».

Считаем, что под таким противодействием следует понимать совокупность информационно-аналитических, организационных, оперативно-розыскных, оперативно-технических, следственных, профилактических мероприятий, а также мер государственного принуждения, осуществляемых силами и средствами ОВД и направленных на выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений и иных правонарушений террористической направленности, отнесенных к компетенции МВД России.

Современная оперативная обстановка Республики Дагестан (далее – РД) свидетельствует, что происходит увеличение роста преступлений террористического характера и экстремистской направленности.

В Дагестане проживает более 60 народов, каждый из которых отличается своей культурой, языком и вероисповеданием. Преимущество населения исповедует ислам. На протяжении всей истории общества существующие противоречия между представителями разных конфессий, экономическая и социальная разобщенность общества невольно выступали не только причинами, но и ускорителями процессов возникновения террористических и экстремистских проявлений. Опыт развернувшейся в нашей стране войны с терроризмом и экстремизмом показал, что только силовыми методами борьбы не прийти к желаемому результату, с помощью них достигается лишь временный, локальный эффект. Но в целом угрозы будут сохраняться, пока существует крепкая система инфраструктуры терроризма. Система включает такие звенья, как идеология терроризма, ее последователи, распространяющие радикальные идеи среди населения и создающие различные носители данных идей, а также всевозможные каналы распространения указанной идеологии. Сегодня террористы все больше прибегают к возможностям сети Интернет.

Исходя из специфики населения, культур и религии, Правительство РД осуществляет разработку и реализацию программ различного характера, в том числе и межрегионального предупреждения и противодействия терроризму и экстремизму. Так, для противодействия в регионе РД идеологического воздействия международных террористических организаций, объединений и отдельных лиц, формирования у населения антитеррористического сознания, с целью обучения комплекса действий при возникновении угроз террористического характера, а также содей-

ствия развитию у населения, в особенности молодого поколения, активной гражданской позиции, направленной на неприятие идеологии экстремизма и терроризма, профилактики вовлечения в террористическую деятельность лиц, более подверженных воздействию идеологии терроризма, предотвращения распространения региональными религиозными объединениями радикальных идей, в том числе идей, поступающих из других регионов РФ, – 25 декабря 2020 г. Правительство РД утверждает комплексную Программу противодействия идеологии терроризма в Республике Дагестан [6].

Основываясь на данной программе, в республике проводятся масштабные работы по предупреждению и урегулированию межнациональных и межконфессиональных конфликтов, которые, как известно, являются «лакомым кусочком» для террористических организаций и объединений.

Министерство образования и науки РД разрабатывает и реализует ежегодные образовательные программы, в которые включается проведение в дошкольных и образовательных учреждениях и организациях воспитательных мероприятий по воспитанию национальной и религиозной толерантности, а также распространению и развитию среди молодежи непринятия идеологии терроризма. Для реализации данного направления проводятся мероприятия и внеклассные часы с участием педагогов, психологов, представителей духовенства, а также сотрудников ОВД, которые непосредственно осуществляют задачи борьбы с терроризмом. На данных мероприятиях часто демонстрируются видеофильмы с участием лиц, которые были вовлечены в религиозно-экстремистские организации, дабы показать отрицательный пример молодежи и последствия осуществления преступлений и правонарушений террористического характера. Также на сегодняшний день Министерство образования и науки РД разработало различные пособия, книжные и мультимедийные издания, включенные в образовательные программы школьников и студентов и нацеленные на выработку среди молодежи патриотического воспитания и толерантности.

В целях предупреждения вовлечения молодежи и террористическую деятельность и обеспечения при этом межведомственного взаимодействия всех субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних ОВД проводят комплексные проверки дошкольных и образовательных учреждений, в результате которых выявляются несовершеннолетние, которые систематически пропускают учебный процесс по тем или иным причинам, а также высказывают идеи радикального исламского течения.

В систему профилактики экстремизма и терроризма входит также работа по проверке лиц, освободившихся из мест лишения свободы, которые были осуждены за совершение преступлений террористической направленности. Естественно, такая работа строится на основе имеющейся информации об осужденном, получаемой от администрации мест отбытия наказания. Нужно сказать, что наиболее эффективной такая работа будет являться только в случае проведения ее не только в отношении освободившегося лица, но и в отношении членов его семьи, которые в свою очередь оказывают положительное влияние на объект профилактического воздействия. Целью такой работы с данными лицами является проверка их адаптации к современным условиям жизни, а также установление фактов возможного их негативного влияния на членов семей, в том числе и на несовершеннолетних. Как показывает практика деятельности подразделений центра по противодействию экстремизму Республики Дагестан, эффективность профилактической работы существенно повышается при привлечении к ней представителей религиозных конфессий и сотрудников администраций органов местного самоуправления.

Особое внимание органам внутренних дел следует уделить такой особенности современного терроризма, как использование информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет. Проблема заключается в массовости использования данной Сети, быстрый обмен информацией между пользователями, находящимися в разных уголках Земли, а также быстрый и анонимный перевод денежных средств. Современные представители террористических и экстремистских организаций в большей степени нацелены именно на молодежь. Используя в этих целях средства массовой информации (далее – СМИ), террористические организации подпитывают межличностные конфликты между молодежью ложными публикациями, видео- и фотоматериалами, якобы оскорбляющими представителей своей национальности, веры. В связи с этим в сознании молодежи формируется радикальное мышление и желание бороться с представителями «враждующих» народов и конфессий, а главное – борьба с несправедливой политикой государства. СМИ «играют на руку» и правоохранительным органам.

В социальных сетях, мессенджерах ОВД размещают различные публикации, статьи, фото- и видеоматериалы, формирующие у пользователей позитивное и толерантное отношение к представителям других национальных, религиозных и социальных групп, развивают патриотическое сознание и ответственную гражданскую позицию. ОВД РД тесно взаимодействуют и с представителями духовенства, распространяя совместные информационные ролики и памятки на официальном интернет-сайте централизованной исламской организации «Муфтият Республики Дагестан».

Центр по противодействию экстремизму МВД России по РД регулярно осуществляет контроль СМИ, социальных сетей в целях выявления первичных сведений, свидетельствующих о начале возникновения радикальных взглядов, для дальнейшего предотвращения их развития в практическую деятельность. Особенно привлекают внимание интернет-сайты и форумы местного и регионального характера, затрагивающие вопросы развития религии, а также современное религиозное воспитание среди молодежи в республике.

Немаловажное значение в предупредительной деятельности ОВД республики преступлений террористического и экстремистского характера имеет правильно организованная деятельность сотрудников оперативных подразделений с другими службами и подразделениями ОВД, а также с другими органами и ведомствами. Нередко возникает практика проведения совместных операций между подразделениями ОВД и Федеральной службой безопасности, носящих в том числе и предупредительный характер. Передача многолетнего опыта, обмен информацией между данными ведомствами позволит эффективно выявлять факты террористического характера и своевременно их предотвращать.

На сегодняшний день сотрудниками Управления Федеральной службы безопасности по РД и Главного управления по противодействию экстремизму МВД России по РД особое внимание уделяется мигрантам, прибывающим из зарубежных стран, в особенности из стран Ближнего Востока. Органами внутренних дел регулярно проводится мониторинг их действий в сети Интернет, осуществляются гласные и негласные оперативно-розыскные мероприятия в целях выявления первичной информации, свидетельствующей об их приверженности к той или иной радикальной идеологии, проверки этой информации и предупреждение совершения ими преступлений террористического характера на ранних этапах. Огромную роль здесь играет взаимодействие ОВД с подразделениями миграционной службы и таможенными органами, которые проводят проверку и регистрацию прибывающих лиц на территорию республики и убывающих с нее.

Террористические акты совершаются различными хорошо продуманными и крайне опасными способами: с использованием оружия различного типа, взрывных устройств, а также оружия массового поражения (химического и биологического). В арсенале террористов могут присутствовать ракеты дальнего поражения, бомбы различного типа. В связи с этим ОВД осуществляет контроль оборота оружия, взрывных устройств и их составляющих, взрывных веществ, проводит проверки на предприятиях, где осуществляется оборот взрывоопасных веществ. Кроме того, сотрудники ОВД ведут борьбу с хищениями оружия и, что немаловажно, проводят проверки лиц, допущенных к работе с данными веществами и предметами.

В октябре 2013 г. в результате совместной операции органов безопасности и внутренних дел в частном доме на окраине г. Хасавюрт были ликвидированы боевики террористической организации, готовившие проведение целого ряда терактов на территории РД [2]. Спецоперация позволила предотвратить массовое убийство мирных граждан и возникновение дестабилизации в обществе.

В заключение необходимо отметить, что деятельность органов внутренних дел РД в целом и в частности подразделений по предупреждению и противодействию преступлений террористической и экстремистской направленности обладает ключевой ролью в данном направлении антитеррористической деятельности государства. Согласно статистике Министерства внутренних дел РД, в период с января по декабрь 2024 г. в Дагестане количество преступлений террористической направленности сократилось до 268 (в 2023 г. было зарегистрировано 310 преступлений). При этом по их числу республика занимает первое место в стране. Статистика показывает, что количество данных преступлений незначительно снижается, но в то же время подразделения ОВД показывают эффективное противодействие актам терроризма и экстремизма.

Важно подчеркнуть, что в вопросах противодействия указанным преступлениям значительно облегчило бы работу ОВД в данном направлении создание единого специ-

ализированного информационного банка данных экстремистских материалов и лиц, осужденных за совершение преступлений террористической и экстремистской направленности, а также данных об их связях. В образовательных учреждениях следует больше времени уделять проведению внеклассных мероприятий в целях изучения молодежью антитеррористического законодательства, а также развития в молодежной среде патриотического духа.

Борьба с терроризмом и экстремизмом в Республике Дагестан является ярким примером того, насколько тесно в субъектах Российской Федерации органы внутренних дел совместно с государственными органами субъектов и общественностью взаимодействуют по вопросам предупреждения террористических проявлений и антитеррористической борьбы.

Список источников

1. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (в ред. от 29.12.2022) // Российская газета. 1995. 18 августа.

2. О полиции: федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (в ред. от 04.08.2023) // Российская газета. 2011. 8 февраля.

3. О противодействии терроризму: федер. закон от 06.0.2006 № 35-ФЗ (в ред. от 10.07.2023) // Российская газета. 2006. 10 марта.

4. О некоторых вопросах МВД России: Указ Президента РФ от 06.09.2008 № 1316 // Собр. законодательства РФ. 2008. № 37. Ст. 4182.

5. О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации: указ Президента РФ от 23.03.1995 № 310 (с изм. от 03.11.2004) // Российская газета. 1995. 27 марта; О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (посл. ред.); О внесении изменений в ст. 1 и 15 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»: федер. закон № 148-ФЗ от 27.07.2006 // Российская газета. 2006. 29 июля; О внесении изменений и дополнений в УК РФ: федер. закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2003. № 28. Ст. 2880; Шанхайская Конвенция «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» от 15.06.2001, ратифицирована ФЗ РФ № 3-ФЗ от 10.01.2003.

6. Об утверждении государственной программы Республики Дагестан «Комплексная программа противодействия идеологии терроризма в Республике Дагестан»: постановление Правительства РД от 25.12. 2020 № 284. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

References

1. About operational investigative activities: feder. law of 12.08.1995 № 144-FL (as amended dated 29.12.2022) // Rossiyskaya Gazeta. 1995. August 18.

2. About the police: feder. law of 07.02.2011 № 3-FL (as amended dated 04.08.2023) // Rossiyskaya Gazeta. 2011. February 8th.

3. On countering terrorism: feder. law of 06.0.2006 № 35-FL (as amended dated 10.07.2023) // Rossiyskaya Gazeta. 2006. March 10.

4. About some issues of the Ministry of Internal Affairs of Russia: Decree of the President of the Russian Federation dated 06.09.2008 № 1316 // Collection of legislation of the Russian Federation. 2008. № 37. St. 4182.

5. On measures to ensure coordinated actions of state authorities in the fight against manifestations of fascism and other forms of political extremism in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated 23.03.1995 № 310 (as amended dated 03.11.2004) // Rossiyskaya Gazeta. 1995. March 27; On countering extremist activities: feder. law № 114-FL dated 25.07.2002 (as amended); On Amendments to Articles 1 and 15 of the Federal Law «On Countering Extremist Activities»: feder. law on Combating Extremist Activities. Law № 148-FL of 27.07.2006 // Rossiyskaya Gazeta. 2006. July 29; On amendments and additions to the Criminal Code of the Russian Federation: feder. law № 162-FL dated 08.12.2003 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2003. № 28. Art. 2880; Shanghai Convention «On Combating Terrorism, Separatism and Extremism» dated 15.06.2001, ratified by Federal Law of the Russian Federation № 3-FL dated 10.01.2003.

6. On approval of the State program of the Republic of Dagestan «Comprehensive Counteraction Program ideology of terrorism in the Republic of Dagestan»: Decree of the Government of the Republic of Dagestan dated 25.12.2020 № 284. Access from the legal system «Garant».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мамонтов Денис Юрьевич, *старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники. Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России. 355035, Российская Федерация, г. Ставрополь, проспект Кулакова, 43.*

Брюхнов Александр Анатольевич, *кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

Напханенко Игорь Павлович, *кандидат юридических наук, доцент заведующий кафедрой административного права и уголовно-правовых дисциплин. Ростовский государственный университет путей сообщения. 344038, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, 2.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mamontov Denis Yuryevich, *Senior lecturer at the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment. Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 43, Kulakova Ave., Stavropol 355035 Russian Federation.*

Bryukhnov Alexander Anatolyevich, *PhD in Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don, 344015, Russian Federation.*

Naphanenko Igor Pavlovich, *PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Administrative Law and Criminal Law Disciplines. Rostov State University of Railway Engineering. 2, Rostov Infantry Regiment square, Rostov-on-Don 344038 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 4 (115). – С. 132–137.
Philosophiya prava. 2025. № 4 (115). – Pp. 132–137.

Научная статья
УДК 343.13

ЗАЛОГ КАК МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Попова Анна Викторовна
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, wanfilal@bk.ru

Введение: *статья исследует залог как меру пресечения: историческое развитие в России, правовой статус, практическое применение и оценку полезности данной меры в уголовном процессе. Рассматриваются этапы появления залога в отечественном законодательстве: от дореформенных основ до закрепления в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, сопоставление с зарубежной практикой.*

Материалы и методы: *анализируются основания и условия применения, меры обеспечения и контроль за исполнением, роль залога в сохранении презумпции невиновности, снижении перегрузки следственных изоляторов и обеспечении гражданских прав обвиняемых.*

Результаты исследования: *выявлены практические преимущества залога: возможность освобождения под ответственность, учет имущественного положения обвиняемого, прозрачность критериев выбора меры, влияние на оперативность расследования и доступ к защите. Также рассмотрены риски и проблемы: ограниченный доступ к финансированию, неравенство условий, риски отмены или изменения залога, сложности контроля исполнения, юридические и экономические барьеры для участников процесса.*

Выводы и заключения: *оценивается роль залога в современной судебной системе и предлагаются направления реформирования: усиление прозрачности процедур, усовершенствование механизмов контроля и балансировка интересов государства, обвиняемого и потерпевших.*

Ключевые слова: *залог, мера пресечения, историческое развитие, уголовный процесс, принятие решения, запрет, имущественное положение.*

Для цитирования: Попова А. В. *Залог как мера пресечения в уголовном судопроизводстве Российской Федерации / А. В. Попова // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4 (115). – С. 132–137.*

Original paper

BAIL AS A PREVENTIVE MEASURE IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Popova Anna Viktorovna
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *the article examines bail as a preventive measure: historical development in Russia, legal status, practical application and assessment of the usefulness of this measure in criminal proceedings. The stages of the appearance of collateral in domestic legislation are considered: from the pre-reform foundations to consolidation in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, comparison with foreign practice.*

Materials and methods: *the grounds and conditions of use, security measures and control over execution, the role of bail in maintaining the presumption of innocence, reducing the overload of pre-trial detention facilities and ensuring the civil rights of the accused are analyzed.*

Results of the study: *the practical advantages of bail have been identified: the possibility of release on responsibility, consideration of the property status of the accused, transparency of the criteria for choosing a measure, the impact on the efficiency of the investigation and access to protection. Risks and problems are also considered: limited access to financing, unequal conditions, risks of cancellation or modification of collateral, difficulties in monitoring execution, legal and economic barriers for participants in the process.*

Findings and conclusions: *the role of bail in the modern judicial system is assessed and areas of reform are proposed: increasing transparency of procedures, improving control mechanisms and balancing the interests of the state, the accused and victims.*

Keywords: *bail, preventive measure, historical development, criminal process, decision-making, prohibition, property status.*

For citation: Popova A. V. *Bail as a preventive measure in the criminal proceedings of the Russian Federation / A. V. Popova // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4 (115). – Pp. 132–137.*

История института залога как меры пресечения в российском праве развивалась через несколько этапов, отражая смену правовых норм и политического контекста. В ранний период переход от коллективной ответственности общины к индивидуализированному пресечению отражался в эволюции роли поручительства: сначала это была общинная ответственность, затем она сузилась к влиятельным членам общины и наконец закрепилась как ограниченная административно-правовая процедура. Рост числа принудительных мер, не связанных с лишением свободы, происходил постепенно, а княжеская власть рассматривала залог как инструмент защиты от убытков в связи с несостоятельностью преступника и как средство предупреждения правонарушений. Так формировалась общественная база для легитимации данного института.

В Московском государстве складывается централизованная система власти и единое правовое регулирование, выходящее за рамки локального законодательства. Усиление мер принуждения становится эффективным инструментом контроля: задержание применяется все чаще, тогда как поручительство утрачивает универсальный характер и применяется в ограниченных случаях, например, в контексте челобитной, когда органы следствия не сами инициировали данную меру.

В начале XIX в. законодательство стремилось смягчить меры принуждения к соблюдению обязательств перед судом. Свод законов 1832 и 1857 гг. вводил варианты содержания под стражей: тюрьму или полицейский надзор, домашний арест и полицейский надзор; порука сохранялась как один из инструментов пресечения, однако институт поручительства принимает переходный характер – прежнее основание уголовной ответственности поручителя упраздняется, но устойчивого основания имущественной ответственности пока не вырабатывается [1, с. 62–65]. Поручительство сохраняет личный характер обязательств: поручитель не отвечает за неявку имуществом и не подменяет собой гражданские риски должника. Практика опирается на личное задержание обвиняемых, и поручительство остается редким инструментом.

Значительный поворот наступает с принятием Устава уголовного судопроизводства 1864 г.: государственный подход к мерам пресечения получает системное обновление. По наблюдениям И.Я. Фойницкого, Уголовный устав 1864 г. кардинально трансформировал свод правил, регулирующих меры пресечения, ограничив задержание в пользу разработанных альтернатив, позволяющих обвиняемым оставаться на свободе. В рамках Устава меры могли применяться мировыми судами, следователями и иными должностными лицами, что свидетельствовало о расширении роли разных инстанций в применении залога и поручительства.

К концу XIX в. институт залога как мера пресечения оформляется на уровне нормативной основы, однако на практике преимущественно применялся арест, а имущественные меры встречались редко. Закрепление залога в те годы подчеркивало зарождающиеся либеральные тенденции в праве в целом и служило фундаментом для последующего развития.

XX в. приносит новую эпоху после Октябрьской революции 1917 г.: ликвидируется прежний государственный аппарат, формируются органы нового государства и перестраивается правовой ландшафт. К 1922 г. утверждается Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, а новая редакция УПК РСФСР 1923 г. закрепляла меры пресечения: подписка о невыезде, поручительство, залог, домашний арест и содержание под стражу. В эпоху НЭПа (1921–1927 гг.) залог широко применяется в уголовном процессе, субъектами выступали представители разных социальных слоев.

К концу XX в. практика применения залога как меры пресечения носила противоречивый характер. В 1950-е гг. предпринимаются попытки вернуть демократические основы судопроизводства; затем в 1960 г. принимается новый УПК РСФСР. Статья 99 этого кодекса определяла залог как внесение денег или ценностей на депозит суда для обеспечения явки обвиняемого. В 1960-е гг. замысел применения залога сохраняется, однако в целом практика склоняется к более жестким мерам пресечения. В последующие годы критическое отношение к залогу со

стороны ученых сохранялось, однако залог остается одной из применяемых мер пресечения и закрепляется в последующих редакциях законодательства.

Сущностная характеристика залога как меры пресечения состоит в передаче залогодателем движимого или недвижимого имущества, денежных средств, ценностей или иных активов в обеспечение явки подозреваемого или обвиняемого, предупреждения новых правонарушений и препятствия дальнейшему процессу, регламентируемая ч. 1 ст. 106 УПК РФ. Законодатель устанавливает пределы суммы в зависимости от категории деяния, но сумма должна сохранять принцип соразмерности и учитывать индивидуальные обстоятельства дела. Вещи, принимаемые в залог, должны быть обращаемы и не выходить за пределы взыскания. Практика выбора меры пресечения залога наглядно иллюстрируется судебной практикой:

I. Так, Суд Чукотского автономного округа, изучив материалы открытого судебного заседания по апелляционной жалобе защитника Кравчука – адвоката И.С. Кустова на постановление Анадырского районного суда Чукотского автономного округа от 07.03.2023, которым Кравчук, обвиняемый в преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 111 УК РФ, был заключен под домашний арест на срок 1 месяц 29 дней до 4 мая 2023 г. включительно, проверил материалы дела, доводы апелляционной жалобы и заслушал стороны, в том числе защитника И.С. Кустова и самого обвиняемого, а также прокурора Л.В. Дулькину с указанием на отсутствие оснований для удовлетворения жалобы и установил следующее [2]:

4 марта 2023 г. в отношении Кравчука было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 111 УК РФ. 5 марта 2023 г. подозреваемый Кравчук был задержан в порядке ст. 91, 92 УПК РФ по данным очевидцев, указавших на него как на лицо, совершившее преступление. 7 марта 2023 г. Кравчуку предъявлено обвинение по ч. 1 ст. 111 УК РФ.

В тот же день Анадырский районный суд Чукотского автономного округа избрал в отношении Кравчука меру пресечения в виде домашнего ареста на срок 1 месяц 29 дней до 4 мая 2023 г. включительно с запретом общаться с потерпевшим и свидетелями. Основанием для избрания меры пресечения послужило опасение, что Кравчук при суровом наказании может скрыться от следствия и суда.

В апелляционной жалобе защитник И.С. Кустов указал на то, что суд, выбирая меру пресечения, руководствовался исключительно тяжестью обвинения. Также он отметил, что суд не рассмотрел возможность применения более мягкой меры пресечения и превысил пределы своей компетенции тем, как оценил представленные по делу доказательства, не предусмотрев возможность прогулок обвиняемого.

Просьба апелляционной жалобы заключалась в отмене постановления Анадырского района суда и избрании меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении или залога в размере 1 000 000 руб., при этом ФИО1 согласилась внести залог за обвиняемого.

Суд апелляционной инстанции, исследовав материалы, заслушав стороны и проанализировав доводы, пришел к следующим выводам. Апелляционная жалоба подлежит удовлетворению по части формирования основания для выбора меры пресечения и ее соразмерности с обстоятельствами дела и личностью обвиняемого, а не по существу виновности Кравчука. Учитывая, что дело рассматривается в рамках уголовного процессуального закона, суд приходит к необходимости отменить обжалуемое решение и вынести новое решение по существу ходатайства об избрании меры пресечения, не направляя материал на новое судебное рассмотрение, поскольку допущенное нарушение закона подлежит устранению на стадии апелляции.

С учетом материалов дела и обстоятельств личности обвиняемого, включая возраст, место жительства, отсутствие ранее судимости, состояние здоровья, наличие имущественных средств, а также согласие ФИО1 на внесение залога, суд считает целесообразным заменить меру пресечения на денежный залог в размере 1 000 000 руб. с учетом срока внесения до 24:00 26 марта 2023 г. на депозитный счет органа следствия.

В целях гарантии надлежащего поведения обвиняемого на время предварительного следствия и судебного разбирательства суд устанавливает дополнительные запреты, предусмотренные ч. 8.1 ст. 106 УПК РФ, включая запреты на определенные виды деятельности и перемещения, с контролем за их исполнением в порядке ст. 105.1 УПК РФ.

Суд апелляционной инстанции принял решение:

– постановление Анадырского районного суда Чукотского автономного округа от 07.03.2023 отменить;

– избрать в отношении Кравчука меру пресечения в виде денежного залога в раз-

мере 1 000 000 руб. со сроком внесения до 24:00 26 марта 2023 г.;

– деньги, являющиеся предметом залога, перечислить на депозитный счет Межмуниципального отдела МВД России «Анадырский» в порядке: 500 000 руб. – залогодателю ФИО1; 500 000 руб. – обвиняемому Кравчуку.

II. Пермский краевой суд рассмотрел в судебном заседании материалы по апелляционным жалобам адвокатов А.А. Шаруева, В.А. Давыдова, Н.П. Кисенко, Е.С. Ежова на постановление Свердловского районного суда г. Перми от 30.01.2025, которым по делу Б., Г., С., Щ. продлена мера пресечения в виде залога в размере 1 000 000 руб. каждому на три месяца – до 1 мая 2025 г. – с сохранением установленных запретов и возложенных обязанностей. Суд апелляционной инстанции установил следующее [3]:

1. Адвокат А.А. Шаруев оспаривает постановление как незаконное и подлежащее отмене, указывая на нарушение разумных сроков рассмотрения дела: продолжительность судебного разбирательства превышает год; по делу на 10 октября 2024 г. представлены все доказательства; государственный обвинитель не предлагал иной срок продления; свидетели и потерпевшие допрошены; обвиняемый Б. характеризуется положительно и имеет постоянное место жительства; просит изменить меру пресечения на запрет определенных действий и возвратить залог для покрытия расходов на транспорт и лечение.

2. Адвокат В.А. Давыдов просит отменить постановление, указывая на отсутствие фактов, свидетельствующих о возможном сокрытии Г. от суда, об угрозах с его стороны, уничтожении им доказательств; отмечает исчерпание исследования доказательств; заявляет, что запрет на общение со свидетелями ущемляет права подсудимого, т. к. большинство свидетелей – работники ПАО «Протон-ПМ».

3. Адвокат Н.П. Кисенко отмечает нарушение срока продления меры пресечения, акцентирует внимание на постоянные затраты в целях прибытия из Воронежа в Пермь, наличие у подсудимого детей, материальных трудностей, необходимость учета стадии предварительного следствия и планируемых экспертиз.

4. Адвокат Е.С. Ежов подчеркивает отсутствие индивидуального подхода суда к вопросам меры пресечения, формальность решения, задержку с целью повторной экспертизы и другие вопросы, связанные с правами подсудимого и условиями содержания.

Проверив материалы дела, суд апелляционной инстанции считает апелляционные жалобы не подлежащими удовлетворению. На основании ч. 1 ст. 255 УПК РФ суд апелляционной инстанции вправе избрать, изменить или отменить меру пресечения. С учетом ч. 8.2 ст. 106 УПК РФ срок применения залога может продлеваться по решению суда в порядке, установленном ст. 109 УПК РФ, принимая во внимание особенности, определенные ст. 106 УПК РФ. Суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что положения уголовно-процессуального закона соблюдены и иных нарушений не установлено. Решение суда первой инстанции мотивировано надлежащим образом [4, с. 336].

При рассмотрении вопроса о продлении срока действия меры пресечения в виде залога для Б., Г., С., Щ. суд первой инстанции исходил не только из тяжести инкриминируемого преступления, но и учитывал личностные характеристики обвиняемых, которые указаны в жалобах, а также обстоятельства, на основании которых в отношении них ранее была избрана данная мера пресечения. Обстоятельства, по мнению суда, сохраняются, и иная, менее строгая мера пресечения не представляется необходимой.

Доводы жалоб, касающиеся продолжительности срока продления и личных обстоятельств подсудимых, отклоняются. В целом принятые по делу решения законны и обоснованы с учетом обстоятельств дела, личности обвиняемых и публичных интересов.

Суд апелляционной инстанции принял следующее решение:

– постановление Свердловского районного суда г. Перми от 30.01.2025 в отношении Б., Г., С., Щ. оставить без изменения;

– апелляционные жалобы адвокатов А.А. Шаруева, В.А. Давыдова, Н.П. Кисенко, Е.С. Ежова оставить без удовлетворения.

В данном случае суд не только принял решение об избрании залога как самой оптимальной меры пресечения в конкретных обстоятельствах расследования уголовного дела, но отказал в отмене примененного ранее залога, что демонстрирует устойчивость правоприменительной практики, даже при изменении определенных условий: факт сохранения залога трактуется судом как обоснованный механизм, обеспечивающий баланс между презумпцией невиновности и эффективностью расследования [5, с. 171–199].

В международной практике залог также занимает значимое место и требует продуманного правового регулирования и соответствия целям уголовного судопроизводства.

Во многих странах залог является распространенной мерой пресечения, требующей точного правового регулирования и согласования с целями уголовного судопроизводства. Во Франции контроль за мерами пресечения относится к судебному контролю и регулируется УПК: сумма залога определяется судом с учетом тяжести преступления, личности обвиняемого и иных факторов; могут вводиться следующие запреты: выезд за пределы юрисдикции, посещение объектов, запрет на управление транспортом и др. Особенностью Пятой Республики является возможность разделить сумму залога на две части: одна часть идет на возмещение ущерба или оплату штрафов, другая – возвращается залогодателю после выполнения обязанностей.

В США на федеральном уровне залог регулируется ст. 3142–3151 гл. 207 раздела 18 Кодекса США в контексте Восьмой поправки к Конституции, запрещающей чрезмерный залог и бесчеловечные наказания. Залог может налагаться с дополнительными ограничениями. По данным Н.А. Андроника, залог применяется достаточно часто и может финансироваться через кредиты, выдаваемые специализированными залоговыми брокерами.

В Японии действует система «правосудие заложников»: подозреваемые задерживаются в суровых условиях до начала судебного преследования. УПК допускает удержание до 23 дней в дайю-кангоку без возможности освобождения под залог; допросы нередко проходят без участия адвоката [6, с. 9–15]. Продление срока предварительного заключения сопровождается стратегическими допущениями новых обвинений с целью усиления доказательственной базы, хотя практика демонстрирует риски обвинений без достаточных оснований и ограничений на доступ к защите.

В Пекине регламентирована передача подозреваемых и обвиняемых под поручительство до суда, с возможностью применения залога. Поручитель обеспечивает контроль за соблюдением условий, обязуется сообщать о нарушениях. При нарушении условий залог может быть конфискован, поручитель может понуждаться к письменному раскаянию, возможно повторное внесение залога или наблюдение по месту жительства, а в ряде случаев – заключение под стражу. Поручительство до суда может включать две равноценных меры принуждения – залог и личное поручительство, объединенные тем, что нарушение условий приводит к имущественным последствиям и другим ограничениям, предусмотренным законодательством (Уголовно-процессуальный кодекс КНР. Часть 1 «Общие положения»).

Положительные стороны применения залога в Российской Федерации:

1. При избрании залога осуществляется возможность сохранить свободу передвижения подозреваемых и обвиняемых в случаях, когда задержание не требуется.

2. Снижается нагрузка на следственные изоляторы и суды: освобождение под залог уменьшает поток содержания под стражей и ускоряет оперативно-следственные процессы.

3. Стабилизируется социальное положение обвиняемых: возможность работать и поддерживать семью снижает риск социальной стигматизации и экономических потерь.

4. Учет имущественных возможностей граждан при вынесении процессуальных решений способствует более справедливому правосудию.

5. Открытость критериев оценки и контроля за применением залога повышает доверие к правоохранительным и судебным органам.

Залог как мера пресечения, применяемая разумно и грамотно, может стать важным инструментом уголовно-процессуального права, способствуя защите прав граждан, повышению эффективности расследования и устойчивости системы правосудия. Важно обеспечить сбалансированные критерии, прозрачность процедур и адекватные механизмы контроля, чтобы минимизировать риски и максимизировать положительные эффекты.

История применения залога в России демонстрирует постепенное формирование института в рамках правовой системы, периоды ограниченного практического применения и неоднозначности реализации. На данный момент мера пресечения в виде залога в России имеет теоретическую основу, но на практике применяется ограниченно. Основные проблемы – финансовая доступность, слабый контроль за исполнением условий, риск неравного доступа к правосудию и предпочтение иных мер пресечения в деятельности правоохранительных органов [7]. Реформы в направлении более гибкого применения залога, усиление контроля и прозрачности могут повысить эффективность применения данной меры.

Список источников

1. Жунусов К.М. История становления меры пресечения «залог» в российском уголовном процессе // Научные исследования. 2018. № 6(26).
2. Апелляционное постановление суда Чукотского автономного округа от 22.03.2023 по делу № 3/1-1/2023. URL: http:/sudact.ru/regular/doc/WQIAqhfXIJNa/ (дата обращения: 28.08.2025).
3. Апелляционное постановление Пермского краевого суда от 22.08.2024 по делу № 22-917/2025. URL: http://sudact.ru/regular/doc/08BDihScUSxj/ (дата обращения: 28.08.2025).
4. Егорова О.А., Фомин Д.А. Настольная книга судьи по отдельным категориям дел. М., 2015.
5. Симагина Н.А. Меры пресечения и обстоятельства, учитываемые при их избрании: теория и современная практика: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.
6. Реховский А.Ф. Современная реформа уголовного процесса Японии // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2020. № 1(27).
7. Об утверждении Положения об оценке, содержании предмета залога по уголовному делу, управлении им и обеспечении его сохранности: постановление Правительства РФ от 13.07.2011 № 569 (ред. от 29.07.2020). Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

References

1. Zhunusov K.M. The history of the formation of the preventive measure "bail" in the Russian criminal process // Scientific research. 2018. № 6(26).
2. Appeal ruling of the Court of the Chukotka Autonomous Okrug dated 22.03.2023 in case № 3/1-1/2023. URL: http:/sudact.ru/regular/doc/WQIAqhfXIJNa / (date of access: 28.08.2025).
3. Appeal decision of the Perm Regional Court dated 22.08.2024 in case № 22-917/2025. URL: http://sudact.ru/regular/doc/08BDihScUSxj / (date of access: 28.08.2025).
4. Egorova O.A., Fomin D.A. The judge's table book on certain categories of cases. Moscow, 2015.
5. Simagina N.A. Preventive measures and circumstances taken into account when electing them: theory and modern practice: diss. … PhD in law. Moscow, 2020.
6. Rekhovsky A.F. Modern reform of the criminal process in Japan // Siberian criminal procedural and criminalistic readings. 2020. № 1(27).
7. On Approval of the Regulations on the Assessment, Maintenance, Management and Security of the Collateral in a Criminal Case: Decree of the Government of the Russian Federation dated 13.07.2011 № 569 (as amended on 29.07.2020). Access from the legal system «Garant».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Попова Анна Викторовна, *старший преподаватель кафедры уголовного процесса. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Popova Anna Viktorovna, *Senior lecturer at the Department of Criminal Procedure. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 4 (115). – С. 138–142.
Philosophiya prava. 2025. № 4 (115). – Pp. 138–142.

Научная статья
УДК 351.74

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ РАБОТА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СОЦИАЛЬНОМ СЕГМЕНТЕ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Смольницкая Анастасия Андреевна
Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Российская Федерация,
sevastsmol82@mail.ru

Введение: *несмотря на наличие фундаментальных трудов в области криминологии проблема организации и правового регулирования индивидуальной профилактической работы именно в социальном сегменте сети Интернет является недостаточно изученной, что сдерживает развитие как теоретических основ, так и практических механизмов деятельности органов внутренних дел в рассматриваемой области. На основании данной проблематики в статье анализируется специфика индивидуальной профилактической работы органов внутренних дел в социальном сегменте сети Интернет, определена адаптированная модель ее этапов и сформулированы предложения по совершенствованию ее правового, методического и материально-технического обеспечения.*

Материалы и методы: *в основу исследования положены общенаучные (анализ, синтез, системно-структурный подход, моделирование) и частнонаучные методы познания. Теоретическую базу исследования составили труды ведущих отечественных криминологов: Г.А. Аванесова, Ю.М. Антоняна, А.И. Алексеева, Е.В. Грибанова и других ученых, посвященные вопросам предупреждения преступности. В качестве эмпирического материала использованы данные социологических исследований о медиапотреблении, а также практические наработки в области применения специализированных программных комплексов («СЕУСЛАБ», «Крибрум»), используемых для анализа цифровой активности. Методологию исследования также составили контент-анализ, сетевой анализ, психолингвистический анализ.*

Результаты исследования: *в результате проведенного исследования выявлены ключевые проблемы, препятствующие эффективной реализации индивидуальной профилактической работы в интернет-среде: отсутствие четкой правовой регламентации, методических рекомендаций, специальных знаний у сотрудников ОВД и др. Проведен анализ специфики индивидуальной профилактической работы органов внутренних дел в социальном сегменте сети Интернет, определена адаптированная модель ее этапов и сформулированы предложения по совершенствованию ее правового, методического и материально-технического обеспечения.*

Выводы и заключения: *автор приходит к выводам о необходимости адаптации классической системы индивидуальной профилактической работы ОВД к особенностям онлайн-среды; совершенствования форм и методов индивидуальной профилактической работы; разработки и внедрении в систему ведомственного образования дополнительных профессиональных программ и методических рекомендаций, направленных на формирование у сотрудников ОВД необходимых компетенций.*

Ключевые слова: *предупреждение преступлений, индивидуальная профилактическая работа, органы внутренних дел, социальный сегмент сети Интернет, социальные сети, информационные технологии.*

Для цитирования: Смольницкая А. А. *Индивидуальная профилактическая работа органов внутренних дел в социальном сегменте сети Интернет / А. А. Смольницкая // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4 (115). – С. 138–142.*

Original paper

INDIVIDUAL PREVENTIVE WORK OF INTERNAL AFFAIRS BODIES IN THE SOCIAL SEGMENT OF THE INTERNET

Smolnitskaya Anastasia Andreevna
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation

Introduction: *despite the availability of fundamental works in the field of criminology, the problem of organizing and legally regulating individual preventive work in the social segment of the Internet is insufficiently studied, which hinders the development of both theoretical foundations and practical mechanisms of the activities of law enforcement agencies in this area. Based on this issue, the article analyzes the specifics of individual preventive work of law enforcement agencies in the social segment of the Internet, defines an adapted model of its stages, and formulates proposals for improving its legal, methodological, and logistical support.*

Materials and methods: *the research is based on general scientific (analysis, synthesis, system-structural approach, modeling) and private scientific methods of cognition. The theoretical basis of the research was the works of leading Russian criminologists: G.A. Avanesov, Yu.M. Antonyan, A.I. Alekseev, E.V. Gribanov and other scientists devoted to crime prevention. The data of sociological research on media consumption, as well as practical developments in the field of application of specialized software complexes (SEUSLAB, Kribrum) used for the analysis of digital activity are used as empirical material. The research methodology also included content analysis, network analysis, and psycholinguistic analysis.*

Results of the study: *as a result of the conducted research, key problems have been identified that hinder the effective implementation of individual preventive work in the Internet environment: lack of clear legal regulations, methodological recommendations, special knowledge among police officers, etc. The analysis of the specifics of individual preventive work of law enforcement agencies in the social segment of the Internet has been carried out, an adapted model of its stages has been determined and proposals for improving its legal, methodological and logistical support have been formulated.*

Findings and conclusions: *the author concludes that it is necessary to adapt the classical system of individual preventive work of the Department of Internal Affairs to the peculiarities of the online environment; improve the forms and methods of individual preventive work; develop and implement additional professional programs and methodological recommendations into the departmental education system aimed at developing the necessary competencies among police officers.*

Keywords: *crime prevention, individual preventive work, law enforcement agencies, the social segment of the Internet, social networks, information technology.*

For citation: Smolnitskaya A. A. *Individual preventive work of internal affairs bodies in the social segment of the Internet / A. A. Smolnitskaya // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4 (115). – Pp. 138–142.*

Предупреждение преступности представляет собой воздействие на ее причины, выявление преступников и оказание на них предупредительного, исправительного воздействия [1, с. 28–35].

В криминологической науке и практике традиционно выделяются два основных уровня профилактической работы: общая профилактика и индивидуальная профилактика [2]. Общая профилактика представляет собой совокупность мер, направленных на выявление и устранение социально-экономических, политических, организационно-управленческих и иных детерминант преступности в целом. Индивидуальная профилактическая работа (далее – ИПР) является одной из важнейших форм профилактического воздействия на лиц, склонных к противоправному поведению либо уже совершивших преступление, а также на лиц с повышенной виктимностью.

Алексеев А.И. в своих трудах отмечал, что «индивидуальная профилактика – это совокупность мер убеждения (воспитания) и принуждения (наказания), направленных на пресечение, предотвращение преступлений путем выявления замысла совершить преступление и проведения работы так, чтобы личность отказалась от этого замысла». А также выделил основные этапы индивидуальной профилактики: тщательное изучение лиц, в отношении которых проводится работа; определение основных мер и мероприятий профилактического воздействия; орга-

низация работы (планирование) и контроль за личностью – объектом воздействия [3].

В криминологии индивидуальная профилактическая работа рассматривается как особый вид деятельности органов внутренних дел (далее –ОВД), в том числе и других субъектов профилактики, который направлен на корректировку поведения конкретного лица, снижающего риски совершения им преступлений или правонарушений. Криминологи подчеркивают, что ИПР – это системная, планомерная работа, которая включает в себя детальное изучение личности (ее социального положения, психических особенностей, контактов, интересов и т. д.); выявление криминогенных факторов; разработку и реализацию профилактических мер; контроль за поведением лица и его динамикой [4].

Индивидуальная профилактическая работа занимает важное место в предупредительной деятельности и от эффективности ее проведения зависит результативность профилактического воздействия на конкретное лицо.

Фундаментальные аспекты предупреждения преступлений нашли широкое отражение в трудах Г.А. Аванесова, Ю.М. Антоняна, К.В. Вишневецкого, Е.В. Грибанова, Ю.В. Гаврилина, А.В. Горбачева, А.С. Ильницкого, В.Е. Квашиса, В.С. Овчинского, А.Л. Осипенко, В.С. Соловьева, М.М. Хомякова, Д.А. Шестакова, А.М. Яковлева и др. В современной криминологической науке несмотря на наличие ряда научных исследований остается недостаточно изученной проблема организации органами внутренних дел индивидуальной профилактической деятельности в социальном сегменте сети Интернет, что сдерживает развитие теоретических основ и практических механизмов превентивной правоохранительной практики в рассматриваемой области.

В современном обществе значительная часть жизни человека протекает в онлайн-пространстве. По данным социологических исследований, в среднем люди проводят в сети Интернет около четырех с половиной часов в сутки, тратя это время на просмотр роликов, общение и поиск данных [5]. Социальные сети стали неотъемлемой частью повседневной деятельности миллионов людей, выступая площадкой как для делового, так и личного общения. Это открывает новые перспективы для сотрудников органов внутренних дел при изучении личности и социального окружения лиц, в отношении которых осуществляется индивидуальная профилактическая работа. Поэтому с развитием информационных технологий и коммуникаций необходимо пересмотреть существующие этапы осуществления ИПР.

Индивидуальная профилактическая работа делится на несколько последовательных этапов [6]. Рассмотрим их реализацию исходя из особенностей социального сегмента сети Интернет.

1. Изучение личности профилактируемого. На данном этапе проводится диагностика цифрового профиля профилактируемого лица в социальных сетях и мессенджерах («ВКонтакте», «Одноклассники», Telegram, MAX, Instagram, YouTube, TikTok и т. д.) с целью изучения и анализа публикуемого контента, сообществ, музыки и видео, интересов, круга общения и моделей поведения в онлайн-среде, а также выявления противоправных, деструктивных и виктимных проявлений и формирования комплексного цифрового профиля профилактируемого лица. Применяются методы контент-анализа, сетевого анализа, психолингвистического анализа. Диагностика может проводиться как ручным, так и автоматизированным способом. Для диагностики можно использовать программные комплексы «СЕУСЛАБ», «Крибрум», специальные приложения Photo-Map.ru., vk.barkov.net [7, с. 567–570].

2. Планирование мер профилактического воздействия. Разработка индивидуальной программы профилактического воздействия, основанной на данных цифрового изучения личности, с определением целей, задач, конкретных методов и ИТ-инструментов для их реализации.

3. Реализация индивидуальной профилактической работы. Непосредственное применение запланированных мер воздействия на профилактируемое лицо в социальном сегменте Интернета. Данное воздействие осуществляется через каналы коммуникации (например, видео-конференц-связь, закрытый чат в мессенджере MAX) и включает следующие форматы: проведение профилактических бесед, оповещения о правовых последствиях противоправных действий, направление электронных писем с официальными приглашениями на беседу или другое профилактическое мероприятие, а также приглашение профилактируемого на вебинары, лекции, прямые эфиры с участием специалистов (психологов, юристов, сотрудников полиции). С использованием специализированных программных средств («СЕУСЛАБ», «Крибрум») возможно проведение диагностики онлайн- и офлайн-активности

профилактируемого лица, а также отслеживание его местоположения с использованием электронных браслетов, GPS-трекеров [8, с. 94–103]. Это позволяет осуществлять оперативное выявление и пресечение противоправных действий, отследить, соблюдает ли лицо установленные в отношении него требования и ограничения. Также возможно создать бота помощника, который бы напоминал профилактируемому лицу о проводимых в отношении него мероприятиях, о требованиях и ограничениях, осуществлял целевую рассылку информационно-профилактических материалов и давал необходимую консультацию.

4. Контроль и оценка результатов. Определение эффективности проведенных профилактических мероприятий, корректировка плана и принятие решений о дальнейших действиях в отношении профилактируемого лица. Появляется необходимость разработки специализированного программного комплекса на базе МВД, который позволял бы формировать и вести «Цифровой профиль» профилактируемого лица, вносить и систематизировать полученную информацию (материалы, справки, отчеты о беседах, характеристики), формировать отчетность и контролировать сроки проведения мероприятий в социальном сегменте сети Интернет.

Для реализации использования в индивидуальной профилактической работе органами внутренних дел информационно-телекоммуникационных технологий, а также сети Интернет требуется четкая правовая регламентация, современное материально-техническое обеспечение, а также разработка методических рекомендаций и дополнительная профессиональная подготовка сотрудников ОВД в рассматриваемой области.

С правовой точки зрения необходим комплекс нормативных актов на федеральном и ведомственном уровнях, которые создадут механизм для осуществления органами внутренних дел индивидуальной профилактической работы в социальном сегменте сети Интернет с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Необходимо определить полномочия подразделений органов внутренних дел в области осуществления индивидуальной профилактической работы с учетом специфики интернет-пространства; установить правила использования сотрудниками информации, полученной из личных аккаунтов профилактируемых лиц в социальных сетях и мессенджерах; определить процедуру фиксации индивидуальной профилактической работы и ее результатов; закрепить порядок взаимодействия как между различными субъектами профилактики, так и между органами внутренних дел и лицами, в отношении которых проводится индивидуальная профилактическая работа.

Для решения проблемы отсутствия профессиональных компетенций сотрудников ОВД в рассматриваемой области необходимо разработать методические рекомендации по осуществлению индивидуальной профилактической работы в социальном сегменте сети Интернет с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, а также в ведомственных образовательных организациях МВД России разработать и внедрить темы учебных занятий, дополнительные профессиональные образовательные программы, направленные на формирование профессиональных компетенций сотрудников органов внутренних дел в рассматриваемой области.

В заключение сделаем вывод, что для повышения эффективности осуществления индивидуальной профилактической работы ОВД в социальном сегменте сети Интернет необходимы адаптация классической системы индивидуальной профилактической работы к особенностям онлайн-среды и реализация мер по следующим направлениям: правовая регламентация осуществления органами внутренних дел индивидуальной профилактической работы в социальном сегменте сети Интернет; совершенствование форм и методов ИПР исходя из особенностей социального сегмента сети Интернет; совершенствование специальных знаний и навыков сотрудников в области осуществления ИПР в социальном сегменте сети Интернет; современное материально-техническое обеспечение.

Список источников

1. Антонян Ю.М. Предупреждение преступности // Союз криминалистов и криминологов. 2015. № 1.

2. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: фе-

References

1. Antonyan Yu.M. Crime prevention // Union of Criminologists and Criminologists. 2015. № 1.

2. On the fundamentals of the crime prevention system in the Russian Federation:

дер. закон от 23.06.2016 №182-ФЗ. Доступ из справ. правой системы «КонсультантПлюс».

3. Алексеев А.И. Избранные труды / сост. Н.Д. Бут [и др.]; пред. Н.Д. Бут. М., 2018.

4. Антонян Ю.М. Криминология: учебник для академического бакалавриата. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2019.

5. Mediascope: более 80 % россиян выходят в Интернет ежедневно. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7672756 (дата обращения: 05.09.2025).

6. Аванесов Г.А., Иншаков С.М., Лебедев С.Я. [и др.]. Криминология: учебник для студентов вузов. М., 2006.

7. Смольницкая А.А. Перспективы использования технологий искусственного интеллекта в предупреждении преступлений // Санкт-петербургские встречи молодых ученых: материалы III Всероссийского конгресса (11 июня 2025 г.). СПб., 2025.

8. Грибанов Е.В. Технологии предупреждения преступлений: проблемы формирования и развития // Государство и право. 2019. № 10.

feder. law of 23.06.2016 № 182-FL. Access from legal system «ConsultantPlus».

3. Alekseev A.I. Selected works / comp. N.D. Booth [et al.]; pred. N.D. Booth, Moscow, 2018.

4. Antonyan Yu.M. Criminology: textbook for academic baccalaureate. 3rd ed., revised and additional information, 2019.5.

Mediascope: more than 80% of Russians access the Internet daily. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7672756 (date of access: 05.09.2025).

6. Avanesov G.A., Inshakov S.M., Lebedev S.Ya. [and others]. Criminology: a textbook for university students. Moscow, 2006.

7. Smolnitskaya A.A. Prospects of using artificial intelligence technologies in crime prevention // St. Petersburg meetings of young scientists: proceedings of the III All-Russian Congress (June 11, 2025). St. Petersburg, 2025.

8. Gribanov E.V. Crime prevention technologies: problems of formation and development // State and law. 2019. № 10.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Смольницкая Анастасия Андреевна, *адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии. Краснодарский университет МВД России. 350005, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Smolnitskaya Anastasia Andreevna, *adjunct of the Department of Criminal Law and Criminology. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 128, Yaroslavskaya St., Krasnodar 350005 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 4 (115). – С. 143–149.
Philosophiya prava. 2025. № 4 (115). – Pp. 143–149.

Научная статья
УДК 351.745.7

ОГРАНИЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ КЛАССИФИКАЦИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Тамбовцев Андрей Иванович
Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Российская Федерация, bestcopat@mail.ru

Павличенко Николай Владимирович
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказания Российской Федерации, Москва, Российская Федерация, pavlichenko.pro@mail.ru

Введение: *классификация оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) является одним из способов их исследования в теории оперативно-розыскной деятельности. Среди прочих оснований для классификации ОРМ одним из значимых является такой критерий, как ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина. Авторами обосновывается и аргументируется тезис о неравнозначном правовом статусе различных конституционных прав и свобод человека и гражданина с позиции их ограничения оперативно-розыскным инструментарием.*

Материалы и методы: *в исследовании применялись методы сравнительно-правового и содержательного (контент) анализа положений Конституции РФ и нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы соотношений декларированных прав и свобод человека и гражданина и их ограничения в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий. Диалектический и формально-логический методы использовались при исследовании теоретических положений рассматриваемой проблематики и формулировании выводов авторов. Данные методы позволили выявить и изучить проблематику ограничения прав и свобод человека и гражданина при проведении оперативно-розыскных мероприятий.*

Результаты исследования: *на основании проведенного анализа авторы предлагают собственную обновленную классификацию оперативно-розыскных мероприятий в зависимости от степени вторжения в конституционные права и свободы человека и гражданина в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности.*

Выводы и заключения: *в результате проведенного исследования выделены следующие группы ОРМ в зависимости от ограничения конституционных прав и свобод: не ограничивающие конституционные права и свободы; ограничивающие конституционные права и свободы, а также ситуативно-ограничивающие конституционные права и свободы.*

Ключевые слова: *оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, конституционные права и свободы человека и гражданина, ограничение прав и свобод человека и гражданина.*

Для цитирования: Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. *Ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина как основание для классификации оперативно-розыскных мероприятий / А. И. Тамбовцев, Н. В. Павличенко // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4 (115). – С. 143–149.*

Original paper

RESTRICTION OF CONSTITUTIONAL RIGHTS AND FREEDOMS OF MAN AND CITIZEN AS A BASIS FOR CLASSIFICATION OF OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES

Tambovtsev Andrey Ivanovich
St. Petersburg University of the Russian Ministry of Internal Affairs, St. Petersburg, Russian Federation

Pavlichenko Nikolay Vladimirovich
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation

Introduction: *the classification of operational investigative measures is one of the methods of studying them in the theory of operational investigative activity. Among other grounds for classifying operational investigative measures, one significant criterion is the restriction of constitutional human and civil rights and freedoms. The authors substantiate and argue the thesis of the unequal*

legal status of various constitutional human and civil rights and freedoms from the perspective of their limitation by operational investigative tools.

Materials and methods: *The study utilized comparative legal and content analysis methods to examine the provisions of the Russian Constitution and regulatory legal acts governing the relationship between declared human and civil rights and freedoms and their limitations during investigative operations. Dialectical and formal logical methods were employed to explore the theoretical foundations of the issue under consideration and formulate the authors' conclusions. These methods allowed us to identify and examine the problem of limiting human and civil rights and freedoms during investigative operations.*

Results of the study: *Based on the analysis conducted, the authors propose their own updated classification of operational-search activities depending on the degree of intrusion into the constitutional rights and freedoms of a person and citizen during the implementation of operational-search activities.*

Findings and conclusions: *as a result of the conducted research, the following groups of MPas have been identified depending on the restriction of constitutional rights and freedoms: those that do not restrict constitutional rights and freedoms; those that restrict constitutional rights and freedoms, as well as situationally restricting constitutional rights and freedoms.*

Keywords: *operational investigative activity; operational investigative measures, constitutional rights and freedoms of man and citizen, restriction of rights and freedoms of man and citizen.*

For citation: Tambovtsev A. I., Pavlichenko N. V. *Restriction of constitutional rights and freedoms of man and citizen as a basis for classification of operational-search activities / A. I. Tambovtsev, N. V. Pavlichenko // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4 (115). – Pp. 143–149.*

Современное уголовное судопроизводство немыслимо без активного и результативного использования оперативно-розыскного инструментария для решения задач по выявлению, предупреждению и раскрытию преступлений, обеспечению процесса доказывания, возмещению ущерба и пр. В связи с этим многочисленные ученые перманентно и целенаправленно занимаются научными разработками самых разнообразных аспектов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) и в том числе оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) как ее важнейшей функциональной составляющей.

Стремительные и революционные военно-политические, социально-экономические, нормативно-правовые, криминогенные и прочие изменения государственной и общественной жизни обусловливают соответствующие изменения и в уголовном судопроизводстве, а также в ОРД как его элементе. Эти изменения помимо прочего касаются перечня ОРМ, оснований и условий их проведения, функционального и технического наполнения, порядка и направлений использования полученных результатов и т. п., что требует постоянной или хотя бы периодической «научной ревизии» оперативно-розыскного инструментария и в частности оперативно-розыскных мероприятий, на что указывают многие правоведы [1; 2, с. 72–78; 3, с. 189–192; 4, с. 11–13]. На основании сказанного нами выдвигается и обосновывается тезис, что в современных быстро меняющихся социально-правовых условиях не все из декларированных Конституцией РФ права и свободы человека и гражданина являются равнозначными с позиции их ограничения оперативно-розыскными мероприятиями, что обусловливает возможность и целесообразность исследования как самих конституционных прав и свобод, так и степень их ограничения оперативно-розыскными мероприятиями.

Для всестороннего анализа содержания конституционных прав и свобод человека и гражданина, инвазивного характера оперативно-розыскных мероприятий и степени их вторжения в указанные права и свободы применялись сравнительно-правовой и метод контент-анализа действующих положений нормативных правовых актов, регламентирующих правоотношения в указанных областях, а также общенаучный диалектический и формально-логический методы. Это позволило выявить проблемы теоретического и практического характера в части понимания авторами содержания конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также механизм и степень их возможного ограничения при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Следуя постулату, что «для развития любой науки необходимы дескриптивные аналитические схемы, с помощью которых выявляются черты сходства и различия между объектами и явлениями, составляющими изучаемую этой наукой область… Классификации необходимы в научной и профессиональной деятельности не только для коммуникации, но и для принятия решений и предсказания» [5, с. 81], многие ученые предпринимали попытки классификации ОРМ по самым различным основаниям в

целях выявления закономерностей и особенностей, свойственных этому правовому институту. В настоящее время существуют следующие общепризнанные в теории ОРД классификации: по степени ограничения конституционных прав человека и гражданина; по необходимости и уровню санкционирования; по субъекту проведения; по форме (гласные/негласные) проведения; по использованию специальных технических средств; по времени (длительности) проведения и др. [6, с. 23–24; 7, с. 285–288; 8; 9, с. 101].

Будучи солидарны с предложенными основаниями классификаций, тем не менее считаем весьма неоднозначным такой критерий, как «степень ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина», что позволяет нам заявлять о необходимости его дополнительного анализа.

Правоохранительная деятельность вообще, уголовно-процессуальная в частности, а оперативно-розыскная в особенности – объективно связаны с вынужденным вторжением в сферу личных тайн, прав и свобод человека и гражданина, что признается всеми без исключения исследователями, правоприменительной практикой Европейского суда по правам человека [10; 11, с. 48–59; 12, с. 56–63] и Конституционного Суда РФ [13]. При этом правоведами справедливо отмечается, что «ограничение прав и свобод человека и гражданина носит исключительный и временный характер» [14, с. 74], что всецело соответствует содержанию ч. 3 ст. 55 Конституции РФ , определяющей, что «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

К тому же права, свободы и многочисленные тайны, свойственные отдельным индивидам и областям жизнедеятельности, имеют несравненно разную общественную и персональную значимость, а потому и разный условный «правовой вес» при их оценке, как возможное основание для ограничения того или иного оперативно-розыскного мероприятия (равно как и следственного действия). Рассматривая указанный критерий классификации оперативно-розыскных мероприятий, необходимо определиться, какие именно права и свободы человека и гражданина закреплены в Конституции РФ, как (каким образом) и в каких ситуациях они могут быть ограничены оперативно-розыскными мероприятиями.

Прежде всего, в соответствии со ст. 2 Конституции «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Это норма предопределяет обязанность оперативных подразделений не только защищать права и свободы человека и гражданина, попранные или нарушенные преступлениями третьих лиц, но и соблюдать эти права и свободы при собственном осуществлении ОРД вообще и при проведении ОРМ в частности. Причем ч. 1 ст. 55 Конституции РФ гласит, что «перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина».

Таким образом, при отсутствии какой-то конкретики в ст. 2 Конституции РФ признанию, соблюдению и защите подлежат все права и свободы человека и гражданина. Но логично предположить, что при определении критерия рассматриваемой классификации нашими предшественниками рассматривались не все без исключения права и свободы, а лишь наиболее значимые из них, прямо упомянутые в тексте Конституции. Рассмотрим их более подробно в зависимости от их условной степени важности.

К сожалению, ни Конституция РФ, ни иные федеральные законы и кодексы прямо не устанавливают (путем официального последовательного перечисления) вышеупомянутую степень важности (другими словами, правовой приоритет, статус или иерархию) прав и свобод человека и гражданина. Исходя из этого, вероятностный вывод о значимости прав и свобод можно сделать из первоочередности их упоминания в тексте Конституции и Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – закон об ОРД).

Так, ч. 1 ст. 20 Конституции РФ провозглашает, что «каждый имеет право на жизнь». Хотя достижение таких целей оперативно-розыскной деятельности, как «защита жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечение безопасности общества и государства от преступных посягательств», перечисленных в ст. 1 «Оперативно-розыскная деятельность» закона об ОРД, допускает вынужденные действия оперативных сотрудников, правомерно угрожающие жизни или здоровью преступников , тем не менее, учитывая сугубо познавательную направленность ОРМ, следует признать, что ни одно из них данное

конституционное право человека и гражданина не нарушает и не ограничивает. В связи с этим указанный аспект нами более рассматриваться не будет.

Часть 1 ст. 22 Конституции РФ устанавливает право «каждого» на свободу и личную неприкосновенность. Наиболее ярко это право проявляется в уголовном и административном судопроизводстве при задержании лиц за преступление или административное правонарушение, выборе меры пресечения или наказания. Казалось бы, признаваемый всеми без исключения исследователями сугубо познавательный характер оперативно-розыскных мероприятий [15; 16; 17] не предполагает ограничения этого права. Тем не менее гипотетически такое ограничение возможно – как логическое продолжение (или завершение) таких оперативно-розыскных мероприятий, как «проверочная закупка», «наблюдение», «отождествление личности», «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств», «контролируемая поставка» и «оперативный эксперимент» в виде физического задержания лица (группы лиц) и даже в ходе такого ОРМ, как «опрос», если лицо удерживается насильно для беседы помимо его воли. Однако подобное ограничение рассматриваемого права на свободу и личную неприкосновенность имеет свои правовые основания, перечисленные в нормах закона об ОРД, Федеральный закон от 7.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (далее – закон о полиции) и статусных законах о спецслужбах в виде прав и обязанностей соответствующих субъектов (и их должностных лиц) правоохраны и ОРД.

Статья 23 Конституции РФ декларирует, что «1. Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну... 2. Каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения». Указанные права человека и гражданина практически дословно и в такой же последовательности воспроизведены в ч. 1 ст. 5 «Соблюдение прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности» закона об ОРД. Этот факт позволяет заявлять о том, что указанные права на «неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений» рассматриваются законом об ОРД, как одни из первоочередных и требуют своего строжайшего соблюдения при проведении ОРМ.

Интересным представляется анализ положений ч. 1. ст. 24 Конституции РФ, запрещающих «сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия» с позиции ограничения права на «приватность частной жизни» в процессе проведения тех или иных ОРМ в отношении лица. Тут необходимо помнить, что противоправная деятельность кого бы то ни было априори не является приватным аспектом частной жизни человека. Этот постулат убедительно доказан профессором А.Е. Чечетиным [18] со ссылками на решения Конституционного Суда РФ, в которых отмечается, что «преступное деяние не относится к сфере частной жизни, право на неприкосновенность которой означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера. В понятие «частная жизнь» включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если она носит непротивоправный характер» .

В контексте сказанного проведение оперативно-розыскных мероприятий в соответствии с ч. 2 ст. 7 «Основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий» закона об ОРД осуществляется, во-первых, с добровольного согласия лица, в отношении которого эти ОРМ проводятся (как правило, при его личной заинтересованности). Во-вторых, в соответствии с положениями ч. 9 ст. 8 «Условия проведения оперативно-розыскных мероприятий» закона об ОРД в отношении таких лиц не могут проводиться ОРМ, затрагивающие их права на неприкосновенность жилища, частной жизни, личную и семейную тайну, тайну корреспонденции – «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств», «контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений», «прослушивание телефонных переговоров», «снятие информации с технических каналов связи», «получение компьютерной информации».

Следующим конституционным правом, которое может быть ограничено лишь при наличии ряда условий, является право на неприкосновенность жилища, декларированное ст. 25 Конституции РФ. Нам представляется, что данные конституционные положения, гласящие, что «жилище непри-

косновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения», следует рассматривать и истолковывать в совокупности с положениями ч. 1 ст. 35 Конституции РФ, определяющими, что «право частной собственности охраняется законом». В соответствии со ст. 15 «Вхождение (проникновение) в жилые и иные помещения, на земельные участки и территории» закона о полиции, проникновение сотрудников полиции в жилые помещения, в иные помещения и на земельные участки, принадлежащие гражданам, в помещения, на земельные участки и территории, занимаемые организациями, допускается в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, а также:

– для спасения жизни граждан и (или) их имущества, обеспечения безопасности граждан или общественной безопасности при массовых беспорядках и чрезвычайных ситуациях;

– для задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления;

– для пресечения преступления;

– для установления обстоятельств несчастного случая».

Считаем, что подобную формулировку рассматриваемой нормы следует истолковывать как запрет на вхождение на территорию частной собственности без разрешения ее владельца, без судебного решения или наличия перечисленных в законе оснований. Это будет соответствовать и букве, и духу рассматриваемой нормы.

Важной и интересной особенностью некоторых оперативно-розыскных мероприятий следует считать имеющуюся у них возможность вторгаться в сферу конституционных прав и свобод граждан в определенных ситуациях, при отсутствии таковой в обычных условиях, что вынуждает считать их «ситуативно-ограничивающими» конституционные права и свободы человека и гражданина. Об этой особенности ранее в своих трудах заявлял профессор С.И. Захарцев, справедливо отмечая, что «любое оперативно-розыскное мероприятие может при определенных обстоятельствах ограничивать права человека… нельзя говорить, что опрос никогда не ограничивает права человека, а, например, прослушивание телефонных переговоров всегда ограничивает названные права… опрос тоже может ограничить права человека – это зависит от вопросов. Прослушивание же телефонных переговоров, если оно проводится по просьбе прослушиваемого человека, прав не ограничивает» [19, с. 96]. В связи со сказанным следует признать, что отнесение того или иного ОРМ к определенному классу в соответствии со степенью ограничения конституционных прав обладает некоторой условностью и, как было сказано выше, ситуативностью.

Обобщая все вышеизложенное о таком критерии классификации ОРМ, как ограничение конституционных прав и свобод, полагаем возможным говорить о следующих классах (группах) оперативно-розыскных мероприятий в зависимости от ограничения ими указанных прав:

1. Не ограничивающие конституционные права и свободы. Перечисляя оперативно-розыскные мероприятия данной группы, хотим сразу отметить вышеупомянутую условность классификации и деление на основании «общей практики». К мероприятиям данной группы следует отнести «опрос», «наведение справок», «сбор образцов для сравнительного исследования», «проверочная закупка», «наблюдение», «отождествление личности», «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» (при обследовании объектов, не являющихся частной собственностью), «оперативное внедрение», «контролируемая поставка».

2. Ограничивающие конституционные права и свободы. К данной группе оперативно-розыскных мероприятий следует отнести «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» (при обследовании жилого помещения), «контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений», «прослушивание телефонных переговоров», «снятие информации с технических каналов связи», получение компьютерной информации». Как было указано выше, считаем, что в условиях, оговоренных в законе об ОРД, «прослушивание телефонных переговоров» заявителя и «снятие информации с технических каналов связи» мобильного устройства заявителя является исключением и не ограничивает его конституционных прав.

Допускаем возможность выделения еще одной самостоятельной группы ОРМ, имеющих различную степень вторжения в конституционные права и свободы в зависимости от обстоятельств (условий) их проведения, – «ситуативно-ограничивающие конституционные права и свободы». Таковыми могут считаться вышеупомянутые «опрос с использованием полиграфа» (как разновидность

ОРМ «опрос»), «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств», «прослушивание телефонных переговоров», «снятие информации с технических каналов связи».

Список источников

1. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI в. СПб., 2006.

2. Ширванов А.А., Ващенко О.Ю. Предложения о дополнении определенного законом перечня оперативно-розыскных мероприятий // Научный портал МВД России. 2010. № 3(11).

3. Введенский А.Ю. Законодательное закрепление новых оперативно-розыскных мероприятий не необходимость, а реальность, продиктованная практикой // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 1.

4. Омелин В.Н. О дополнении определенного законом перечня оперативно-розыскных мероприятий // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2017. № 4.

5. Блэкборн Р. Психология криминального поведения. СПб., 2004.

6. Бобров В.Г. Понятие оперативно-розыскного мероприятия. Основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий: лекция. М., 2003.

7. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. М., 2006.

8. Вагин О.А., Исиченко А.П., Шабанов Г.Х. Оперативно-розыскные мероприятия и использование их результатов: учебно-практическое пособие. М., 2006.

9. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / под ред. В.С. Овчинского. М., 2022.

10. Энтин М.Л. Международные гарантии прав человека. Опыт Совета Европы. М., 1997.

11. Кольцов Д.В. Требования прецедентной практики Европейского суда по правам человека к проведению оперативно-розыскных мероприятий «проверочная закупка» и «оперативный эксперимент» // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 3(51).

12. Кольцов Д.В., Шахматов А.В. К вопросу о возможных путях решения требований Европейского суда по правам человека по санкционированию проведения оперативно-розыскных мероприятий «проверочная закупка» и «оперативный эксперимент» (на примере оперативных подразделений поли-

References

1. Zakhartsev S.I., Ignashchenkov Yu.Y., Salnikov V.P. Operational search measures in the XXI century. St. Petersburg, 2006.

2. Shirvanov A.A., Vashchenko O.Yu. Proposals to supplement the list of operational search measures defined by law // Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. № 3(11).

3. Vvedenskiy A.Y. Legislative consolidation of new operational search measures is not a necessity, but a reality dictated by practice // Gaps in Russian legislation. 2014. № 1.

4. Omelin V.N. On the addition of a legally defined list of operational investigative measures // Penal enforcement system: law, economics, management. 2017. № 4.

5. Blackbourne R. Psychology of criminal behavior. St. Petersburg, 2004.

6. Bobrov V.G. The concept of operational investigative measures. The grounds and conditions for conducting operational search activities: a lecture. Moscow, 2003.

7. Theory of operational search activities: textbook. 2nd ed., revised and add. / edited by K.K. Goryainov, V.S. Ovchinsky, G.K. Sinilov, Moscow, 2006.

8. Vagin O.A., Isichenko A.P., Shabanov G.H. Operational search measures and the use of their results: an educational and practical guide. Moscow, 2006.

9. Commentary to the Federal Law «On Operational search activities» / ed. by V.S. Ovchinsky, Moscow, 2022.

10. Entin, M.L. International guarantees of human rights. The experience of the Council of Europe. Moscow, 1997.

11. Koltsov D.V. The requirements of the case law of the European Court of Human Rights for conducting operational search activities «verification purchase» and «operational experiment» // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 3(51).

12. Koltsov D.V., Shakhmatov A.V. On the issue of possible ways to address the requirements of the European Court of Human Rights to authorize the conduct of operational search activities «verification purchase» and «operational experiment» (using the example of operational police units) // Journal of Legal and Economic Research. 2019. № 3.

ции) // Журнал правовых и экономических исследований. 2019. № 3.

13. Оперативно-розыскная деятельность в решениях Конституционного Суда РФ: научно-практическое пособие / А.Е. Чечетин, И.Д. Шатохин, А.А. Шмидт. Барнаул, 2022.

14. Теоретические основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: учебное пособие / А.Г. Ахмедов, Т.О. Бозиев, Н.Н. Бухаров [и др.]. СПб., 2010.

15. Пардилов Р.Х. Институт оперативно-розыскных мероприятий в оперативно-розыскном законодательстве (теоретический и правовой аспекты): автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2007.

16. Агарков А.В. Дефиниции оперативно-розыскных мероприятий: сравнительный анализ и законодательное закрепление. Владимир, 2017.

17. Боруленков Ю.П. Юридическое познание в процессуальной, оперативно-розыскной и частной детективной деятельности. Владимир, 2009.

18. Чечетин А.Е. Обеспечение прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий. СПб., 2016.

19. Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия: теория и практика. / под ред. В.П. Сальникова. СПб., 2004.

13. Operational investigative activity in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation: a scientific and practical guide / A.E. Chechetin, I.D. Shatokhin, A.A. Schmidt. Barnaul, 2022.

14. Theoretical foundations of operational investigative activities of internal affairs bodies: a textbook / A.G. Akhmedov, T.O. Bosiev, N.N. Bukharov [et al.]. St. Petersburg, 2010.

15. Pardilov R.H. Institute of operational investigative measures in operational investigative legislation (theoretical and legal aspects): abstract of the diss. ... PhD in Law. Moscow, 2007.

16. Agarkov A.V. Definitions of operational investigative measures: comparative analysis and legislative consolidation. Vladimir, 2017.

17. Borulenkov Yu.P. Legal knowledge in procedural, operational-investigative and private detective activities. Vladimir, 2009.

18. Chechetin A.E. Ensuring individual rights during operational search activities. St. Petersburg, 2016.

19. Zakhartsev S.I. Operational investigative measures: theory and practice. / edited by V.P. Salnikov, St. Petersburg, 2004.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тамбовцев Андрей Иванович, *кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности в ОВД. Санкт-Петербургский университет МВД России. 198206, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1. ORCID: 0009-0004-9418-7060*

Павличенко Николай Владимирович, *доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, главный научный сотрудник. Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказания Российской Федерации. 125130, Российская Федерация, г. Москва, ул. Нарвская, 15а, стр. 1.*
ORCID: 0000-0001-7889-4743

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tambovtsev Andrey Ivanovich, *PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities at the Department of Internal Affairs. St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 1, Pilota Pilyutova St., Saint Petersburg 198206 Russian Federation.*

Pavlichenko Nikolay Vladimirovich, *Grand PhD in Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chief Researcher. Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 15a, b. 1, Narvskaya St., Moscow 125130 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 4 (115). – С. 150–158.
Philosophiya prava. 2025. № 4 (115). – Pp. 150–158.

Научная статья
УДК 343.98

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ

Тишутина Инна Валериевна
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Российская Федерация, inna_tishutina@mail.ru

Введение: *вопросы выявления и преодоления противодействия расследованию преступлений привлекают пристальное внимание научной общественности на протяжении последних 30 лет. К настоящему времени уже можно со всей определенностью констатировать наличие оформившейся частной криминалистической теории, а соответственно, общность подхода к пониманию сущности и содержания этого явления в научном сообществе, а также необходимости разработки и совершенствования мер по его выявлению и преодолению. Однако существенная трансформация преступности, ставшая следствием тотальной цифровизации жизни общества и функционирования государственных институтов, повлекла изменение форм и способов противодействия расследованию, а также иных его характеристик.*

Материалы и методы: *методологическую основу исследования составляет совокупность всеобщего, общенаучных и частнонаучных методов, особое значение в числе которых имели исторический, формально-логический, системно-структурный и сравнительный анализ, метод обобщения, а также ряд других методов.*

Результаты исследования: *в статье подчеркивается важность своевременной актуализации методов и средств выявления и преодоления противодействия расследованию преступлений в условиях видоизменения форм и способов преступной деятельности и изменения структуры преступности в целом. Основу такой деятельности должно составлять предметное изучение проявившихся в связи с этим особенностей противодействия расследованию. Рассмотрено последовательно, какое влияние оказала цифровизация на изменение элементов общей характеристики противодействия расследованию, как это повлияло на сущность противодействия в целом. Отмечено, что соответствующие изменения произошли и в содержании частной криминалистической теории преодоления противодействия, одним из объектов которой оно выступает.*

Выводы и заключения: *в статье обращается внимание на существенное влияние, которое оказывает НТП, и его результаты как на преступную деятельность, так и на криминалистическую деятельность. Сделан вывод об изменении качественных характеристик противодействия расследованию в условиях изменения тенденций развития преступности. Отмечено, что большую роль в этом отношении играет использование возможностей, предоставляемых информационно-телекоммуникационными и компьютерными технологиями. Подчеркнута важность дальнейшего изучения в контексте произошедших изменений сущности и содержания противодействия расследованию как для совершенствования методов и средств его выявления и преодоления, так и для прогнозирования его изменения и повышения эффективности профилактики.*

Ключевые слова: *противодействие расследованию, преодоление, цифровизация, частная криминалистическая теория, выявление, преодоление, криминалистическая деятельность, общая характеристика, элементы, структура.*

Для цитирования: Тишутина И. В. *Преодоление противодействия расследованию преступлений в условиях цифровизации преступности / И. В. Тишутина // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4 (115). – С. 150–158.*

Original paper

OVERCOMING COUNTERACTION TO CRIME INVESTIGATION IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF CRIME

Tishutina Inna Valerievna
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russia named after V.Ya. Kikot, Moscow, Russian Federation

Introduction: *the issues of identifying and overcoming counteraction to the investigation of crimes have attracted the close attention of the scientific community over the past 30 years. By now, it is already possible to state with certainty the existence of a well-established private forensic theory, and, accordingly, a common approach to understanding the essence and content of this phenomenon in the scientific community, as well as the need to develop and improve measures to identify and overcome it. However, the significant transformation of crime resulting from the total digitalization of society and the functioning of State institutions has led to a change in the forms and methods of countering the investigation, as well as its other characteristics.*

Materials and methods: *the methodological basis of the research is a set of general, general scientific and private scientific methods, of particular importance among which were historical, formal-logical, system-structural and comparative analysis, the method of generalization, as well as a number of other methods.*

Results of the study: *the article highlights the importance of timely updating of methods and means of detecting and overcoming counteraction to crime investigation in the context of changing forms and methods of criminal activity and changing the structure of crime in general. The basis of such activities should be a substantive study of the features of counteraction to the investigation that have emerged in this regard. It is consistently considered what impact digitalization has had on changing the elements of the general characteristics of countering an investigation, and how this has affected the nature of the counteraction as a whole. It is noted that corresponding changes have occurred in the content of the private criminalistic theory of overcoming counteraction, one of the objects of which it acts.*

Findings and conclusions: *the article draws attention to the significant impact that scientific and technological progress has and its results on both criminal activity and criminalistic activity. The conclusion is made about the change in the qualitative characteristics of countering the investigation in the context of changing crime trends. It is noted that the use of opportunities provided by information, telecommunication and computer technologies plays an important role in this regard. The importance of further study in the context of the changes in the nature and content of counteraction to the investigation is emphasized, both to improve methods and means of detecting and overcoming it, and to predict its changes and increase the effectiveness of prevention.*

Keywords: *counteraction to investigation, overcoming, digitalization, private criminalistic theory, identification, overcoming, criminalistic activity, general characteristics, elements, structure.*

For citation: Tishutina I. V. *Overcoming counteraction to crime investigation in the context of digitalization of crime / I. V. Tishutina // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4 (115). – Pp. 150–158.*

Как показывает история и свидетельствует практика, в период скачкообразного развития научно-технического прогресса происходит существенная трансформация во всех сферах жизни общества и государства. Эта тенденция проявилась и с очередным витком, давшим старт процессам цифровизации. Преступность как одна из наиболее активных и динамично приспосабливающихся к изменяющимся условиям сфер незамедлительно восприняла и интегрировала цифровые технологии, модернизировав формы и способы деятельности. В связи с этим и противодействие расследованию преступлений, представляющее собой по большей части проявление именно противозаконной деятельности, вполне закономерно подверглось модификации. Правоохранительные органы оказались в ситуации, когда необходимо безотлагательно, в сжатые сроки обновить и актуализировать методики выявления и расследования давно известных преступлений, элементы криминалистической характеристики которых существенно преобразовались в сложившихся условиях, а также разработать совершенно новые, ориентированные на расследование впервые криминализированных деяний. И в этом контексте

последовательно нуждается в адаптации совокупность методов и средств выявления и преодоления противодействия расследованию преступлений.

Таким образом, цифровая трансформация сферы криминалистической деятельности существенно скорректировала задачи криминалистики в этом отношении. Под влиянием широкого внедрения цифровых технологий меняются объективные закономерности действительности, это отражается на развитии частных криминалистических теорий и учений. Обновляются методы и средства собирания, исследования и использования криминалистически значимой информации, да и сама такая информация уже не рассматривается однозначно как состоящая из двух блоков – вербальной и материально-отображаемой, поскольку все большую часть в общем объеме доказательственной информации по уголовному делу занимает цифровая информация. Все это требует актуализации организационных, тактических и методических основ предварительного и судебного следствия.

В настоящее время научное криминалистическое сообщество прикладывает усилия к разрешению создавшейся ситуации: активно ведется разработка новых и совершенствование существующих методик расследования, исследуются вопросы собирания и использования в расследовании цифровой криминалистически значимой информации, применения новых цифровых технических средств для решения задач расследования. Однако следует обратить внимание на то, что на этом фоне несколько упускается из внимания очевидный факт, что игнорирование или недостаточное внимание к вопросам противодействия расследованию, возможности которого в цифровую эпоху существенно расширились, зачастую сводит на нет все совокупные усилия науки и практики. По нашему глубокому убеждению, только паритетный подход в этом отношении способен обеспечить желаемый эффект от прилагаемых усилий.

Система знаний о закономерностях формирования криминализированных связей субъектов противодействия и их участия в воспрепятствовании раскрытию и расследованию уголовных дел, а также закономерностях организации деятельности правоохранительных органов по предупреждению, выявлению и преодолению таких действий составляет содержание частной криминалистической теории преодоления противодействия расследованию преступлений. Начало формированию представлений о противодействии расследованию в современном понимании было положено в работах И.М. Лузгина, В.П. Лаврова, В.Н. Карагодина [1; 2; 3; 4]. Становление данной теории связано с работами В.Н. Карагодина и С.Ю. Журавлева. Наличие самостоятельного учения о преодолении противодействия расследованию В.Н. Карагодин впервые предложил в своем докторском исследовании. В нем дано понятие противодействия расследованию преступлений, предложены рекомендации по применению криминалистических приемов, методов и средств преодоления некоторых видов противодействия и обоснована концепция противодействия расследованию как особого вида ситуационно повторяющейся деятельности, представляющей собой элемент конфликтного общения, возникающего в связи с возможным или осуществляющимся производством по уголовному делу [5, с. 10–11].

С этого момента активизировались научные разработки проблем противодействия расследованию и его преодоления. Исследованием различных его аспектов занимались как ведущие ученые-криминалисты [6; 7], так и только пробующие себя в науке [8; 9; 10]. За последующие 20 лет осуществлено по самым скромным подсчетам не менее полусотни исследований, посвященных проблемам преодоления противодействия расследованию, в том числе несколько докторских. Все это позволило сформировать довольно солидную базу для частной криминалистической теории, существование которой и соответствие ее всем критериям таковой, по Р.С. Белкину, уже не единожды подчеркивалось нами [11; 12]. В последние десять лет интерес к проблемам противодействия несколько снизился, хотя отдельные весьма успешные монографические исследования в этом направлении проводились [13; 14], продолжились научные дискуссии о его сущности [15; 16]. В то же время исследований, ставящих своей целью изучение противодействия расследованию и мер по его выявлению и преодолению с учетом цифровизации преступной деятельности и расширения возможностей правоохранительных органов за счет использования современных телекоммуникационных и информационных технологий, на суд научной общественности не представлялось.

Сегодня в аспекте периодизации развития теории преодоления противодействия расследованию, на наш взгляд, длится четвертый этап (с 2012 г.) начало которому положили

как раз первые изменения уголовно-процессуального законодательства, направленные на использование в процессе расследования информации из телекоммуникационных систем (ст. 186.1 УПК РФ), и последующие изменения, регламентирующие расширение возможностей использования в доказывании цифровых методов и средств (ст. 164.1 УПК РФ). Параллельно в российском законодательстве дополнялись действующие нормативные правовые акты и принимали новые законы, направленные на регулирование вопросов обращения цифровой информации. По сути, на этом этапе проявилась необходимость совершенствования уже оформившейся к тому моменту частной теории преодоления противодействия расследованию, обусловленная глобальной трансформацией жизнедеятельности общества и государства. Другими словами, в отличие от ряда иных криминалистических теорий и учений рассматриваемая теория развивается более динамично, поскольку практически сразу после своего становления испытала влияние цифровизации и необходимость уточнения и корректировки ее теоретических положений и базирующихся на них практических рекомендаций [12, с. 54].

В самом широком смысле противодействие расследованию представляет собой борьбу за информацию. Соответственно, в рамках частной криминалистической теории преодоления противодействия расследованию изучается и разрабатывается два основных блока вопросов, характеризующих ее объекты: 1) противодействие и его характеристики и 2) меры его выявления и преодоления. Рассмотрим последовательно в серии статей, какое влияние на них оказывает всеобщая цифровизация. В данной статье обратим внимание на объекты первой группы.

Наряду с изменениями форм, способов и механизмов преступной деятельности практически синхронно трансформируются формы, способы и приемы противодействия расследованию.

Так, в настоящее время к числу *форм* противодействия расследованию относят:

– воздействие на вербальную доказательственную информацию, на ее источники и носители;

– воздействие на материально-отображаемую доказательственную информацию, ее источники и носители;

– воздействие на цифровую доказательственную информацию, на ее источники и носители;

– противодействие без воздействия на доказательственную информацию.

Следует подчеркнуть, что по аналогии с тем, как в свое время вся преступность переориентировалась с насильственных деяний на преступления экономической направленности, а в этом контексте сменился вектор и в противодействии расследованию; так и с переходом к преобладанию в структуре преступности деяний, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, инструменты противодействия расследованию закономерным образом изменились. И это не удивительно, поскольку постоянно увеличивается объем информации, обращающейся в сфере уголовного судопроизводства, а объемы общедоступной социально значимой информации, получение которой не составляет труда для неограниченного круга пользователей, просто колоссальны. При этом свойства цифровой информации, предполагающей удаленность доступа, широкий охват пользователей, анонимность, а также недостатки правового регулирования ее обращения, повышают ее привлекательность для использования преступной средой как в целях совершения преступлений, так и противодействия их расследованию [17, с. 54].

Представляется, что наиболее последовательно изменения сущности и содержания противодействия расследованию в условиях цифровизации можно проследить по элементам его общей характеристики, довольно убедительно представленной А.Ю. Головиным и оправдавшей себя в последующих научных исследованиях [18, с. 153]. В их числе:

– субъект противодействия расследованию;

– цель, мотив противодействия расследованию;

– объект противодействия расследованию;

– время, место, обстановка противодействия расследованию;

– способ противодействия расследованию, его отражение в следах;

– результат оказанного противодействия.

На фоне изменений, происходящих в обществе в целом и с отдельной личностью в частности обусловлено и изменение характеристик личности *субъекта противодействия расследованию*. Это те изменения, которые выражаются в особенностях поведения лица как в процессе противодействия расследованию, так и в рамках его расследования. Справедливо замечено Ю.Л. Дябловой, что современная жизнь, пронизанная использованием разнообразных достижений технологической мысли, направленных на постоянное облегчение и улучшение жизни, весьма ощутимо влияет на тренировку и использование человеком врожденных свойств и

приобретенных навыков, умений [19, с. 42]. Своеобразной «платой» человека за пользование благами научно-технической революции становится изменение свойств памяти, особенностей мышления, выстраивания межличностного взаимодействия. В данном случае речь идет прежде всего о том, какие нюансы и тенденции личностной трансформации субъекта противодействия расследованию должен учитывать следователь при прогнозировании или преодолении противодействия.

Классификационная характеристика субъектов противодействия не претерпела существенных изменений. Полагаем возможным придерживаться высказанного ранее подхода о наличии двух групп субъектов, дифференцируемых по их отношению к преступлению и процессу его расследования: так называемые «внутренние субъекты» – участники процесса расследования и осуществляющие его субъекты; и «внешние субъекты» – лица, не имеющие прямого отношения к событию преступления и процессу его расследования.

В то же время отмечается тенденция увеличения в общей массе числа внешних субъектов противодействия. И это вполне объяснимо, поскольку оказание воздействия на источники и носители цифровой криминалистически значимой информации, играющей в настоящее время весомую роль в процессе доказывания, требует наличия порой не элементарных навыков обращения со средствами компьютерной техники, а знания специфики работы с различным программным обеспечением, умения, минуя пароли, получать информацию и модифицировать ее в режиме реального времени. По этой же причине в структуре преступных групп в настоящее время активность ее участников в оказании противодействия зачастую определяется уровнем навыков в обращении с компьютерными средствами и системами. Кроме того, надо иметь в виду что углубление процессов цифровизации расширяет и возможности по установлению, поддержанию и реанимированию криминализированных связей субъектов противодействия.

Цель и мотивы противодействия расследованию принципиально не претерпели трансформации в силу того, что они основываются на отношении субъекта противодействия к процессу расследования. Любой субъект противодействия, как инициатор его, так и содействующий в достижении конечной общей цели, стремится к ее достижению сознательно и умышленно. Однако, как показывает практика, лицо – субъект противодействия, которое реализует промежуточные цели, воздействуя на цифровую криминалистически значимую информацию, может не иметь представления не только о конечной цели своих действий, но даже о промежуточной, будучи осведомленным только о параметрах информации, необходимой к получению и передаче инициатору противодействия. И если при воздействии на материально-отображаемую или вербальную информацию количество таких ситуаций ничтожно в силу очевидной противоправности совершаемых действий, то в отношении цифровой криминалистически значимой информации такие риски достаточно велики.

Общий *объект противодействия* расследованию охватывает правоотношения, возникающие в процессе решения вопроса о возбуждении уголовного дела и его последующего расследования, соответственно, он не претерпевает изменений в контексте вопросов цифровизации. В отличие от него непосредственный объект характеризуют источники и носители криминалистически значимой информации, и к числу изначально рассматриваемых в этом отношении источников материально-отображаемой и идеальной добавились источники и носители цифровой криминалистически значимой информации, расширив тем самым рамки непосредственного объекта.

Что касается характеристики *обстановки* противодействия расследованию, то следует отметить, что содержательно она подразумевает в качестве основных параметров анализ времени и места совершения противодействия расследованию. Карагодин В.Н. определил ее как совокупность условий, объектов и отношений, существующих в период воспрепятствования выполнению задач предварительного расследования [5, с. 78]. Обстановка в широком смысле отражает ситуацию расследования, в рамках которой реализуется противодействие. Характеристика времени совершения противодействия расследованию в наиболее общем виде может быть представлена этапами процесса расследования, а более конкретно – временем реализации отдельно взятого приема противодействия. При этом очевидно, что при реализации способов воздействия на цифровую криминалистически значимую информацию время определяется возможностями субъекта противодействия по доступу к информационно-телекоммуникационным средствам, в остальном оно вариабельно в течение суток.

Касаясь характеристики места совершения противодействия в дополнение к уже

отмеченным ранее в литературе его характеристикам, полагаем важным отметить, что способы воздействия на цифровую криминалистически значимую информацию могут реализовываться субъектом, находящимся в любом месте (жительства, работы, отдыха, учебы и т. п.), с мобильного устройства либо из места расположения стационарного средства компьютерной, телекоммуникационной техники. В связи с этим в научной литературе уже поднимался вопрос о возможности рассматривать в качестве места совершения действий в этом случае – место реализации конкретных намерений: социальную сеть, профиль, страницу и т. п. [20, с. 126]. Думается, что подобный подход нуждается более детальном осмыслении.

Следует обратить внимание и на дифференциацию мест совершения противодействия более высокого порядка, позволяющую объединять их в группы: места осуществления следственных и иных процессуальных действий и места нахождения источников и носителей криминалистически значимой информации. При этом проявляются особенности, связанные с законодательно регламентированной возможностью производства ряда следственных действий с использованием видео-конференц-связи. В таком случае лицо, производящее расследование, и участник следственного действия находятся в разных местах, что потенциально расширяет возможности такого лица по оказанию противодействия расследованию как минимум за счет расширения числа участников и нарушения обстановки психологического контакта.

Способ действий выступает центральным элементом общей характеристики противодействия расследованию. И большое значение для последующего выявления имеет его отражение в следах. Принимая во внимание, что указанные выше формы противодействия расследованию реализуются посредством конкретных способов и приемов действий, очевидно, что количество способов противодействия расследованию и их качественные характеристики существенно трансформировались в условиях изменения преступности и расширения возможностей цифровизации, и этот процесс продолжается. Возникла объективная необходимость в более глубоком их изучении с целью встраивания в многоуровневую классификацию. Соответственно обновляется группа способов противодействия расследованию, связанных с оказанием воздействия на источники и носители криминалистически значимой информации в зависимости от объекта воздействия:

– на источники и носители материально-отображаемой информации;

– на источники и носители вербальной информации;

– на источники и носители цифровой информации.

Кроме того, качественно меняются по структуре и содержанию способы в зависимости от механизма воздействия: непосредственного воздействия и опосредованного воздействия. В силу ряда новых возможностей коммуникации и дистанционного общения возникает вопрос, как оценивать способы воздействия, реализуемые субъектом противодействия с помощью сервисов видеозвонка, видеосообщения. Представляется, что их следует относить к группе способов опосредованного воздействия, поскольку, несмотря на визуальный образ и, казалось бы, непосредственное взаимодействие с помощью технических средств, оно может быть результатом использования технологии deepfake. И таких вопросов довольно много, что требует пристального внимания.

Ну и конечно, группа способов, которую составляют способы по степени сложности (простые, сложные), в настоящее время тоже нуждается в предметном изучении, поскольку специфика комбинации приемов внутри сложного способа также видоизменилась за счет включения в нее приемов воздействия на цифровую криминалистически значимую информацию.

Следует обратить внимание и на тот очевидный факт, что в условиях изменения структуры преступности в целом трансформации элементов общей характеристики противодействия расследованию меняются и закономерности, свойственные реализации способа противодействия. Так, в настоящее время обусловлено преобладание использования способов воздействия на цифровую криминалистически значимую информацию, ее источники и носители при расследовании преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Возможность использования таких способов прямо зависит от наличия у лица навыков работы с цифровыми средствами и системами, и их степени.

В конечном счете все действия, направленные на противодействие расследованию, отражаются в окружающей среде, создавая следовую картину. И специфика изменений элементов общей характеристики противо-

действия расследованию, и особенно его способа, влечет расширение числа цифровых следовой в общей следовой картине противодействия расследованию. Меняются источники информации о фактах противодействия, его признаки. В связи с этим актуализируются вопросы изучения цифровых следов, чему в научной литературе уделено немало внимания на настоящий момент [21; 22; 23; 24].

Таким образом, в настоящее время актуализировалась проблема дальнейшего изучения сущности и содержания противодействия расследованию, которое осуществляется с использованием новых возможностей, предоставляемых современными достижениями науки и техники, активно используемыми преступной средой в своих интересах. Существенным образом изменились параметры элементов общей характеристики противодействия, что влечет необходимость активизации научной разработки обновленной системы криминалистических рекомендаций по его выявлению и преодолению. При этом необходимо принимать во внимание и расширение возможностей предупреждения противодействия на уровне государства и общества в целом.

Список источников

1. Лузгин И.М., Лавров В.П. Способ сокрытия преступления и его криминалистическое значение. М., 1980.

2. Карагодин В.Н. Соотношение сокрытия и способа совершения преступления // Государство и право в системе социального управления. Свердловск, 1981.

3. Лавров В.П. Криминалистические проблемы установления способа сокрытия тяжких преступлений против личности // Вопросы криминалистики и судебной экспертизы по делам о тяжких преступлениях. Караганда, 1985.

4. Лузгин И.М., Лавров В.П. Криминалистическая сущность, средства и методы установления способа сокрытия преступлений. М., 1987.

5. Карагодин В.Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия расследованию: дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992.

6. Волынский А.Ф., Лавров В.П. Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений (проблемы теории и практики): материалы научно-практ. конф. (29–30 октября 1996 г.). М., 1997.

7. Белкин Р.С. Противодействие расследованию и пути его преодоления криминалистическими и оперативно-розыскными средствами и методами // Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования. М., 1997.

8. Стулин О.Л. Тактические основы преодоления умышленного противодействия расследованию преступлений: дис. … канд. юрид. наук. СПб., 1999.

9. Щеголева М.В. Противодействие расследованию незаконного оборота оружия и криминалистические методы его преодоления: дис. …. канд. юрид. наук. М., 2001.

References

1. Luzgin I.M., Lavrov V.P. The method of concealing a crime and its criminalistic significance. Moscow, 1980.

2. Karagodin V.N. The ratio of concealment and the method of committing a crime // The state and law in the social management system. Sverdlovsk, 1981.

3. Lavrov V.P. Criminalistic problems of establishing a method of concealing serious crimes against a person // Issues of criminalistics and forensic examination in cases of serious crimes. Karaganda, 1985.

4. Luzgin I.M., Lavrov V.P. Criminalistic essence, means and methods of establishing the method of concealment of crimes. Moscow, 1987.

5. Karagodin V.N. Fundamentals of criminalistic teaching on overcoming counteraction to investigation: diss. ... Grand PhD in Law. Yekaterinburg, 1992.

6. Volynsky A.F., Lavrov V.P. Organized counteraction to the detection and investigation of crimes (problems of theory and practice): materials of the scientific and practical conference (October 29-30, 1996). Moscow, 1997.

7. Belkin R.S. Countering the investigation and ways to overcome it with criminalistic and operational-investigative means and methods // Criminalistic support for the activities of criminal police and preliminary investigation bodies. Moscow, 1997.

8. Stulin O.L. Tactical foundations of overcoming deliberate counteraction to crime investigation: diss. ... PhD in Law. St. Petersburg, 1999.

9. Shchegoleva M.V. Countering the investigation of illegal arms trafficking and criminalistic methods of overcoming it: diss. … PhD in Law. Moscow, 2001.

10. Fedorenko A.Y. Criminalistic technology in the prevention and suppression of

10. Федоренко А.Ю. Криминалистическая техника в предупреждении и пресечении противодействия раскрытию и расследованию преступлений: дис. … канд. юрид. наук. М., 2001.

11. Тишутина И.В. Преодоление противодействия расследованию организованной преступной деятельности (организационные, правовые и тактические основы): дис. … д-ра юрид. наук. М., 2013.

12. Тишутина И. В. Частная криминалистическая теория преодоления противодействия расследованию: трансформация в условиях цифровизации // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2021. № 2.

13. Кудрявцев Д.С. Противодействие раскрытию и расследованию преступлений: теория и практика выявления и преодоления. М., 2020.

14. Головина Е.В. Преодоление противодействия расследованию должностных преступлений. М., 2021.

15. Варданян А.В. Противодействие предварительному расследованию: в продолжение научной дискуссии // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 1(96).

16. Варданян А.В. Некоторые уголовно-процессуальные аспекты преодоления противодействия расследованию преступлений, совершенных представителями административно-управленческой элиты // Всероссийский криминологический журнал. 2024. № 1. Т. 18.

17. Тишутина И.В. Использование информации, обнаруживаемой в сети Интернет, в целях выявления и преодоления противодействия расследованию преступлений // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. № 4(24).

18. Головин А.Ю. Криминалистическая систематика. М., 2002.

19. Дяблова Ю.Л. О влиянии цифровизации на личностные качества субъектов криминалистической деятельности // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2025. № 2.

20. Скороделова Е.И. Реабилитация нацизма как объект криминалистического исследования // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. № 3.

21. Зиновьева Н.С., Пахомов С.В. К вопросу об обнаружении, изъятии и использовании компьютерной информации, преобразованной методами криптографии, в ходе

counteraction to the disclosure and investigation of crimes: diss. ... PhD in Law. Moscow, 2001.

11. Tishutina I.V. Overcoming counteraction to the investigation of organized criminal activity (organizational, legal and tactical bases): diss. ...Grand PhD in Law. Moscow, 2013.

12. Tishutina I. V. Private criminalistic theory of overcoming counteraction to investigation: transformation in the context of digitalization // Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences. 2021. № 2.

13. Kudryavtsev D.S. Countering the detection and investigation of crimes: theory and practice of detection and overcoming. Moscow, 2020.

14. Golovina E.V. Overcoming counteraction to the investigation of official crimes. Moscow, 2021.

15. Vardanyan A.V. Counteraction to the preliminary investigation: in continuation of the scientific discussion // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 1(96).

16. Vardanyan A.V. Some criminal procedural aspects of overcoming counteraction to the investigation of crimes committed by representatives of the administrative and managerial elite // All-Russian Journal of Criminology. 2024. № 1. Vol. 18.

17. Tishutina I.V. The use of information found on the Internet in order to identify and overcome counteraction to the investigation of crimes // Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. 2022. № 4(24).

18. Golovin A.Y. Criminalistic systematics. Moscow, 2002.

19. Dyablova Yu.L. On the impact of digitalization on the personal qualities of subjects of criminalistic activity // Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences. 2025. № 2.

20. Skorodelova E.I. Rehabilitation of Nazism as an object of criminalistic research // Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences. 2022. № 3.

21. Zinovieva N.S., Pakhomov S.V. On the issue of the detection, seizure and use of computer information transformed by cryptographic methods during the detection and investigation of crimes: problem statement // Philosophy of Law. 2021. № 3(97).

22. Pakhomov S.V. The criminalistic significance of computer information in the disclosure and investigation of crimes committed at the facilities of the agro-industrial complex. // Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences. 2020. Issue 2.

раскрытия и расследования преступлений: постановка проблемы // Философия права. 2021. № 3(97).

22. Пахомов С.В. Криминалистическое значение компьютерной информации в раскрытии и расследовании преступлений, совершаемых на объектах агропромышленного комплекса // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2020. Вып. 2.

23. Россинская Е.Р. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: концепция, система, основные закономерности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2(99).

24. Россинская Е.Р., Рядовский И.А. Концепция цифровых следов в криминалистике // Аубакировские чтения: материалы Международной научно-практ. конф. (19 февраля 2019 г.). Алматы, 2019.

23. Rossinskaya E.R. Theory of information and computer support for criminalistic activities: concept, system, basic patterns // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 2(99).

24. Rossinskaya E.R., Ryadovsky I.A. The concept of digital traces in criminalistics // Aubakirov readings: proceedings of the International Scientific and Practical Conference (February 19, 2019). Almaty, 2019.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тишутина Инна Валериевна, *доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики. Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя. 117437, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tishutina Inna Valerievna, *Grand PhD in Law, Professor, Professor of the Department of Criminalistics. Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot. 12, Akademika Volgina St., Moscow 117437 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 4 (115). – С. 159–162.
Philosophiya prava. 2025. № 4 (115). – Pp. 159–162.

Научная статья
УДК 343.9

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СИТУАЦИОННОГО ПОДХОДА К СУДЕБНОМУ РАЗБИРАТЕЛЬСТВУ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

Чабан Виталий Иванович
Адвокатское бюро «РусЮрКонсалт», Москва, Российская Федерация,
m89166810785@gmail.com

Введение: *криминалистика является наукой, где в полной мере разработаны рекомендации как для производства предварительного расследования преступлений, так и их судебного разбирательства, однако рекомендации для судебного разбирательства разработаны недостаточно, поскольку эта часть уголовного судопроизводства была подвергнута криминалистическому исследованию сравнительно недавно и небольшим участием криминалистов в этой проблематике. По этой причине тщательное исследование проблем ситуационного подхода к судебному разбирательству по уголовным делам в суде первой инстанции представляет научный интерес.*

Материалы и методы: *определяются кругом решаемых научных задач, ориентированных на обоснование представлений о том, что ситуационный подход к судебному разбирательству по уголовным делам в суде первой инстанции является актуальным криминалистическим исследованием. В ходе исследования применены методы: сравнительно-правовой, описательный, анализ и синтез, классификация и др. Изучались материалы научных исследований, отраженные в диссертациях, монографиях, научных статьях и др.*

Результаты исследования: *обосновано представление об актуальных обстоятельствах, которые позволяют формировать представление о реализации судьей ситуационного подхода в рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции от этапа общего порядка к подготовке судебного заседания до этапа прений сторон и последнего слова подсудимого.*

Выводы и заключения: *отмечено, что реализация ситуационного подхода к рассмотрению судьей уголовного дела в суде первой инстанции может быть основана на результатах исследования таких ключевых проблем как: 1) ситуационный подход как основа процессуального и криминалистического управления производством в суде первой инстанции; 2) ситуационный подход как ведущий метод организации и управления производством в суде первой инстанции и 3) организация и управление судебным следствием в суде первой инстанции.*

Ключевые слова: *криминалистическая методика, судебное рассмотрение уголовного дела.*

Для цитирования: Чабан В. И. *Актуальные проблемы ситуационного подхода к судебному разбирательству по уголовным делам в суде первой инстанции / В. И. Чабан // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4 (115). – С. 159–162.*

Original paper

ACTUAL PROBLEMS OF SITUATIONAL APPROACH TO THE TRIAL OF CRIMINAL CASES IN THE COURT OF FIRST INSTANCE

Chaban Vitaly Ivanovich
Law Office «RusYurConsult», Moscow, Russian Federation

Introduction: *criminalistics is a science where recommendations have been fully developed for both the preliminary investigation of crimes and their trial, however, recommendations for judicial proceedings have not been sufficiently developed, since this part of criminal proceedings has been subjected to forensic research relatively recently and with little involvement of criminologists in this area. For this reason, a thorough study of the problems of the situational approach to criminal proceedings in the court of first instance is of scientific interest.*

***Materials and methods**: they are determined by the range of scientific tasks to be solved, focused on substantiating the idea that the situational approach to criminal proceedings in the court of first instance is an urgent forensic research. The research uses the following methods: comparative law, descriptive, analysis and synthesis, classification, etc. The materials of scientific research reflected in dissertations, monographs, scientific articles, etc. were studied.*

***Results of the study:** the idea of current circumstances is substantiated, which make it possible to form an idea of the implementation by a judge of a situational approach in the consideration of a criminal case in a court of first instance from the stage of the general procedure to the preparation of the court session to the stage of the parties' arguments and the last word of the defendant.*

***Findings and conclusions:** it is noted that the implementation of a situational approach to the consideration of a criminal case by a judge in a court of first instance can be based on the results of a study of such key issues as: 1) situational approach as the basis of procedural and criminalistic management of proceedings in the court of first instance; 2) situational approach as the leading method of organizing and managing proceedings in the court of first instance; and 3) organization and management of judicial investigation in the court of first instance.*

***Keywords:** criminalistic methodology, judicial review of a criminal case.*

***For citation: Chaban V. I.** Actual problems of situational approach to the trial of criminal cases in the court of first instance / V. I. Chaban // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4 (115). – Pp. 159–162.*

Еще в прошлом веке криминалисты стали разрабатывать методические рекомендации, направленные на производство по уголовным делам в суде первой инстанции. В основу этого направления криминалистической деятельности были положены идеи А.Л. Цыпкина [1, с. 44] и Л.Е. Ароцкера [2]. Эти идеи были поддержаны классиком криминалистики Р.С. Белкиным, который обосновал в 1968 г. новое определение предмета криминалистики, включив в его содержание «судебное исследование преступления» [3, с. 48]. В современной криминалистике этот вопрос уже перестал быть дискуссионным, о чем свидетельствуют многочисленные публикации, связанные с данной тематикой [4].

Можно с уверенностью утверждать, что криминалистика в соответствии со своим предметом активно участвует в разработке методик судебного разбирательства по уголовным делам. Вместе с тем, как свидетельствует анализ судебно-следственной практики, эта часть криминалистики нуждается в постоянном совершенствовании методики судебного разбирательства и в особенности в совершенствовании ситуационного подхода к рассмотрению уголовных дел в суде первой инстанции.

Ситуационный подход в общем представляет собой систему рекомендаций по организации и управлению различными общественными процессами, которым, в сущности, является и судебное разбирательство по уголовным делам. Между тем приходится констатировать факт того, что современный правоприменитель в недостаточной степени использует возможности ситуационного подхода в деятельности по рассмотрению уголовных дел в суде, и в первую очередь это касается самих судей. Однако прежде чем отметить проблемы, связанные с этим тезисом, обратим внимание на криминалистические разработки ученых по данной проблематике.

Ситуационный подход в судебном разбирательстве опирается на характер судебной ситуации, категорию криминалистики и теоретическое понятие, которое хорошо в науке изучено [5]. Несмотря на это современная судебно-следственная практика постоянно вносит в содержание этого понятия свои коррективы, которые требуют соответствующего изучения, обобщения и на этой основе обоснования новых криминалистических рекомендаций по оптимизации судебного разбирательства по уголовным делам в соответствии с ситуационным подходом.

Очевидно, что теоретические положения ситуационного подхода, разработанные еще в средине прошлого века, все время совершенствуются, а это обстоятельство требует своего постоянного мониторинга и научного обобщения с целью использования новых теоретических наработок для создания криминалистических рекомендаций правоприменительной деятельности в суде.

В этом аспекте важно рассматривать ситуационный подход как основу процессуального и криминалистического управления производством в суде первой инстанции. Здесь необходимо исследовать основные положения теории ситуационного подхода и его методологии, поскольку эти положения в достаточной мере могут быть интерпретированы для ситуационного подхода в методологии криминалистики вообще и судебного разбирательства в частности. Для производства по уголовным делам в суде первой инстанции всегда также имеются свои осо-

бенности в использовании ситуационного подхода. Если рассматривать ситуационный подход как ведущий метод организации и управления производством в суде первой инстанции, то, само собой разумеется, ведущая роль в его практической реализации принадлежит судье, т. к. именно он организует и управляет производством в суде первой инстанции в его процессуальном и криминалистическом аспектах.

Как было отмечено выше, реализация ситуационного подхода самым непосредственным образом связана с судебной ситуацией, которая разнится своим содержанием в зависимости от этапа производства судебного разбирательства. По этой причине эти судебные ситуации требуют своей криминалистической характеристики в соответствии с современными данными судебно-следственной практики.

Эта криминалистическая характеристика судебных ситуаций и служит основанием в конечном итоге организации и управлению судебным следствием в суде первой инстанции. Для того чтобы эта организация и управление сложились в теории криминалистики, следует постоянно совершенствовать понятие, систему и структуру ситуаций судебного следствия, а также классификации ситуаций судебного следствия в суде первой инстанции, в первую очередь для их прикладной реализации.

В соответствии с тем, что судья является главным «реализатором» ситуационного подхода в судебном разбирательстве по уголовным делам в суде первой инстанции, он должен обладать системой криминалистических способов разрешения ситуаций судебного следствия, которые должны быть современными для его, судьи, деятельности. В связи с этим актуальным представляется метод ситуационного моделирования в разрешении ситуаций судебного следствия в интерпретации данных анализа современной судебно-следственной практики.

Очевидно, что перечисленные в настоящей публикации актуальные проблемы ситуационного подхода к судебному разбирательству по уголовным делам в суде первой инстанции нельзя считать исчерпывающими, полагаем, что их намного больше, однако разрешение перечисленных проблем может существенно оптимизировать указанную форму судебного разбирательства и тем самым повысить его эффективность.

Список источников

1. Цыпкин А.Л. Судебное следствие и криминалистика // Социалистическая законность. 1938. № 12.
2. Ароцкер Л.Е. Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве. М., 1964.
3. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М., 1987.
4. Колбая Г.И. Соотношение предварительного расследования и судебного разбирательства. М., 1975; Чеджемов Т.Б. Судебное следствие. М., 1979; Питерцев С.К., Степанов А.А. Тактика допроса в суде: учеб. пособие. 2-е изд., стереотип. СПб., 1998; Ульянов В.Г. Государственное обвинение в Российском уголовном судопроизводстве: процессуальные и криминалистические аспекты: дис. … д-ра юрид. наук. Краснодар, 2002; Корчагин А.Ю. Организационно-тактические и методические основы криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2008; Кисленко С.Л. Деятельность по поддержанию государственного обвинения в судебном разбирательстве уголовных дел как объект криминалисти-

References

1. Tsypkin A.L. Judicial investigation and criminalistics // Socialist legality. 1938. № 12.
2. Arotsker L.E. The use of criminalistics data in court proceedings. Moscow, 1964.
3. Belkin R.S. Criminalistics: problems, trends, prospects. General and particular theories. Moscow, 1987.
4. Kolbaya G.I. The ratio of preliminary investigation and judicial proceedings. Moscow, 1975; Chedzhemov T.B. Judicial investigation. Moscow, 1979; Petertsev S.K., Stepanov A.A. Tactics of interrogation in court: textbook. stipend. 2nd ed., stereotype, St. Petersburg, 1998; Ulyanov V.G. State prosecution in Russian criminal proceedings: procedural and criminalistic aspects: diss. ... Grand PhD in Law. Krasnodar, 2002; Korchagin A.Y. Organizational, tactical and methodological foundations of criminalistic support for the trial of criminal cases: diss. … Grand PhD in Law. Krasnodar, 2008; S.L. Kislenko. The activity of maintaining public prosecution in the judicial proceedings of criminal cases as an object of forensic research / under the scientific editorship of V.N. Grigoriev, Moscow, 2015.
5. Belkin R.S. Course of criminalistics: in 3 volumes. Vol. 3: Criminalistic tools, techniques

ческого исследования / под науч. ред. В.Н. Григорьева. М., 2015.

5. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М., 1997; Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: дис. … д-ра юрид. наук. М., 1997; Колесниченко А.Н. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Харьков, 1976; Возгрин И.А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений: курс лекций. СПб., 1993; Селиванов Н.А. Криминалистические характеристики преступлений и следственные ситуации в методике расследования // Социалистическая законность. 1977. № 2; Яблоков Н.П. Следственная ситуация в методике расследования преступлений // Актуальные направления развития методики и тактики расследования. М., 1978; Драпкин Л.Я. Ситуационные особенности преступной и криминалистической деятельности. Криминалистика: учебник / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. М., 2014.

and recommendations. Moscow, 1997; Volchetskaya T.S. Criminalistic situalogy: diss. ... Grand PhD in Law. Moscow, 1997; Kolesnichenko A.N. General provisions of the methodology of investigation of certain types of crimes. Kharkov, 1976; Vozgrin I.A. Scientific foundations of criminalistic methods of crime investigation: a course of lectures. St. Petersburg, 1993; Selivanov N.A. Criminalistic characteristics of crimes and investigative situations in the investigation methodology // Socialist legality. 1977. № 2; Yablokov N.P. The investigative situation in the methodology of crime investigation // Current trends in the development of investigative techniques and tactics. Moscow, 1978; Drapkin L.Ya. Situational features of criminal and criminalistic activities. Criminalistics: textbook / under the general editorship of A.I. Bastrykin. Moscow, 2014.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чабан Виталий Иванович, *кандидат юридических наук, руководитель адвокатского бюро «РусЮрКонсалт». 121151, Российская Федерация, г. Москва, Кутузовский пр-кт, 24.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Chaban Vitaly Ivanovich, *PhD in Law, Head of the Law Office «RusYurConsult». 24, Kutuzovsky Ave., Moscow 121151 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 4 (115). – С. 163–169.
Philosophiya prava. 2025. № 4 (115). – Pp. 163–169.

Научная статья
УДК 340.114.5

ГРАНИЦЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: МОЛОДЕЖЬ И МЕДИАПРОСТРАНСТВО

Шевченко Андрей Владимирович
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, davo-davo23@mail.ru

Маслова Софья Олеговна
Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, smaslova-23@ranepa.ru

Введение: *в условиях цифровизации все сферы общественной жизни подвергаются глубоким изменениям, затрагивающим не только экономику и управление, но и социально-правовую сферу. Молодежь выступает центральным актором этих трансформаций, активно адаптируя и внедряя информационно-коммуникационные технологии в повседневные практики. Вместе с тем цифровая среда создает и новые вызовы – от угроз информационной безопасности до необходимости защиты прав личности. Поэтому исследование границ правового регулирования в отношении молодежи и медиапространства представляет собой важное направление для укрепления правопорядка и развития безопасной цифровой среды.*

Материалы и методы: *в исследовании использовались системно-структурный, сравнительно-правовой и социокультурный методы. Нормативную базу составили Конституция Российской Федерации, федеральные законы и президентские указы, регулирующие информационные процессы и защиту прав граждан в цифровой среде. Применялись также методы контент-анализа и правовой интерпретации, эмпирическую основу составили положения национальных программ и стратегий, а также экспертные публикации, посвященные вопросам медиаграмотности и цифрового гражданства.*

Результаты исследования: *проведенный анализ показал, что правовое регулирование медиапространства в отношении молодежи в Российской Федерации постепенно приобретает комплексный характер. Развитие программ цифровой грамотности и правового просвещения способствует формированию ответственного поведения в сети. Вместе с тем сохраняются вызовы, связанные с балансом между свободой информации и необходимостью государственного контроля, а также с обеспечением правового суверенитета в условиях транснационального характера цифровых платформ.*

Выводы и заключения: *современная правовая политика Российской Федерации в сфере цифровизации направлена на формирование безопасной и этически ответственной среды для молодежи. Укрепление правовых рамок, повышение цифровой грамотности и развитие культуры ответственного поведения в Сети являются ключевыми условиями устойчивого развития цифрового общества.*

Ключевые слова: *молодежь, цифровизация, информационные технологии, информационная безопасность, правовое регулирование, цифровое гражданство, медиаграмотность.*

Для цитирования: Шевченко А. В., Маслова С. О. *Границы правового регулирования: молодежь и медиапространство / А. В. Шевченко, С. О. Маслова // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4 (115). – С.*

Original paper

BOUNDARIES OF LEGAL REGULATION: YOUTH AND THE MEDIA SPACE

Shevchenko Andrey Vladimirovich
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Maslova Sofia Olegovna
South-Russian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *in the context of digitalization, all spheres of public life are undergoing profound changes, affecting not only economics and management, but also the socio-legal sphere. Youth is the central actor of these transformations, actively adapting and implementing information and communication technologies into everyday practices. At the same time, the digital environment creates new challenges, from threats to information security to the need to protect individual rights. Therefore, exploring the boundaries of legal regulation in relation to youth and the media space is an important area for strengthening law and order and developing a secure digital environment.*

Materials and methods: *the study used systemic-structural, comparative-legal and socio-cultural methods. The regulatory framework consists of the Constitution of the Russian Federation, federal laws and presidential decrees regulating information processes and the protection of citizens' rights in the digital environment. Methods of content analysis and legal interpretation were also used, and the empirical basis was based on the provisions of national programs and strategies, as well as expert publications on media literacy and digital citizenship.*

Results of the study: *the analysis has shown that the legal regulation of the media space in relation to youth in the Russian Federation is gradually becoming complex. The development of digital literacy and legal education programs contributes to the formation of responsible online behavior. At the same time, challenges remain related to the balance between freedom of information and the need for state control, as well as ensuring legal sovereignty in the context of the transnational nature of digital platforms.*

Findings and conclusions: *the modern legal policy of the Russian Federation in the field of digitalization is aimed at creating a safe and ethically responsible environment for young people. Strengthening the legal framework, increasing digital literacy and developing a culture of responsible online behavior are key conditions for the sustainable development of a digital society.*

Keywords: *youth, digitalization, information technology, information security, legal regulation, digital citizenship, media literacy.*

For citation: Shevchenko A. V., Maslova S. O. *Boundaries of legal regulation: youth and the media space / A. V. Shevchenko, S. O. Maslova // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4 (115). – Pp.*

Современный мир характеризуется качественными трансформациями во всех областях жизнедеятельности населения. Цифровизация сфер общества, внедрение информационно-коммуникационных технологий в обыденные процессы позволяет говорить о построении новой системы взаимодействия государства с общественными институтами, где информационные ресурсы становятся одним из ключевых факторов властного потенциала [1, с. 2968–2974]. Молодежь в рассматриваемом контексте является основным актором трансформационных процессов как наиболее восприимчивая группа населения, отвечающая за адаптацию и интеграцию технологических процессов в обыденную жизнь. Интернет, мобильные приложения и различные сетевые платформы получают все большее распространение с помощью вовлечения молодежью возрастных групп населения в процессы электронного взаимодействия и цифровой трансформации государственных и иных услуг, что позволяет расширить горизонты познания и самореализации, а также сформировать новые ценностные ориентиры, модели поведения и способы коммуникации, характерные для данного этапа развития общества.

Эти процессы получили нормативное закрепление в государственной политике цифровизации. Так, Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» обозначает необходимость создания условий для «развития цифровой экономики, повышения уровня цифровой грамотности граждан и защиты их прав в информационной среде». Эти положения особенно значимы применительно к молодежи как ключевому субъекту цифровой трансформации [2]. В рамках реализации положений Стратегии была утверждена Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», которая

сформировала комплексный подход к развитию цифровых технологий в экономике, образовании и государственном управлении. Молодежь в рамках данной программы являлась основным драйвером внедрения цифровых инноваций, а также выступала в качестве объекта государственной поддержки в сфере цифровой грамотности и предпринимательства. Данный проект был успешно завершен, и с начала 2025 г. реализуется новый Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства», который призван усовершенствовать отечественные наработки в сфере информационных технологий, а также обеспечить комфортное пребывание всего населения Российской Федерации, включая молодежь, в интернет-пространстве [3].

Информационно-коммуникационные технологии представляют собой совокупность методов, процессов и программно-технических средств, интегрированных для сбора, обработки, хранения, распространения и использования информации в интересах пользователей и институтов общества. Особая роль рассматриваемых технологий в жизни молодежи обусловлена не только удобством и доступностью цифровой среды, но и ее тотальностью: учеба, досуг, трудовая деятельность и гражданская активность в значительной степени перемещаются в виртуальное пространство. Одной из форм информационно-коммуникационных технологий выступает глобальная информационно-телекоммуникационная сеть Интернет, которая предоставляет пользователям практически неограниченные возможности для общения, создания, хранения, передачи и получения информации самого разного содержания и качества. В современном мире Интернет является не только частью повседневной жизни человека, но и важным элементом функционирования организаций и политических институтов. Расширение систем мобильного доступа с использованием смартфонов и других устройств привело к значительному росту числа пользователей и закрепило Интернет как универсальную платформу коммуникации и взаимодействия [4, с. 30–35].

По мнению исследователя в области информационно-коммуникационных технологий М.М. Гридчина, для молодежи Интернет становится «стандартом потребления, жизненного комфорта, как собственный автомобиль или путешествие за границу», и одновременно превращается в платформу, где сосуществуют и полезные, и опасные материалы, формирующие у молодых пользователей иллюзию вседозволенности. В результате информационно-коммуникационная среда становится параллельным миром, задающим собственные правила поведения и влияющие на систему социальных коммуникаций молодежи. Такой «виртуальный мир» активно вторгается в сферы жизнедеятельности общества, где новые каналы коммуникации используются не только для самовыражения, но и для мобилизации, агитации или распространения радикальных идей. Это ведет к возникновению как позитивных, так и негативных тенденций, требующих комплексного анализа – от социокультурных до правовых аспектов. Таким образом, исследование влияния информационно-коммуникационных технологий на молодежь приобретает не только научное, но и практическое значение, т. к. затрагивает вопросы воспитания, социальной политики и национальной безопасности. Особую актуальность данный анализ получает в контексте политического поведения, где от уровня цифровой грамотности молодежи напрямую зависит качество их участия в демократических процессах.

Рост влияния цифровой среды на молодежное сознание закономерно отражен в Указе Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации», где подчеркивается, что информационная сфера рассматривается как стратегически важная для обеспечения суверенитета и национальных интересов. Особое внимание уделяется защите молодежи от деструктивного информационного воздействия, в том числе из-за рубежа, что делает воспитание медиаграмотности важным элементом государственной политики [5].

Влияние информационно-коммуникационных технологий на молодежь невозможно рассматривать в отрыве от социокультурного и правового контекста. Учебный процесс дополняется электронными платформами, досуговая сфера перемещается в цифровую среду, а коммуникация в социальных сетях расширяет, но не отменяет привычной формы межличностного взаимодействия. В политическом измерении это выражается в том, что

цифровые сети становятся пространством формирования политической идентичности, обсуждения общественно значимых вопросов и новых практик гражданского участия.

Особенность воздействия информационно-коммуникационных технологий на молодежь заключается в том, что они не заменяют традиционные институты социализации, а трансформируют формы их функционирования, создавая параллельное информационное пространство, где формируется социально-политическое сознание, а также правовое мировоззрение. Молодые люди имеют возможность самостоятельно проверять получаемые сведения и активно включаться в информационные потоки, однако ограниченная критическая оценка и неоднородное качество доступной информации нередко приводит к искаженному восприятию правовых и политических норм. Это делает особенно актуальным вопрос закрепления четких правовых рамок, регулирующих цифровую сферу и обеспечивающих баланс между свободой информации и защитой от ее злоупотреблений.

Конституция Российской Федерации [6] закрепляет основные принципы информационной безопасности личности и общества. Так, ст. 23 гарантирует право на неприкосновенность частной жизни и тайну переписки, ст. 29 – свободу мысли и слова, а ст. 71 относит вопросы информации, связи и защиты прав граждан в информационной среде к ведению Российской Федерации. Эти конституционные нормы служат основой для всей системы законодательства, регулирующего цифровое пространство.

Федеральный закон от 01.07.2021 № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” на территории Российской Федерации» [7] регулирует деятельность иностранных интернет-компаний на территории Российской Федерации, вводя требования по регистрации представительства и соблюдению национального законодательства. Это позволяет обеспечивать правовой суверенитет государства в цифровой сфере и защищать пользователей, включая молодежь, от произвольных действий зарубежных платформ.

Вопрос участия молодежи в цифровых процессах получил нормативное закрепление в Федеральном законе от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [8], который закрепил обновленные критерии отнесения граждан к категории молодежи. В соответствии с ним к молодежи относятся граждане в возрасте 14 до 35 лет (ранее до 30 лет). Расширение возрастных границ связано с изменением демографической структуры населения, ростом продолжительности жизни и повышением пенсионного возраста.

Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» установил общие правила обращения с информацией и механизмы защиты от неправомерного использования [9]. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» акцентирует внимание на защите частной жизни граждан и устанавливает строгие требования к обработке и хранению данных пользователей [10]. Рассматриваемые нормативные правовые акты приобретают особую актуальность в современных трансформационных процессах: цифровизация всех сфер общественной жизни, с одной стороны, упростила коммуникационное взаимодействие и возможность передачи информации между населением, а с другой – привела к активному распространению конфиденциальных данных и угрозе их утечки, что нередко становится инструментом манипуляции злоумышленников.

Одним из важнейших направлений государственной политики в цифровом пространстве является противодействие распространению экстремистских материалов. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» устанавливает правовые механизмы для пресечения подобного контента в Интернете, что имеет особое значение для защиты неокрепшего сознания молодежи [11].

Распоряжение Правительства РФ от 17.08.2024 № 2233-р (ред. от 08.05.2025) «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 г.» подчеркивает значимость цифрового пространства как среды формирования гражданской активности и самореализации. В числе приоритетных направлений – поддержка инициатив в сфере информационно-коммуникационных технологий, развитие киберкультуры и воспитание ответственного цифрового гражданина [12].

Особую роль в данном вопросе играет защита прав и свобод несовершеннолетних.

Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред здоровью и развитию» закрепил систему возрастной маркировки контента и механизм ограничения доступа к опасным ресурсам [13]. Такой подход позволяет оградить представителей подрастающего поколения от потенциально неприемлемого контента, способного повлиять на нормативно-ценностную систему восприятия и мировоззрения, что позже отразится на социальной ответственности и политическом поведении граждан.

Важным шагом стала локализация персональных данных: Федеральный закон от 21.07.2014 № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения порядка обработки персональных данных в информационно-телекоммуникационных сетях» закрепил обязанности хранить данные российских пользователей на территории Российской Федерации [14]. Особую актуальность данные правки приобрели в последние годы: внешняя геополитическая угроза, а также активное противостояние с Западом привели к учащению случаев кибератак с целью злоупотребления полученной информацией, что составляет реальную угрозу как личной, так и национальной безопасности государства.

С недавних пор регулирование информационной безопасности было усилено Федеральным законом от 30.12.2020 № 530-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”». Впервые на пользователей социальных сетей была возложена обязанность выявлять и блокировать противоправный контент, а также обеспечивать прозрачные правила взаимодействия с пользователями. Этот закон стал одним из ключевых шагов в формировании правового механизма, направленного на защиту молодежи и общества от опасной и дискриминационной информации в цифровой среде [15]. Наконец, важное значение имеет Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе», который регулирует распространение рекламной информации также и в цифровой среде, что особенно актуально для молодежи, активно взаимодействующей с рекламой в социальных сетях и блогах [16].

Правовое регулирование цифровой сферы задает теоретические рамки функционирования информационного пространства. Тем не менее практическое использование молодежью цифровых платформ имеет свой специфический характер, отражающийся на социально-политическом поведении. Информационно-коммуникационные технологии являются ключевыми каналами политической социализации, обеспечивающими активное включение молодого поколения в общественное управление и взаимодействие.

Таким образом, цифровизация стала не только технологическим, но и социокультурным и правовым явлением, определяющим развитие современного общества. Молодежь, обладая высокой адаптивностью и вовлеченностью в цифровые процессы, выступает основным проводником инноваций и трансформаций, но одновременно и наиболее уязвимой группой в условиях информационных рисков. Эффективное правовое регулирование, развитие медиаграмотности и поддержка цифровой культуры позволяют сформировать ответственное поколение граждан, способных не только пользоваться цифровыми инструментами, но и осознанно участвовать в формировании безопасного и справедливого информационного пространства Российской Федерации.

Список источников

1. Григорян Д.К. Законодательное властно-элитное реагирование на фейк-угрозы национальной безопасности России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. № 8(89). Т. 12.

2. О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 гг.: указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919 (дата обращения: 20.10.2025).

References

1. Grigoryan D.K. Legislative power elite response to fake threats to Russia's national security // Issues of national and federal relations. 2022. № 8(89). V. 12.

2. On the Strategy for the development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030: Decree of the President of the Russian Federation dated 09.05.2017 № 203. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919 (date of access: 20.10.2025).

3. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства». URL: http://government.ru/rugovclassifier/923/about/ (дата обращения: 20.10.2025).

4. Григорян Д.К. It-преступность как обратная сторона цифровизации общества // Научное обеспечение раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. 2023. № 1.

5. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646. URL: https://clck.ru/3Parnp (дата обращения: 20.10.2025).

6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 15.10.2025).

7. О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на территории Российской Федерации: федер. закон от 01.07.2021 № 236-ФЗ (посл. ред.). URL: https://clck.ru/3QDtx2 (дата обращения: 20.10.2025).

8. О молодежной политике в Российской Федерации: федер. закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328 (дата обращения: 15.10.2025).

9. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ. URL: https://clck.ru/3PXYCD (дата обращения: 20.10.2025).

10. О персональных данных: федер. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ. URL: https://clck.ru/3QDu2J (дата обращения: 20.10.2025).

11. О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (посл. ред.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (дата обращения: 20.10.2025).

12. Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 г.: распоряжение Правительства РФ от 17.08.2024 № 2233-р (ред. от 08.05.2025). URL: https://clck.ru/3QDu7b (дата обращения: 20.10.2025).

13. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: федер. закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ. URL: https://clck.ru/3PXYCj (дата обращения: 20.10.2025).

14. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения порядка обработки

3. National Project «Data Economics and Digital Transformation of the State». URL: http://government.ru/rugovclassifier/923/about/ (date of access: 20.10.2025).

4. Grigoryan D.K. It crime as the reverse side of the digitalization of society // Scientific support for the disclosure, investigation and prevention of crimes. 2023. № 1.

5. On the approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated 05.12.2016 № 646. URL: https://clck.ru/3Parnp (date of access: 20.10.2025).

6. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the nationwide vote on 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 / (date of access: 15.10.2025).

7. On the activities of foreign persons in the Internet information and telecommunication network in the territory of the Russian Federation: feder. law dated 01.07.2021 № 236-FL. URL: https://clck.ru/3QDtx2 (date of reference: 20.10.2025).

8. On youth policy in the Russian Federation: feder. law dated 30.12.2020 № 489-FL. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328 (date of access: 15.10.2025).

9. About information, information technologies and information protection: feder. law dated 27.07.2006 № 149-FL. URL: https://clck.ru/3PXYCD (date of access: 20.10.2025).

10. About personal data: feder. law dated 27.07.2006 № 152-FL. URL: https://clck.ru/3QDu2J (date of access: 20.10.2025).

11. On countering extremist activities: feder. law № 114-FL dated 25.07.2002. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867 / (date of access: 20.10.2025).

12. On approval of the Strategy for the Implementation of Youth Policy in the Russian Federation for the period up to 2030: Decree of the Government of the Russian Federation dated 17.08.2024 № 2233-r (as amended on 08.05.2025). URL: https://clck.ru/3QDu7b (date of access: 20.10.2025).

13. On the protection of children from information harmful to their health and development: feder. law dated 29.12.2010 № 436-FL. URL: https://clck.ru/3PXYCj (date of access: 20.10.2025).

14. On amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation regarding the clarification of the procedure for

персональных данных в информационно-телекоммуникационных сетях: федер. закон от 21.07.2014 № 242-ФЗ. URL: https://clck.ru/3PXYLL (дата обращения: 15.10.2025).

15. О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: федер. закон от 30.12.2020 № 530-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372700/ (дата обращения: 15.10.2025).

16. О рекламе: федер. закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ. URL: https://clck.ru/3QDty2 (дата обращения: 15.10.2025).

processing personal data in information and Telecommunications networks: feder. law dated 21.07.2014 № 242-FL. URL: https://clck.ru/3PXYLL (date of access: 15.10.2025).

15. On amendments to the feder. law «On Information, Information Technologies and Information Protection»: feder. law dated 30.12.2020 № 530-FL. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372700 / (date of access: 15.10.2025).

16. About advertising: feder. law dated 13.03.2006 № 38-FL. URL: https://clck.ru/3QDty2 (date of access: 15.10.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шевченко Андрей Владимирович, *кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

Маслова Софья Олеговна, *преподаватель факультета политологии и этнополитики. Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Shevchenko Andrey Vladimirovich, *PhD in Law, Associate Professor of the Department of Forensic Science and Operational-Investigative Activities. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Maslova Sofia Olegovna, *Lecturer at the Faculty of Political Science and Ethno-politics. South Russian Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 70, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don 344002 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 4 (115). – С. 170–176.
Philosophiya prava. 2025. № 4 (115). – Pp. 170–176.

Научная статья
УДК 342

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ

Кузина Светлана Ивановна
Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, svivk@yandex.ru

Семенцова Ирина Анатольевна
Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Ростов-на-Дону, Российская Федерация, irina_semen@inbox.ru

Малявина Анна Борисовна
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, vicktoria22@mail.ru

Введение: *экспоненциальный рост населения планеты Земля при ограниченном объеме расходуемых природных ресурсов вызвал на повестку дня вопрос дальнейшего существования человечества при потенциальных угрозах недостатка продовольствия. Целью исследования стал анализ правовых норм обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации в контексте концепции устойчивого развития экономик мира.*

Материалы и методы: *исследование проводилось с применением комплексного набора структурно-функционального, статистического анализа, контент-анализа нормативных правовых актов, регулирующих сферу продовольственной безопасности как национального, так и международного уровней.*

Результаты исследования: *авторами доказано, что политико-экономические санкции против России, введенные рядом стран с 2014 г., стали катализатором принятия нормативно-правовых мер по развитию отечественного агропромышленного комплекса и самообеспечения страны основным продовольствием и показателем становления системы обеспечения продовольственной безопасности в стране.*

Выводы и заключения: *в России концепция устойчивого развития экономики в части продовольственной безопасности предполагает создание высокотехнологичной и экологически безопасной агропромышленной отрасли, что было осложнено внешними и внутренними факторами, изменившими цели и возможности предприятий. Для решения проблемы нехватки продовольствия государство приняло мобилизационные правовые решения и преобразовало политические и законотворческие процессы. Это привело к стратегии развития сельского хозяйства через организацию собственного перерабатывающего производства и создало предпосылки для устойчивого развития России.*

Ключевые слова: *устойчивое развитие, продовольственная безопасность, национальная безопасность, качество пищевой продукции, угроза продовольственной безопасности, комиссия Брунтланн, рост населения, Международная комиссия ООН по окружающей среде и развитию.*

Для цитирования: Кузина С. И., Семенцова И. А., Малявина А. Б. *Правовые аспекты обеспечения продовольственной безопасности России в стратегии устойчивого развития страны / С. И. Кузина, И. А. Семенцова, А. Б. Малявина // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4 (115). – С. 170–176.*

Original paper

LEGAL ASPECTS OF ENSURING RUSSIA'S FOOD SECURITY IN THE COUNTRY'S SUSTAINABLE DEVELOPMENT STRATEGY

Kuzina Svetlana Ivanovna
South-Russian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russian Federation

Sementsova Irina Anatolyevna
Rostov Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation), Rostov-on-Don, Russian Federation

Malyavina Anna Borisovna
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *the exponential growth of the population of the planet Earth with a limited amount of consumed natural resources has raised the issue of the continued existence of mankind with potential threats of food shortages. The purpose of the study was to analyze the legal norms of ensuring food security in the Russian Federation in the context of the concept of sustainable development of the world's economies.*

Materials and methods: *the study was conducted using a comprehensive set of structural and functional, statistical analysis, and content analysis of regulatory legal acts regulating the field of food security at both national and international levels.*

Results of the study: *the authors proved that the political and economic sanctions against Russia, imposed by a number of countries since 2014, have become a catalyst for the adoption of regulatory and legal measures to develop the domestic agro-industrial complex and self-sufficiency of the country with basic foodstuffs and an indicator of the formation of a food security system in the country.*

Findings and conclusions: *in Russia, the concept of sustainable economic development in terms of food security involves the creation of a high-tech and environmentally friendly agro-industrial sector, which has been complicated by external and internal factors that have changed the goals and capabilities of enterprises. To solve the problem of food shortages, the State has adopted mobilization legal decisions and transformed political and legislative processes. This led to a strategy for the development of agriculture through the organization of its own processing production and created the prerequisites for the sustainable development of Russia.*

Keywords: *sustainable development, food security, national security, food quality, threat to food security, Bruntland Commission, population growth, UN International Commission on Environment and Development.*

For citation: Kuzina S. I., Semyontsova I. A., Malyavina A .B. *Legal aspects of ensuring Russia's food security in the country's sustainable development strategy / S. I. Kuzina, I. A. Semyontsova, A. B. Malyavina // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4 (115). – Pp. 170–176.*

Одним из разрабатывавшихся направлений дальнейшей эволюции человечества на Земле стал концепт устойчивого развития, появившийся во второй половине XX в. Актуальность данного сценария в числе многих других была обоснована прежде всего такими факторами, как угроза перенаселения планеты при высоковероятном истощении невозобновляемых природных ресурсов. Предлагались разные сценарии «спасения человечества», вплоть до специальной политики по сокращению его численности, т. е. искусственной депопуляции. Однако наибольшее признание получил термин «устойчивое развитие».

В 1983 г. Генеральная ассамблея ООН учредила Международную комиссию по окружающей среде и развитию (World Commission on Environment and Development, WCED) (далее – Комиссия, WCED)[1]. Комиссия была создана на фоне ряда крупных экологических катастроф, таких как взрыв газохранилища недалеко от столицы Мексики, Мехико, в результате которого погибло около 500 человек, 200 тыс. остались без крова; авария на заводе в Швейцарии, отравившая на долгое время реку Рейн, и др. [1]. Возглавила Комиссию экс-премьер Норвегии Гру Харлем Брунтланн. Работа WCED была

[1] Департамент по экономическим и социальным вопросам. Устойчивое развитие. URL: https://sdgs.un.org/ (дата обращения: 25.06.2025).

достаточно эффективной, а термин «устойчивое развитие» получил свое закрепление в разработанной ею программе деятельности как самый удачный, отражающий суть и цель развития обществ на глобальном и на национальном уровне. Особенность термина – поколенческий посыл: сохраним природу не только для себя, но и для будущих поколений. Итак, согласно определению комиссии Брунтланн, «устойчивое развитие – это удовлетворение потребностей нынешнего поколения, без ущерба для возможности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности»[2].

В настоящее время существуют и другие определения, которые можно найти в словарях и глоссариях[3], по тематике устойчивого развития приняты различные международные документы[4], в России действует государственный стандарт по устойчивому развитию (ГОСТ Р ИСО 37100-2018)[5] и др.

История зарождения темы рисков роста населения планеты имеет длинный временной путь, но наиболее остро проблему поставил в конце XVIII – начале XIX в. английский экономист Т.Р. Мальтус, который в своей книге «Опыт закона о народонаселении» [2] утверждал, что народонаселение мира растет в геометрической прогрессии и вскоре природных ресурсов не будет хватать на всех, что приведет к их истощению, нехватке продовольствия, голоду, войнам за ресурсы и прочим бедствиям. И для предотвращения такой угрожающей перспективы необходимо принимать меры по сбережению окружающей природы. Время показало, что мальтузианская теория оказалась верной: если население планеты в 1900 г. составляло 1,6 млрд человек, то к 2025 г. оно выросло по экспоненте до 8,2 млрд[6].

Исходя из прогнозов демографической статистики, Д. Паркер предупреждает, что к 2050 г. мир должен увеличить производство продовольствия на 70 %, что будет представлять собой очередную глобальную проблему эффективного использования природных ресурсов без нанесения урона экологии [3, с. 17–39]. Свой вклад в исследования концепции устойчивого развития внесли Н.Н. Моисеев, В.А. Коптюг, В.А. Лось [4; 5; 6] и др.

Как можно видеть из документов международного уровня и того значения, которое ученые придают устойчивому развитию, основной угрозой человечеству в будущем может стать нехватка продовольствия. Это актуализирует проблему обеспечения продовольственной безопасности как на глобальном, так и на страновом уровне, ставит целью исследования проведение анализа процессов правового оформления обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации в настоящем и будущем времени в соответствии с концептом устойчивого развития общества международного значения.

«Приоритетом обеспечения продовольственной безопасности страны является такой уровень собственного производства продуктов питания, который может дать или полное самообеспечение, или поддержание критического порога наличия собственного производства» [7, с. 56]. О безопасности писали Э. Гидденс, Дж.С. Милль, А.В. Возженков, Р.А. Явчуновская [8, с. 107–134; 9; 10; 11, с. 199–202] и др. О продовольственной безопасности России – И. Ушачев, Т.В. Ускова, И.А. Оболенцев [12, с. 4–12; 13; 14] и др.

На национальном нормативном уровне обеспечение продовольственной безопасности российского государства предусмотрено в действующей «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»[7], принятой Указом Президента Российской Федерации в 2021 г. (далее – Стратегия). В Стратегии обозначены проблемы в достижении устойчивого развития страны по ряду имеющихся причин, в числе которых и политико-экономические санкции, введенные против России, и неумеренный протекционизм своей продукции и интересов со стороны других государств, и делегитимизация норм международного права и др. Как решение проблемы обеспечения национальной безопасности России обоснована необходимость перехода от сырьевого характера российской экономики, в том числе сельскохозяйственного сырья, к созданию собственной перерабатывающей промышленности. Именно на таком пути можно обеспечить конкурентность и устойчивое развитие государства (гл. IV п.п. 59, 62). Там же, в п. 67, пп. 9 и 14 конкретизированы задачи, которые нужно решить для достижения цели устойчивости

[2] Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития. URL: https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf (дата обращения: 25.06.2025).
[3] Collins dictionary. URL: https://www.collinsdictionary.com/us/dictionary/english/sustainable-development (дата обращения: 26.06.2025); Устойчивое развитие. URL: http://diplomaticdictionary.com/dictionary (дата обращения: 26.06.2025).
[4] Charter of European Cities & Towns Towards Sustainability. URL: https://sustainablecities.eu/fileadmin/repository/Aalborg_Charter/ Aalborg_Charter_English.pdf (дата обращения: 26.06.2025).
[5] ГОСТ Р ИСО 37100-2018. URL: https://docs.cntd.ru/document/1200160098 (дата обращения: 26.06.2025).
[6] Текущая численность населения мира. URL: https://www.worldometers.info/world-population (дата обращения: 26.06.2025).
[7] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

развития России в экономическом и продовольственном направлениях[8].

С 2020 г. и по настоящее время в России действует «Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации»[9] (далее − Доктрина), в которой дано определение продовольственной безопасности[10]. В Доктрине предписаны верхние пределы стратегического обеспечения населения отечественным продовольствием разных видов, меньшие объемы которых означают угрозу потери страной продовольственной независимости (раздел III п.п. 8, 9). Из них основные:

«г) мясо и мясопродукты (в пересчете на мясо) – не менее 85 %;

д) молоко и молокопродукты (в пересчете на молоко) – не менее 90 %;

е) рыба и рыбопродукты (в живом весе – весе сырца) – не менее 85 %;

ж) картофель – не менее 95 %;

з) овощи и бахчевые – не менее 90 %;

и) фрукты и ягоды – не менее 60 %[11].

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, за 2023 г. самообеспечение основными продуктами питания достигло требуемого уровня, а по отдельным – превысило его (таблица 1).

Таблица 1. Уровень самообеспечения основными продуктами питания по Российской Федерации, 2023 г. (в %)[12]

Мясо	101,7
Молоко	86,0
Яйца	98,6
Рыба	152,9
Картофель	101,0
Овощи и продовольственные бахчевые культуры	89,1
Фрукты и ягоды	44,6

К сожалению, на уровне федерального законодательства до сих пор не принят закон о продовольственной безопасности. В 2005 г. был разработан и принят проект Федерального закона от 01.07.2005 «О продовольственной безопасности Российской Федерации» (проект № 99013560-2), но документ не был опубликован (причина неизвестна), поэтому является недействующим[13].

Развивается сотрудничество России в направлении обеспечения устойчивого развития и на региональном уровне, например, в рамках организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (далее – АТЭС), созданной в 1989 г. Россия присоединилась к АТЭС в 1998 г. Организация объединяет 21 экономику с целью обеспечения в регионе условий для устойчивого развития региона. Участники избегают употребления термина «государство», а используют термин «экономика», т. к. в АТЭС входят Гонконг (административный район Китая) и Тайвань (территория с оспариваемым суверенитетом). В 2020 г. АТЭС на саммите в Куала-Лумпур (Малайзия) приняла цели (ориентиры) развития экономик Азиатско-Тихоокеанского региона на 20 предстоящих лет, которые получили название «Путраджайских целей развития 2040»[14].

Последняя встреча участников АТЭС состоялась 18 августа 2024 г. в Республике Перу. В повестке дня значились вопросы цифровой экономики и инноваций, энергоперехода, устойчивого и инклюзивного развития[15]. В рамках нашего исследования привлекает внимание встреча на этом саммите участников на уровне министерств сельского хозяйства стран-участниц. Повестка дня была посвящена продовольственной безопасности, а акцент сделан на проблеме сокращения продовольственных потерь и пищевых отходов. Участники встречи озаботились разработкой инструментария парирования глобальных вызовов в сфере производства продовольствия, ответом на которые является продолжение сотрудничества в строительстве агропромышленных систем. Вклад России в реализацию повестки саммита по сокращению продовольственных

[8] Там же.

[9] Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от.

[10] Продовольственная безопасность Российской Федерации (далее – продовольственная безопасность) – состояние социально-экономического развития страны, при котором обеспечивается продовольственная независимость Российской Федерации, гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого гражданина страны пищевой продукции, соответствующей обязательным требованиям, в объемах не меньше рациональных норм потребления пищевой продукции, необходимой для активного и здорового образа жизни (раздел I п. 2 пп. «а»).

[11] Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации. Указ. соч.

[12] Уровень самообеспечения основными продуктами питания по Российской Федерации – 2024. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13278 (дата обращения: 29.06.2025).

[13] О продовольственной безопасности Российской Федерации: проект федерального закона № 99013560-2 (внесен депутатами Государственной Думы П.Т. Бурдуковым, В.И. Илюхиным) (не действует). URL: https://docs.cntd.ru/document/901863956?section=status (дата обращения: 17.07.2025).

[14] APEC Putrajaya Vision 2040. URL: https://www.apec.org/meeting-papers/leaders-declarations/2020/2020_aelm/annex-a (дата обращения: 23.06.2025).

[15] АТЭС – для чего было создано Азиатско-Тихоокеанское сотрудничество. URL: https://www.rbc.ru/base/25/10/2024/671b87999a79476f4de07334 (дата обращения: 28.06.2025).

потерь состоит во внедрении в производство передовых безотходных технологий[16].

В последние годы перед правительством России в условиях жестких экономических и политических санкций со стороны западного мира встала необходимость самообеспечения населения товарами собственного производства, прежде всего, продовольственными. И надо признать, что для выполнения данной задачи предприняты максимальные усилия, обеспечившие ее выполнение, в том числе законодательные. Государственная поддержка оказана сельскохозяйственным, фермерским хозяйствам, перерабатывающим предприятиям, также технически переоснащались предприятия пищевой и перерабатывающей промышленности. Производство отдельных видов продовольственного сырья и товаров достигло таких объемов, что это позволило экспортировать их в другие страны.

Фактор обеспечения высокотехнологичным оборудованием российских производителей продовольственных товаров имеет особо важное значение для увеличения производительности труда в сельскохозяйственной отрасли, т. к. Россия является страной с рискованным земледелием из-за наличия больших зон с холодным климатом.

Согласно данным, опубликованным Всемирным банком, в 2022 г. в мире в среднем сельскохозяйственные земли занимали 36,9 % от общей площади земель. По Российской Федерации эта цифра составляла 13,2 %. Для сравнения: в Китае – 55,4 %, в США – 45,1 %[17].

Еще одним показателем, характеризующим уровень производства продовольственных товаров в стране, является их доля в валовом внутреннем продукте (ВВП) страны. По данным Всемирного банка (таблица 2)[18], Россия характеризуется неплохими показателями за 2021-2023 гг., особенно на фоне имеющейся площади сельскохозяйственных земель по сравнению с другими странами. Для сравнения выбраны ведущие экономики Китая и США, а также средний мировой показатель. Многоточие в таблице означает, что данных нет.

Таблица 2. Сельское хозяйство, лесное хозяйство и рыболовство, добавленная стоимость (в % от ВВП), по данным, представленным странами Всемирному банку (авторская выборка)

Годы	2021	2022	2023
В среднем в мире	4,3	4,3	4,1
Российская Федерация	3,9	3,8	3,3
Китай	7,2	7,3	7,1
США	0,9	...	...

Несмотря на успехи в процессах импортозамещения и переходе на собственную продовольственную продукцию, по некоторым видам товаров доля импорта в объеме продовольственных товарных ресурсов розничной торговли с 2021 по 2022 г. выросла. Не повлиял на этот рост и уход части иностранных компаний из России по политическим причинам. По свидетельству аналитиков агентства INFOLine, занимающегося мониторингом российского рынка ритейла, в 2021 г. доля импорта в продовольственных товарах составляла 24 %, а 2022 г. она стала 27 %[19]. В основном это те виды товаров, которые в России не производятся в силу климатических и географических условий, или же собственного объема производства недостаточно для удовлетворения потребностей покупателей. К таким товарам относятся вино, фрукты, деликатесы. Но недоступность импорта положительно сказалась на сельскохозяйственном секторе. Резкий толчок под влиянием внешних условий произошел в 2015-2016 гг., когда появилось много новых обрабатывающих агропромышленных предприятий. Однако снижение импорта в сырьевой составляющей продукции может осложниться в области технологической – для перерабатывающих предприятий с импортным оборудованием. Сохранение импорта комплектующих, технологий и пр. является пока важным фактором обеспечения положительной динамики развития агросектора, а значит, и обеспечения продовольственной безопасности, что, безусловно, требует дальнейших решений государства по импортозамещению.

Концепт устойчивого развития России в части обеспечения ее продовольственной безопасности содержит в себе мобилизационные цели достижения эффективной реорганизации агропромышленной отрасли,

[16] Россия укрепляет взаимодействие со странами АТЭС в сфере АПК. URL: https://mcx.gov.ru/press-service/news/rossiya-ukreplyaet-vzaimodeystvie-so-stranami-ates-v-sfere-apk/ (дата обращения: 26.06.2025).

[17] Сельскохозяйственные земли (% от площади земель). URL: https://data.worldbank.org/indicator/AG.LND.AGRI.ZS?end=2022&name_desc=true&start=1961&view=chart (дата обращения: 23.06.2025).

[18] Данные национальных счетов Всемирного банка и файлы данных национальных счетов ОЭСР. URL: https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source =2&series=NV.AGR.TOTL.ZS&country= (дата обращения: 29.06.2025).

[19] Клыженко Л. INFOLine: в 2022 г. импорт FMCG-товаров в Россию вырос. URL: https://www.retail.ru/tovar_na_polku/infoline-v-2022-godu-import-fmcg-tovarov-v-rossiyu-vyros/ (дата обращения: 29.06.2025).

необходимо содержащий правовое оформление регулирования данной отрасли согласно международным и национальным нормам. Для России процессы такой организации усложнены до настоящего времени воздействием блокирующих факторов внешней среды, а также рисками трансформации внутренних институциональных процессов. Организация законодательного обеспечения парирования угроз нехватки продовольствия для населения в значительной степени способствовала качественным преобразованиям производственных процессов в стране, сформировала стратегию поступательного развития сельского хозяйства по пути расширения собственного перерабатывающего производства, что обеспечило перспективы устойчивого развития страны.

Список источников

1. Юргенс И., Ромов Р. Комиссия Брунтланн и концепция устойчивого развития в истории СССР/России 1980-х–1990-х гг. URL: https://mgimo.ru/upload/2023/11/komissiya-bruntlann-i-koncepciya-ustoi-chivogo-razvitiya-v-istorii-sssr-rossii-1980-90.pdf&usg=AOvVaw2LATu6xWQupXPuQ8U5g385 (дата обращения: 25.01.2025).
2. Мальтус Т.Р. Опыт о законе народонаселения / пер. с англ. Петрозаводск, 1993.
3. Мир в 2050 году / под ред. Д. Франклина и Д. Эндрюса. М., 2013.
4. Моисеев Н.Н. Цивилизация на переломе. Пути России. М., 1996.
5. Коптюг В.А. Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, июнь 1992 г.). Новосибирск, 1992.
6. Лось В.А. [и др]. Глобализация и переход к устойчивому развитию. М., 2008.
7. Кузина С.И., Сагирян И.Г. Угрозы продовольственной безопасности российского государства в современных условиях // Правовой порядок и правовые ценности. 2024. № 1. Т. 2.
8. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. № 5.
9. Милль Дж.С. О свободе. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Mill_O%20svobode.pdf (дата обращения: 27.01.2025).
10. Возженников А.В. Национальная безопасность России: методология исследования и политика обеспечения. М., 2002.
11. Явчуновская Р.А. Современное видение международной безопасности // Россия: тенденции и перспективы развития. 2017. № 1.
12. Ушачев И.Г., Чекалин В.С. Новая Доктрина продовольственной безопасности и меры по реализации ее основных положений // АПК: экономика, управление. 2020. № 4.
13. Ускова Т.В., Селименков Р.Ю., Анищенко А.Н. [и др.]. Продовольственная безопасность региона. Вологда, 2014.
14. Оболенцев И.А., Корнилов М.Я., Синюков М.И. Продовольственная безопасность России: еще один взгляд на проблему. М., 2006.

References

1. Yurgens I., Romov R. The Bruntland Commission and the concept of sustainable development in the history of the USSR/Russia in the 1980s–1990s. URL: https://mgimo.ru/upload/2023/11/komissiya-bruntlann-i-koncepciya-ustoi-chivogo-razvitiya-v-istorii-sssr-rossii-1980-90.pdf&usg=AOvVaw2LATu6xWQupXPuQ8U5g385 (date of reference: 25.01.2025).
2. Malthus T.R. The experience of the law of population / translated from English. Petrozavodsk, 1993.
3. The World in 2050 / edited by D. Franklin and D. Andrews, Moscow, 2013.
4. Moiseev N.N. Civilization at a turning point. Ways of Russia. Moscow, 1996.
5. Koptyug V.A. United Nations Conference on Environment and Development (Rio de Janeiro, June 1992). Novosibirsk, 1992.
6. Los V.A. [and others]. Globalization and the transition to sustainable development. Moscow, 2008.
7. Kuzina S.I., Sagiryan I.G. Threats to the food security of the Russian state in modern conditions // Legal order and legal values. 2024. № 1. V. 2.
8. Giddens E. Fate, risk and security // THESIS. 1994. № 5.
9. Mill J.C. About freedom. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Mill_O%20svobode.pdf (date of access: 27.01.2025).
10. Vozzhennikov A.B. National security of Russia: research methodology and security policy. Moscow, 2002.
11. Yavchunovskaya R.A. Modern vision of international security // Russia: trends and development prospects. 2017. № 1.
12. Ushachev I.G., Chekalin V.S. A new Doctrine of food security and measures to implement its main provisions // Agroindustrial complex: economics, management. 2020. № 4.
13. Uskova T.V., Selimenkov R.Yu., Anishchenko A.N. [et al.]. Food security of the region. Vologda, 2014.
14. Obolentsev I.A., Kornilov M.Ya., Sinyukov M.I. Food security of Russia: another look at the problem. Moscow, 2006.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кузина Светлана Ивановна, *доктор политических наук, профессор кафедры политологии и этнополитики. Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 344000, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70.*

Семенцова Ирина Анатольевна, *доцент кафедры уголовного права и криминологии. Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России). 344000, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пер. Соборный, 26.*

Малявина Анна Борисовна, *кандидат политических наук, научный сотрудник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kuzina Svetlana Ivanovna, *Grand PhD in Political Sciences, Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics. South-Russian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 70, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don 344000 Russian Federation.*

Sementsova Irina Anatolyevna, *Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology. Rostov Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation). 26, Soborny Lane, Rostov-on-Don 344000 Russian Federation.*

Malyavina Anna Borisovna, *PhD in Political Sciences, Researcher at the Research and Editorial Department. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 4 (115). – С. 177–185.
Philosophiya prava. 2025. № 4 (115). – Pp. 177–185.

Научная статья
УДК 101.8:321.1:349.6

ИДЕЙНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭТНОНАЦИОНАЛИЗМА В ПОСТМАЙДАННОЙ УКРАИНЕ. КУЛЬТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ИДЕОЛОГИИ УКРАИНСКОГО ЭТНОНАЦИОНАЛИЗМА В 2013/14–2023 ГОДАХ (ЧАСТЬ 2)

Килимник Евгений Витальевич
Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Российская Федерация, kilimnik_06@mail.ru.

Введение: *исследование направлено на анализ идеологии этнонационализма в современной Украине, а также рассмотрение эволюции политического сознания и политической культуры украинского общества в постмайданный период. Необходимо определить опасность этого философско-политического явления для национальной безопасности России в условиях ведения когнитивной и информационной войны против РФ.*

Материалы и методы: *теоретико-методологической основой работы послужили общенаучные методы: анализ и синтез, дедукция и индукция, а также политико-правовой и ценностно-ориентированный подходы в оценке документов и материалов, дающих представление о взглядах украинских политиков и деятелей культуры в 2014–2023 гг.*

Результаты исследования: *определено, что составными частями идеологии современных украинских ультранационалистов стали: идеологическая преемственность радикальных взглядов ОУН-УПА, генетическая теория об «азиатском происхождении русского народа», проживающего в регионах Российской Федерации, а также претензии на название «Русь – Росія», которое «культурно и исторически» принадлежит исключительно современной Украине.*

Выводы и заключения: *сформировавшиеся в 2014–2023 гг. этнонационалистические представления вошли в основу современной государственной идеологии правительств А. Турчинова – А. Яценюка, П. Порошенко, В. Зеленского, что несет прямую угрозу национальным интересам России.*

Ключевые слова: *идеология, преемственность, национализм, ОУН-УПА, культура, искусство, кино, песенный жанр, Майдан, политика, русофобия, руководство, Украина, опасность, Россия.*

Для цитирования: Килимник Е. В. *Идейные особенности этнонационализма в постмайданной Украине. Культурно-политические условия развития идеологии украинского этнонационализма в 2013/14–2023 годах (Часть 2) / Е. В. Килимник // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4 (115). – С. 177–185.*

Original paper

IDEOLOGICAL FEATURES OF ETHNONATIONALISM IN POST-MAIDAN UKRAINE. CULTURAL AND POLITICAL CONDITIONS FOR THE DEVELOPMENT OF THE IDEOLOGY OF UKRAINIAN ETHNONATIONALISM IN 2013/14–2023 (PART 2)

Kilimnik Evgeny Vitalyevich
Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russian Federation

Introduction: *the research is aimed at analyzing the ideology of ethnonationalism in modern Ukraine, as well as examining the evolution of political consciousness and political culture of Ukrainian society in the post-Maidan period. It is necessary to determine the danger of this philosophical and political phenomenon for Russia's national security in the context of a cognitive and information war against the Russian Federation.*

Materials and methods: *the theoretical and methodological basis of the work is based on general scientific methods: analysis and synthesis, deduction and induction, as well as political,*

legal and value-oriented approaches to evaluating documents and materials that provide insight into the views of Ukrainian politicians and cultural figures in 2014-2023.

Results of the study: *it is determined that the components of the ideology of modern Ukrainian ultranationalists are: the ideological continuity of the radical views of the OUN-UPA, the genetic theory of the «Asian origin of the Russian people» living in the regions of the Russian Federation, as well as claims to the name «Rus - Russia», which «culturally and historically» belongs to exclusively modern Ukraine.*

Findings and conclusions: *the ethnonationalist ideas formed in 2014-2023 became the basis of the modern state ideology of the governments of A. Turchinov – A. Yatsenyuk, P. Poroshenko, V. Zelensky, which poses a direct threat to Russia's national interests.*

Keywords: *ideology, continuity, nationalism, OUN-UPA, culture, art, cinema, song genre, Maidan, politics, Russophobia, leadership, Ukraine, danger, Russia.*

For citation: Kilimnik E. V. *Ideological features of ethnonationalism in post-maidan Ukraine. Cultural and political conditions for the development of the ideology of ukrainian ethnonationalism in 2013/14–2023 (Part 2) / E. V. Kilimnik // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4 (115). – Pp. 177–185.*

Процессы глубокой трансформации, которые сформировали украинское общество в Восточной Европе за последние несколько десятилетий (описываются такими терминами, как «постсоциализм», «глобализация и интеграция в ЕС»), рассматривались лишь поверхностно и не отражают всей глубины произошедшей когнитивной и ментальной трансформации украинского общества. Изменения в повседневной жизни украинского социума, формирование новой государственной биографии и этнокультурной идентичности населения дают глубокое понимание взаимосвязей макроструктурной политики государства, влиявшего на поведенческую практику общества, действующего в городской и сельской среде обитания. Тематические области включают, например, политику идентичности, процессы национального строительства, частную и общественную память, новые социальные движения и транснациональные мобильности в меняющейся гражданской культуре.

Явлению роста национализма в обществе активно содействовало искусство кино, формировавшее националистическое сознание населения с помощью многочисленных художественных и документальных фильмов, посвященных «героической» борьбе ОУН-УПА против «московского гнета» в послевоенные годы: «Железная сотня», «Несломленный», «Последний бункер», «Казненные рассветы», «Червонный» и пр. Одновременно в регионах Западной Украины происходили ежегодные праздники, посвященные легионерам дивизии СС «Галичина». Деятельность «героев» УПА получила широкое патриотическое освещение в СМИ, им возводили памятники (памятник при жизни сотнику УПА Мирославу Симчичу около г. Коломыя, Ивано-Франковская область, 2008 г.) и создавали общественные и памятные места (например, ресторан «Крыивка» в центре старого Львова), в обществе расцветала рок-музыка, использовавшая в своем репертуаре тематику старых повстанческих песен ОУН-УПА середины прошлого столетия: «Черная вышиванка», «Шли селом партизаны», «Черный сотник УПА», песня «про Романа Шухевича», «Батька наш Бандера» и пр. Правоэкстремистские взгляды после 2014 г. прочно вошли в политический мейнстрим Украины. Музыка этого политического движения также становится все более популярной и звучит на крупных концертах и фестивалях. Киев считается «столицей неонацистской музыки». Правые группы, особенно правые рок-группы, являются популярной формой правого экстремизма и для многих являются точкой входа на правую политическую сцену (например, праворадикальная рок-группа «Секира Перуна»).

Политолог из Гарвардского университета Н. Фергюсон назвал пять факторов, которые делают влияние популистов сильнее в обществе:

1. Увеличение числа иммигрантов.
2. Большое социальное неравенство.
3. Вера в то, что все коррумпировано и что элиты делают это ради себя.
4. Крупные финансовые кризисы и экономический шок.
5. Демагогия, эксплуатирующая недовольство масс [1].

Из этих пяти факторов четыре последних полностью подходят к украинскому обществу 1991–2022 гг., провоцируя усиление националистических настроений в обществе, умело направленных против России.

Политика этнического национализма, т. е. обращение к этнически однородному этносу как единственному законному носителю государственности и получателю социальных прав и льгот, а также «возрождение» нацио-

нальной культуры нации (например, в том виде, как в Германии периода национал-социализма доминировала «арийская» культура), безусловно, стали кризисными явлениями в украинском обществе, особенно в постмайданный период, возникший после 2014 г., новейшей украинской истории, в которой так и не возникло гражданского общества аналогичного западному.

Как отметил болгарский политолог И. Крастев в 2016 г., различия между Востоком и Западом определенно существуют, западные национальные государства противостоят этническому национализму в Восточной Европе, что демонстрирует «кризис беженцев», акцентирующий ментальные различия населения [2], имея в виду весьма ограниченную готовность принимать беженцев в таких странах, как Польша, Словакия или Венгрия, что подчеркивает «новый раскол между Востоком и Западом»: хотя вопрос беженцев из Ближнего Востока больше затрагивает Запад. Если государства разделятся на сторонников и противников принятия беженцев, восточные страны будут объединены своим неприятием и представлением о себе как об однородных этнических национальных государствах. Этот новый старый этнический национализм И. Крастев связывает с поздними формированиями национальных государств на Востоке, начиная с конца XIX в. С другой стороны, культурный антрополог А. Вондерау в своем исследовании новых элит на примере Литвы показал обманутые надежды на бескризисную, благополучную жизнь через вступление в ЕС того большинства, которое не принадлежит к этим элитам (2010 г.) [3].

Раскол внутри восточноевропейских обществ очевиден: например, между развитыми городами и все более пустынными внутренними районами. В городских центрах приобретатели переходного периода, сверхбогатые граждане делают ставку на стандарты западного образа жизни и коррумпированное обращение с местной политической элитой, желающей также войти в этот процесс. Добавлением к этому служит растущее разочарование в Западе, особенно среди тех многих, кто не может себе позволить иметь евро и дорогие продукты и вещи ЕС в гигантских супермаркетах, или тех граждан, чье сельское хозяйство уже нерентабельно, и они не могут рассчитывать на продолжение трудовой деятельности для себя и вынуждены эмигрировать или ехать на Запад в поисках работы и получения доходов. В результате все они становятся значительно восприимчивыми к националистическим идеям и мечтам о великом культурно-политическом и экономическом настоящем своей страны.

Кроме того, несмотря на близость с Европейским союзом демократическое гражданское общество в странах Восточной Европы пока не возникло, о чем свидетельствуют русскоговорящие иммигранты из стран Прибалтики и стремление постмайданных украинских властей акцентировать внимание на создании мононации из существующих 130 наций и народностей, проживающих на территории современной Украины, которые бы говорили при этом на одном украинском языке и воспринимали бы себя «новыми» этническими украинцами, а также многолетнее за годы обретения суверенности политическое муссирование темы и образа «многовекового исторического внешнего врага с Востока» для украинского народа, стремящегося вновь подчинить «независимую и свободную» Украину.

Рассмотрев причины формирования националистических взглядов, следует подойти к культурологической перспективе в более узком смысле: рассмотрению национальной политики как политике идентичности населения. Национальная политика работает с ожившими историческими мифами, с политической инструментализацией популярной культуры и этническими материалами. Она также использует религиозные традиции, которые становятся частью политики.

Национальная политика также создает или использует места памяти, такие как места исторических сражений и культ героев. В периоды многочисленных кризисов в стране традиционная «культура» призвана растворить или подавить неоднородность и множественность общества. Современные средства массовой информации и популярная культура принимают активное участие в этом, часто становясь добровольными посредниками искусственных национальных представлений, формируя новые (старые) националистические представления и националистическое самосознание в обществе, противодействуя при этом процессам европеизации в политике, СМИ и, прежде всего, в повседневной жизни. В результате государственные стратегии реализации политики национальной идентичности, возникающие культурные и социальные разногласия оказывают прямое влияние в подъеме влияния новых правых в обществе.

Помимо политических и экономических изменений в постсоветской Украине клю-

чевую роль в формировании общественного сознания Украины сыграли социальные и культурные переориентации. В ходе этих процессов старомодные традиции (например, культ ношения сорочек-«вышиванок»), национальные памятники и мифы были заново открыты и сделаны подходящими для настоящего времени. Переформатирование советских представлений о националистических деятелелях (С. Бандера, Р. Шухевич и пр.) и своей культурной идентичности происходило, с одной стороны, посредством обращения к национальной истории – именно поэтому в независимой Украине, в частности, историческая память была во многом построена на мифах о жертвах (например, «голодоморе», искусственно созданном указаниями советского руководства из Москвы) и историческом противодействии, включая вооруженное противостояние попыткам «восточно-азиатского» соседа навязать свои «варварские, азиатские» ценности европейскому по генетическому происхождению и ментальному духу украинскому народу, исторически противостоящему с оружием в руках агрессии с Востока. Политическая переориентация в 1990 и 2000-х гг. привела по крайней мере к временному буму культурно-исторических исследований национализма в таком учреждении, как Институт памяти в Киеве. Национальная и этническая идентичность становилась все более важной в политической повестке общества, став господствующей после событий Майдана конца 2013–начала 2014 г.

С другой стороны, политическое и социальное возрождение, особенно в Западной и Центральной Украине, было также основано на определении европейской позиции страны, что приводило к определенному конфликту между национальным и европейским «Мы» [4, с. 254–273]. Как и в других странах Восточной Европы, интеллектуальный путь для украинских неонационалистов был проложен с 1930-х гг., с идеологии и деятельности ОУН-УПА.

В 1991 г. – год потрясений и распада Советского Союза, именно эти националистические взгляды, идеи и идеалы стали прокладывать себе путь в украинском обществе, формируя новую суть восточноевропейской украинской идентичности». Вольфганг Кашуба описывает это явление, как «символическую декларацию независимости», рожденную под влиянием националистических и исторических мифов, в том числе элементов «массовой культуры» (пропаганда ношения традиционных костюмов, песен, ритуалов, а также активной пропаганды национального языка [5, с. 239–273].

«Национализм в Восточной Европе XIX – начала XX в. был прежде всего лингвистическим и культурным национализмом [6, с. 13–35]. Нынешний ренессанс эссенциалистской концепции культуры и человека можно наблюдать в разных контекстах политико-культурной системы. Она рассматривается «как сложная взаимосвязь социально доступных образов, языковых формул, ценностных горизонтов и символических действий, которые считаются исторически обоснованными, входя в политические программы и идеологические концепции, имеют специфически психическое, чувственное и имеют эмоциональную правдоподобность: они создают социальную солидарность, требуя единения и национальной лояльности» [5, с. 23].

С другой стороны, особое внимание следует уделять постоянному воспроизводству всего национального в бытовой и массовой культуре постсоветского украинского общества, если следовать позиции Т. Эденсора, что «национальная идентичность выражается и переживается через массовую культуру» [7, с. 12]. Эта национальная тематика активно акцентировалась в постсоветской Украине на съемочных площадках, в телесериалах и художественных фильмах, в комиксах и граффити, в песнях и музыкальных клипах, на концертах певцов и музыкальных групп, футбольных стадионах и фестивалях, воспроизводилась в качестве национальной семантики в массовой культуре и особенно в музыке. Потому что, следуя исследованиям С. Ферта о популярной музыке и идентичности, «музыка прежде всего предлагает средства и ресурсы создания социальной идентичности» [8]. В результате вопросам национального и националистического в семантике и смысловых идеях в существующей популярной музыке следует уделять больше внимания исследователям философии национализма, поскольку музыка также является частью политического репертуара правых националистических движений. Элементы рока, техно-попа и традиционной сельской народной музыки объединены в творчестве национально ориентированных музыкантов (например, Сергей Вакарчук и ансамбль «Океан Эльзи», ансамбль «Рутенія» и пр.) и как «музыка войны» вошли в современную музыкальную историю Украины. Летом 2019 г. в известном киевском клубе «Бинго» (вместимость до 1 500 зрителей) прошел международный музыкальный фе-

стиваль «Крепость Европы», который был заявлен как «фестиваль для тех», кто «стоит на защите идеалов» европейской нации. Организаторами был выдвинут лозунг: «Давайте соберемся вместе и воздадим должное нашему Святому Братству! Традициям и наследию». В результате воинствующие организации приобретали все большее влияние в государстве и правительстве Украины, несмотря на свое ксенофобское прошлое. Основное внимание уделялось популярным культурным предложениям в отношении интерпретаций прошлого, национальной памяти и культурного наследия, а значит, и вопросам национальной идентичности. Изучение популярных культурных жанров и производственных практик фокусировалось на взглядах об идеях борьбы, насильственного подчинения и подавления, т. е. властных отношениях [9, с. 33].

Учитывая такие наблюдения, можно предположить, что в популярных украинских СМИ всех мастей – на телевидении, в текстах песен, комиксах, граффити, в музыкальных клипах, кино и в контексте репертуаров концертов и фестивалей – коллективные запасы знаний о коллективной идентичности (национальной, этнической или даже транснациональной, европейской) формулируются, воспроизводятся, легитимизируются, сакрализируются и не подвергаются сомнению.

«Национальные и этнические атрибуции», по мнению В. Кашубы, «работают через культурные коды и, следовательно, могут быть выражены всего в нескольких символах и сигналах, вызывающих сложную социальную семантику и групповые горизонты и мобилизовывать общество» [5, с. 23]. Эти национально-националистические кодексы становятся вездесущими в повседневном и медийном дискурсе, так что реципиенты смотрят телевизор, слушают музыку, читают журналы, в метро и на футбольных стадионах иногда сознательно, но обычно бессознательно вспоминают о том, что является национально и/или этнически своим, а что – чужим. Британский социолог М. Биллиг ввел термин «банальный национализм», нерефлексивный, но отнюдь не банальный, безобидный бытовой национализм, согласно которому национальная идентичность и знания о ней вписаны в повседневные и популярные культурные практики и воспроизводятся снова и снова [10]. По мнению М. Биллига, национальное кодирование можно найти в «маленьких словах», «забытых напоминаниях», например, «мы», «они», «наш», «их» и пр. [10]. Немецкий исследователь Й. Рюзен также называет эти опорные основы бессознательной памяти «нарративными сокращениями» [11, с. 10-11], которые глубоко укоренены в коллективной памяти и вызываются снова и снова в зависимости от возникающей ситуации. Мелодичная музыка, которая следует быстрому ритму, сочетающемуся со световым шоу, чтобы подпевать, танцевать и прыгать – вплоть до экстаза, все это мотивирует сторонников национальной идеи. Все вместе делает идею нации крайне осязаемой и восприимчивой для человека [5, с. 105].

В подобных ситуациях абстрактная идея «воображаемого сообщества» становится «чувством общности», чувством принадлежности к нации, которое рождается и переживается непосредственно на сцене и на стадионе таким образом, что воспринимается слушающей аудиторией как принадлежность к целостному этническому монолиту, который существовал у нее ментально всегда.

«Новый» национализм, конечно, не является специфически чисто украинским явлением. Нечто подобное можно наблюдать повсюду в Европе и за ее пределами, националистические аргументы приобретают все большее значение, как, например, в Венгрии, так и в странах Западной Европе из-за миграционных процессов ближневосточного населения. И здесь дискурс национального представляется «в целом понятной, убедительной системой новой национальной безопасности» [12]. В результате и популярная культура, и музыка играют, особенно для молодого поколения, важную роль. Современный чешский исследователь М. Хрох также предложил национально-националистический дискурс понимать как «реакцию на чрезвычайные социальные стрессовые ситуации», как своего рода «представитель» «других интересов, возникший из социальной напряженности или конфликтов» [12].

Со времени обретения независимости и возникших дебатов в постсоветском украинском обществе о России и Западе в среде украинских политических деятелей националистической направленности возникла идея (особенно усилившаяся после событий Майдана 2014 г.) оппозиционного противостояния Востока и Запада, в котором Украина всегда исторически выступала, как часть западного мира, которая противодействовала насильственному распространению военно-политического влияния по духу и генетически «восточной Московии»,

стремившейся силовым путем заменить европейские ценности на свои «восточные, деспотические». Подобные взгляды, например, широко транслируются в отношении России советником президента Украины В. Зеленского М. Подоляком в период проведения специальной военной операции [13].

Современная геополитическая этнонационалистическая идея создания «Украинского Междуморья» (фактически от регионов Балтики до Черного моря, включая земли Брестской области Белоруссии, на которые претендуют украинские националисты, считая их этнически украинскими) была озвучена в 2016 г. командиром добровольческого националистического полка «Азов» и руководителем наиболее влиятельной после событий Майдана украинской праворадикальной партии «Национальный корпус» А. Билецким. Она воспринимается, с одной стороны, совершенно неправдоподобной мечтой-утопией, по крайней мере с учетом интеллектуальных и иных возможностей ультранационалистических сил, которые в настоящее время присутствуют на украинской политической сцене. Но, с другой стороны, по мере ухудшения экономической ситуации в России и возможных социальных конфликтов внутри страны, а также продолжающегося внешнеполитического давления на российское государство, идея построения «великой украинской империи» может развиваться не только в идеологическом поле националистов, но и получить практическую реализацию с организацией вооруженных провокаций в юго-западных рубежах России.

В результате следует отметить, что спровоцированные Майданом и боевыми действиями на Донбассе правые силы в Украине помогли легитимизировать правые экстремистские взгляды в политическом мейнстриме. В этом контексте правая музыка также становится все более популярной, как показывает пример «Секиры Перуна»: маргинализированная правая рок-группа превратилась в успешную правую группу с профессиональными структурами и связями в высоких политических и социальных кругах.

Усиливая националистические идеи в украинском обществе, в 2018 г. праворадикальная рок-группа «Секира Перуна» выпустила альбом «Дорога в АТО» что, по словам группы, «четко описывает те эмоции, которые испытывает большинство солдат, когда они идут защищать украинский Донбасс». Песня Luhandon предлагает открытые клише ненависти:

«Боже, храни Лухандон, здесь смолу в мозг заливают.

Под шум ворон они охотно превращают вату в цинк.

Боже, храни Лухандон, где радуется сварливый планктон.

Это низшее государство подло врет и нагло гадит, уничтожая все вокруг, как бык».

«Лухандон» – презрительное (почти вульгарное) название непризнанных «народных республик»: Луганской и Донецкой. Фраза «смола заливается в мозг» – это уже отсылка к России как к нефтяной стране, «питающей мозги прокремлевской пропагандой». Превращение «ваты» в «цинк» подразумевает умерщвление и последующую транспортировку русскоговорящих защитников, погибших на фронте (военные обычно используют гробы из оцинкованной листовой стали). Эти ссылки на конфликт открывают новое измерение в содержании текстов «Секиры Перуна», уводящее от славянского братства трех восточнославянских народов: великороссов, малороссов и белорусов.

Со времени Майдана правая музыка буквально добралась с мелких площадок на крупные концерты и фестивали. Если до Евромайдана концерты праворадикальных групп зачастую сводились лишь к посиделкам в помещениях ветхих советских клубов (в лучшем случае – к выступлениям на отдельных фестивалях), то после Евромайдана правый шоу-бизнес добрался до клубов и больших площадок для проведения своих мероприятий в центре Киева и областных городов.

Музыка играет центральную роль как инструмент распространения и легитимизации правоэкстремистской идеологии и мобилизации сторонников. Она имеет особый функциональный эффект, например, благодаря ей молодежь может быть завербована в ультранационалистическое движение. Музыка создает символическое пространство для экстремистской политики. В целом украинские ультранационалистические группы характеризуются теми же тенденциями и темами (язычество, национализм, беллицизм, расизм и пр.), что и их западноевропейские коллеги.

Благодаря Майдану и конфликту на востоке страны правые радикалы получили социальный импульс и часто упоминаются в СМИ и в публичном дискурсе, как «наши мальчики», «герои Майдана», «защитники Украины» и «патриоты». Многие из них ранее были маргинальными политическими деятелями: молодые женщины и мужчины

из неформальных кругов рок- и футбольной субкультуры, без устойчивых структур и организаций и без общественного внимания. За несколько лет до Евромайдана «старые националисты» (Всеукраинское объединение «Свобода», УНА-УНСО, а также преемники ОУН) старались расширить свою базу, пытаясь вербовать футбольных ультрас, уличных скинхедов и другие радикальные группы. Однако именно Майдан стал катализатором слияния старых ультраправых с новыми сторонниками и постепенно интегрировал праворадикальную молодежь в организованные националистические структуры.

Нет сомнений в том, что после Евромайдана радикальная правая риторика достигла политического мейнстрима. Наиболее ярким примером является тот факт, что значительная часть украинского общества, политики и армия приняли лозунг «Слава Украине! Героям слава!». Этот лозунг был в 1920-е гг. в бандеровском крыле ультранационалистической Организации украинских националистов (ОУН), включая боевые кличи типа «Слава нации! Смерть врагам!» и «Украина превыше всего!», которые до Майдана использовались только правыми группировками, такими как Украинская националистическая самооборона (УНСО), боевое отделение партии Украинской национальной ассамблеи (УНА), перейдя из своей ниши существования в повседневный язык.

Подводя итоги исследованию, следует отметить, что сегодня было бы большой ошибкой не брать во внимание идейную философию украинского этнонационализма без должного внимания и понимания ее опасности.

Ни одна политическая партия в Украине сейчас не имеет такой широкой базы активистов в отличие от националистических организаций, объединенных в «Национальный корпус», мотивированных не только материально, но и идеологически, которые представляют собой серьезный и растущий вызов «социальной гармонии» украинского президента В. Зеленского и, в конечном счете, самому государству. Сложная экосистема ультраправых бойцов и активистских неонационалистических группировок Украины представлена в постмайданное время и многими другими организациями, которые, хотя и менее влиятельны, чем «Азов», все же играют важную роль в общественной жизни. Многие из них – в том числе «Традиция и порядок», «Катехон», «Фрайкорпс», «Сокол» и «Карпатская Сечь» – появлялись на демонстрациях и шествиях вместе с «Азовом», хотя их брендинг несколько отличается. Некоторые из них более откровенно христианские в своих образах, некоторые тяготеют к неоязычеству, другие более откровенно фашистские. Кровавая история Украины XX столетия создает сегодня определенную путаницу, поскольку многие современные символы украинского национализма и борьбы за независимость против Польши и Украинской Советской республики, бывшей в составе СССР, неразрывно связаны с теми, кто сотрудничал с вторгшимися в 1941 г. армиями нацистской Германии против Советского Союза. В результате сегодня рождается моральная и политическая неопределенность, которую такие партии, как «Азов», используют в своих политических интересах до самой крайней возможности, украшая при этом свои логотипы рунами вольфсангеля дивизии «Дас Райх» Ваффен СС с символикой «Черного Солнца», которая использовалась главой СС Г. Гиммлером в замке Вевельсбург (Германия).

С другой стороны, современный этнонационализм в Украине дополняют взгляды бывшего советника офиса президента Зеленского В., известного блогера и ведущего военно-аналитические передачи, подполковника ВСУ А. Арестовича о том, что только современная Русь-Украина является историческим и культурным правопреемником Древнерусского государства – Киевской Руси, отказывая в этом праве собственно Российской Федерации, по его мнению, незаконно узурпировавшей в 1721 г. при Петре I это право и являющейся в реальности только Московией [14]. Подобная идеологическая концепция в условиях когнитивно-информационной войны, развернувшейся в отношении России после февраля 2022 г., усиливается историческими и медико-генетическими воззрениями другого советника офиса президента В. Зеленского – М. Подоляка, выступающего с заявлениями о генетическом происхождении современных россиян, являющихся, по его мнению, расово неполноценными представителями исключительно финно-угорского и татарского этносов (на 75 и 25 % в совокупности) и не имеющих никакого отношения к восточным славянам, что активно обсуждается и принимается в политическом пространстве Украины.

В результате этнонационализм, сформировавшийся в 1991–2023 гг. в современной Украине, представлен трехкомпонентной идеологией, части которой дополняют друг друга: концепция «великой Украинской им-

перии» А. Билецкого, историко-генетические воззрения в отношении русского населения России М. Подоляка и правых украинских националистов (основатели этой радикальной «генетической» теории – В.А. Довгич, Р.П. Иванченко, Г.К. Василенко) о генетической неполноценности русских граждан Российской Федерации, являющихся русскими только номинально [15], и околонаучные, идейные взгляды А. Арестовича об историческом праве названия «Русь–Росія» исключительно для Украинского государства, у которого это право «незаконно» отняла Россия со времен Петра I, которому это «внеправовое» название и титул императора Всероссийского предложил предстоятель Русской православной церкви, этнический украинец и руководитель Киево-Печерской духовной академии Феофан Прокопович. Подобная ультранационалистическая триада, образующая современный украинский этнонационализм, несет прямую угрозу национальной безопасности России и ее территориальной целостности, а также самой идее Русского мира, единой Русской цивилизации, исторически включающей в свою культурно-историческую основу восточноевропейские народы Великороссии, Малороссии и Белоруссии.

Сегодняшний правый экстремизм в Украине эклектичен и состоит из сложных элементов: есть заимствования из классического фашизма, например, идея палингенезиса как возрождения нации; обращение к давно прошедшим «золотым» временам славы и величия; и популизм, который обещает простые решения сложных проблем. Эти элементы сочетаются с элементами национал-социализма, включая антисемитизм, расизм и ксенофобию. Есть также элементы язычества и ярко выраженный украинский национализм, который очевиден, например, в характерном прославлении ОУН и ее военного крыла УПА.

Список источников

1. Фергюсон Н. Популизм: содержание и форма. URL: https://fsi-live. s3.us-west-1.amazonaws.com (дата обращения: 07.03.2025).
2. Die Utopie vom Leben jenseits der Grenze – Zerfällt Europa? URL: https://www.faz.net›politik (дата обращения: 07.03.2025).
3. Vonderau A. Leben im «Neuen Europa». URL: http:// www.hsozkult.de›reb... (дата обращения: 07.03.2025).
4. Pauer J. On the formation of collective identities in the Czech language and Slovak Republic after 1989. In: Höhmann, Hans-Hermann (ed.): Culture as a determining factor of transformation in Eastern Europe, Bremen. 2001.
5. Kashuba W. Politics of history and identity politics. National and ethnic discourses in cultural comparison. Cologne et al.; Kaschuba W. Geschichtspolitik und Iden-titätspolitik. URL: https://d-nb.info› (дата обращения: 07.03.2025); Kaschuba W. Nationalismus und Ethnozentrismus. Zur kulturellen Ausgrenzung eth-nischer Gruppen in (deutscher) Geschichte und Gegenwart. Grenzfälle. Über neuen und alten Nationalismus. Leipzig, 1993.
6. Hroch M. Ethnonationalism – an East Central European invention? Leipzig, 2004.
7. Edensor T. National Identity, Popular Culture and Everyday Life. New York, 2002.
8. Zur Ästhetik der Populären Musik – edoc-Server. URL: https:// edoc.hu-berlin.de› (дата обращения: 07.03.2025).
9. Марчарт О. Культурологические исследования. Konstanz, 2008.

References

1. Ferguson N. Populism: content and form. URL: https://fsi-live.s3.us-west-1.amazonaws.com (date of access: 07.03.2025).
2. Die Utopie vom Leben jenseits der Grenze – Zerfällt Europa? URL: https://www.faz.net (date of access: 07.03.2025).
3. Vonderau A. Leben im «Neuen Europa». URL: http:// www.hsozkult.de (date of access: 07.03.2025).
4. Pauer J. On the formation of collective identities in the Czech language and Slovak Republic after 1989. In: Höhmann, Hans-Hermann (ed.): Culture as a determining factor of transformation in Eastern Europe, Bremen. 2001.
5. Kashuba W. Politics of history and identity politics. National and ethnic discourses in cultural comparison. Cologne et al.; Kaschuba W. Geschichtspolitik und Iden-titätspolitik. URL: https://d-nb.info (date of access: 07.03.2025); Kaschuba W. Nationalismus und Ethnozentrismus. Zur kulturellen Ausgrenzung eth-nischer Gruppen in (deutscher) Geschichte und Gegenwart. Grenzfälle. Über neuen und alten Nationalismus. Leipzig, 1993.
6. Hroch M. Ethnonationalism – an East Central European invention? Leipzig, 2004.
7. Edensor T. National Identity, Popular Culture and Everyday Life. New York, 2002.
8. Zur Ästhetik der Populären Musik – edoc-Server. URL: https://edoc.hu-berlin.de (date of access: 07.03.2025).
9. Marchart O. Cultural studies. Konstanz, 2008.

10. Биллиг М. Банальный национализм. URL: https://www. academia.edu› (дата обращения: 07.03.2025).
11. Rüsen J. Handbuch der Geschichtsdidaktik. URL: http://www. joern-ruesen.de› (дата обращения: 07.03.2025).
12. Osteuropaforschung. URL: https://www. gesis.org› (дата обращения: 07.03.2025).
13. Latynina – Podolyak. Big interview News of Ukraine. URL: https://www. youtube. com›watch (дата обращения: 07.03.2025).
14. Арестович: украинцы на самом деле русские. URL: https:// mk.ru›politics/2023/02/17/arestovich-ukraincy-na-… (дата обращения: 07.03. 2025).
15. Миф о неславянском происхождении русских. URL: https://ru.wikipedia.org›wiki›-Миф_о_неславянском... (дата обращения: 07.03.2025).

10. Billig M. Banal nationalism. URL: https:// www. academia.edu (date of access: 07.03.2025).
11. Rüsen J. Handbuch der Geschichtsdidaktik. URL: http://www.joern-ruesen.de (date of access: 07.03.2025).
12. Osteuropaforschung. URL: https://www. gesis.org (date of access: 07.03.2025).
13. Latynina – Podolyak. Big interview News of Ukraine. URL: https://www.youtube. com (date of access: 07.03.2025).
14. Arestovich: Ukrainians are actually Russians. URL: https:// mk.rupolitics/2023/02/17/ arestovich-ukraincy-na- (date of access: 07.03.2025).
15. The myth of the non-Slavic origin of Russians. URL: https://ru.wikipedia.org wiki of the Myth of the Old Slavonic... (date of access: 07.03.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Килимник Евгений Витальевич, *доктор искусствоведения, член-корреспондент Российской Академии Естествознания, профессор кафедры философии, психологии и гуманитарных дисциплин. Уральский юридический институт МВД России. 620057, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66.*
ORCID: 0000-0003-2949-465X

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kilimnik Evgeny Vitalyevich, *Grand PhD in Art History, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of Philosophy, Psychology and Humanities. Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 66, Korepina St., Yekaterinburg 620057 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 4 (115). – С. 186–194.
Philosophiya prava. 2025. № 4 (115). – Pp. 186–194.

Научная статья
УДК 342.9

МИГРАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА: О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИЗАЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПЕРЕМЕЩЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Контарев Анатолий Александрович
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, anatolykontarew@rambler.ru

Введение: *в статье автор высказывает мнение о необходимости построения концепции всемирной истории миграции как раздела миграциологии, без которого невозможно решить задачу определения наиболее значимых закономерностей, раскрывающих сущность миграционных процессов. Автором показано, что ключевым пунктом в решении задачи концептуально-теоретического построения всемирной истории миграции является решение проблемы исторической типологии территориального перемещения населения. Анализ существующих подходов к проблеме типологии позволил прийти к выводу о целесообразности выделения трех периодов (дикость, варварство, цивилизация), характеризующихся существенными особенностями миграционных процессов.*

Материалы и методы: *в контексте анализа типов миграции во всемирно-историческом процессе используются системный, дескриптивный, компаративный, исторический подходы; автор обращается к использованию элементов метода исторической реконструкции, методологии контент-анализа.*

Результаты исследования: *установлено, что современные исследования миграции апеллируют к истории как к методологическому источнику определения ее существенных закономерностей, с целью теоретической концептуализации современных миграционных процессов; определено, что построение исторической концепции миграции нуждается в корректировке методологической базы данных исследований; охарактеризованы исторические периоды всемирной истории миграции; выяснены особенности миграционных процессов в эти периоды.*

Выводы и заключения: *миграционное поведение человека периода дикости было мотивировано необходимостью адаптации к природной среде, в структуре которой территориальное перемещение занимало важнейшее место, в силу особенностей присваивающей экономики, характерной для того времени. Миграции периода варварства происходят в условиях перехода от присваивающей экономики к производящей, характеризующейся отделением ремесла от земледелия, выделением скотоводства в самостоятельную отрасль. В эпоху цивилизации миграция приобретает современный характер перемещения населения через государственные границы, сопровождаемого получением нового политического, юридического и социального статуса.*

Ключевые слова: *миграция, история миграции, территориальное перемещение, миграционные процессы, типологизация.*

Для цитирования: Контарев А. А. *Миграция в контексте всемирно-исторического процесса: о некоторых проблемах исторической типологизации территориального перемещения населения / А. А. Контарев // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4 (115). – С. 186–194.*

Original paper

MIGRATION IN THE CONTEXT OF THE WORLD HISTORICAL PROCESS: ON SOME PROBLEMS OF HISTORICAL TYPOLOGY OF TERRITORIAL POPULATION MOVEMENT

Kontarev Anatoly Alexandrovich
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia Federation

Introduction: *in the article, the author expresses the opinion that it is necessary to build a concept of the world history of migration as a branch of migrationology, without which it is impossible to solve the problem of determining the most significant patterns that reveal the essence of migration processes. The author shows that the key point in solving the problem of the conceptual and theoretical construction of the world history of migration is to solve the problem of the historical*

typology of the territorial displacement of the population. An analysis of existing approaches to the problem of typology has led to the conclusion that it is advisable to distinguish three periods (savagery, barbarism, and civilization) characterized by significant features of migration processes.

Materials and methods: *in the context of the analysis of migration types in the world historical process, systematic, descriptive, comparative, historical approaches are used; the author refers to the use of elements of the historical reconstruction method, the methodology of content analysis.*

Results of the study: *it is established that modern migration studies appeal to history as a methodological source for determining its essential patterns, in order to theoretically conceptualize modern migration processes; it is determined that the construction of a historical concept of migration needs to adjust the methodological database of research; historical periods of the world history of migration are characterized; the features of migration processes in these periods are clarified.*

Findings and conclusions: *human migration behavior in the period of savagery was motivated by the need to adapt to the natural environment, in the structure of which territorial displacement occupied an important place, due to the peculiarities of the appropriating economy characteristic of that time. The migrations of the barbaric period occur in the context of the transition from an appropriating economy to a producing one, characterized by the separation of handicrafts from agriculture, and the separation of cattle breeding into an independent industry. In the era of civilization, migration acquires the modern character of population movement across state borders, accompanied by the acquisition of a new political, legal and social status.*

Keywords: *migration, migration history, territorial displacement, migration processes, typologization.*

For citation: Kontarev A. A. *Migration in the context of the world historical process: on some problems of historical typology of territorial population movement / A. A. Kontarev // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4 (115). – Pp. 186–194.*

Несмотря на встречающиеся в научном дискурсе попытки рассмотреть феномен территориального перемещения населения в контексте всемирно-исторического процесса, вопрос об исторической типологии миграции остается открытым. Между тем не представляется возможным создание общей теории миграции, формулирующей ее фундаментальные закономерности, имеющие специфические формы проявления в разных исторических типах общества, без исторической типологии. Этим объясняются методологические трудности концептуально-теоретического отражения миграции, т. к. решение подобной задачи сопряжено с ее социально-исторической интерпретацией.

Некоторые теории вводят в концептуально-методологическое поле исследования миграции социально-исторический фактор, позволяющий сформулировать универсальные, характерные либо для конкретной исторической эпохи, либо для всех исторических типов общества закономерные связи и отношения, характеризующие данное явление. Можно сказать, что концепт историчности был присущ уже первым миграционным теориям, объяснявшим, почему происходит активизация территориального передвижения, чем обусловлен феномен переселения.

Так, Е. Равенштайн, сформулировавший 11 законов [1, p. 167–235], определявших миграционные процессы во второй половине XIX в., был мотивирован небывалым оттоком европейского населения в Северную Америку, указывая на исторический характер этого процесса, т. е. на то, что он обусловлен особенностями экономического развития общества того времени, что объясняло миграционную активность, не наблюдавшуюся раньше. Но «историзм» Равенштайна, очевидно, являлся лишь побочным продуктом его теории, абсолютизировавшей роль одного из факторов (экономического), не играя важной концептуальной и методологической роли. Такую роль исторический фактор начинает играть в концепциях, выходящих на более высокий глобальный уровень обобщений миграционных закономерностей, характеризующих сущность данного явления не только в настоящем, но и в прошлом.

В связи с этим обращает на себя внимание теория мобильного перехода В. Зелинского, предпринявшего попытку установления связи между историческим типом общества и интенсивностью территориальных перемещений населения. По его мнению, активность миграционных процессов возрастает по мере активизации экономической жизни. Это объясняет фактическое отсутствие миграции в первобытном обществе и, соответственно, наибольшую ее активность в период модернизации, в современных обществах [2, p. 219–249].

Примечательна и концепция другого исследователя, получившая распространение как урбанистская. Согласно ее автору Дж. Гиббсу, миграция начинает приобретать со-

циальное значение в период роста городов, а миграционные процессы поэтому характеризуются как процессы переселения из сельской местности в города [3, p. 119–129]. Так, история миграции обозначена историей градостроительства и роста численности городов. При этом экономический фактор выступает в качестве преобладающего, объясняя, почему данные процессы активизируются в эпоху перехода от феодального общества к современному, а индустриализация сопровождается пиком данной активности.

По мнению автора, приведенные примеры обращения к историческому контексту миграции, с целью осмыслить закономерности миграционных процессов, интересны тем, что подчеркивают значение социально-исторического контекста миграции. Тем не менее, к сожалению, следует констатировать, что они требуют многих уточнений и корректировок их методологической основы. С одной стороны, известным фактом является то, что процесс расселения человека по планете начался десятки тысяч лет назад, формируя основу современного народонаселения, а процесс расообразования, который, конечно, не мог происходить без территориального перемещения, закончился лишь в V тысячелетии до н. э. [4] По некоторым оценкам, территориальное распространение Homo sapiens в результате первых миграций из территории бассейна Нила и Великих Африканских озер началось 46 тыс. лет назад [5, с. 126–137].

С другой стороны, несмотря на значение роста городов в период энеолита и бронзового века, в которых концентрировалась отнюдь небольшая часть населения, миграционные процессы происходили и раньше, о чем также свидетельствуют многочисленные исторические данные. Исторический период роста городов, период так называемой «городской революции», в древности свидетельствовал об устойчивой тенденции к территориальной оседлости, обусловленной переходом от присваивающей к производящей экономике, формированием первичных классовых образований и новой структуры управления, нормативной регуляции, основанной не на родовой (семейной) социальной организации (родовая община), а на соседской (соседская община). Этот период характеризуется возникновением протогосударственных образований, свидетельствующих об историческом переходе от варварства к цивилизации. Очевидно, не только древнейшие, такие как Шумер (середина IV тысячелетия до н. э.) [6] и Египет (III тысячелетие до н. э.) [7], но и более молодые государства, существовавшие в период Индской цивилизации на территории современной Индии (вторая половина III тысячелетия до н. э.), государство Шан-Инь на территории современного Китая (XVII век до н. э.) [8], полисы Древней Греции (с X в. до н. э.) [9, с. 445] и др., являются примерами, подтверждающими указанную тенденцию к оседлости и изменению характера миграции в данный период.

Согласно толковому словарю В.И. Даля, «город – городьба, ограда около жилья, поселения. Крепость, крепостца, укрепленное стенами место внутри селения, кремль» [10, с. 48]. А как свидетельствуют исторические источники, во многих регионах мира города возникали в контексте противостояния с кочующими племенами, находящегося на более низком уровне развития. Таким образом, «городская революция», как исторически новый способ жизнедеятельности, сопровождающийся переходом от присваивающей экономики к производящей, новыми основаниями социальной интеграции, во многом являлась альтернативой более древним формам адаптации к природной среде, воспроизводства человека как биологического вида и социального существа, где территориальное перемещение играло важную роль.

Тем не менее урбанистский подход имеет свое эвристическое значение, объясняя динамику и направление миграционных процессов в период развития промышленности, перехода от феодализма к капитализму – обществу, основанному на рыночной экономике и индустрии, для которого характерна концентрация населения в городской местности.

Говоря об отечественных примерах концептуализации исторических представлений о миграции, необходимо отметить, что целостный взгляд на историю миграции встречается лишь в учебной литературе, в качестве вводной части [11]. Подобные источники ценны систематизацией исторических представлений о миграции, рассматриваемой как часть истории человечества. Интересны исследования исторических особенностей миграции в отдельные эпохи. Так, убеждение некоторых исследователей о низком уровне миграционной мобильности не выдерживает критики в контексте обоснованного тезиса об активизации миграционных процессов в эту эпоху, развития внешней трудовой миграции, связанной с привлечением к военным действиям военных специалистов других государств [12, с. 37–40]. И, наконец, необ-

ходимо указать на важную в отечественной науке тенденцию в изучении истории миграции, связанную как с актуализацией изучения исторических особенностей миграции [13, с. 145–156], так и с методологической проблематикой историко-миграционных исследований [14, с. 46–52].

Тем не менее следует констатировать, что, несмотря на часто плодотворные попытки систематизации знаний об истории миграции, целостный взгляд на нее только формируется, в котором уже обозначена роль методологии и исторической типологии, значение которых рассматривается в связи с обоснованием общетеоретических взглядов на это социальное явление.

В целях решения задачи обоснования подхода к исторической типологизации миграции мы акцентируем внимание на том, что интерпретация истории миграции как предмета научного исследования должна базироваться на ряде методологических установок, среди которых:

– во-первых, интерпретация миграции как глобального явления, социального феномена, закономерности которого определяются более глубокими факторами – значимой стороны антропосоциогенеза;

– во-вторых, признание, что постановка проблемы теоретической реконструкции истории миграции возможна в том случае, если территориальные передвижения рассматриваются как одна из форм социальности, трактуемой в контексте адаптации человека к природе;

– в-третьих, понимание того, что история миграции как предмет научного изучения возможна в том случае, если феномен территориального перемещения интерпретирован в планетарном масштабе как элемент эволюционных изменений биосферы, сопровождаемых социальными, биологическими, этническими, экономическими, культурными и иными взаимодействиями.

Таким образом, если «история человечества» получает внутренние основания изучения благодаря ее интерпретации как процесса антропосоциогенеза, то история миграции, как необходимая сторона всемирной истории, возможна именно в такой интерпретации. Методологическое значение данного подхода состоит в том, что он расширяет рамки концепта миграции как политического явления, возникающего лишь в период цивилизации, интерпретируя ее в качестве важного фактора во все периоды истории. Представляется очевидным, что не всякая типологизация исторического процесса, построение которой, как правило, обусловлено определенными исследовательскими интересами и социально-философскими установками, соответствует задаче построения всемирной истории миграции. Так, например, затруднительно применение формационного подхода, основанного на абсолютизации экономических отношений, составляющих ядро исторического типа общества (общественно-экономической формации), поскольку экономическая мотивация далеко не всегда определяла миграционное поведение. Затруднительно применение и типологизации, основанной на построении социально-этнического или организационно-хозяйственного ряда истории общества, т. к. в первом случае речь может идти лишь о части сопутствующих миграционным процессам обстоятельств (род, племя, народность, нация), а во втором случае мы возвращаемся к доминированию экономического фактора – типу хозяйства (например: натуральное, натурально-рыночное, рыночное, планово-рыночное, плановое).

В этом смысле модель периодизации истории, еще в XVIII в. впервые предложенная А. Фергюсоном (дикость, варварство, цивилизация) [15], сохраняет свое эвристическое значение, поскольку, как кажется, не только охватывает все исторические периоды, но значима для определения типологических особенностей миграции в соответствии с историческими характеристиками общества. Следует отметить, что более современный вариант этой концепции, замещающий концепт «цивилизация» понятиями «традиционное общество», «индустриальное общество», «постиндустриальное общество» в применении к истории миграции представляется менее удачным. Так как, во-первых, целостно не отражает принципиальную особенность миграции, в условиях перехода к государственному регулированию миграционных отношений, и, во-вторых, поскольку понятие «традиционное общество», обозначающее период от возникновения первых государств до индустриального общества, не позволяет выделить специфику отдельных периодов миграции на этом историческом отрезке, очевидно, потому что он включает разные исторические типы общества.

Детальное обоснование и эффективное применение эта периодизация нашла у Л. Моргана, который сохранил триаду в периодизации истории, дополнив ее рядом признаков, охарактеризовав данные этапы как низшую, среднюю и высшую ступени общественного развития [16]. Конечно же, нельзя

не упомянуть и о подходе Ф. Энгельса, который существенно дополнил Л. Моргана, добавив период коммунизма, при этом полагая, что варварство охватывает весь доцивилизационный период; цивилизационный же включает три общественно-экономических формации (рабовладельческая, феодальная и капиталистическая), вслед за которыми наступает коммунизм – высшая стадия исторической эволюции общества [17].

Некоторые исследователи называют данный подход стадиальным, полагая, что основным его достоинством является выделение стадий исторической эволюции человеческой расы [18, с. 68–78]. Несмотря на указанные разночтения интерпретации данных стадий у Л. Моргана и Ф. Энгельса, очевидно, их концепции можно отнести к этому подходу.

Существенной трудностью изучения древнейших миграций, а значит, исторической реконструкции роли миграции в социальной жизнедеятельности, является источниковая база. В той или иной степени период писаной истории содержит достаточное количество таких сведений, тем более со времени проведения переписей населения. Что же касается периода дикости и варварства, лишь археологические, лингвистические, а в последние десятилетия и генетические палеонтологические исследования могут составить такую базу, что подчеркивает зыбкость фактологической основы историко-миграционных исследований. Так, один из исследователей, говоря о возможностях археологии в историческом изучении древнейших миграций, отмечает, что «реконструкция миграций археологией – дело очень трудное, но благодарное. Трудное оно потому, что критерии археологического распознавания миграций шатки, археологические маркеры (признаки, следы) миграций неустойчивы и разнообразны» [19, с. 7]. В то же время, по мнению ученого, значение этих исследований очень велико: «во-первых, выявленные миграции дают возможность проследить истинное развитие общества – образно говоря, читать историю, не склеенную из разных книжек. Ведь развитие шло не в рамках определенной местности, а в рамках определенного человеческого общества – там, где это общество проживало… Во-вторых, в статичном существовании этносы нередко трудно различимы для археолога в силу диффузности границ и возможностей распространения культуры на соседей. Именно дальние миграции позволяют археологам лучше распознать такие этносы…» [19, с. 7–8].

Реконструкция всемирной истории миграции периода варварства также во многом опирается на археологические данные. Однако значительную роль здесь начинают играть и литературные источники, сохранившиеся в дошедшем до наших дней древнем устном народном творчестве, мифологических, религиозных преданиях, культивируемых как в более поздние, так и ранние периоды. Сохраняет свое значение и лингвистика, оперирующая методами реконструкции протоязыковых систем современных этносов.

Период цивилизации прежде всего благодаря распространению письменности, появлению официальных документов, как правило, политико-правового характера, а также летописей позволяет провести реконструкцию миграционных процессов, протекающих в данное время с большей точностью. Это тем более важно, поскольку миграция со временем становится предметом государственного регулирования, что особое значение приобретает, например, в полисах Древней Греции, в связи с важностью вопроса о статусе гражданина. Однако именно переписи населения, распространившиеся в Средние века в феодальном обществе, дают первые объективные сведения о территориальном перемещении населения. Появление государственной миграционной политики в период Нового времени, очевидно, связано с воплощением в политико-правовой практике идеи суверенитета и, соответственно, государственного регулирования перемещения населения через границы. Однако уже «Великая хартия вольностей» И. Безземельного формулирует нормы въезда и выезда через государственные границы своих подданных, что свидетельствует о важности данного института и в предыдущую эпоху [20].

Таким образом, констатируя сложность формирования источниковой базы всемирной истории миграций, тем не менее следует отметить состоятельность постановки и решения этой задачи, тем более в контексте современных методов, используемых исторической наукой и палеонтологией.

Несмотря на существенную качественную неоднородность миграции на протяжении периодов дикости, варварства и цивилизации, объясняемой объективными изменениями, происходящими в обществе, следует констатировать, что данное явление на протяжении этих периодов обладает устойчивыми типологическими характеристиками, вытекающими из особенностей адаптации человека к природной среде, выражающейся прежде всего в организационно-хозяйственных при-

знаках, а также в социальной организации, существенно зависящей от них. Это позволяет решить две задачи реконструкции всемирного историко-миграционного процесса: во-первых, выделить хронологические рамки миграций в период дикости, варварства и цивилизации; во-вторых, определить исторические особенности миграционных процессов, направление, виды и типы миграций.

Учитывая, что период дикости истории общества связан с присваивающей экономикой, в которой доминирующее значение имеют охота, рыболовство и собирательство, а также с преимущественно родовой (семейной), родоплеменной социальной организацией, очевидно, что его начало относится ко времени первых миграций Homo sapiens, которое, как отмечалось выше, может быть обозначено временем в 46 тыс. лет. В антропосоциогенетическом аспекте важным представляется завершение формирования в этот период современного человека, согласно современным палеонтологическим данным, произошедшее в результате скрещивания Homo sapiens и Homo Neanderthalensis, Homo sapiens и Денисовского человека, расогенеза, освоения техники производства орудий труда из камня. В социальном плане существенно выделить естественное разделение труда между мужчинами и женщинами, формирование управленческой структуры, как правило, включающей вождя, совет старейшин и хранителей культа, традиций. В миграционном плане существенным представляется завершение в этот период расселения человека по всем континентам планеты.

Условно говоря, начало периода варварства связано с переходом от присваивающей к производящей экономике, преодолевающей охоту и собирательство как основные отрасли. Как принято считать в отечественной исторической науке, начало данного перехода относится к X тысячелетию до н. э., который определился выделением земледелия и ремесла в самостоятельные отрасли и дальнейшим отделением от земледелия скотоводства [21]. Это происходит в период неолитической революции, означающей как более совершенные способы обработки камня в процессе изготовления орудий труда, так и увеличение вследствие этого пахотных площадей, засеиваемых злаковыми культурами. Главным же результатом неолитической революции является указанное разделение труда и, соответственно, возникновение первичных классовых образований. Важно и разложение родового строя, постепенный переход к политической организации, с ее вертикалью власти, органами управления, ростом значения городов (городищ).

Археологические исследования показывают, что уже в конце палеолита человеческая социальная организация подвержена существенным изменениям, значительно отличаясь от классических форм родовой организации. Порой удивляют своим грандиозным масштабом сооружения, требующие не только приложения огромного количества рабочей силы, развитой техники обработки камня, изобразительной культуры и знания свойств используемых материалов, но и продуманной технологии строительства, владения способами управления многочисленной рабочей силы. Одним из таких сооружений является Гебекли Тепе, памятник древнего и нового каменного века на юго-востоке современной Турции, по некоторым оценкам, представляющий собой храмовый комплекс, датируемый X тысячелетием до н. э. [22].

Учитывая фактор «городской революции», характерный для позднего неолита и ранней бронзы, необходимо отметить тенденцию к оседлости части населения, концентрировавшегося в городищах, прежде всего, которое характеризовалось низким уровнем миграционной мобильности. Низкий уровень территориальной мобильности имели и земледельческие общины, вынужденные географически перемещаться лишь в результате оскудения почвы либо иных факторов природного характера. Этого нельзя сказать о скотоводческих племенах, естественным образом находящихся в процессе постоянной миграции в целях выпаса скота. Ближе к периоду образования протогосударств, возникновения городищ их миграция начинала иметь локальный характер, приобретая в северном полушарии черты сезонности.

Так, известен такой памятник бронзового века, как Левенцовская крепость XVII в. до н. э. (первая каменная крепость в Европе), находящаяся на юго-западе Ростова-на-Дону, построенная представителями катакомбной культуры, обитавшими в данном регионе, которые использовали это сооружение для сезонного проживания и загона скота, его защиты от покушавшегося на него неприятеля-кочевника (представители срубной культуры) [23]. Кочевые племена, большая часть из которых в итоге обретала оседлый образ жизни, представляли собой самую мобильную в миграционном отношении часть населения планеты периода варварства. На евразийском континенте такой образ жизни сохранял свое значение вплоть до первой половины средневековья.

Но наиболее известными являются миграции, связанные с Великим переселением народов, происходившем на фоне уже более чем тысячелетнего существования государств. Самой же древней миграцией этого периода, отраженной в литературных памятниках, является библейский исход евреев из египетского племени под предводительством Моисея. Несмотря на незначительную историческую достоверность следует принять во внимание точку зрения, что это событие относится к 2100 г. до н. э. [24].

Невзирая на стремление исторической науки к точности, ей приходится оперировать и крайне неточными историческими сведениями, поскольку большую роль играет метод исторической реконструкции, необходимость применения которого обусловлена важностью построения общей картины всемирной истории. Поэтому временные рамки указанных исторических периодов имеют довольно неопределенные границы, т. к. вопреки общим тенденциям часто обнаруживаются сведения, противоречащие им. Говоря о временных рамках периода, следует принимать во внимание, что развитие в регионах мира происходило с разной скоростью. Это означает, что первобытные или варварские племена с характерной экономикой и социальной структурой могут существовать параллельно с народами, находящимися на более высокой стадии развития, что реально и происходило в истории. Библейский исход происходил из Древнего Египта, существовавшего до этого события уже девять веков [25]. А Древний Рим пал в результате свержения в 476 г. германским варваром Одоакром императора Ромула Августа.

Начало последнего периода относится ко времени образования первых государств. Как автор указал в начале статьи, первым государством был Шумер, формирование которого относится к середине IV тысячелетия до н. э., очевидно, пришедшими с севера племенами. Так, вопреки мнению некоторых исследователей [26], еще советскими лингвистами в результате анализа древнейших клинописных текстов Шумера установлено, что население Нижней Месопотамии говорило на двух языках – шумерском и восточносемитском. При этом «шумерский язык с его причудливой грамматикой не родственен ни одному из сохранившихся до наших дней языков» [27, с. 61]. Это открывает новую эпоху, отличающуюся принципиально иным содержанием явления миграции.

Государство, как известно, характеризуется целым рядом признаков, в ряду которых главным является территория. Поэтому несмотря на длительное существование в эпоху цивилизации варварских миграций необходимо новое качество, характеризующее это явление со времени возникновения государств. Это новое качество состоит в передвижении, связанном с перемещением через государственные границы. Древние государства, такие, например, как древнегреческие полисы или Римская империя, рассматривали въезд в страну, как политико-правовое явление, связанное с необходимостью наделения иммигранта соответствующим статусом. В Афинах въехавший в страну иностранец был бесправен, и лишь в некоторых случаях за выдающиеся заслуги перед полисом этот иностранец мог стать гражданином, статус которого тем не менее отличался от статуса афинянина, являвшегося гражданином по рождению. Интересно, что обязательным условием получения гражданства была воинская служба в течение двух лет. Такая процедура называлась исополитией [28, с. 233]. В Древнем Риме существовало несколько способов стать гражданином для тех, кто не был рожден в семье римских граждан: во-первых, фиктивная продажа себя в рабство, т. к. освобожденный раб становился римским гражданином; во-вторых, усыновление римским гражданином; в-третьих, такое право давали выдающиеся заслуги перед государством; в-четвертых, добровольный переход на сторону римского войска во время боевых действий [29, с. 23–33].

То есть, говоря об особенностях миграции в новую эпоху, необходимо указать не только на то, что она приобретает форму пересечения границы и выражается как въезд на территорию государства и выезд с его территории, сопровождаемый изменением политического и правового статуса мигранта, но и на то, что она приобретает процессуальный характер, обусловленный государственным регулированием, предусматривающим определенный перечень правил (как правило, обязательных норм), прилагаемых к мигранту. Таким образом, если в период дикости и варварства территориальное перемещение было обусловлено необходимостью адаптации преимущественно к природной среде, имея, как правило, стихийный характер, то в новую эпоху, сохраняя в себе это сущностное качество, миграция приобретает политическую форму, т. к. рассматривается в контексте ценностей государственной политики, а регулирование и прогнозирование миграционных процессов становится неотъемлемым свойством данного явления.

Список источников

1. Rovenschtein E. The Laws of Migration // Journal of the Statistical Society of London. 1885. № 2. V. 48.
2. Zelinzky W. The Hypothesis of the Mobility Transition // Geographical Review. 1971. № 2. V. 61.
3. Gibbs J.P. The Evolution of Population Concentration // Economic geography. 1963. V. 39.
4. Алексеев В.П. География человеческих рас. М., 1974.
5. Малолетко А.М. Природа и человек (к проблеме ранних миграций и расовой эволюции Homo sapiens) // Известия Алтайского государственного университета. 1998. № 4.
6. Крамер С. Шумеры. Первая цивилизация на земле. М., 2025.
7. Виноградов И.В. Раннее и Древнее царства Египта // История Древнего мира / под ред. И.М. Дьяконова, И.С. Свенцицкой. М., 1989.
8. Кузнецова-Фетисова М.Е. Великий город Шан. М., 2015.
9. Словарь античности. М., 1989.
10 Даль В.И. Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка. М., 2006.
11. Чмыхало А.Ю. Миграция и проблемы социального развития: учеб. пособие. Томск, 2003.
12. Дутов О.П., Прудников А.С. Внешняя трудовая миграция в Средние века // Государственная служба и кадры. 2020. № 3.
13. Ходячих С.С. Исторические особенности миграционных процессов и развитие взглядов на миграцию населения в России // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2025. № 3.
14. Пашковская Т.Г. История миграций: современные тенденции в методологии // Гуманитарно-педагогические исследования. 2018. № 3. Т. 2.
15. Ferguson A. An Essay on the History of Civil Society. London and Edinburgh: A. Millar & T. Cadell, 1767.
16. Морган Л.Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1935.
17. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 2023.
18. Камалетдинова А.Я. Становление стадиального подхода в теории «цивилизации» от Л.Г. Моргана до Ф. Энгельса // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 7(477).
19. Клейн Л.С. Древние миграции и происхождение индоевропейских народов. СПб., 2007.
20. Петрушевский Д.М. Великая хартия вольностей и конституционная борьба в английском обществе во второй половине XIII в. М., 1918.
21. Масон В.М. Поселение Джейтун (проблема становления производящей экономики). Л., 1971.
22. Шмидт К. Они строили первые храмы. Таинственное святилище охотников каменного века. СПб., 2011.

References

1. Rovenschtein E. The Laws of Migration // Journal of the Statistical Society of London. 1885. № 2. V. 48.
2. Zelinzky W. The Hypothesis of the Mobility Transition // Geographical Review. 1971. № 2. V. 61.
3. Gibbs J.P. The Evolution of Population Concentration // Economic geography. 1963. V. 39.
4. Alekseev V.P. Geography of human races. Moscow, 1974.
5. Maloletko A.M. Nature and man (on the problem of early migrations and racial evolution of Homo sapiens) // Proceedings of the Altai State University. 1998. № 4.
6. Kramer S. The Sumerians. The first civilization on earth. Moscow, 2025.
7. Vinogradov I.V. The early and Ancient kingdoms of Egypt // The history of the Ancient World / edited by I.M. Dyakonov, I.S. Sventsitskaya. Moscow, 1989.
8. Kuznetsova-Fetisova M.E. The Great city of Shan. Moscow, 2015.
9. Dictionary of Antiquity. Moscow, 1989.
10. Dahl V.I. The Great illustrated explanatory Dictionary of the Russian language. Moscow, 2006.
11. Chmykhalo A.Yu. Migration and problems of social development: textbook. stipend. Tomsk, 2003.
12. Dutov O.P., Prudnikov A.S. External labor migration in the Middle Ages // Civil service and personnel. 2020. № 3.
13. Khodyachikh S.S. Historical features of migration processes and the development of views on population migration in Russia // Socio-economic and Humanitarian journal. 2025. № 3.
14. Pashkovskaya T.G. Migration history: modern trends in methodology // Humanitarian and pedagogical research. 2018. № 3. V. 2.
15. Ferguson A. An Essay on the History of Civil Society. London and Edinburgh: A. Millar & T. Cadell, 1767.
16. Morgan L.G. Ancient society or a study of the lines of human progress from savagery through barbarism to civilization. Leningrad, 1935.
17. Engels F. The origin of the family, private property and the state. Moscow, 2023.
18. Kamaletdinova A.Ya. The formation of the stadium approach in the theory of «civilization» from L.G. Morgan to F. Engels // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2023. № 7(477).
19. Klein L.S. Ancient migrations and the origin of the Indo-European peoples. St. Petersburg, 2007.
20. Petrushevsky D.M. Magna Carta and the constitutional struggle in English society in the second half of the 13th century. Moscow, 1918.
21. Mason V.M. The settlement of Jeytun (the problem of the formation of a productive economy). Leningrad, 1971.
22. Schmidt K. They built the first temples. The mysterious sanctuary of Stone Age hunters. St. Petersburg, 2011.

23. Братченко С.Н. Левенцовская крепость. Киев, 2012.
24. Anati E. Mountain of God. Rizzoli, 1986.
25. Шифман И.Ш. Ветхий завет и его мир. Ветхий завет как памятник литературной и общественной мысли древней Передней Азии. М., 1987.
26. Чайлд Г. Арийцы. Основатели европейской цивилизации. М., 2007.
27. Дьяконов И.М. Города-государства Шумера // История Древнего мира. М., 1989.
28. Йоханес Ирмшер. Исополития // Словарь античности. М., 1989.
29. Львов А.В. Гражданин и гражданство в Древнем Риме // Вестник Московского государственного педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2018. № 1(29).

23. Bratchenko S.N. Leventsovskaya fortress. Kiev, 2012.
24. Anati E. Mountain of God. Rizzoli, 1986.
25. Shifman I.S. The Old Testament and its world. The Old Testament as a monument of literary and social thought of ancient Western Asia. Moscow, 1987.
26. Child G. Aryans. The founders of European civilization. Moscow, 2007.
27. Dyakonov I.M. City-states of Sumer // History of the Ancient World. Moscow, 1989.
28. Johannes Irmscher. Isopolitics // Dictionary of Antiquity. Moscow, 1989.
29. Lvov A.V. Citizen and citizenship in Ancient Rome // Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Legal Sciences. 2018. № 1(29).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Контарев Анатолий Александрович, *доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83. ORCID: 0009-0008-7493-9922*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kontarev Anatoly Alexandrovich, *Grand PhD in Philosophy, Professor, Head of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 4 (115). – С. 195–200.
Philosophiya prava. 2025. № 4 (115). – Pp. 195–200.

Научная статья
УДК 141.2

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ГЕНЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ НОРМАТИВНОГО ПОРЯДКА

Чернобровкина Наталья Игоревна
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, nichernobrovkina@sfedu.ru

Введение: *в статье исследуется проблема методологического поиска теоретических перспектив изучения нормативного порядка в связи с глубокими политическими и социально-экономическими изменениями в России и мире. Изучение этой проблемы в теоретической социологии осуществляется с позиций выявления особенностей нормативной регуляции отношений в социуме, конструирующих социальный порядок. В работе предлагается и содержательно раскрывается функционально-генетический подход к изучению нормативного порядка, благодаря которому он может рассматриваться как результат исторического развития, обеспечивающий координацию и интеграцию общества.*

Материалы и методы: *методологическую основу исследования составляют генетический и функциональный принципы. Генетический принцип позволяет раскрыть природу нормативности и ответить на вопрос, как возникает нормативный порядок и почему общество нуждается в его осуществлении. Функциональный принцип направлен на рассмотрение устойчивости нормативного порядка и его изменение, что позволяет дать ответ на взаимосвязанные вопросы: кто и как осуществляет нормативный порядок, на поддержание каких процессов он направлен.*

Результаты исследования: *на основе методологических принципов стало возможным выявить «зрелую форму» и «исходную форму» нормативного порядка. «Зрелая форма» представляет собой действующую систему норм и их функций, реализующихся в конкретный исторический момент. «Исходная форма» связана с нерефлексивными, стихийно складывающимися нормами, которые возникают как ответ на базовые потребности социальной группы. Рассмотрение их генезиса посредством формирования и функционирования социальных механизмов нормативной регуляции позволяет исследовать происхождение и историческую траекторию нормативного порядка.*

Выводы и заключения: *в заключение статьи показаны преимущества функционально-генетического подхода, который позволяет исследовать: генезис норм посредством социально-экономических, политических и культурных условий и конфликтов, породивших конкретные нормы; кумулятивную каузальность нормативного порядка, когда исторически сложившиеся нормативные структуры ограничивают и направляют последующие изменения, создавая «траектории развития»; трансформацию нормативного порядка в виде конфликтов, диффузии, адаптации к новым условиям, рефлексивной модернизации в зависимости от социальных сил и процессов, порождающих изменения, отмирания или смену норм, и др.*

Ключевые слова: *нормативный порядок, механизмы социальной регуляции, социальный контроль, легитимация нормативного порядка.*

Для цитирования: Чернобровкина Н. И. *Функционально-генетический подход к изучению нормативного порядка / Н. И. Чернобровкина // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4 (115). – С. 195–200.*

Original paper

A FUNCTIONAL-GENETIC APPROACH TO THE STUDY OF THE NORMATIVE ORDER

Chernobrovkina Natalya Igorevna
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *the article examines the problem of methodological search for theoretical perspectives for the study of the normative order in connection with profound political and socio-economic changes in Russia and the world. The study of this problem in theoretical sociology is carried out from the perspective of identifying the features of the normative regulation of relations in society that construct the social order. The paper proposes and meaningfully reveals a functional*

genetic approach to the study of the normative order, thanks to which it can be considered as a result of historical development, ensuring the coordination and integration of society.

Materials and methods: *the methodological basis of the research consists of genetic and functional principles. The genetic principle allows us to reveal the nature of normativity and answer the question of how the normative order arises and why society needs its implementation. The functional principle is aimed at considering the sustainability of the regulatory order and its change, which allows us to answer interrelated questions.: who implements the regulatory order and how, and what processes it is aimed at maintaining.*

Results of the study: *based on methodological principles, it became possible to identify the «mature form» and the «initial form» of the normative order. The «mature form» is a functioning system of norms and their functions that are implemented at a specific historical moment. The «initial form» is associated with non-reflexive, spontaneously emerging norms that arise as a response to the basic needs of a social group. Consideration of their genesis through the formation and functioning of social mechanisms of normative regulation allows us to explore the origin and historical trajectory of the normative order.*

Findings and conclusions: *in conclusion, the article shows the advantages of the functional genetic approach, which allows us to explore: the genesis of norms through socio-economic, political and cultural conditions and conflicts that gave rise to specific norms; cumulative causality of the normative order, when historically established normative structures limit and guide subsequent changes, creating «development trajectories»; transformation of the normative order in the form of conflicts, diffusion, adaptation to new conditions, reflexive modernization depending on social forces and processes that generate changes, withering away or changing norms, etc.*

Keywords: *normative order, mechanisms of social regulation, social control, legitimation of the normative order.*

For citation: Chernobrovkina N. I. *A functional-genetic approach to the study of the normative order / N. I. Chernobrovkina // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4 (115). – Pp. 195–200.*

Глубокие политические и социально-экономические потрясения в России и мире оборачиваются для социальных исследователей методологическим поиском теоретических перспектив изучения проблемы нормативного порядка. В теоретической социологии теории нормативного порядка длительное время являлись составной частью более широкой проблематики – социального порядка. Если изучение проблемы социального порядка позволяет ответить на вопрос, как возможно общество, то исследование тематики нормативного порядка направлено на выяснение особенностей регуляции отношений в социуме, конструирующих социальный порядок.

«Говоря о нормированности социальных действий, социолог предполагает существование и практическое функционирование комплекса «правил» (явных и неявных, более или менее осознаваемых акторами, формальных и неформальных, поведенческих, ментальных, языковых, моральных, правовых, обычая, этикета...etc...), которые конституируют социальный порядок через «игру по правилам», их выбор, критическое или некритическое принятие, интернализацию, отвержение или нарушение, предпочтение альтернативных наборов правил и т. д.» [1, с. 466].

Следовательно, при изучении проблемы нормативного порядка в теоретической социологии исследователи предлагают различные варианты ответа на вопрос о способах и значимости нормативной регуляции социального поведения и деятельности при организации социальной жизни. В социальной философии вопрос о формировании нормативного порядка ставится шире: важно не столько его обнаружение, сколько ответ на вопрос, почему общество нуждается в его осуществлении? Ответ на этот вопрос возможно получить, используя функционально-генетический подход, который позволяет рассмотреть природу, условия устойчивости и трансформацию нормативного порядка.

Функционально-генетический подход базируется на двух методологических принципах. Генетический принцип позволяет раскрыть природу нормативности и ответить на вопрос, как возникает нормативный порядок и почему общество нуждается в его осуществлении. Это происходит посредством контекстуального и исторического объяснения причин и способов формирования нормативного порядка. Функциональный принцип направлен на рассмотрение устойчивости нормативного порядка и его изменение, что позволяет дать ответ на взаимосвязанные вопросы: кто и как осуществляет нормативный порядок, на поддержание каких процессов он направлен?

Генетический и функциональный принципы находятся в диалектическом взаимодействии: изначально формирование нормативного порядка вызвано необходимостью

регулирования отношений в социальных группах в виде запрета и предписания, но его последующее функционирование в связи с дифференциацией деятельности направлено на закрепление, контроль и оправдание иерархических отношений в обществе, которые изменяют, трансформируют социальный контекст осуществления этого феномена, создавая новый, в котором его функции видоизменяются.

Следовательно, генезис нормативного порядка определяется изменяющимся социальным контекстом, зафиксировать который возможно выявляя его функции на различных этапах социального развития, обуславливающие сохранение и трансформацию норм. Функциональный принцип обеспечивает способ объяснения, как именно и почему нормативный порядок развивается и изменяется, а генетический принцип позволяет выявить основания, тенденции формирования и осуществления нормативного порядка. Их диалектическое взаимодействие выражается в рассмотрении нормативного порядка как результата исторического развития, обеспечивающего координацию и интеграцию общества, а также наличие социальных конфликтов, вызванных структурными ограничениями возможностей субъектов. Реализация этого подхода осуществляется посредством выявления «исходной формы» и «зрелой формы» нормативного порядка.

«Зрелая форма» нормативного порядка представлена в виде рационально обоснованного нормативного регулирования социальных отношений. Нормы рационально обосновываются, правовым образом закрепляются и транслируются. В зависимости от их целесообразности и соответствия принципу справедливости они признаются и соблюдаются в обществе. Поскольку современное общество сложно дифференцировано, то нормативный порядок выступает способом редукции этой сложности: взаимодействие индивидов и социальных групп в рамках иерархического нормативного порядка осуществляется благодаря приведению в соответствие норм принципам общественного устройства, а также установления контроля. В результате социальные отношения становятся более устойчивыми, а взаимодействия людей более предсказуемыми.

Нормативный порядок общества состоит из динамичных функциональных форм связей, конфликта и кооперации между людьми, через которые происходит их разъединение и интеграция под влиянием внутренних и внешних тенденций развития общества. Формирование ценностно-нормативного консенсуса зависит от соблюдения установленных норм посредством применения санкций к нарушителям порядка и субъективного признания значимости норм, их моральной оправданности и рациональной обоснованности.

Итак, рассмотрение «зрелой формы» нормативного порядка позволяет выявить его функции в современном обществе – редукции сложности дифференцированного общества, когда социальные отношения становятся более устойчивыми, а взаимодействия людей более предсказуемыми, и социальной интеграции, обеспечивающей соблюдение установленных норм и признания их субъективной значимости. Эти функции направлены на удовлетворения базовых потребностей людей по поддержанию уровня и качества жизни.

Рассмотрение генезиса нормативного порядка осуществляется посредством поиска его «исходной формы», что позволяет выявить действительные основания возникновения. «Исходная форма предмета, – писал ростовский философ А.В. Потемкин, – как специфически целостное образование соединяет в себе несоединимые черты: она является сплавом “формы, исходной для предмета (зародыша)” и “формы самого предмета (элементарной клеточки)”. Впоследствии “исходное образование”, вызвавшие к жизни предмет, находится в последнем… в модифицированном состоянии… Оно теперь не определяет предмет, а само определено объектом» [2, с. 445, 452]. С методологической точки зрения рассмотрение проблемы возникновения нормативного порядка предполагает выявление внешнего начала как «чего-то нового сравнительно с предшествующим уровнем природы» и внутреннего «чего-то, что будет изменяться» [3, с. 24]. Следовательно, поиск «исходной формы» нормативного порядка предполагает определение момента появления постоянно наличного признака в период его возникновения, что позволяет выявить атрибуты, присущие только этому явлению.

Возникновение нормативного порядка рассматривается в теоретической социологии как результат необходимого для жизни человека способа удовлетворения потребностей социальной группой посредством стереотипного и нерефлексивное привычного действия, которое закрепляется в ходе многочисленных повторов. В частности, У. Самнер отмечает, что «борьба за поддержание существования продолжалась не ин-

дивидуально, а группами. Каждый пользовался опытом другого, следовательно, была согласованность по отношению к тому, что показало себя наиболее целесообразным. В конце концов все следовали одному способу для достижения одной и той же цели, следовательно, способы превратились в обычаи и стали массовыми явлениями» [4, с. 11–12].

При выявлении внешнего начала нормативного порядка социологи следуют логике выведения одного атрибута из другого. Так, они отмечают, что «социальные нормы в историко-генетической перспективе представляют собой результат закрепления определенных способов человеческого поведения. В привычке такое закрепление совершается на индивидуальном уровне, а в обычае – на групповом. Когда коллективно разделяемые обычаи передаются из поколения в поколение, они образуют основы для традиции. Когда обычаи получают ценностно-идеологическое обоснование и оправдание, они превращаются в нравы. Законы – суть, разновидность обычаев, на страже которых стоит политически организованное сообщество (государство), вырабатывающее системы формальных санкций для нарушителей. Если обычай производит специальный аппарат для поддержания самого себя, он становится институтом» [5, с. 71].

В результате все усилия ученых направлены на поиск простого сравнительно-психологического начала возникновения социальных норм. Однако важен не столько поиск «абсолютного» атрибута нормативного порядка, сколько ответ на вопрос, почему общество нуждается в его установлении? Используемый социологами формально-логический подход, с исторически заданным и неизменным «абсолютным» атрибутом нормативного порядка, не позволяет ответить на этот вопрос, поскольку для этого необходимо установить момент появления и формирования его наличного признака.

Поиск наличного признака нормативного порядка в социально-философском аспекте сопровождается обращением к значениям термина «нормы», систематизация которых позволяет выявить следующие его смыслы: «Во-первых, это установленная мера, размер чего-либо, средняя величина чего-нибудь, во-вторых, обычай, установленный порядок, и в-третьих, общепризнанное узаконенное в определенной социальной среде установление; правило поведения людей в обществе, узаконенное установление, признанный обязательным порядок, строй чего-нибудь» [6, с. 108]. Этот анализ значений термина показывает, что, с одной стороны, «норма» может интерпретироваться как сущее, т. е. характеризует определенный класс явлений, выделяемых и обобщаемых по характерному признаку. С другой стороны, смысл этого термина предполагает долженствование, поскольку «норма» предписывает надлежащий образец оценки, суждения, действия. Следовательно, как подчеркивают исследователи, отличительной особенностью нормы является ее обязывающий и предписывающий характер, определяющий ее долженствование [7, с. 12].

Согласно функционально-генетическому подходу, выявление действительных оснований возникновения социальных норм возможно в эволюционно-историческом контексте, что позволяет установить причины и формы возникновения нормативного регулирования действий человека.

Анализ антропологических исследований свидетельствует о том, что «запрет и предписание» являлись историческими основаниями архаических коллективных норм, направленными на сохранение жизни человека. Они усваивались посредством некритической внушаемости знаком-словом, ограничивающей действие в результате абсолютной имитации. Суггестия-имитация как исторически первый способ регуляции поведения человека обеспечивала социальную интеграцию в форме родовой замкнутости коллективной общности и оппозицию по принципу «свои – чужие». Поведение, регулируемое архаическими нормами в виде предписаний и запретов, жестко регламентировано и имело ритуализированную и стандартизированную форму, отражающую отношения в коллективе. Долженствование архаических норм в традиционном обществе обеспечивалось мифологической формой обоснования и признания власти в условиях социальной иерархии. В создании легитимирующих мифов человечество проявило большое воображение: мифы о возникновении социальной организации и авторитетов; мифы о наследовании, подтверждающие, что порядки соответствуют намерениям их основателей; целевые мифы, предназначенные объяснить судьбоносную роль этноса и авторитетов для будущей жизни общества; мифа безопасности, определяющие «врагов», чья деструктивная воля противостоит судьбе общества.

Соответственно, нормативный порядок в традиционном обществе в виде «запрета и предписания» предполагал установление архаических норм, чье соблюдение обеспе-

чивалось внешней функцией социального контроля в условиях социального неравенства членов группы, культурное обоснование и признание которого осуществлялось мифом и ритуалом, что придавало архаическим нормам характер долженствования. Если внешняя функция социального контроля в традиционном обществе поддерживала нормативный порядок посредством угрозы или непосредственного применения физической силы, то социальная интеграция членов социальной группы, в виде мифологического обоснования и признания нормативного порядка, осуществлялась на основе веры в авторитет существующей власти.

Таким образом, функционально-генетический подход позволяет дать глубокое, контекстуально и исторически обоснованное объяснение, почему и как определенные правила становятся «порядком», а также как этот порядок меняется под воздействием внешних тенденций и социальных сил. Это становится возможным благодаря сочетанию функционального анализа роли норм в поддержании социальной стабильности и генетического анализа формирования и развития норм. В результате нормы рассматриваются не как статичные предписания, а как динамические образования, формирующиеся и трансформирующиеся в процессе социального развития, что позволяет ответить на вопрос, как нормативные системы возникают, закрепляются и изменяются в зависимости от политических, социально-экономических и культурных условий. Реализация этого подхода осуществляется посредством выявления «исходной формы» и «зрелой формы» нормативного порядка.

«Зрелая форма» нормативного порядка представляет собой действующую систему норм и их функций, реализующихся в конкретный исторический момент. Такими функциями являются редукция сложности дифференцированного общества, когда социальные отношения становятся более устойчивыми, а взаимодействия людей более предсказуемыми, и социальной интеграции, обеспечивающей соблюдение установленных норм и признания их субъективной значимости. Эти функции осуществляются посредством социальных механизмов нормативной регуляции – социального контроля и легитимации нормативного порядка, которые связывают генезис и функционирование норм с их социальными эффектами.

«Исходная форма» нормативного порядка связана с нерефлексивными, стихийно складывающимися нормами, которые возникают как ответ на базовые потребности социальной группы. Эти нормы регулируют ограниченный круг отношений (семейные, родовые, племенные связи) и обосновываются через гилозоизм, тотемизм, культ предков, которые воспроизводятся через обычаи, ритуалы, мифы. Выявление «исходной формы» позволяет исследовать происхождение и историческую траекторию нормативного порядка посредством формирования и функционирования социальных механизмов нормативной регуляции. В этом случае важно выяснить, как они формируются в условиях генезиса норм, опосредованного социально-экономическим, политическим и культурным контекстом, и участвуют в институционализации норм в виде перехода от практик к договоренностям, формально закрепляющим властные решения, которые кристаллизуются в устойчивые правовые нормы и институты.

Рассмотрение диалектики «исходной и зрелой форм» с позиций функционально-генетического подхода позволяет проследить преемственность и трансформацию нормативного порядка: в «зрелой форме» сохраняются элементы исходной (например, традиционные ценности в современном праве), а исходные нормы могут эволюционировать в рациональные (обычай – закон). Однако в кризисных ситуациях, нормативного диссонанса или конфликта, когда происходит рассогласование нормативных комплексов (формального/неформального), объяснение причин, динамики и последствий нормативных изменений возможно с помощью социальных механизмов нормативной регуляции. Их изучение особо целесообразно в контексте кумулятивной каузальности нормативного порядка, когда исторически сложившиеся нормативные структуры ограничивают и направляют последующие изменения, создавая «траектории развития», или трансформации нормативного порядка в виде конфликтов, диффузии, адаптации к новым условиям, рефлексивной модернизации в зависимости от социальных сил и процессов, порождающих изменения, отмирания или смену норм.

Список источников

1. Подвойский Д.Г. Генезис «нормативных порядков» общества и оппозиция «субъект – структура»: от человека к институтам и обратно // Вестник РУДН. 2016. № 3. Т. 16.

2. Потемкин А.В., Бастричев С.Г. Понятие «исходной формы предмета» и его методологическое значение для естествознания //

References

1. Podvoisky D.G. The genesis of the «normative orders» of society and the «subject-structure» opposition: from man to institutions and back // Bulletin of the RUDN University. 2016. № 3. Vol. 16.

2. Potemkin A.V., Bastrichev S.G. The concept of the «initial form of the subject» and its methodological significance for natural

Метафизические диатрибы на берегах Кизитеринки. Ростов н/Д, 2003.

3. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М., 1974.

4. Самнер У. Народные обычаи: Исследование социологического значения обычаев, манер, привычек, нравов и этики // Рубеж: альманах социальных исследований. 1998. № 12.

5. Подвойский Д.Г. Рождение правил, или «С чего начинается общество?» (нормативные атрибуты социального и оппозиция «субъект-структура») // Нормы и мораль в социологической теории: от классических концепций к новым идеям / отв. ред.: И.Ф. Девятко, Р.Н. Абрамов, И.В. Катерный. М., 2017.

6. Попова Е.В. Содержание понятия «норма»: основные смыслы // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 38(329).

7. Девятко И.Ф. Понятие нормы в социологической теории: от классических оснований к новым интерпретациям природы норм и множественности нормативных систем // Нормы и мораль в социологической теории: от классических концепций к новым идеям / отв. ред.: И.Ф. Девятко, Р.Н. Абрамов, И.В. Катерный. М., 2017.

science // Metaphysical diatribes on the shores of Kiziterinka. Rostov-on-Don, 2003.

3. Porshnev B.F. On the beginning of human history (problems of paleopsychology). Moscow, 1974.

4. Sumner W. Folk customs: A study of the sociological significance of customs, manners, habits, morals and ethics // Rubezh: Almanac of Social Research. 1998. № 12.

5. Podvoisky D.G. The birth of rules, or «Where does society begin?» (normative attributes of the social and the opposition «subject-structure») // Norms and morality in sociological theory: from classical concepts to new ideas / ed.: I.F. Devyatko, R.N. Abramov, I.V. Katerny, Moscow, 2017.

6. Popova E.V. The content of the concept of «norm»: the main meanings // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2013. № 38 (329).

7. Devyatko I.F. The concept of norm in sociological theory: from classical foundations to new interpretations of the nature of norms and the multiplicity of normative systems // Norms and morality in sociological theory: from classical concepts to new ideas / ed.: I.F. Devyatko, R.N. Abramov, I.V. Katerny, Moscow, 2017.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чернобровкина Наталья Игоревна, *кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры экономической социологии и регионального управления. Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета. 344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Chernobrovkina Natalya Igorevna, *PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economic Sociology and Regional Management. Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University. 160, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don 344006 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 4 (115). – С. 201–206.
Philosophiya prava. 2025. № 4 (115). – Pp. 201–206.

Научная статья
УДК 130.2

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОГО БУДДИЗМА: ИСТОРИКО-РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Бурлуцкий Андрей Николаевич
Ростовский филиал Российской таможенной академии, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, aburlutskiy@mail.ru

Введение: *в статье автор обращается к ценностно-нормативным правоведческим положениям буддийской философии, в основе которых лежат религиозная догматика и этическое мировоззрение. Актуализирован исторический и религиоведческий подходы к определению и описанию философско-правовых особенностей российского буддизма, рассмотрено содержание представлений о правоотношениях в традиционном буддийском обществе в рамках анализа основных понятий буддийской философии.*

Материалы и методы: *в ходе исследования философско-правовых особенностей российского буддизма используются следующие методы: историко-религиоведческий анализ, исторический и религиоведческий подходы, метод дескрипции, метод сравнительного анализа, метод контент-анализа.*

Результаты исследования: *в контексте историко-религиоведческого анализа установлено содержание философско-правовых особенностей российского буддизма, которые определяются религиозно-нормативными положениями философии махаяны; определены религиозно-философские учения, регламентирующие правовые отношения в буддийском обществе; описаны специфика буддийского права и нравственные основания правил поведения; охарактеризованы государственно-религиозные отношения буддийских сообществ с российским государством в историческом и современном контекстах.*

Выводы и заключения: *философско-правовые особенности российского буддизма характеризуются религиозно-нормативной обоснованностью и нравственно-правовой спецификой, поскольку основой традиционных правовых отношений в традиционных буддийских сообществах России является регионально-национальная религия и этническая культура. При этом государственно-религиозные отношения буддийских организаций и светского государства, каким является Россия, носят государственно-конфессиональный характер и регламентируются нормативными правовыми актами, прежде всего Конституцией РФ и Федеральным законом от 26.09.1997 № 125 ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях».*

Ключевые слова: *российский буддизм, философско-правовые особенности, буддийское право, религиозные основания правоотношений, духовно-нравственные ценности.*

Для цитирования: Бурлуцкий А. Н. *Философско-правовые особенности российского буддизма: историко-религиоведческий анализ / А. Н. Бурлуцкий // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4 (115). – Pp. 201–206.*

Original paper

PHILOSOPHICAL AND LEGAL FEATURES OF RUSSIAN BUDDHISM: HISTORICAL AND RELIGIOUS STUDIES ANALYSIS

Burlutsky Andrey Nikolaevich
Rostov Branch of the Russian Customs Academy, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *in the article, the author refers to the value-normative legal provisions of Buddhist philosophy, which are based on religious dogma and ethical worldview. The historical and religious approaches to the definition and description of the philosophical and legal features of Russian Buddhism are updated, the content of ideas about legal relations in traditional Buddhist society is considered within the framework of the analysis of the basic concepts of Buddhist philosophy.*

Materials and methods: *in the course of the study of the philosophical and legal features of Russian Buddhism, the following methods are used: historical and religious studies analysis, historical and religious approaches, the method of description, the method of comparative analysis, the method of content analysis.*

Results of the study: *in the context of historical and religious studies analysis, the content of the philosophical and legal features of Russian Buddhism is established, which are determined by the religious and normative provisions of Mahayana philosophy; religious and philosophical teachings regulating legal relations in Buddhist society are identified; the specifics of Buddhist law and the moral foundations of the rules of conduct are described; the state-religious relations of Buddhist communities with the Russian state are characterized in historical and modern contexts.*

Findings and conclusions: *the philosophical and legal features of Russian Buddhism are characterized by religious and normative validity and moral and legal specifics, since the basis of traditional legal relations in the traditional Buddhist communities of Russia is the regional-national religion and ethnic culture. At the same time, state-religious relations between Buddhist organizations and a secular state, such as Russia, are of a state-confessional nature and are regulated by regulatory legal acts, primarily the Constitution of the Russian Federation and Federal Law № 125 FL dated 26.09.1997 «On Freedom of Conscience and Religious Associations».*

Keywords: *Russian Buddhism, philosophical and legal features, Buddhist law, religious foundations of legal relations, spiritual and moral values.*

For citation: Burlutsky A. N. *Philosophical and legal features of Russian buddhism: historical and religious studies analysis / A. N. Burlutsky // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4 (115). – Pp. 201–206.*

Россия многонациональная и многоконфессиональная страна. По итогам переписи 2021 г. в ней проживают более 193 народов и этнических групп. Традиционно в России исповедуются три мировые религии, такие как христианство, ислам, буддизм, и одна национальная – иудаизм. Президент Российской Федерации В.В. Путин неоднократно указывал, что Россия «уникальная, самобытная цивилизация – многонациональный и многоконфессиональный народ, который при всем своем внутреннем многообразии был и будет единым». В настоящее время, когда меняется глобальный мир и формируется многополярный, когда Россия должна ответить на геополитические, экономические и социокультурные вызовы, важно единение российского народа, основанного на уважении к другим культурам и религиям.

Буддизм как составная часть российского культурного и религиозного пространства играет важную роль в понимании смысла традиционных духовно-нравственных ценностей многонациональной России, к которым относятся патриотизм, служение Отечеству, справедливость, крепкая семья, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. Сведения о буддизме стали проникать в Россию с XII в. [1], а распространяться буддизм на территории России начал с XVII в., заняв с этого времени свое социокультурное место в российской многоконфессиональной системе. Традиционно буддийскими народами, проживающими на территории нашей страны, являются буряты, калмыки и тувинцы, общая численность которых составляет около 900 тыс. человек. Важно отметить, что буддизм всегда вызывал большой интерес представителей русской культуры. Достаточно вспомнить творчество философов: В.С. Соловьева («Оправдание добра»), Н.А. Бердяева («О назначении человека. Опыт парадоксальной этики»), Н.О. Лосского («Учение о перевоплощении»), С.Л. Франка («Учение о переселении душ (религиозно-исторический сборник)») [2]; писателей: Л.Н. Толстого («Исповедь»), И.А. Бунина («Братья», «Город Царя Царей»), К.Д Бальмонта («Не лучше ли страдание», «Будда») [3]; художников: Н.К. Рериха («Будда Победитель»), В.В. Верещагина («Калмыцкая молельня»).

Кроме этого, следует указать, что сегодня, когда Россия сделала «поворот на Восток» и приоритетом международных отношений стали некоторые страны Восточной Азии (прежде всего Китай) с традиционной буддийской культурой, актуализируется необходимость изучения буддизма в целом и российского буддизма в частности как религиозного и социокультурного явления. Такой подход позволяет: во-первых, лучше понять менталитет, историю и культуру дружественных стран с буддийской историей; во-вторых, определить ценность буддизма как составной части многонациональной и многоконфессиональной культуры России; в-третьих, рассматривать российский буддизм как связующее культурное звено между Россией и странами с буддийскими традициями [4].

Буддизм – это сложная мировоззренческая система, составными частями которой,

по словам неформального лидера буддийского мира Далай-ламы XIV, являются философия (онтология, гносеология, аксиология, этика), психология (медитативные психопрактики), религия (культовая деятельность, религиозная организация). Основная цель буддизма сводится к выходу из «колеса перерождений» (сансара) и достижению нирваны, характеризующейся особым состоянием сознания, при котором адепт не испытывает страданий в контексте психологического, социального и физического бытия. Буддизм хронологически первая мировая религия, возникшая в северо-восточной части Индии в VI в. до н. э. Основателем буддизма считается принц из рода Шакья – Сиддхартха Гаутама, который в возрасте 35 лет стал Буддой, т. е. достиг пробуждения [5].

В настоящее время буддизм представлен тремя направлениями:

1) Хинаяна (I в. до н. э.) – «малая колесница» (самоназвание представителей этого направления тхеравада – «учение старейшин») или так называемый «Южный буддизм», который исповедуется в Шри-Ланке, Таиланде, Лаосе, Камбодже, Мьянме. Отличительной особенностью хинаяны является отношение к нирване, достичь которую может только монах через много перерождений, ставший архатом. Основной текст хинаяны «Палийский канон» («Типитака»).

2) Махаяна (I в. до н. э. – I в. н. э) – «большая колесница» или «Северный буддизм», который исповедуется в Тибете, Монголии, России (Бурятии, Калмыкии, Туве), Китае, Японии, Кореи, Вьетнаме. Отличительной особенностью махаяны является отношение к нирване, достичь которую может и монах, и мирянин через много перерождений. В махаяне развит культ бодхисаттвы – духовного лица, достигшего нирваны и остающегося в мире перерождений (сансара) с целью помочь всем страдающим существам. Основные тексты махаяны – сутры (например, «Сутра Сердца Благословенной Праджняпарамиты», «Сутра Золотистого Света» и др.).

3) Ваджраяна (V в.) – «алмазная колесница», которая сформировалась внутри махаяны, но от толкования сутр перешла к практике тантр. Исповедуется в Тибете, Монголии, России (Бурятии, Калмыкии, Туве), Японии, Непале. Отличительной особенностью ваджраяны является отношение к нирване, достичь которую может любой человек за одну жизнь, если он стал йогином и совершает психофизические практики. Основные тексты ваджраяны – тантры (например, «Гухьясамаджа тантра», «Хеваджра тантра», «Калачакра тантра» и др.) [6].

Следует отметить, что российский буддизм относится к тибетскому буддизму махаяны и отчасти ваджраяны, поскольку исторически формировался в контексте религиозно-культурных традиций народов Тибета и Монголии. В настоящее время тибетский буддизм представлен четырьмя школами: ньингма (VIII в.), сакья (XI в.), кагью (XII в.), гелуг (XV в.). Первые три школы являются тантрическими учениями буддизма ваджраяны, четвертая – школа буддизма махаяны, широко использующая тантрические практики ваджраяны. Учения школы гелуг (переводится с тибетского как «учение добродетели»), основателем которой признается Чже Цонкапа, являются официальной религиозной доктриной российского буддизма, а глава этой школы Далай-лама XIV считается неформальным религиозным лидером буддистов России [6]. Необходимо указать, что хотя буддисты России признают духовный авторитет Далай-ламы XIV, управление сангхами (общинами) в настоящие время осуществляют национальные религиозные лидеры: Пандито Хамбо-лама Дамба Аюшеев – у бурят, Шаджин-лама Мутул Овьянов – у калмыков и Камбы-лама Гелек Нацык Дорджу – у тувинцев.

Впервые буддизм на территории России появился в начале XVII в., когда калмыки (ойраты), исповедующие буддизм и изначально проживавшие на западе Монголии, получили в 1609 г. от царя Василия Шуйского право кочевать в степных районах Российского государства и фактически стали одним из народов России [7].

После присоединения к России Прибайкалья и Забайкалья, по Нерчинскому (1689 г.) и Кяхтинскому (1727 г.) мирным договорам с Китаем и в результате разделения границей монгольских племен, начал формироваться новый этнос – буряты, территории которых были включены в государственно-административную систему Российской империи. С того времени буряты, исповедующие буддизм, стали одним из народов многонациональной России. Важно указать, что официальная дата принятия буддизма в России связана с историей бурят, когда в 1741 г. императрица Елизавета Петровна подписала именной Указ о признании буддизма («ламской веры») одной из государственных религий России. Согласно Указу бурятские ламы признавались духовным сословием, которое освобождалось от налогов и имело право вести религиозные проповеди [8].

Хронологически третьим буддийским народом России являются тувинцы, терри-

тория проживания которых под названием Урянхайский край попала под протекторат России в 1914 г., а окончательно вошла в ее состав (тогда СССР) под названием Тувинская Народная Республика в 1944 г. Необходимо отметить, что тувинцы единственный тюркский народ, исповедующий буддизм [9].

Буддийское право народов России, исповедующих буддизм, развивалось в рамках тибетского буддизма аутентичного изначальному индийскому буддизму. Оно по существу определяется как система религиозных норм и предписаний, нравственных установок, правил поведения и национальных традиций, основанных на учении Будды. Следует отметить, что целостной системы буддийского права в чистом виде не существует, например, такой как система исламского права (шариат, фикх). Источниками буддийского права являются религиозно-философские тексты («Типитака», сутры), нормативно-этические положения и нравственные предписания буддийских народов. Буддийское право характеризуется прежде всего философско-правовыми особенностями, которые вытекают из религиозно-философской догматики буддизма [10]. Важно указать, что Российская Федерация по Конституции является светским государством (ст. 14), исходя из чего буддийское право народов России носит не нормативно-правовой, государственно-регламентирующий, а региональный, национально-религиозный, духовно-нравственный, этический характер.

Философско-правовые особенности российского буддизма в своей основе определяются религиозным мировоззрением, которое обусловливает формирование нравственных ценностей и правил должного поведения в обществе. Религиозные нормы в контексте формирования и реализации социальных отношений приобретают правовое содержание и влияют на правосознание людей. Для буддизма махаяны, исповедующегося буддийскими народами России, характерно стремление не к правовой свободе и справедливости, а состоянию внутренней гармонии, которая достигается «состраданием ко всем живым существам» и выполнением религиозных обетов. В буддизме религиозные обеты принимают форму правовых норм. К таким обетам буддиста мирянина относятся: во-первых, непричинение вреда, отказ от убийства (ахимса); во-вторых, отказ от воровства (астея); в-третьих, отказ от прелюбодеяния и неправильного сексуального поведения (кама-митхьячара); в-четвертых, отказ от лжи и обмана (сатья); в-пятых, отказ от употребления алкоголя и дурманящих сознание веществ (мадьяпана). Выполнение обетов, с точки зрения буддизма, способствует оптимизации социальных отношений и нравственно-духовному развитию членов общества. Религиозно-этический подход к правоведческим проблемам является философско-правовой особенностью российского буддизма, суть которой сводится к формированию духовно-нравственной личности, отвечающей запросам общества и государства [11]. В этом контексте центральные буддийские религиозные организации России – «Буддийская традиционная сангха России» (БТСР) в Бурятии, «Объединение буддистов Калмыкии» (ОБК) и «Объединение буддистов Тувы» (ОБТ) – уделяют должное внимание образованию и воспитанию молодежи, популяризации традиционных духовных, культурных, семейных ценностей буддизма и профилактике антисоциального поведения.

Философско-правовые особенности российского буддизма определяются основными религиозно-философскими догматами буддизма: учением о четырех благородных истинах (чатвари арья сатьяни), учением о благородном восьмеричном пути (арья аштанга марга), учением о взаимозависимом происхождении (пратитья самутпада), учением о «колесе перерождения» (сансара), учением о действии (карма), учением о прекращении страданий, выходе из «колеса перерождений» и достижении трансцендентного состояния сознания (нирвана).

Учение о четырех благородных истинах: 1) жизнь есть страдание; 2) причина страданий – желание; 3) отказ от желаний уменьшает страдания; 4) избавиться от страданий и достичь нирваны можно следуя восьмеричному пути. Благородный восьмеричный путь – это нравственное делание с целью достижения нирваны. Для этого необходимо: правильные воззрения; правильное намерение; правильная речь; правильные действия; правильный образ жизни; правильные усилия; правильное осознание; правильное сосредоточение. Согласно учению о взаимозависимом происхождении причина обусловливает следствие («если делаешь это, то и получишь это»). Соответственно, чтобы прекратить страдания, выйти из «колеса перерождения» и достичь нирваны, необходимы правильные кармические действия в контексте благородного восьмеричного пути [12].

Таким образом, философско-правовые особенности российского буддизма, которые определяются религиозно-философской догматикой, можно описать следующими

тезисами: «Поступай нравственно по отношению к природе, обществу и человеку!», «Нравственные кармические действия обусловят прекращение страданий, выход из «колеса перерождения» и достижение нирваны!». Исходя из этого, можно сделать вывод, что правовые отношения в традиционном буддийском обществе основываются на религиозно-философской догматике и носят этический характер.

В рамках религиозно-философской догматики следует описать философско-правовую особенность российского буддизма, касающуюся государственно-правовых отношений. В целом отношения буддийских народов России и государства исторически строились по этическому принципу «ценностно-нормативной аксиоматики социального действия». Социальное действие в буддизме необходимо рассматривать в контексте учения о карме, согласно которому если человек исповедует и реализует религиозно-нормативное ценности, то его ждет лучшее перерождение, выход из «колеса сансары» и достижение нирваны. Лучшее перерождение в мире людей (в отличие, например, от мира животных или адских миров) для буддиста возможно, когда он в рамках социального действия опирается на «три драгоценности» (триратна) буддизма: на Будду Шакьямуни, показавшего путь к пробуждению и высшему нравственному состоянию, на Дхарму (учение Будды), регламентирующие социальное действие, и Сангху (религиозную общину), члены которой вступают в религиозно-нормативные социальные отношения. «Три драгоценности» буддизма как ценностно-нормативная аксиоматика социального действия лежат в основе реализации государственно-правовых отношений, которые в буддийском обществе реализуются на трех социально-иерархических уровнях, свидетельствующих о духовном уровне его членов и определяющих их социально-религиозный статус.

Традиционное буддийское общество включает институт монахов, послушников и мирян [13]. Высшим авторитетом обладают монахи, но в контексте государственно-правовых отношений особым статутом наделяется мирянин – государь покровитель буддизма. В истории России все русские самодержцы, начиная с Екатерины II (с 1766 г.), за покровительство российскому буддизму признавались буддийскими духовными лидерами воплощением божества милосердия, долгой и полноценной жизни Белой Тары.

Важно указать, что государственно-правовые отношения между российским государством и буддийскими сообществами России в разные исторические периоды осуществлялись по-разному. Их можно охарактеризовать как частично ограничивающие права при тотальном приоритете православия в период Российской империи, как радикально секулярные в период СССР и как государственно-конфессиональные в светском государстве, которым является Российская Федерация. В настоящее время государственно-правовые отношения между государством и буддийскими организациями регламентируются Федеральным законом от 26.09.1997 № 125 ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» [14].

Анализ философско-правовых особенностей российского буддизма актуализирует необходимость рассмотрения проблем отношения к убийству, войне и участия в ней, поскольку догматическое положение о «непричинении вреда всему живому» (ахимса) запрещает буддистам участие в боевых действиях. При этом если обратиться к истории буддийских народов России, то можно выявить факт участия бурят, калмыков и тувинцев во всех войнах, в которых участвовала страна. Более того, лучшие представители этих народов, наряду с представителями других народов многонациональной России, проявляли мужество и героизм, самоотверженное служение Отечеству. Исходя из буддийского учения махаяны, основывающиеся на сострадательном отношении ко всем живым существам, убийство возможно, если оно остановит убийство или страдание большего количества людей. Например, убийство террориста, захватившего заложников, с точки зрения учения махаяны, освободит самого террориста от «тяжелых» кармических последствий и спасет жизни заложников. Убийство, которое сопровождается минимальными негативными кармическими последствиями и освобождает других людей от страдания, оправдано. Проблема войны и участия в ней решается в российском буддизме махаяны положительно, если принять во внимание, что защищать свою страну – это долг. Если воин-буддист идет на войну не с намерением убивать, а с чувством долга защищать свою родину, при этом не испытывает к врагу ненависти, а проявляет сострадание, то участие в войне оправдано [15].

Список источников

1. Цветков Д.В. Первые в России сведения о буддизме // Вопросы истории. 2023. № 12(2).
2. Бернюкевич Т.В. Буддизм в российской философской культуре: «чужое» и «свое». М., 2009.
3. Бернюкевич Т.В. Буддизм в русской литературе конца XIX – начала XX века: идеи и реминисценции. СПб., 2018.
4. Багаева К.А. Буддизм в контексте государственно-религиозных отношений в российском обществе // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2023. № 4.
5. Торчинов Е.А. Введение в буддизм: курс лекций. СПб., 2005.
6. Андросов В.П. Индо-тибетский буддизм. Энциклопедический словарь. М., 2011.
7. Бакаева Э.П. Буддизм в Калмыкии: историко-этнографические очерки. Элиста, 1994.
8. Буддизм в истории и культуре бурят / отв. ред. И.Р. Гарри. Улан-Удэ, 2014.
9. Монгуш М.В. История буддизма в Туве (вторая половина VI – конец XX в. Новосибирск, 2001.
10. Галиев М.С., Архипкина Е.Р. Теоретико-правовой аспект религиозного права и буддизма в современной государственности // Право и практика. 2023. № 4.
11. Левченко И.В. Буддизм как система правил поведения // Baikal Research Journal. 2018. № 3. Т. 9.
12. Философия буддизма: энциклопедия / отв. ред. М.Т. Степанянц. М., 2011.
13. Островская-мл. Е.А. Воины радуги: институционализация буддийской модели общества в Тибете. СПб., 2008.
14. Бадмацыренов Т.Б., Бадмацыренова Е.Л. Буддизм, государство и право в России: развитие современной модели государственно-конфессиональных отношений // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 4.
15. Терентьев А.А. Оправдывает ли буддизм убийства и войны // Человек. 2022. № 6. Т. 33.

References

1. Tsvetkov D.V. The first information about Buddhism in Russia // Questions of history. 2023. № 12(2).
2. Bernyukevich T.V. Buddhism in Russian philosophical culture: «alien» and «one's own». Moscow, 2009.
3. Bernyukevich T.V. Buddhism in Russian literature of the late 19th – early 20th century: ideas and reminiscences. St. Petersburg., 2018.
4. Bagaeva K.A. Buddhism in the context of state-religious relations in Russian society // Bulletin of the Buryat State University. Philosophy. 2023. № 4.
5. Torchinov E.A. Introduction to Buddhism: a course of lectures. St. Petersburg, 2005.
6. Androsov V.P. Indo-Tibetan Buddhism. Encyclopedia. Moscow, 2011.
7. Bakaeva E.P. Buddhism in Kalmykia: historical and ethnographic essays. Elista, 1994.
8. Buddhism in the history and culture of the Buryats / ed. by I.R. Garry. Ulan-Ude, 2014.
9. Mongush M.V. The history of Buddhism in Tuva (the second half of the VI – the end of the XX century. Novosibirsk, 2001.
10. Galiev M.S., Arkhipkina E.R. Theoretical and legal aspect of religious law and Buddhism in modern statehood // Law and practice. 2023. № 4.
11. Levchenko I.V. Buddhism as a system of rules of conduct // Baikal Research Journal. 2018. № 3. V. 9.
12. Philosophy of Buddhism: an encyclopedia / ed. by M.T. Stepanyants, Moscow, 2011.
13. Ostrovskaya, Jr. E.A. Warriors of the Rainbow: institutionalization of the Buddhist model of society in Tibet. St. Petersburg, 2008.
14. Badmatsyrenov T.B., Badmatsyrenova E.L. Buddhism, the state and law in Russia: the development of a modern model of state-confessional relations // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2016. № 4.
15. Terentyev A.A. Does Buddhism justify murder and war? 2022. № 6. V. 33.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бурлуцкий Андрей Николаевич, *кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин. Ростовский филиал Российской таможенной академии. 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пр. Буденновский, 20.*
ORCID: 0009-0004-4412-9508

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Burlutsky Andrey Nikolaevich, *PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities. Rostov branch of the Russian Customs Academy. 20, Budennovskiy Ave., Rostov-on-Don 344002 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 4 (115). – С. 207–211.
Philosophiya prava. 2025. № 4 (115). – Pp. 207–211.

Научная статья
УДК 81’32

ДИНАМИКА ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА: ПРЕДЕЛЫ ИИ-РЕПРОДУКЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ЭТИКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Внуковская Анастасия Васильевна
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, vnykastya@mail.ru

Введение: *в статье рассматривается вопрос об ограничениях искусственного интеллекта (ИИ) в воспроизведении вариативности естественного языка, обусловленной экстралингвистическими факторами (социум, культура, происходящие в мире события), и анализируются этико-правовые вызовы определения субъекта ответственности за генерируемый контент. Исследование сочетает филологический анализ с правовыми нормами, подчеркивая необходимость антропоцентричного регулирования ИИ.*

Материалы и методы: *при проведении исследования использовались философские, общенаучные и частнонаучные (диалектической и формальной логики, системный), теоретические (анализ и синтез литературы по проблеме исследования) и эмпирические методы. Материалом послужили корпусы русскоязычных научных статей (Национальный корпус русского языка и eLIBRARY).*

Результаты исследования: *на данном этапе развития искусственный интеллект способен лишь воспроизвести речь человека, опираясь на имеющиеся образцы текстов. Однако язык представляет собой постоянно изменяющийся феномен, вариативность которого напрямую зависит от ряда экстралингвистических факторов, которые ИИ в силу своей технократической природы воспроизвести полноценно не может. Это направление остается перспективным для исследования и требует решения важных этических и правовых вопросов, связанных с определением субъекта ответственности.*

Выводы и заключения: *правовой аспект формализации естественного языка посредством трансформеров, ключевой особенностью которых является механизм внимания, включает риски цифрового неравенства и языковой дискриминации, возникающие из-за неравномерной цифровизации языков в больших языковых моделях. Это проявляется в ограниченном доступе носителей менее цифровизованных языков к технологиям NLP, что может нарушать конституционные права на равенство. Кроме того, юридические тексты с их сложной грамматикой и специфической лексикой требуют дообучения трансформеров (например, BERT, Electra) на специализированных датасетах для классификации документов, анализа контрактов и семантической близости, с учетом норм защиты персональных данных и авторских прав при обучении моделей. Таже необходимо правовое регулирование сбора и использования корпусов данных.*

Ключевые слова: *естественный язык (ЕЯ), искусственный интеллект (ИИ), компьютерная лингвистика, большие языковые модели (LLM), экстралингвистические факторы.*

Для цитирования: Внуковская А. В. *Динамика естественного языка: пределы ИИ-репродукции и проблемы этико-правовой ответственности / А. В. Внуковская // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4 (115). – С. 207–211.*

Original paper

THE DYNAMICS OF NATURAL LANGUAGE: THE LIMITS OF AI REPRODUCTION AND ETHICAL AND LEGAL RESPONSIBILITY ISSUES

Vnukovskaya Anastasia Vasilievna
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *the article examines the limitations of artificial intelligence (AI) in reproducing the variability of natural language caused by extralinguistic factors (society, culture, events taking place in the world), and analyzes the ethical and legal challenges of determining the subject of responsibility for the generated content. The study combines philological analysis with legal norms, emphasizing the need for anthropocentric regulation of AI.*

Materials and methods: *the research used philosophical, general scientific and private scientific (dialectical and formal logic, systematic), theoretical (analysis and synthesis of literature on the research problem) and empirical methods. The material was the corpus of Russian-language scientific articles (National Corpus of the Russian language and eLibrary).*

Results of the study: *at this stage of development, artificial intelligence is only able to reproduce human speech based on available text samples. However, language is an ever-changing phenomenon, the variability of which directly depends on a number of extralinguistic factors that AI, due to its technocratic nature, cannot fully reproduce. This area remains promising for research and requires solving important ethical and legal issues related to the definition of the subject of responsibility.*

Findings and conclusions: *the legal aspect of the formalization of natural language through transformers, the key feature of which is the mechanism of attention, includes the risks of digital inequality and linguistic discrimination arising from the uneven digitalization of languages in large language models. This is reflected in the limited access of speakers of less digitalized languages to NLP technologies, which may violate constitutional rights to equality. In addition, legal texts with their complex grammar and specific vocabulary require additional training of transformers (for example, BERT, Electra) on specialized datasets for document classification, contract analysis and semantic proximity, taking into account the norms of personal data protection and copyright when training models. Legal regulation of the collection and use of data corpora is also necessary.*

Keywords: *natural language, artificial intelligence, computational linguistics, large language models (LLM), extralinguistic factors.*

For citation: Vnukovskaya A. V. *The dynamics of natural language: the limits of AI reproduction and ethical and legal responsibility issues / A. V. Vnukovskaya // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4 (115). – Pp. 207–211.*

Современное общество активно развивается в русле цифровизации. Во многие сферы жизни интегрируются технологии искусственного интеллекта (далее – ИИ), облегчая и ускоряя различные процессы как в профессиональной деятельности, так и в личной жизни. В связи с этим возникла необходимость в разработке новых подходов к решению задач обработки естественного языка (Natural Language Processing, NLP).

Формализация грамматики направлена на понимание закономерностей функционирования естественного языка с целью его последующего воссоздания и использования в качестве полноценного инструмента общения. Подобные попытки предпринимались и ранее, например, при создании искусственных языков (волапюк, эсперанто). Эти языки так и не получили широкого распространения, в том числе и потому, что не имели ни истории, ни культуры, и следовательно, для каждого народа были инородными, оторванными от национального культурного кода, и не отражали их миропонимание. Тем не менее исследователям представлялось «перспективным применение логического подхода к проблеме автоматизации обработки естественно-языковых текстов с помощью ЭВМ» [1, с. 85]. Сейчас мы можем наблюдать успешные попытки применения искусственно воспроизводимого языка, например, в ботах различных банков и сервисов. Они довольно удобны, но есть этические и правовые вопросы, которые еще предстоит решить.

Ноам Хомский обращал внимание на врожденный характер языка, считая языковую способность неотъемлемой частью человеческого организма наряду с другими системами жизнеобеспечения (кровоснабжение, зрение, слух и т. д.). В его концепции язык и мышление неразрывно связаны, т. к. каждый из них является как условием для существования друг друга, так и формой совместного проявления. Он утверждал, что формирование языка начинается с абстрактных синтаксических структур, постепенно конкретизируясь в различных языковых единицах и элементах [2].

Ученый считал, что логика, согласно которой люди выстраивают предложения и оперируют языковыми конструкциями, продиктована их психофизиологическими особенностями. Универсальная грамматика, по Хомскому, задается не правилами, а конечным набором фундаментальных принципов, общих для всех языков, и параметров, определяющих языковую вариативность. Глубинная структура определяет семантическую интерпретацию предложения, а поверхностная связана с физической формой высказывания и его фонетической интерпретацией. Результатом стремления формализовать грамматику становится система кодирования информации, позволяющая перевести множество высказываний естественного языка на универсальный метаязык/код, в котором не остается места семантике [2].

Как отмечают А.В. Топилина и В.Б. Рожковский, «человек в своей деятельности…

опирается на опыт во всей его специфически «человеческой» полноте, включая духовно-мистический опыт, художественно-образное мышление, подсознательные интуитивные «подсказки», вообще использует в жизненном опыте целый ряд как рациональных, так и иррациональных факторов и мотивов» [3, с. 234]. Искусственный интеллект успешно имитирует речевую деятельность человека и решает практические задачи, в то же время он вследствие механического (нетворческого) воспроизведения не способен выполнять коммуникативные функции в полном объеме.

Целью этого исследования является разработка филологической модели оценки пределов ИИ в динамике естественного языка (далее – ЕЯ) и концепции распределенной ответственности за его применение. В связи с этим были поставлены следующие задачи: проанализировать влияние экстралингвистических факторов на вариативность ЕЯ и потенциал ИИ в их моделировании; выявить этические риски предвзятости в репродукции языка ИИ и правовые пробелы в определении субъекта ответственности.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в условиях быстрого развития больших лингвистических моделей LLM (ChatGPT, YandexGPT) ИИ воспроизводит ЕЯ на основе статичных корпусов, игнорируя динамику, зависящую от экстралингвистических факторов, что порождает этические и правовые (ответственность) риски. Новизна заключается в модели «динамического языкового мониторинга», интегрирующей экстралингвистические метрики с филологическими онтологиями для предсказания сдвигов ЕЯ.

Теоретическая значимость исследования состоит в дополнении компьютерной лингвистики концепцией «пострепродуктивного языка», уравновешивающего технократию ИИ с антропологией ЕЯ. Практическая ценность определяется установлением рамки ответственности (разработчик-пользователь-ИИ) для регуляции контента.

Язык – сложная многоуровневая и многокомпонентная система. Традиционные компьютерные алгоритмы ее описания и воспроизведения, характеризующиеся лингвистической ригидностью и шаблонностью, оказались несостоятельными при работе с большими объемами текстовых данных в силу их недостаточной гибкости и масштабируемости [4]. На данном этапе развития искусственного интеллекта нейросетевые модели способны обучаться на очень больших корпусах текста, выявляя семантические зависимости и генерируя связные тексты, успешно имитирующие человеческую речь.

Экстралингвистические факторы оказывают значительное влияние на вариативность естественного языка. Эти факторы – явления вне лингвистики; социально-культурные, политические, психологические и экономические условия, в которых происходит речевое общение. Они влияют на формирование и изменение языковых средств, стилей и номинаций, вызывая появление новых слов и выражений, а также вариативность употребления уже существующих. Так, характер адресата, контекст общения, уровень формальности и социальные обстоятельства формируют особые языковые доминанты и влияют на системную организацию стиля речи. Естественный язык постоянно трансформируется, реагируя на все внеязыковые изменения.

Современные технологии ИИ обладают высоким потенциалом имитации ЕЯ [5, с. 230–234] с учетом его креативности и вариативности. Благодаря высокой интеллектуальной адаптивности нейросетей они способны при генерации текста учитывать нелингвистические и контекстуальные параметры, что значительно приближает их к естественному языку.

В то же время при репродукции языка существует высокий этический риск предвзятости. Языковые модели обучаются на больших объемах данных, часто взятых из Интернета, где содержатся исторически сложившиеся стереотипы и известные социальные предубеждения. В результате модели могут унаследовать и воспроизводить эти негативные паттерны, что приводит к дискриминации и социальным искажениям в сгенерированном тексте [6]. Особенно опасно, когда ИИ используется в автоматическом принятии решений или в ситуациях, влияющих на права и возможности людей. Для борьбы с этим вызовом необходим комплексный подход, включающий улучшение качества обучающих данных, прозрачность архитектуры и постоянный мониторинг поведения моделей.

Существуют и правовые пробелы в определении субъекта ответственности за действия и последствия применения ИИ. В России, как и во многих странах, пока не сформирована ясная законодательная база, которая регулирует правовой статус ИИ и ответственность, связанную с его решениями. ИИ не признается субъектом права, и ответственность распределяется между разра-

ботчиками, пользователями и операторами систем. Однако в условиях быстрого развития технологий и широкого применения ИИ это вызывает серьезные вопросы по поводу установления границ ответственности при возможных нарушениях или ущербе. Законодательство нуждается в доработке, чтобы учитывать особенности занятости, контроля и воздействия ИИ, а также защищать интересы граждан, бизнеса и государства. Зарубежные инициативы, такие как закон ЕС об ИИ, стремятся создать модели регулирования, способствующие балансу инноваций и ответственности [7; 8].

Таким образом, экстралингвистические факторы являются ключевыми в понимании вариативности ЕЯ и их влияния на работу моделей ИИ, которые обладают потенциалом учитывать эту вариативность при генерации и анализе текстов. Тем не менее существует острая необходимость этического контроля предвзятости и развития правового поля, чтобы обеспечить безопасное, справедливое и ответственное использование ИИ в языковом моделировании.

На современном этапе развития искусственный интеллект способен воспроизводить язык и имитировать речевую деятельность человека. В то же время вопрос о полноценности воссоздания естественного языка остается дискуссионным, поскольку естественный язык является кодификатором культурного кода его носителя – человеческой личности, включающего в себя и его духовно-творческую составляющую. Вследствие этого этико-правовой аспект применения искусственного интеллекта предполагают проведение дальнейшего междисциплинарного научного анализа.

Список источников

1. Швецов А.Н., Летовальцев В.И. Программная формализация естественного языка средствами интенсиональной логики. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/programmnaya-formalizatsiya-estestvennogo-yazyka-sredstvami-intensionalnoy-logiki (дата обращения: 03.12.2025).

2. Хомский Н. Язык и мышление. М., 1972.

3. Топилина А.В. К проблеме антропологических оснований авторского права: понятия авторства, творчества и оригинальности текстов, созданных при помощи искусственного интеллекта. Часть 1. Постановка проблемы в контексте постмодернистских представлений об авторстве / А.В. Топилина, В.Б. Рожковский // Философия права. 2025. № 1(112).

4. Умаров А.А. Обработка естественного языка с использованием нейросетей. URL: https://innoist.uz/index.php/ist/article/view/878 (дата обращения: 03.12.2025).

5. Внуковская А.В. Проблемы и принципы реализации языковой деятельности в искусственном интеллекте / А.В. Внуковская, Ф.Ш. Шихиев, З.Ф. Шихиев // Философия права. 2025. № 3(114).

6. Ильин И.Г. Конституционно-правовой аспект создания больших языковых моделей: проблема цифрового неравенства и языковой дискриминации. URL: https://doi.org/10.21202/jdtl.2025.4 (дата обращения: 03.12.2025).

7. Материк М. Ответственность искусственного интеллекта в правовом поле. URL: https://dgtlaw.ru/analytic/otvetstvennost-iskusstvennogo-intellekta-v-pravovom-pole (дата обращения: 03.12.2025).

References

1. Shvetsov A.N., Letovaltsev V.I. Programmatic formalization of natural language by means of intensive logic. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/programmnaya-formalizatsiya-estestvennogo-yazyka-sredstvami-intensionalnoy-logiki (date of access: 03.12.2025).

2. Chomsky N. Language and Thinking, Moscow, 1972.

3. Topilina A.V. On the problem of the anthropological foundations of copyright: the concepts of authorship, creativity and originality of texts created with the help of artificial intelligence. Part 1. Statement of the problem in the context of postmodern ideas about authorship / A.V. Topilina, V.B. Rozhkovsky // Philosophy of Law. 2025. № 1(112).

4. Umarov A.A. Natural language processing using neural networks. URL: https://innoist.uz/index.php/ist/article/view/878 (date of access: 03.12.2025).

5. Vnukovskaya A.V. Problems and principles of language activity implementation in artificial intelligence / A.V. Vnukovskaya, F.Sh. Shikhiev, Z.F. Shikhiev // Philosophy of Law. 2025. № 3(114).

6. Ilyin I.G. The constitutional and legal aspect of creating large language models: the problem of digital inequality and linguistic discrimination. URL: https://doi.org/10.21202/jdtl.2025.4 (date of access: 03.12.2025).

7. Mainland M. Responsibility of artificial intelligence in the legal field. URL: https://dgtlaw.ru/analytic/otvetstvennost-iskusstvennogo-intellekta-v-pravovom-pole (date of access: 03.12.2025).

8. Михайлова А. ИИ в праве: разбор основных юридических рисков. URL: https://pravo.ru/story/259757/ (дата обращения: 03.12.2025).

8. Mikhailova A. AI in law: analysis of the main legal risks. URL: https://pravo.ru/story/259757 / (date of access: 03.12.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Внуковская Анастасия Васильевна, *кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и иностранных языков. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*
ORCID: 0000-0003-4376-8653

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Vnukovskaya Anastasia Vasilievna, *PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Languages, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 4 (115). – С. 212–216.
Philosophiya prava. 2025. № 4 (115). – Pp. 212–216.

Научная статья
УДК 340.115.4

РОЛЬ ПРАВОВОЙ АНТРОПОЛОГИИ В АКСЕЛЕРАЦИИ ПРОЦЕССА ЦИФРОВИЗАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Глущенко Дмитрий Владимирович
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, dmitriy218@yandex.ru

Казимирова Наталья Геннадиевна
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Российская Федерация, kazimirovang@yandex.ru

Введение: *правовая антропология фокусируется на взаимосвязи догматических предпосылок человеческого поведения и нормативной сложности социальных связей и правоотношений. Распространение процесса цифровизации обуславливается рядом объективных причин: необходимостью упорядочивания информационных задач, внедрением инновационных методов обеспечения правопорядка и обновлением институциональных элементов правоприменения, однако наиболее закрытые и отдаленные сообщества открыто противостоят этому процессу, стремясь сохранить собственную этническую и социокультурную специфику. В связи с этим целью исследования является определение антропологических принципов, обеспечивающих акселерацию процесса цифровизации с учетом прав этнических сообществ.*

Материалы и методы: *реализация юридически-нормативного метода, направленного на анализ и систематизацию релевантной информации, представленной в правовых и законодательных источниках, а также статистических данных и актуальных научных исследованиях позволяет выявить точки соприкосновения между правовой антропологией и вопросами цифровизации общества. Методики описания и моделирования направлены на акцентуализацию наиболее эффективных принципов ускорения технологизации социокультурного пространства.*

Результаты исследования: *применение современных технологий активно поддерживается государственной политикой в области развития социокультурного пространства общества, однако практическая реализация инновационных стратегий отличается неоднородностью по регионам РФ, что обусловлено рядом антропологических факторов: сложная география субъекта, этническая ограниченность сообществ, отсутствие ресурсного оснащения и т. д. С целью преодоления технологического разрыва между городами и регионами России предлагается комплекс стратегических мероприятий, учитывающих принципы антропологии права в контексте социальной цифровизации.*

Выводы и заключения: *правовая антропология вносит значительный вклад в процесс ускорения цифровизации закрытых социокультурных сообществ посредством учета возможных различий, рассмотрения конфликтных ситуаций и сглаживания противоречий, связанных с обновлением правовой системы в контексте технологизации общества.*

Ключевые слова: *правовая антропология, цифровизация общества, правовая философия, социокультурное пространство, права этнических сообществ.*

Для цитирования: Глущенко Д. В., Казимирова Н. Г. *Роль правовой антропологии в акселерации процесса цифровизации социокультурного пространства / Д. В. Глущенко, Н. Г. Казимирова // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4 (115). – С. 212–216.*

Original paper

THE ROLE OF LEGAL ANTHROPOLOGY IN ACCELERATING THE PROCESS OF DIGITALIZATION OF SOCIO-CULTURAL SPACE

Glushchenko Dmitry Vladimirovich
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Kazimirova Natalya Gennadyevna
Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *legal anthropology focuses on the interrelation of the dogmatic premises of human behavior and the normative complexity of social relations and legal relations. The spread of the digitalization process is caused by a number of objective reasons: the need to streamline information tasks, the introduction of innovative methods of law enforcement and the updating of institutional elements of law enforcement, but the most closed and remote communities openly oppose this process, seeking to preserve their own ethnic and socio-cultural specifics. In this regard, the purpose of the study is to identify the anthropological principles that ensure the acceleration of the digitalization process, taking into account the rights of ethnic communities.*

Materials and methods: *the implementation of a legally normative method aimed at analyzing and systematizing relevant information presented in legal and legislative sources, as well as statistical data and relevant scientific research, allows us to identify points of contact between legal anthropology and issues of digitalization of society. The methods of description and modeling are aimed at accentuating the most effective principles of accelerating the technologization of the socio-cultural space.*

Results of the study: *the use of modern technologies is actively supported by the state policy in the field of development of the sociocultural space of society, however, the practical implementation of innovative strategies is characterized by heterogeneity across the regions of the Russian Federation, due to a number of anthropological factors: the complex geography of the subject, ethnic limitations of communities, lack of resource equipment, etc. In order to bridge the technological gap between Russian cities and regions, a set of strategic measures is proposed that take into account the principles of the anthropology of law in the context of social digitalization.*

Findings and conclusions: *legal anthropology makes a significant contribution to the process of accelerating the digitalization of closed socio-cultural communities by taking into account possible differences, considering conflict situations and smoothing out contradictions related to updating the legal system in the context of the technologization of society.*

Keywords: *legal anthropology, digitalization of society, legal philosophy, socio-cultural space, rights of ethnic communities.*

For citation: Glushchenko D. V., Kazimirova N. G. *The role of legal anthropology in accelerating the process of digitalization of the socio-cultural space / D. V. Glushchenko, N. G. Kazimirova // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4 (115). – Pp. 212–216.*

Система права имеет множество источников и интерпретационных возможностей, позволяющих рассматривать закон с различных точек зрения, однако доминирующей идеологией, отвечающей за объективность и истинность знания, является теория правового позитивизма.

Антропологический подход во многом противопоставляется позитивистским воззрениям, т. к. обращается к плюралистическим концепциям возникновения права, «подразумевая под ним продукт общественной жизнедеятельности социума, а не нормотворчества органов государственной власти» [1, с. 18].

Взгляд на правовую антропологию рассматривается как часть культуры, что позволяет сфокусироваться на нормативной неоднозначности общественных отношений и взаимосвязи между поведением индивида и социокультурным контекстом.

Отсюда следует, что антропологический контекст прямо или косвенно воздействует на все социальные изменения, включая цифровизацию и технологизацию общества, которые несмотря на стремительную скорость распространения отличаются неоднородностью развития по странам и регионам отдельных государств.

Так, согласно статистическим данным за 2025 г., предложенным Ассоциацией инновационных решений и искусственного интеллекта, разрыв в цифровом развитии регионов России (85 субъектов РФ) значителен и показателен в отношении факторов, препятствующих процессу цифровизации. Региональный рейтинг рассчитан исходя из следующих критериев: развитие инфраструктуры, государственных услуг, внедрение технологии «умный город», образование, здравоохранение, экономика и коммуникации [2]. В соответствии с изученными данными лидерами рейтинга являются: г. Москва, г. Санкт-Петербург, Белгородская область, Республика Татарстан и Ямало-Ненецкий автономный округ, в то время как заключительные позиции занимают: Курганская, Тверская и Тамбовская области, а также Республика Тыва [2].

Как можно заметить, главные лидеры страны по цифровому развитию социокультурного пространства – это крупнейшие города России, которые отличаются следующими антропологическими признаками: историческое развитие центральных городов всегда обуславливалось привлечением ресурсов (экономических, туристических, политических); формирование и распростра-

нение культурных традиций (религиозных догм, морально-нравственных ценностей), как правило, начинается в крупнейших городах государства; сосуществование различных этнических сообществ в центральных городах является фактором развития терпимости и открытости социальных групп к общественным изменениям.

В противовес этому статистически отстающие регионы отличаются сложной географией (удаленное и труднодоступное положение), меньшей численностью населения и, как следствие, ограниченным бюджетом и ресурсами. В данном случае культурная закрытость по отношению к инновациям и нововведениям обуславливается антропологически: этническая ограниченность сообществ, отсутствие ресурсного оснащения, специфическая территориальная правовая политика и т. д. Исходя из вышеизложенного, полагаем, что обновление цифрового права для подобных государственных субъектов в контексте экономического ускорения возможно за счет развития правовой антропологии.

Устоявшейся проблемой, которая все еще требует перспективных решений, является адаптивность обособленных (территориально, социально, этнически) сообществ. В результате юридические вопросы, политико-правовые нововведения и их практическая реализация находятся в постоянном противодействии, что объясняется столкновением антропологических факторов и инновационных процессов трансформации социокультурного пространства.

Конфликт антропологических и правовых ценностей возникает в двух плоскостях: горизонтальной (между регионом (городом, сообществом) и государством) и вертикальной (между этническими группами) [3, с. 98]. Источником подобных конфликтов, по мнению некоторых исследователей (Sarip S., Fitriana D., Sartono S.), является сам закон как способ ограничения автономии членов общества [4, с. 156], т. к. право, по сути, является нормативным и относится к объективным концепциям социальных взаимоотношений. В антропологическом взгляде наблюдается тенденция, адаптированная к динамике общинной культуры, включая ускорение цифровых изменений.

В современных условиях невозможно противостоять использованию технологий во всех областях жизнедеятельности граждан. Простота доступа к информации, которая становится все более прозрачной, вариативные формы стратегических альянсов и сотрудничества между компаниями, сообществами и странами, быстрое урегулирование юридических и иных вопросов открывают пути развития для экономики, права и политики государства. Поэтому система права как антропологический элемент культуры заключает в себе несколько фундаментальных функций для поддержания цифровизации общества:

– адаптивная функция – распространение цифровых технологий и научных достижений должно быть постепенным и уместным для определенного социокультурного пространства;

– процесс цифровизации должен преследовать правильные цели и задачи принятия решений со стороны политики, чтобы это не наносило вреда конкретному сообществу;

– процесс поддержания этнических сообществ должен осуществляться через социализацию идеи значимости акселерации цифровых средств;

– процесс интеграции, осуществляемый законом с точки зрения юридического обновления, должен учитывать антропологические особенности территории в условиях цифрового развития общества.

Новизна и обновление права в условиях цифровой трансформации социокультурного пространства общества заключается в свободе выражения интересов и мнений, а также реализации прав граждан на получение информации посредством использования современных технологий и коммуникаций, целью которых является: содействие общественному благосостоянию; национальное просвещение; обеспечение безопасности; справедливость и правосудие; правовая определенность и снижение рисков в рамках электронных систем [3, с. 102].

Эффективное взаимодействие в обществе и государстве подкрепляет права и свободы на использование цифровых технологий с учетом ограничений, установленных законом, но при этом с целью признания и уважения прав и свобод всех граждан, а также удовлетворения потребностей этнических сообществ в соответствии с моральными соображениями, религиозными ценностями и общественным порядком в социуме.

Таким образом, с точки зрения правовой антропологии ускорение процессов цифровизации общественных отношений считается не ограничительным механизмом, а скорее регулятивным элементом в выстраивании более открытых межэтнических взаимодействий. Кроме того, применение технологических и научных достижений обеспечивает

ряд преимуществ, связанных с упорядочиванием информационных задач (эффективный сбор, обработка и распространение данных), внедрением рациональных методов обеспечения правопорядка и обновлением институциональных элементов правоприменения.

В этом направлении можно выделить ряд правовых мероприятий, способствующих акселерации технологического развития социокультурного пространства:

1. Реализация «этнокультурной экспертизы законодательных инноваций» [5, с. 174]. Данный подход предполагает непосредственное участие представителей этнических групп, меньшинств и отдаленных городов, отличающихся собственной культурой, религией и историей, в процессе создания, корректирования и применения нормативной базы технологизации общества.

2. Проведение «диагностики состояния современного права перед цифровыми вызовами современности» [6]. Анализ и систематизация правового массива в области защиты прав граждан и этнических сообществ представляется актуальным решением в контексте эффективной цифровизации общества, что обусловлено процессом структуризации предшествующего опыта, дерегулирования неактуальных нормативных стандартов, а также возникновения новых прав (цифровые права и ценности) и обязанностей человека.

3. Проработка и укрепление законодательных положений в области распространения незаконной информации, причиняющей вред этническим сообществами. В целях защиты общественных интересов от любых видов беспорядков в результате неправомерного использования электронной информации и транзакций необходимо подтвердить роль правительства в предотвращении распространения незаконного контента путем принятия мер по прекращению доступа к электронной информации и/или противоправным электронным документам [3, с. 100].

4. Государственная поддержка региональной автономии в области цифровизации. Подобный метод децентрализации государственной политики направлен на расширение участия малых городов и местных общин в региональном социокультурном, экономическом и политическом развитии с учетом ресурсной поддержки и доверия со стороны государства.

5. Популяризация концепции цифровой грамотности посредством правового просвещения в рамках антропологической парадигмы. Распространение идей антропологической интерпретации прав человека в условиях цифровизации общества отражает новые концепции реальности [7, с. 410], позволяющие закрытым сообществам понять и осознать культурные различия социальных групп, а также необходимость преодоления социально-правовых противоречий, препятствующих ускорению процессов технологизации.

Реализация предложенных инструментов представляет особый социально-правовой интерес, по причине интеграции традиционных антропологических принципов в нормативную модель современности, обеспечивающую гармонизацию процесса цифровизации с учетом прав этнических сообществ.

Акцентируя внимание на социокультурном благополучии граждан, технологические средства (при этичном внедрении их в жизнедеятельность общества) способны повысить уровень безопасности правоотношений, развить информационную среду и сформировать прочную трансдисциплинарную базу [8, с. 295] для адаптации общества к различным вызовам современности.

Таким образом, из проведенного исследования следует вывод о том, что правовая антропология вносит значительный вклад в процесс ускорения цифровизации закрытых социокультурных сообществ посредством учета возможных различий, рассмотрения конфликтных ситуаций и сглаживания противоречий, связанных с обновлением правовой системы в контексте технологизации. Правовая антропологическая поддержка делает процесс цифровизации более понятным и приемлемым, адаптируя этнические группы к нововведениям и модернизационным системам.

Список источников

1. Жабкин А.С. Развитие и становление философско-правовой антропологии. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-i-stanovlenie-filosofsko-pravovoy-antropologii (дата обращения: 22.10.2025).

2. Рейтинг цифровизации и внедрения искусственного интеллекта в регионах России

References

1. Zhabkin A.S. The development and formation of philosophical and legal anthropology. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-i-stanovlenie-filosofsko-pravovoy-antropologii (date of access: 22.10.2025).

(январь–апрель 2025 г.). URL: https://www.gosrf.ru/rejting-czifrovizaczii-i-vnedreniya-ii-v-regionah-rossii-yanvar-aprel-2025-goda (дата обращения: 15.10.2025).

3. Sarip S., Fitriana D. Legal Antropology Approach on the Application of Village Website in Digital Econmic Era in Indonesia // Unifikasi: Jurnal Ilmu Hukum. 2018. № 5(2).

4. Sartono S. The Other Law di Era Otonomi Daerah (Studi Antropologi Hukum) // Jurnal Pandecta. 2010. № 2. V. 5.

5. Леонтенкова Е.А. Право и этнокультурная идентичность в условиях цифровизации. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-i-etnokulturnaya-identichnost-v-usloviyah-tsifrovizatsii (дата обращения: 23.10.2025).

6. Ковлер А.И. Антропология прав человека в цифровую эпоху (опыт сравнительного анализа). URL: https://doi.org/10.12737/jrl.2022.125 (дата обращения: 23.10.2025).

7. Камкия Ф.Г. Роль юридической антропологии в понимании современных процессов правообразования. URL: https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=4286 (дата обращения: 23.10.2025).

8. Разиева Д.Б. Антропоцентрический подход и трансформация субъекта права в эпоху цифровизации: вызовы трудовому праву. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/antropotsentrichnyy-podhod-i-transformatsiya-subekta-prava-v-epohu-tsifrovizatsii-vyzovy-trudovomu-pravu (дата обращения: 25.10.2025).

2. Rating of digitalization and implementation of artificial intelligence in the regions of Russia (January–April 2025). URL: https://www.gosrf.ru/rejting-czifrovizaczii-i-vnedreniya-ii-v-regionah-rossii-yanvar-aprel-2025-goda (date of access: 15.10.2025).

3. Sarip S., Fitriana D. Legal Antropology Approach on the Application of Village Website in Digital Econmic Era in Indonesia // Unifikasi: Jurnal Ilmu Hukum. 2018. № 5(2).

4. Sartono S. The Other Law di Era Otonomi Daerah (Studi Antropologi Hukum) // Jurnal Pandecta. 2010. № 2. V. 5.

5. Leontenkova E.A. Law and ethnocultural identity in the context of digitalization. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-i-etnokulturnaya-identichnost-v-usloviyah-tsifrovizatsii (date of access: 23.10.2025).

6. Kovler A.I. Anthropology of human rights in the digital age (comparative analysis experience). URL: https://doi.org/10.12737/jrl.2022.125 (date of access: 23.10.2025).

7. Kamkia F.G. The role of legal anthropology in understanding modern legal education processes. URL: https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=4286 (date of access: 23.10.2025).

8. Razieva D.B. The anthropocentric approach and the transformation of the subject of law in the era of digitalization: challenges to labor law. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/antropotsentrichnyy-podhod-i-transformatsiya-subekta-prava-v-epohu-tsifrovizatsii-vyzovy-trudovomu-pravu (date of access: 25.10.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Глущенко Дмитрий Владимирович, *кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*
ORCID: 0009-0005-1606-3326

Казимирова Наталья Геннадиевна, *кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры финансового и HR менеджмента. Ростовский государственный экономический университет (РИНХ). 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, Большая Садовая, 69.*
ORCID: 0000-0002-0915-8619

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Glushchenko Dmitry Vladimirovich, *PhD in Philosophy, Associate Professor, Humanities and socio-economic disciplines. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Kazimirova Natalya Gennadyevna, *PhD in Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Financial and HR Management. Rostov State University of Economics (RINH). 69, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 0344002 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 4 (115). – С. 217–223.
Philosophiya prava. 2025. № 4 (115). – Pp. 217–223.

Научная статья
УДК 130.121:340.12(351.74)

ДИАЛЕКТИКА ЗАКОНА И ЧЕЛОВЕКА: К ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ОБРАЗА ПОЛИЦЕЙСКОГО

Исмаилов Анвар Юрьевич
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, auisma@gmail.com

Введение: *в условиях современного кризиса доверия к правоохранительным институтам проблема концептуализации профессиональной идентичности полицейского приобретает особую актуальность для философско-правового и антропологического анализа. Цель исследования состоит в философском осмыслении антиномий между нормативно-правовыми требованиями и экзистенциально-личностными аспектами деятельности сотрудников правоохранительных органов.*

Материалы и методы: *методологическую основу исследования составляет диалектический подход, дополненный феноменологией в исследовании субъективного опыта, герменевтическим подходом для интерпретации культурно-исторических смыслов. Применен структурно-функциональный анализ десяти ключевых элементов образа полицейского.*

Результаты исследования: *обнаружены базовые антиномии между универсальностью юридических принципов и индивидуальностью жизненных обстоятельств, проявляющиеся на внутриличностном и социальном уровнях. Установлено, что профессиональная идентичность полицейского конституируется как динамический феномен, характеризующийся напряжением между легальностью и легитимностью, формальным долгом и этическим призванием, институциональными ожиданиями и индивидуальной автономией.*

Выводы и заключения: *исследование показывает, что профессиональная идентичность сотрудника полиции формируется как подвижный социокультурный конструкт, существующий в пространстве перманентного диалога между внутренним самовосприятием носителей правоохранительных функций и внешними общественными ожиданиями. Обнаруженные дуальные напряжения не являются препятствием, но выступают движущей силой профессионального развития. Антропологическо-правовая перспектива позволяет преодолеть традиционное противопоставление права и морали, легальности и легитимности через понимание их диалектического единства в профессиональном бытии полицейского.*

Ключевые слова: *образ полицейского, философская антропология, философия права, диалектика закона и человека, профессиональная идентичность, легальность и легитимность, правосознание, профессиональная этика.*

Для цитирования: Исмаилов А. Ю. *Диалектика закона и человека: к философско-антропологической концепции образа полицейского / А. Ю. Исмаилов // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4 (115). – С. 217–223.*

Original paper

THE DIALECTIC OF LAW AND MAN: TOWARDS A PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL CONCEPT OF THE IMAGE OF A POLICE OFFICER

Ismailov Anvar Yuryevich
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *in the context of the current crisis of trust in law enforcement institutions, the problem of conceptualizing the professional identity of a police officer is becoming particularly relevant for philosophical, legal and anthropological analysis. The purpose of the research is to philosophically comprehend the antinomies between regulatory requirements and the existential and personal aspects of the activities of law enforcement officers.*

Materials and methods: *the methodological basis of the research is a dialectical approach supplemented by phenomenology in the study of subjective experience, a hermeneutic approach for the interpretation of cultural and historical meanings. The structural and functional analysis of ten key elements of the image of a policeman is applied.*

Results of the study: *the basic antinomies between the universality of legal principles and the individuality of life circumstances, manifested at the intrapersonal and social levels, are revealed. It is established that the professional identity of a police officer is constituted as a dynamic phenomenon characterized by tension between legality and legitimacy, formal duty and ethical vocation, institutional expectations and individual autonomy.*

Findings and conclusions: *the study shows that the professional identity of a police officer is formed as a mobile socio-cultural construct that exists in the space of a permanent dialogue between the internal self-perception of law enforcement officers and external public expectations. The revealed dual stresses are not an obstacle, but they act as a driving force for professional development. The anthropological-legal perspective makes it possible to overcome the traditional opposition of law and morality, legality and legitimacy through understanding their dialectical unity in the professional life of a policeman.*

Keywords: *image of a policeman, philosophical anthropology, philosophy of law, dialectic of law and man, professional identity, legality and legitimacy, legal awareness, professional ethics.*

For citation: Ismailov A. Yu. *The dialectic of law and man: towards a philosophical and anthropological concept of the image of a police officer / A. Yu. Ismailov // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4 (115). – Pp. 217–223.*

Образ в философии выступает как многомерное представление, содержащее в себе как рациональные элементы – знания, убеждения, нормы, – так и иррациональные – стереотипы, мифы, эмоциональные ожидания, глубоко опосредованные социальным контекстом и культурой. Именно данный синтез смыслов и ценностей определяет характеристику образа, превращая его в динамическую и диалектическую структуру, а не в пассивное отражение объективной реальности.

Концептуализация образа полицейского в философском плане предполагает понимание его не как статичного визуального или стереотипного обозначения, а как сложного ментального и социального конструкта, формирующегося и развивающегося в контексте историко-культурных, этических и юридических практик. Формирование образа происходит через различные каналы: непосредственный личный опыт взаимодействия с полицейским, который становится основой для субъективных суждений; социальную коммуникацию в виде рассказов, общественных дискуссий и медиа, где воспроизводятся и закрепляются стереотипы и идеалы; культурные нарративы кино, литературы и искусства, задающие модели восприятия [1, с. 185]; символические практики, такие как форма и ритуалы, придающие видимый статус и значимость; идеологические установки, продвигаемые государственными и социальными институтами. Эти многогранные источники не только порождают образ, но и обеспечивают его поддержание через постоянное повторение, подтверждение и социальное одобрение или неодобрение.

Однако образ не остается фиксированным: он подвержен трансформациям в результате кризисных ситуаций, которые ставят под сомнение его устоявшуюся версию, в ходе изменения общественных ценностей и норм, посредством целенаправленных кампаний по реформированию имиджа и накоплением нового коллективного и индивидуального опыта взаимодействия [2, с. 104]. Такой процесс отражает дуалистическое напряжение образа, в ходе которого внутреннее самовосприятие полицейского как личности взаимодействует с внешними социальными ожиданиями и стереотипами. Внешнее общественное восприятие, насытившееся культурными мифами и медийными интерпретациями, оказывает давление на внутренний образ, заставляя полицейских стремиться к соответствию идеальным моделям или, наоборот, противостоять негативным предубеждениям. Это взаимодействие часто порождает глубоко личные внутренние конфликты, в которых универсальность внешнего образа сталкивается с уникальностью человеческой индивидуальности.

В то же время внутренний образ, сформированный этическими убеждениями и профессиональными идеалами, через повседневное поведение и решения полицейских влияет на формирование общественного восприятия [3, с. 19]. Данный процесс представляет собой герменевтический круг, в рамках которого происходит взаимное конституирование и перманентное переопределение антропологического образа человека и нормативно-правового горизонта. Разрыв между внутренним образом и внеш-

ними нормативными ожиданиями становится источником продуктивного напряжения. Признание этого противоречия на институциональном уровне обеспечивает адекватное понимание профессии, а его отрицание приводит к утрате доверия и усилению социального разрыва.

Таким образом, профессиональная идентичность полицейского предстает не как статичная картина, а как постоянно развивающийся и усложняющийся феномен, существующий на границе индивидуального и социального, личностного и институционального, внутреннего переживания и внешнего восприятия, поддерживая тем самым непрерывный диалог между теми, кто носит форму, и теми, кого они призваны защищать [4, с. 287].

В современных дискурсах философии права и философской антропологии институциональный портрет полицейского выступает как сложный и многослойный феномен, в котором сливаются объективные правовые нормативы и субъективные человеческие переживания. Его осмысление требует применения разнообразных методологических подходов, позволяющих выявлять и анализировать внутренние противоречия между правом и личностью, социальной ролью и индивидуальной свободой, внешними требованиями и внутренним этическим намерением. Диалектический подход позволяет не просто констатировать эти противоречия, но и понимать их как активный процесс, движущую силу развития как самого образа, так и профессионального становления полицейского. В дополнение к нему феноменологический метод помогает проникнуть в переживания и самовосприятие полицейского, раскрывая тонкости его отношения к власти и «Другому», тогда как герменевтический подход направлен на интерпретацию смыслов и ценностей, которыми насыщен данный образ в культурно-историческом контексте [5, с. 5–18].

Образ полицейского формируется прежде всего через понимание фундаментального различия между работой и службой. Полицейский не работает – он служит. В работе присутствует заработок, в службе – долг, который исполняется независимо от материального обеспечения. Это различие закрепляется через особую клятву, присягу, которая качественно отличает служение полицейского от обычной трудовой деятельности.

Полицейский действует не за деньги в момент исполнения служебного долга – он работает «за что-то высшее». Это высшее начало должно присутствовать в человеке, который принял на себя обязательства по поддержанию правопорядка. Образ полицейского как носителя служебного долга предполагает наличие внутренней благородной мотивации, которая позволяет исполнять обязанности «невзирая на личную усталость, семейные проблемы, нехватку денег».

Таким образом, антропологический образ полицейского конституируется на основе служения как особого типа человеческой деятельности, качественно отличающегося от работы наличием морального долга и высших мотиваций. В соответствии с поставленными задачами в исследовании анализируются десять конституирующих аспектов (по мнению автора; претендующих на категориальный статус) образа полицейского: Закон, Защита, Порядок, Ответственность, Служба, Справедливость, Мужество, Форма, Помощь, Дисциплина.

Выделение десяти категорий образа полицейского основывается на трехуровневой структуре обоснования. На теоретическом уровне категории выделены в соответствии с диалектическим принципом единства противоположностей, согласно которому каждая категория содержит внутреннее напряжение между нормативным и экзистенциальным измерениями профессиональной деятельности. Функциональный уровень предполагает, что десять категорий охватывают основные функциональные аспекты полицейской деятельности в их диалектической взаимосвязи – от правовых оснований деятельности (Закон) до ее практической реализации в конкретных жизненных ситуациях (Помощь, Дисциплина). Антропологический уровень исходит из того, что выделенные категории отражают базовые экзистенциальные измерения профессиональной идентичности сотрудника правоохранительных органов: долг как этическое императивное начало (Ответственность), призвание как экзистенциальный выбор жизненного пути (Служба), достоинство как моральную стойкость перед вызовами профессии (Мужество).

Каждая из этих категорий рассматривается через призму бинарных оппозиций на уровнях индивидуального опыта, а также социокультурного и нормативно-правового контекстов. Язык, безусловно, является важным инструментом коммуникации, однако в рамках данного исследования он не включен в число конституирующих аспектов образа полицейского, поскольку внимание сосредоточено на фундаментальных ценностно-нормативных и экзистенциальных категориях,

определяющих профессиональную идентичность. Его функция здесь носит факультативный характер, а не категориальный.

Закон занимает центральное место в формировании образа полицейского как субъекта, неразрывно соединяющего индивидуальное человеческое бытие и публичную легитимность власти. В каждом обществе нормы и правила становятся неотъемлемым основанием стабильности, а фигура полицейского выступает их персонифицированным гарантом, посредником между абстрактным законом и многообразием человеческих обстоятельств. Однако реальность исполнения требует не только буквального следования предписаниям, но и глубокого этического чутья, умения улавливать мерцание справедливости между строгостью санкции и уникальностью конкретной человеческой ситуации. Таким образом, уже на этом начальном уровне возникает сложный внутренний конфликт: на одной чаше весов – императив нормативности, на другой – стремление к понятию высшей справедливости, не всегда сводимой к статье закона [6, с. 283–289]. Этот конфликт знаменует собой фундаментальное диалектическое напряжение между универсализмом права и многообразием человеческой судьбы.

Проблема становится особенно рельефной, когда полицейский сталкивается с выбором, например, перед необходимостью квалифицировать воровство как преступление либо увидеть за действием мотивы, обусловленные социальным отчаянием или нравственным эксцессом. Социально-ролевой конструкт полицейского, таким образом, становится ареной столкновения двух миров – мира жестких правовых императивов и мира мягких контуров гуманности.

С переходом к следующему аспекту – *Защите* – диалектика обостряется. Принцип обеспечения безопасности выступает как формальный долг, в то время как этика ответственности требует от полицейского размещения себя на границе между инстинктом самосохранения и профессиональным призванием. Здесь пересекаются темы антропологии риска, этической философии долга (от Канта и Аристотеля до современных концепций добродетели), а также феноменологии – когда готовность к самопожертвованию становятся неотъемлемой частью антропологического портрета носителя формы. Информационный шум кризисных эпох, усиливающаяся неопределенность вызывают у полицейского не только мобилизацию профессиональных качеств, но и необходимость рефлексии о ценности человеческой жизни – как собственной, так и каждого, кого он призван защищать.

Обеспечение *порядка*, реализуемое через формализованные действия и стандартизированные процедуры, репрезентирует собой один из ключевых аспектов диалектики правоохранительной деятельности. С одной стороны, порядок является ключевым условием социальной стабильности и правовой определенности. С другой – его поддержание зачастую вступает в противоречие с принципами индивидуальной автономии и гражданских свобод. В данном контексте вновь обретает актуальность теория общественного договора (Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо), в рамках которой легитимность действий правоохранительных органов основывается не только на формальном законе, но и на общественном консенсусе относительно границ допустимого вмешательства власти. Практическим воплощением этого диалектического напряжения является ситуация выбора, перед которой оказывается сотрудник полиции: например, необходимость балансировать между пресечением несанкционированных действий и гарантированием фундаментальных прав человека. В подобных случаях со всей очевидностью проявляется хрупкая грань между императивом поддержания порядка и обязанностью защиты личной свободы в рамках нормативно-правового поля.

Диалектика продолжается в категории *Ответственности*, где современное понимание морального агента сталкивается с институциональной структурой иерархии и приказа. Внутри системы, требующей неукоснительного исполнения инструкций, личная совесть и индивидуальная оценка поступков остаются значимыми – но также вызывают внутренний разлад, если приказ противоречит этическим убеждениям. Именно эти размышления лежат в основании теории морального диссидентства, основанной на представлении о том, что истинная ответственность полицейского коренится не только в точном соблюдении регламента, но в способности к критической рефлексии и мужеству следовать велению совести.

Категория *Служба* выводит нас к экзистенциальному ядру профессии – призванию, в котором публичный долг сливается с глубоко личным стремлением к служению. Речь идет не о простом выполнении инструкций, но о внутренней вовлеченности и искренней преданности делу (ключевой принцип кантовской деонтологии) [7, с. 24–30]. Однако в реалиях современности это идеальное измерение сталкивается с суровой

прозой: бюрократизация, рутина и ограничения порождают риски внутреннего опустошения. Сотрудник рискует утратить связь с изначальным гуманистическим импульсом, приведшим его в профессию, – феномен, который можно обозначить как «антропологическая амнезия». Изначальное желание помогать людям меркнет под грузом отчетности и ощущением бессилия перед сложностью социальных проблем. Именно здесь коренится проблема профессионального выгорания – острой экзистенциальной дилеммы между высоким смыслом миссии и эмоциональным истощением от ежедневного противостояния системным противоречиям.

Категория *Справедливости*, выводящая анализ в русло этики справедливости (Аристотель, Роулз и современные школы критической юриспруденции), обращает внимание на неизбежный разрыв между нормой равенства перед законом и реальными практиками правоприменения. Справедливость в деятельности полицейского выходит за рамки формального равенства и требует непрерывной работы по согласованию правовых норм с конкретными условиями их применения. Если закон задает общую рамку, то справедливость наполняет ее этическим содержанием, учитывающим контекст, мотивы и последствия действий. На практике это порождает напряжение между идеалом беспристрастности и влиянием субъективных факторов, таких как личные убеждения, эмоциональные реакции или когнитивные искажения, особенно в отношении уязвимых групп. Справедливость становится не абстрактным принципом, а ежедневным вызовом, требующим от сотрудника рефлексии, эмпатии и готовности к морально обоснованным отклонениям от шаблонных решений. В этом смысле она выступает критерием зрелости не только правосознания, но и профессиональной идентичности в целом. Справедливость перестает быть абстрактной категорией и становится личным вызовом, требующим напряженной работы мысли, чувства и воли [8, с. 13].

Категория *Мужества* в рамках профессиональной деятельности полицейского интегрирует в себя два фундаментальных пласта: нормативно-этический – восходящий к аристотелевской традиции и ее современным интерпретациям в прикладной этике, – и экзистенциально-антропологический, связанный с феноменом преодоления страха как конституирующего элемента человеческого бытия. Мужество в работе полицейского проявляется как на нормативно-этическом уровне – в готовности следовать долгу вопреки риску, так и на экзистенциальном – в ежедневном преодолении страха и неуверенности. Это качество предполагает не только героические поступки в критических ситуациях, но и устойчивость к постоянному психоэмоциональному напряжению. Однако общественные ожидания, подпитываемые медийными образами «бесстрашного стража», часто создают недостижимый идеал, игнорирующий естественные человеческие реакции. Давление этого стереотипа может приводить к внутреннему конфликту, когда подавление страха и усталости оборачивается эмоциональным выгоранием или цинизмом. Подлинное мужество, таким образом, заключается не в отсутствии страха, а в способности совладать с ним, сохраняя профессиональную ответственность и человечность.

Следующая категория – *Форма* – обладает фундаментальной символической и семиотической нагрузкой. Униформа служит видимым воплощением институционального статуса полицейского, маркируя его как носителя легитимной власти и формируя у общества определенные ожидания. Она выполняет не только утилитарную, но и символическую функцию, отделяя «служащего закона» от «гражданина». Однако ее ношение порождает глубоко личный конфликт: с одной стороны, форма укрепляет чувство принадлежности к корпоративной культуре и задает четкие поведенческие рамки; с другой – она может превращаться в «маску», за которой скрывается индивидуальность. Постоянное пребывание в роли, навязанной униформой, способно приводить к отчуждению от собственной идентичности, когда сотрудник начинает воспринимать себя прежде всего как функцию, а не как личность. Таким образом, форма становится не просто атрибутом, а пространством внутренней борьбы между профессиональной дисциплиной и экзистенциальной аутентичностью.

Категория *Помощь* затрагивает самую человечную сторону работы полиции – желание поддерживать и защищать людей. Устремленность к поддержке и защите граждан служит постоянным источником внутреннего профессионального вдохновения, однако превращается в фактор фрустрации, когда ее реализация наталкивается на барьеры бюрократических трудностей, дефицит ресурсов и несовершенство самой системы. На уровне общественного восприятия «помощник» легко трансформируется в «карателя», особенно если действия полиции раз-

ворачиваются в условиях острого кризиса, социальных или иных противоречий.

Дисциплина предстает не как механический набор ограничений, но как сложный социально-нормативный комплекс, требующий постоянного переосмысления и этически ответственной адаптации к вызовам современности. Эта категория завершает представленный концептуальный ряд, выступая нормативно-этическим основанием профессиональной деятельности, в котором интегрируются императивы внутренней саморегуляции и внешнего регулятивного воздействия. С одной стороны, дисциплина обеспечивает функциональную координацию, выступая необходимым условием институциональной дееспособности, с другой – ее гипертрофия способна подавлять автономию воли и критическую рефлексию. В контексте современной философии права данная антиномия актуализируется в рамках дискуссий о соотношении принципа иерархии и личностной автономии в публично-властных институтах.

Таким образом, антропологическо-правовая перспектива анализа профессиональной идентичности полицейского позволяет преодолеть традиционную дихотомию права и морали, легальности и легитимности через понимание их органического синтеза в профессиональном бытии сотрудника правоохранительных органов. Концептуализация десяти структурных элементов раскрывает сложную архитектонику современной правоохранительной идентичности, где каждый компонент функционирует как точка пересечения нормативно-институциональных требований и антропологических интенций личности.

В целом институциональный портрет полицейского оказывается сложным сценарием, в котором бинарные оппозиции не просто констатируются, но становятся движущей силой личностного и профессионального роста. Профессиональная идентичность правоохранителя представляет собой не статичную институциональную репрезентацию, а подвижный антрополого-правовой конструкт, существующий в пространстве непрерывной диалектической рефлексии между экзистенциально-личностным самоопределением сотрудника полиции и социально-нормативными ожиданиями общества. Установленные дуальные напряжения между нормативным универсализмом и экзистенциальной партикулярностью не представляют собой деструктивные апории. Они выступают продуктивными антиномиями, конституирующими движущие силы как профессионального становления, так и эволюции правосознания в целом.

Список источников

1. Васильева И.В. Образ полицейского в общественном сознании / И.В. Васильева, О.С. Возженикова // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 3(41).

2. Майоров В.И. Противодействие преступности на основе современных концепций взаимодействия полиции и общества: опыт зарубежных стран и России / В.И. Майоров, В.Е. Севрюгин // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 35.

3. Дубнякова А.И. Образ сотрудника полиции в сознании граждан // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 4(55).

4. Цветков В.Л. Психологические особенности правосознания сотрудников полиции / В.Л. Цветков, Т.А. Хрусталева // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5.

5. Левакин И.В. Философско-правовая антропология: диалектика homo juridicus // Журнал российского права. 2024. № 11. Т. 28.

6. Канунников Р.И. Роль правосознания в профессиональной самореализации сотрудников органов внутренних дел // Мир педагогики и психологии. 2022. № 11(76).

References

1. Vasilyeva I.V. The image of a policeman in the public consciousness / I.V. Vasilyeva, O.S. Vozzhenikova // Legal science and law enforcement practice. 2017. № 3(41).

2. Mayorov V.I. Crime prevention based on modern concepts of police and society interaction: the experience of foreign countries and Russia / V.I. Mayorov, V.E. Sevryugin // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2017. № 35.

3. Dubnyakova A.I. The image of a police officer in the minds of citizens // Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2013. № 4(55).

4. Tsvetkov V.L. Psychological features of the legal consciousness of police officers / V.L. Tsvetkov, T.A. Khrustaleva // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 5.

5. Levakin I.V. Philosophical and legal anthropology: the dialectic of homo juridicus // Journal of Russian Law. 2024. № 11. V. 28.

6. Kanunnikov R.I. The role of legal awareness in the professional self-realization of law enforcement officers // The world of pedagogy and psychology. 2022. № 11(76).

7. Золотухин А.А. Анализ профессиональной культуры сотрудников органов внутренних дел: философско-антропологический ракурс // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2024. № 3(223).

8. Деккерт Д.В. Правосознание и его место в структуре профессиональной культуры сотрудников органов внутренних дел // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 1. Т. 5.

7. Zolotukhin A.A. Analysis of the professional culture of employees of internal affairs bodies: a philosophical and anthropological perspective // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. The North Caucasus region. Social sciences. 2024. № 3(223).

8. Dekkert D.V. Legal awareness and its place in the structure of professional culture of law enforcement officers // Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: Law. 2020. № 1. V. 5.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Исмаилов Анвар Юрьевич, *кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ismailov Anvar Yuryevich, *PhD in Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 4 (115). – С. 224–231.
Philosophiya prava. 2025. № 4 (115). – Pp. 224–231.

Научная статья
УДК 351.74

КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ ОБРАЗА СОТРУДНИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

Рожковский Виталий Борисович
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, v-rozkovskiy@mail.ru

Игнатович Антон Евгеньевич
Могилевский институт МВД Республики Беларусь, Могилев, Республика Беларусь, ignant@mail.ru

Введение: *в настоящее время приобрело большую значимость социально-коммуникативное содержание образа сотрудника правоохранительных органов в общественном сознании, которое формируется в процессе взаимодействия с обществом и отражает уровень общественного доверия.*

Материалы и методы: *в исследовании использовались методы статистического анализа, обобщения и систематизации эмпирических данных, метод сравнительного социально-философского анализа.*

Результаты исследования: *авторами обобщены и проанализированы современные статистические данные и выводы ряда научных исследований об уровне общественного доверия сотрудникам правоохранительных органов в Российской Федерации и Республике Беларусь, раскрыто содержание положительных и негативных факторов, влияющих на его динамику. Проведен сравнительный анализ способов репрезентации и формирования образа сотрудника органов внутренних в его социально-коммуникативном аспекте в Российской Федерации и Республике Беларусь и выявлено значение его позитивации для правоохранительной системы и общества.*

Выводы и заключения: *постановка проблемы адекватной репрезентации и созидания положительного образа сотрудника правоохранительных органов в значительной степени является схожей в данных странах СНГ, тогда как способы ее решения имеют как существенные сходства, так и отличия, в связи с чем востребован обмен накопленным опытом решения вышеуказанной проблемы между соответствующими структурами и подразделениями правоохранительной системы Российской Федерации и Республики Беларусь.*

Ключевые слова: *образ сотрудника правоохранительных органов, общественное сознание, общественное мнение, уровень доверия правоохранительным органам, коммуникативный аспект, формирование положительного образа.*

Для цитирования: Рожковский В. Б., Игнатович А. Е. *Коммуникативный аспект образа сотрудника правоохранительных органов Российской Федерации и Республики Беларусь в общественном сознании / В. Б. Рожковский, А. Е. Игнатович // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4 (115). – С. 224–231.*

Original paper

THE COMMUNICATIVE ASPECT OF THE IMAGE OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS IN THE PUBLIC CONSCIOUSNESS

Rozhkovsky Vitaly Borisovich
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Ignatovich Anton Evgenievich
Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Mogilev, Republic of Belarus

Introduction: *currently, the socio-communicative content of the image of a law enforcement officer in the public consciousness has become more important, which is formed in the process of interaction with society and reflects the level of public trust.*

Materials and methods: *the research used methods of statistical analysis, generalization and systematization of empirical data, the method of comparative socio-philosophical analysis.*

Results of the study: *the authors summarized and analyzed modern statistical data and conclusions of a number of scientific studies on the level of public trust in law enforcement officers in the Russian Federation and the Republic of Belarus, revealed the content of positive and negative factors affecting its dynamics. A comparative analysis of the ways of representing and shaping the image of an employee of the internal affairs bodies in its socio-communicative aspect in the Russian Federation and the Republic of Belarus has been carried out and the importance of its positivization for the law enforcement system and society has been revealed.*

Findings and conclusions: *the problem of adequate representation and creation of a positive image of a law enforcement officer is largely similar in these CIS countries, while the ways to solve it have both significant similarities and differences, and therefore the exchange of accumulated experience in solving the above problem between the relevant structures and departments of the law enforcement system of the Russian Federation and Republic of Belarus.*

Keywords: *image of a law enforcement officer, public consciousness, public opinion, level of trust in law enforcement agencies, communicative aspect, formation of a positive image.*

For citation: Rozhkovsky V. B., Ignatovich A. E. *The communicative aspect of the image of law enforcement officers of the Russian Federation and the Republic of Belarus in the public consciousness / V. B. Rozhkovsky, A. E. Ignatovich // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4 (115). – Pp. 224–231.*

Повышение значимости в жизни современных государств социально-коммуникативного содержания образа сотрудника правоохранительных органов связано с процессом взаимодействия общества и правоохранительных органов и отражает уровень общественного доверия и поддержки профессиональной деятельности органов внутренних дел гражданским обществом. «Образ сотрудника правоохранительных органов представляет собой важный элемент социальной коммуникации правоохранительной системы в целом. В первую очередь это обусловлено тем, что в открытом обществе правоохранительная система может успешно функционировать только при безусловной добровольной поддержке гражданского общества» [1]. Правоохранительная система в современном демократическом обществе многих стран мира призвана реагировать на высокие социальные ожидания, предъявляемые к профессиональным, в особенности коммуникативным, качествам и деятельности сотрудника, которые складываются в его образ.

Повышение уровня профессиональной коммуникации сотрудников правоохранительных органов с гражданами будет способствовать как повышению общего уровня социального доверия правоохранительной системе, так и фактором преодоления негативных стереотипов в общественном сознании о деятельности сотрудников полиции (милиции), сложившихся еще в 90-е гг. прошлого века на территории республик бывшего СССР. Существенно важным в этом плане является обмен опытом между правоохранительными службами различных государств, в особенности, государств стран Содружества Независимых Государств (далее – СНГ), имеющих общую историю органов внутренних дел, следовательно, и общий контекст проблем и способов их решения. Необходимой составляющей данного обмена опытом является востребованное в научно-теоретическом и практическом отношении осуществление совместных научных исследований и проведение международных конференций с привлечением ученых-специалистов образовательных и научных организаций системы МВД стран СНГ, в частности, МВД Российской Федерации и МВД Республики Беларусь.

Так, в Ростовском юридическом институте МВД России на протяжении последних семи лет проводится Международная научно-практическая конференция «Образ современного полицейского» [2, с. 125–129], собирающая представителей ученого сообщества и практических работников системы правоохранительных органов разных стран. Подобные конференции не просто составляют один из каналов международного обмена опытом, но и позволяют в определенной степени углублять общее научно-проблемное пространство исследований. Несмотря на наличие выверенных исследований различных аспектов проблемы формирования образа сотрудника правоохранительных органов сохраняется некоторая их обособленность друг от друга в использовании эмпирических данных, особенно в международном формате. Наблюдается и недостаток синтезирующих данных из различных областей теоретического знания (социологии, психологии, философии, профессиональной этики и др.) и практического опыта аналитических работ, а также работ, в которых проводится сравнительный анализ различных подходов

к проблеме. Также недостаточно исследован аспект социального взаимодействия правоохранительной системы и гражданского общества, где образ служит средством социального диалога.

Согласно Федеральному закону от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» обеспечение общественного доверия к деятельности полиции является одной из основных ее функций. Такое обеспечение невозможно без изучения общественного мнения об образе сотрудника полиции, выступающего одним из основных критериев оценки эффективности работы полиции. В этом плане незаменимой является деятельность, с одной стороны, независимых социологических центров изучения общественного мнения о работе полиции, а с другой стороны, деятельность соответствующих служб и подразделений, научных и образовательных организаций МВД России, в особенности ВНИИ МВД России.

Результаты исследований в 2019-2024 гг. общественного мнения о деятельности российской полиции, проведенные как независимыми социологическими центрами изучения общественного мнения (ВЦИОМ[1]; Фонд «Общественное мнение»[2], «Левада-центр»[3]), так и ВНИИ МВД России, свидетельствуют о росте в целом уровня общественного доверия российской полиции. Так, согласно всероссийскому опросу, проведенному Фондом «Общественное мнение» в марте 2023 г., охватившему 1,5 тыс. респондентов из 53 субъектов Российской Федерации, в 2023 г. 67 % жителей городов-миллионников позитивно оценивали деятельность правоохранительных органов, в сельской же местности этот показатель ниже – 58 %, что отражает региональные различия в восприятии работы МВД[4].

Можно установить связь между реформами 2021–2024 гг., направленными на повышение прозрачности работы полиции и внедрение новых стандартов взаимодействия с населением, и ростом общественного доверия. В то же время результаты проведенного в 2023 г. «Левада-центр» опроса показывают, что доверие к полиции занимало средние позиции среди других общественных институтов России. Согласно опросу, 46 % респондентов считали, что полиция «вполне заслуживала» доверия. Этот показатель оказался равным уровню доверия к таким институтам, как Государственная Дума и местные власти. Однако он уступал лидерам рейтинга – президенту (76 %) и армии (72 %)[5]. Результаты научных исследований показывают, что уровень доверия правоохранительным органам и его динамика зависят от множества взаимосвязанных факторов. К ним относятся: эффективность непосредственной работы защитников правопорядка, обеспечение ими социальной справедливости и социального согласия, применение коммуникативных качеств, развитие взаимодействия между правоохранительной системой и гражданским обществом.

Коммуникативный аспект в контексте формирования образа сотрудника правоохранительных органов российской наукой исследуется по таким направлениям, как: 1) социально-психологическое исследование коммуникативных качеств сотрудника, находящих отражение в общественном сознании; 2) комплексный анализ развития существующих способов социального взаимодействия (диалога) правоохранительной системы с гражданским обществом. Коммуникативные качества находят свое выражение в общей и профессиональной культуре сотрудника правоохранительных органах, частью которой является культура речи, модели и стили общения, этические нормы профессионального общения и иные формы коммуникации в системе «гражданин – сотрудник органов внутренних дел». Зарубежные исследования подтверждают, что нравственные и коммуникативные компетенции защитников правопорядка значительно влияют на уровень доверия к ним [3]. Сотрудник, демонстрирующий уважение и учитывающий мнение граждан, способствует повышению уровня доверия и готовности сотрудничать с правоохранительными органами.

Проблематика формирования образа сотрудника правоохранительных органов становилась предметом большого количества исследований. В научной литературе «наиболее часто рассматриваемыми аспектами образа сотрудника полиции следует признать социальный, феноменологический, психологический, правовой, медийный и художественный аспекты. При этом наименее разработанным [остается] социально-онтологический аспект образа сотрудника поли-

[1] Доверие полиции: мониторинг. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-policii-monitoring (дата обращения: 02.09.2025).
[2] Преступность в России. URL: https://clck.ru/3GDP6K (дата обращения: 06.09.2025).
[3] Институциональное доверие: сентябрь 2024. URL: https://clck.ru/3GGRib (дата обращения: 06.09.2025).
[4] Преступность в России. Указ. соч.
[5] Институциональное доверие: сентябрь 2024. Указ. соч.

ции» [1]. Согласимся с мнением, что образ сотрудника правоохранительных органов следует рассматривать как «сложный социально-коммуникативный предмет, который формируется в процессе взаимодействия общественного сознания и органов внутренних дел как определенной социальной системы» [1]. Данный предмет отражает реальность непрерывно осуществляемого диалога правоохранительной системы с обществом. Реальность социально-коммуникативного предмета образуется в сложном и неоднозначном опыте общения, в котором задействованы различные его «очные» и «заочные», рациональные и иррациональные, вербальные и невербальные, индивидуальные и массовые формы, например, работа подсознательных культурных стереотипов и психологических установок в сознании, с одной стороны, защитников правопорядка, а с другой – граждан. Репрезентацию образа нельзя свести только к сфере субъективных оценок, образующих «в сумме» общественное мнение. Ведь субъективные оценки в общественном мнении в значительной степени условны (зависят и от неконтролируемых факторов), поверхностны и ситуативны, они нетождественны сложной, многоуровневой и многоаспектной работе общественного сознания (с его положительной или отрицательной динамикой социального диалога), где образ предстает в творчески переработанном виде.

Участие сотрудников правоохранительных органов в многоаспектном коммуникативном процессе, предполагающем их активно-преобразовательную роль, свидетельствует о насущной потребности комплексного развития у них общей и профессиональной коммуникативной культуры. При этом особое значение коммуникативные качества сотрудников приобретают в часто встречающихся экстремальных, «пограничных» ситуациях общения с различными категориями граждан. Особенности коммуникативной сферы сотрудника правоохранительных органов, вынужденного общаться с разными категориями граждан, в том числе и агрессивно настроенными, обусловливают такие коммуникативные качества, как: «психологическая готовность к противоречиям между нравственными и правовыми аспектами социальных взаимодействий; эмоциональное принятие человека, совершившего асоциальные действия; коммуникативная толерантность; гибкость в общении; эмоциональная устойчивость; способность противостоять манипулятивным стратегиям общения; преобладающая ориентация на объективный, фактологический компонент информации…» [4].

С увеличением роли информационного воздействия на сознание граждан и сотрудников правоохранительных органов (посредством публикаций в различных формах и на открытых сетевых площадках сети Интернет) возрастает в органах внутренних дел потребность в особом регулировании размещения в Интернете различных материалов о личной жизни и профессиональной деятельности сотрудников, поскольку такие материалы влияют на формирование в общественном сознании образа современного российского полицейского. Целенаправленное совершенствование информационной составляющей правоохранительной деятельности открывает новые возможности для укрепления общественного доверия и формирования положительного образа. Существенно важно умение правоохранительной системы установить обратные каналы связи с населением с предоставлением выверенной информации о своей деятельности, своевременно отреагировать как в практической деятельности различных подразделений, так и официальных ведомственных пресс-служб и экспертов на те или иные события и запросы граждан. Такая работа предполагает внедрение современных информационных технологий, совершенствование деятельности ведомственных пресс-служб и иных подразделений на системной основе. Важным представляется и взаимодействие соответствующих подразделений органов внутренних дел с влиятельными российскими общественными объединениями.

Деятельность органов внутренних дел (далее – ОВД) в Республике Беларусь занимает особое место в общественном мнении, будучи тесно связанной с повседневными интересами общества. Изучение и анализ общественного мнения позволяют выявить ожидания населения, оценить работу ОВД и определить направления ее совершенствования [5, с. 201]. Каждый сотрудник в процессе служебной деятельности формирует мнение о себе и своем подразделении, а также участвует в создании образа всей правоохранительной системы. Основу формирования образа милиции составляет ее конкретная деятельность и реальная помощь гражданам [5, с. 202]. В связи с этим важнейшей задачей является целенаправленное и объективное информирование населения о достижениях и мерах, предпринимаемых ОВД, для устранения информационного ва-

куума и противодействия слухам. Значение общественного мнения определяется социальной структурой общества, уровнем его культуры, демократическими институтами и свободами. Общественное мнение находит выражение в выборах органов власти, электронных средствах массовой информации, опросах населения и др. [6, с. 40].

Общественное мнение может быть как адекватным реальной обстановке, так и искажать ее, как в целом, так и по отдельным направлениям социальной жизни. За период существования суверенной Беларуси институт общественного мнения применительно к деятельности ОВД сформировался и проявляет себя в трех аспектах: как форма обратной связи с населением; средство противодействия правонарушениям; как критерий оценки оперативно-служебной деятельности ОВД наряду с такими показателями, как раскрываемость (выявление) преступлений и пресечение административных правонарушений [7, с. 72].

Начиная с 2017 г. в системе ОВД Республики Беларусь наблюдается постепенный отказ от внутреннего ведомственного мониторинга общественного мнения [7, с. 73]: упразднен соответствующий отдел в штабе МВД, отменена Инструкция о порядке изучения общественного мнения, а критерий общественной оценки исключен из показателей эффективности оперативно-служебной деятельности. Функции изучения и анализа были переданы ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси», однако проводимые им исследования носят эпизодический характер. Несмотря на это на общегосударственном уровне общественное мнение остается приоритетным критерием. В базовых критериях оценки эффективности правоохранительных органов, утвержденных в 2020 г., закреплены «обеспечение гласности» и «уровень доверия населения», определяемый на основе ежегодного мониторинга[6]. В связи с этим продолжилась работа по подготовке и реализации совместных со СМИ информационных материалов в области защиты граждан от противоправных посягательств[7].

Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко отмечал, что «самая объективная оценка для органов внутренних дел, нашей милиции – это доверие граждан»[8]. Результаты социологических исследований, проведенных Институтом социологии НАН Беларуси в 2022-2024 гг., свидетельствуют о высоком уровне доверия населения к правоохранительной системе[9]. Граждане с пониманием относятся к мерам безопасности, применяемым сотрудниками милиции, и поддерживают ее обеспечение [8, с. 212]. Профессор Академии МВД Беларуси Веруш А., комментируя результаты социологического исследования, отметила: «Безопасность и доверие являются барометром, позволяющим оценивать работу органов внутренних дел. Происходит увеличение количества обращений населения в правоохранительные органы. Это свидетельствует об уровне их доверия. Если граждане обращаются к милиции, значит, знают, что именно здесь им окажут необходимую помощь»[10].

На формирование социально-коммуникативного аспекта образа сотрудника ОВД в Республике Беларусь влияют факторы нескольких уровней:

1) внутриведомственные: система отбора и подготовки кадров (включая психологическую и коммуникативную подготовку), работа с общественностью – напрямую или через СМИ и социальные сети; 2) внешние социальные: общая социально-политическая обстановка, исторический и культурный контекст (сложившийся образ милиционера), общественные ценности, влияние СМИ и кинематографа; 3) особое внимание уделяется взаимодействию со СМИ: руководство ОВД использует коммуникативные возможности медиа для достижения объективного освещения своей деятельности, противодействия слухам и ответа на негатив.

На современном этапе в ОВД Республики Беларусь есть понимание того, что без само-

[6] Базовые критерии оценки эффективности деятельности правоохранительного органа: решение республиканского координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией от 9.07.2020 № 21.
[7] Комплексный план по борьбе с преступностью и коррупцией на 2023-2025 гг. URL: https://normativka.by/lib/document/137590?ysclid=mgz6p851d1980627708 (дата обращения: 10.09.2025).
[8] Лукашенко: милиции нужно дорожить доверием граждан и ежедневно его укреплять. URL: https://www.belarus.by/ru/press-center/speeches-and-interviews/lukashenko-militsii-nuzhno-dorozhit-doveriem-grazhdan-i-ezhednevno-ego-ukrepljat_i_53838.html (дата обращения: 10.09.2025).
[9] Национальная безопасность Республики Беларусь в фокусе социологии. URL: https://socio.bas-net.by/natsionalnaya-bezopasnost-respubliki-belarus-v-fokuse-sotsiologii/ (дата обращения: 10.09.2025); Соцопрос: большинство белорусов доверяет правоохранительной системе и позитивно оценивает ее работу. URL: https://belta.by/society/view/sotsopros-bolshinstvo-belorusov-doverjaet-pravoohranitelnoj-sisteme-i-pozitivno-otsenivaet-ee-rabotu-695901-2025/ (дата обращения: 10.09.2025).
[10] Эксперт: в белорусском обществе высокий уровень доверия к милиции, люди знают, что им всегда помогут. URL: https://belta.by/society/view/ekspert-v-belorusskom-obschestve-vysokij-uroven-doverija-k-militsii-ljudi-znajut-chto-im-vsegda-pomogut-695945-2025/ (дата обращения: 10.09.2025).

организации граждан, многообразия гражданской инициативы в правоохранительной сфере невозможно эффективное функционирование право-обеспечительного механизма, его реформирование и развитие [9, с. 154–159; 10, с. 178–188; 11, с. 93–97]. Это также имеет социально-коммуникативные последствия – выстраивает прочные связи между обществом и ведомством, создает социальную прослойку граждан, активно поддерживающих ОВД. В Беларуси создана развитая правовая база для участия граждан в охране правопорядка (Законы «Об участии граждан в охране правопорядка», «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» и др.). Так, в ст. 7 Закона «Об органах внутренних дел Республики Беларусь»[11] закреплено, что ОВД осуществляют свою деятельность во взаимодействии с другими государственными органами, общественными объединениями, иными организациями и гражданами. В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь впервые четко сформулирована роль граждан и общественных объединений как субъектов обеспечения национальной безопасности[12]. Граждане могут участвовать в охране правопорядка индивидуально, через объединения, в качестве внештатных сотрудников, членов добровольных дружин, молодежных отрядов охраны правопорядка (далее – МООП), а также взаимодействуя с советами общественных пунктов охраны правопорядка. Это выстраивает прочные связи между обществом и ведомством. Особое значение по своим масштабам для осуществления общей профилактики правонарушений ОВД имеет правовое воспитание, осуществляемое через средства массовой информации. Необходимость взаимодействия ОВД со СМИ по отдельным направлениям закреплена в Законе «Об основах деятельности по профилактике правонарушений»[13].

Современные вызовы, такие как активное использование оппозицией цифровых технологий для дискредитации МВД в 2020 г. [12, с. 75–76], потребовали разработки методик информационного противодействия. МВД активно представлено в социальных сетях и мессенджерах, ведет мониторинг негативной информации и использует различные тактики для нейтрализации критических нарративов, включая дискредитацию источника, размытие негатива и выработку у аудитории «иммунитета» к фейкам[14].

Важным элементом государственной политики является патриотическое воспитание и формирование кадрового резерва через военно-патриотические клубы (далее – ВПК) при МВД. Развитие ВПК осуществляется в рамках Указа Президента Республики Беларусь от 4.05.2022 № 160 «О развитии военно-патриотических клубов»[15]. По данным на 2024 г., в системе функционирует 159 клубов, объединяющих около семи тысяч подростков[16]. Программы ВПК сочетают идеологическое воспитание, изучение истории и практическую подготовку.

В Республике Беларусь в последние годы произошел системный переход от внутреннего ведомственного мониторинга общественного мнения к эпизодическим исследованиям через государственные научные учреждения. Несмотря на это общественное мнение официально признается важным критерием эффективности ОВД. Основные усилия направлены на активное формирование положительного образа через коммуникацию со СМИ, прямую работу с населением (МООП, ВПК, дружины) и реализацию имиджевых мероприятий. Формирование социально-коммуникативного образа сотрудника ОВД в Беларуси является управляемым, интегрированным в государственную идеологию и систему безопасности процессом. Создана развитая правовая база, регламентирующая как деятельность ОВД, так и формы взаимодействия с гражданами. Осознаются и активно нейтрализуются вызовы, такие как негативные стереотипы и целенаправленные кампании по дискредитации в информационном пространстве. Разрабатываются и применяются методики контрвоздействия. Важно, что официальная позиция

[11] Об органах внутренних дел Республики Беларусь: закон Республики Беларусь от 17.07.2007 № 263-З (в ред. от 19.05.2022 № 171-З). Доступ из информ.-поисковой системы «Эталон».

[12] Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: решение Всебелорусского Народного Собрания. 25.04.2024. № 5. Доступ из информ.-поисковой системы «Эталон».

[13] Об основах деятельности по профилактике правонарушений: закон Республики Беларусь от 4.01.2014 № 122-З. Доступ из информ.-поисковой системы «Эталон».

[14] Честность, человечность, героизм и преданность долгу: Кубраков о современной белорусской милиции. URL: https://belta.by/interview/view/chestnost-chelovechnost-geroizm-i-predannost-dolgu-kubrakov-o-sovremennoj-belorusskoj-militsii-9601/ (дата обращения: 10.09.2025).

[15] О развитии военно-патриотических клубов: указ Президента Республики Беларусь от 04.05. 2022 №160. URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P32200160 (дата обращения: 10.09.2025).

[16] Около 160 военно-патриотических клубов создано в системе МВД. URL: https://belta.by/society/view/okolo-160-voenno-patrioticheskih-klubov-sozdano-v-sisteme-mvd-678294-2024/ (дата обращения: 10.09.2025); Честность, человечность, героизм и преданность долгу: Кубраков о современной белорусской милиции. Указ. соч.

и данные государственных социологических исследований демонстрируют высокий уровень доверия к ОВД со стороны белорусского общества. Главная цель – укрепление этого доверия и нейтрализация критики через продвижение положительного образа и вовлечение граждан в совместную деятельность. Наиболее вероятной перспективой является углубление и технологическое усиление нынешней модели: образ будет становиться более интерактивным и вовлекающим.

Формирование положительного образа сотрудника правоохранительных органов и в Российской Федерации, и в Республике Беларусь является актуальной задачей совершенствования правоохранительной системы и способом ее взаимодействия с населением, поскольку образ сотрудника эффективно выполняет свои социальные функции лишь на основе продуктивного социального диалога между ОВД и гражданским обществом. Постановка проблемы адекватной репрезентации и созидания положительного образа в значительной степени является схожей в данных странах СНГ. В то же время если в системе МВД России в последние годы сохраняют свое значение ведомственные мониторинги общественного мнения о доверии полиции, то в системе МВД Республики Беларусь произошел отказ от них и акцент сделан на формировании положительного образа ОВД через активное взаимодействие с обществом (что реализуется и в системе МВД России). В связи с этим остается востребованным обмен накопленным своеобразным опытом решения вышеуказанной проблемы между соответствующими структурами и подразделениями правоохранительной системы Российской Федерации и Республики Беларусь.

Список источников

1. Самойлов С.Ф., Кун А.А. Теоретические основы социально-коммуникативного анализа образа сотрудника полиции // Образ современного полицейского: сб. научных трудов по итогам Международной научно-практ. конф. (28 ноября 2024 г.) / отв. ред. А.А. Контарев. Ростов на/Д, 2025.

2. Рожковский В.Б. Обзор Международной научно-практической конференции «Образ современного полицейского» // Научный портал МВД России. 2025. № 1.

3. Melkamu M.T., Teshome W. Public trust in the police: Investigating the influence of police performance, procedural fairness, and police-community relations in Addis Ababa, Ethiopia. URL: https://clck.ru/3GHaGF (дата обращения: 06.09.2025).

4. Иванова М.В. Коммуникативные способности сотрудников правоохранительной сферы и их формирование в процессе обучения в вузе: автореф. дис. … канд. психол. наук. URL: https://www.dissercat.com/content/kommunikativnye-sposobnosti-sotrudnikov-pravookhranitelnoi-sfery-i-ikh-formirovanie-v-protse?ysclid=megw4jsih3952658314 (дата обращения: 25.08.2025).

5. Пекарский Ф.В. Общественное мнение как ориентир и отправная точка в деятельности белорусской милиции // Милиции Беларуси 90 лет: история и современность: материалы научно-практ. конф. (27 февраля 2007 г.) / редкол.: К.И. Барвинок (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2007.

6. Григорович В.Л. Мониторинг общественного мнения о деятельности органов внутренних дел // Правовая культура в современном обществе: сб. научных статей;

References

1. Samoilov S.F., Kuhn A.A. Theoretical foundations of the socio-communicative analysis of the image of a police officer // The image of a modern policeman: collection of scientific papers based on the results of the International Scientific and Practical Conference (November 28, 2024) / ed. by A.A. Kontarev. Rostov-on-Don, 2025.

2. Rozhkovsky V.B. Review of the International scientific and practical Conference «The image of a modern policeman» // Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 1.

3. Melkamu M.T., Teshome W. Public trust in the police: Investigating the influence of police performance, procedural fairness, and police-community relations in Addis Ababa, Ethiopia. URL: https://clck.ru/3GHaGF (date of access: 06.09.2025).

4. Ivanova M.V. Communicative abilities of law enforcement officers and their formation in the process of studying at a university: abstract of the dissertation. ... kand. psychological sciences. URL: https://www.dissercat.com/content/kommunikativnye-sposobnosti-sotrudnikov-pravookhranitelnoi-sfery-i-ikh-formirovanie-v-protse?ysclid=megw4jsih3952658314 (date of access: 25.08.2025).

5. Pekarsky F.V. Public opinion as a guideline and starting point in the activities of the Belarusian militia // Militia of Belarus 90 years: history and modernity: materials of the scientific and practical conference (February 27, 2007) / editorial board: K.I. Barvinok (ed.) [and others]. Minsk, 2007

6. Grigorovich V.L. Monitoring public opinion on the activities of internal affairs bodies //

редкол.: И.А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. Могилев, 2021.

7. Гиммельрейх О.В. Общественное мнение – критерий оценки деятельности органов внутренних дел и необходимый элемент в системе управления // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 4.

8. Назарова Д.В. Социальная политика и восприятие социальной справедливости в Беларуси: по материалам социологического исследования // Социологический альманах. 2024. № 2.

9. Федчук И.Л. Взаимодействие органов внутренних дел с гражданами, участвующими в охране правопорядка, в Республике Беларусь // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 1.

10. Коляго В.В., Козелецкий И.В. Взаимодействие органов внутренних дел Республики Беларусь с институтами гражданского общества // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 2.

11. Игнатюк А.З., Колёско С.С. Проблемы участия граждан в охране общественного порядка // Экономические и юридические науки. 2020. № 6.

12. Караяни А.Г., Караяни Ю.М. Методы негативного информационно-психологического воздействия на правоохранителей в ходе протестных акций в зарубежных странах // Российский девиантологический журнал. 2021. № 1.

Legal culture in modern society: collection of scientific articles; editor: I.A. Demidova (ed.) [et al.]. Mogilev, 2021.

7. Himmelreich O.V. Public opinion is a criterion for evaluating the activities of internal affairs bodies and a necessary element in the management system // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 4.

8. Nazarova D.V. Social policy and perception of social justice in Belarus: based on the materials of a sociological study // The sociological almanac. 2024. № 2.

9. Fedchuk I.L. Interaction of law enforcement agencies with citizens involved in law enforcement in the Republic of Belarus // Legal science and law enforcement practice. 2017. № 1.

10. Kolyago V.V., Kozeletsky I.V. Interaction of the internal affairs bodies of the Republic of Belarus with civil society institutions // Legal science and law enforcement practice. 2017. № 2.

11. Ignatiuk A.Z., Kolesko S.S. Problems of citizens' participation in the protection of public order // Economic and legal sciences. 2020. № 6.

12. Karayani A.G., Karayani Yu.M. Methods of negative informational and psychological impact on law enforcement officers during protest actions in foreign countries // Russian Deviantological Journal. 2021. № 1.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рожковский Виталий Борисович, *доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83. ORCID: 0000-0001-6423-4664*

Игнатович Антон Евгеньевич, *кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин. Могилевский институт МВД Республики Беларусь. 212011, Республика Беларусь, г. Могилев, ул. Крупской, 67.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Rozhkovsky Vitaly Borisovich, *Grand PhD in Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Ignatovich Anton Evgenievich, *PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines. Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. 67, Krupskaya St., Mogilev 212011 Republic of Belarus.*

Философия права. 2025. № 4 (115). – С. 232–239.
Philosophiya prava. 2025. № 4 (115). – Pp. 232–239.

Научная статья
УДК 167.7; 340.12

СТАНОВЛЕНИЕ ФЕДЕРАЛИЗМА КАК КОНЦЕПЦИИ И ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СВЕТЕ ИНТЕГРАТИВНОГО ПОДХОДА

Таранова Александра Евгеньевна
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, Белгород, Российская Федерация, taranova.bsu@yandex.ru

Сорокопуд Мария Сергеевна
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, Белгород, Российская Федерация, azarimariya@yandex.ru

Введение: *в статье обосновывается, что становление идеи (концепции) федерализма и ее практическая реализация определяются конкретными историческими и антропологическим условиями с присущими им потребностями, интересами, ведущими ценностями. Данные условия рассматриваются и как детерминирующие для специфических моделей практической реализации федерализма.*

Материалы и методы: *исследование основывается на использовании системного, институционального, антропологического подходов, а также на общенаучных методах (анализ, синтез, дедукция, индукция), функционально-значимыми являются сравнительный метод исследования и принцип интегративности.*

Результаты исследования: *выделены этапы становления концепции федерализма и раскрыты исторические особенности ее практической реализации. Определены два противоположных принципа федерализма (интегративный и дезинтегративный) и показана перспективность его исследования с позиций интегративного подхода.*

Выводы и заключения: *федерализм представляет собой сложный феномен, включающий теоретический (концептуальный) уровень своего возникновения и функционирования и форму государственно-правового образования (практика). Вызревание идеи федерализма осуществлялось в условиях формационного перехода от традиционного феодального к новому индустриальному типу общества и приставляло собой результат осмысления его приоритетных целей и направлений развития. Идеи федерализма получают реализацию через федеративные практики и движения, возникающие в разных историко-антропологических условиях. В современных условиях перспективным является переосмысление концепции и практики федерализма, ставшего универсальным инструментом межгосударственной и межнациональной интеграции с позиций интегративного подхода.*

Ключевые слова: *концепция федерализма, государственно-правовое образование, интегративная и дезинтегративная модели, интегративный подход, практическая реализация федерализма, исторические условия реализации федерализма.*

Для цитирования: Таранова А. Е., Сорокопуд М. С. *Становление федерализма как концепции и государственно-правового образования в свете интегративного подхода / А. Е. Таранова, М. С. Сорокопуд // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 4 (115). – С. 232–239.*

Original paper

FEDERALISM ESTABLISHMENT AS A CONCEPT AND STATE-LEGAL ENTITY IN THE LIGHT OF INTEGRATIVE APPROACH

Taranova Alexandra Evgenievna
Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Belgorod, Russian Federation

Sorokopud Maria Sergeevna
Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Belgorod, Russian Federation

Introduction: *the article substantiates that the formation of the idea (concept) of federalism and its practical implementation are determined by specific historical and anthropological conditions with their inherent needs, interests, and leading values. These conditions are also considered as determinative for specific models of practical implementation of federalism.*

Materials and methods: *the research is based on the use of systemic, institutional, anthropological approaches, as well as on general scientific methods (analysis, synthesis, deduction, induction), the comparative research method and the principle of integrativity are functionally significant.*

Results of the study: *the stages of the formation of the concept of federalism are highlighted and the historical features of its practical implementation are revealed. Two opposing principles of federalism (integrative and disintegrative) are identified and the prospects of its research from the perspective of an integrative approach are shown.*

Findings and conclusions: *federalism is a complex phenomenon that includes the theoretical (conceptual) level of its origin and functioning and the form of public legal education (practice). The maturation of the idea of federalism took place in the context of a formative transition from a traditional feudal to a new industrial type of society and was the result of an understanding of its priority goals and directions of development. The ideas of federalism are realized through federated practices and movements that arise in different historical and anthropological conditions. In modern conditions, it is promising to rethink the concept and practice of federalism, which has become a universal tool for interstate and interethnic integration from the standpoint of an integrative approach.*

Keywords: *the concept of federalism, public law education, integrative and disintegrative models, integrative approach, practical implementation of federalism, historical conditions for the implementation of federalism.*

For citation: Taranova A. E., Sorokopud M. S. *Federalism establishment as a concept and state-legal entity in the light of integrative approach / A. E. Taranova, M. S. Sorokopud // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 4 (115). – Pp. 232–239.*

В условиях современной глобализации чрезвычайно актуальной становится задача осмысления и переосмысления роли идеи федерализма как концептуального уровня познания в контексте становления новых форм государственно-правового образования. Важнейшей предпосылкой здесь является теоретико-методологическое решение проблемы федерализма как концепции, предполагающее учет ее исторического осмысления и решения вопросов федерализма как государственно-правового образования (практики), неразрывно связанного с генезисом концепции федерализма. При определении идеи и понятия федерализма, а тем более создания его государственно-правовой концепции возникают значительные трудности методологического характера, что требует выработки для их осмысления принципиально новых философско-методологических и общенаучных средств, включая интегративный подход.

Объединения народов в различных политико-правовых формах возникают и первоначально развиваются в Античности и средневековой Европе. Однако здесь происходило создание протофедерализма, поскольку идея федерализма как часть философско-политических учений еще не получила в то время государственно-правового обоснования и не стала политико-антропологической константой, а любые союзы вели в конце концов к формированию унитарного государства. Как справедливо отмечает А.С. Ященко, «хотя уже средневековая жизнь и мысль знали федеративную идею, но была углублена эта идея и получила нравственно-философское обоснование лишь со времени реформации» [12, с. 271], в ходе которой возникло федеративное движение.

Возникновение идеи федерализма предшествует появлению самого федерализма (практика). Именно идеи лежат в основе концепции и теории федерализма как формы государственного устройства. Развитие исторических форм идеи федерализма осуществлялось в концептуальных терминах «образ», «понятие» и «концепция». При этом идея федерализма возникает у человека, отражающего зарождающуюся государственно-правовую реальность и конструирующего ее новый образ и понятие.

Идея федерализма выступает в Западной Европе в качестве своеобразного противопоставления государственному абсолютизму. Ее оформление осуществляется одновременно с непосредственным этапом оформления идеи гражданского общества, основных положений естественно правовых учений о врожденности естественных прав и свобод индивидов, развитием гипотезы «естественного состояния» как части договорной теории происхождения государства, идей народного суверенитета и разделения властей. Основой становления и развития идеи федерализма становятся процессы изменения социальной структуры, культуры и мировоззрения западноевропейского общества, возникшие в условиях формационного перехода от традиционного феодального общества к новому индустриальному типу общества, в частности, формирование буржуазных отношений.

Так, В.С. Барулин отмечает, что в этот период происходила антропологическая трансформация государства, обусловленная становлением идей понимания общества как правопорядка и человека как правового субъекта. Интегрировала данные аксиомы в своей идеологии буржуазия, выдвинувшая новые требования в отношении к государственности, согласно которым «государство стало необходимо как политический инструмент регуляции общественных отношений, основ жизни людей, опирающихся на свою собственность и инициативу… в качестве свободного во всех сферах жизнедеятельности индивида» [1, с. 155].

В переходный период централизованная монархическая государственность становится неэффективной, а принцип абсолютизма превращается в препятствие на пути институционализации капиталистического общества. Появилась потребность в новых формах политико-территориальной организации государств, способствующих возникновению первых светских государственно-правовых образований.

Западноевропейская юриспруденция сделала ставку на идею федерализма, включающую такие компоненты, как *суверенитет, договор и самостоятельные ветви власти*. Эта идея была принята как некая законодательная акция до того, как был создан сам федерализм в качестве государственно-правовой реальности. Создателем одной из первых концепций федерализма в Европе был Альтузиус И. (Альтузий), выдвинувший положение о *народном суверенитете* на основе принципа союза или согласия. В его трактате «Политика» впервые изложена концепция *общественного договора*, которая базировалась не на теологических доктринах, а на существовании светских общественных объединений, органических по своей природе. В основании его концепции лежит *неотчуждаемость народного суверенитета*, которым распоряжаются люди, составляющие ассоциации и образующие государство.

В новоевропейской философии и юриспруденции Дж. Локк и Ш. Монтескье с концептуальных позиций поставили вопрос о сущности федерализма и раскрыли системный характер федеративного государства. Так, например, Дж. Локк разделил *государственную власть на три ветви – законодательную, исполнительную и федеративную*, тем самым раскрыв политико-правовой механизм построения федеративного государства. Ш. Монтескье внес весомый вклад в разработку концепции федерализма, доказывая, что федерация – это идеальная форма государственного устройства и ее преимущества в надежности и устойчивости, поскольку деструктивным силам здесь противостоят многочисленные центры сопротивления (солидарные образования) против разрушения целостности как изнутри, так и извне. Определяя сущность федеративной республики, Ш.Л. Монтескье отмечал, что «эта форма правления есть договор, посредством которого несколько политических организмов обязываются стать гражданами одного более значительного государства, которое они пожелали образовать» [4, с. 116]. По его мнению, эту оптимальную форму правления, этот особый строй люди изобрели, соединив внутренние достоинства республиканского правления с внешней силой в виде монархического правления. Он указывал также на необходимость *разделения властей* и на установление *международной солидарности*.

В широкий научный оборот понятие «федерализм» ввел И. Кант, считавший, что «международное право должно быть основано на *федерализме* свободных государств» [3, с. 18], а согласие политики с моралью возможно лишь в *федеративном союзе*, который дан в соответствии с принципами пра-

ва a priori. Идея федерализма превращается у него в априорное понятие чистого разума, регулирующего и задающего цель познания и открывающего дорогу практической реализации федерализма. Из проблематики прав и обязанностей человека вытекала кантовская идея мирового гражданского порядка, или «вечного мира» *конфедерации правовых государств*. Будущую Европу он мыслил как единое федеративное государство, развивающееся на правовых основаниях.

Одну из первых классических концепций, раскрывающих юридическую природу федерализма, создали Мэдисон, Гамильтон, Джей, Токвиль и Вайц, показав его содержание через разделение суверенитета между федеральной властью и властью отдельных штатов в США. Авторы «Федералиста» в значительной степени находились под влиянием Монтескье и его теории разделения властей. Федеративное государство, считали они, являет собой лишь своеобразную форму разделения суверенитета. «У народа, – писал Дж. Мэдисон о своеобразной форме разделения суверенитета, – образующего единую нацию, верховная власть полностью принадлежит *национальному* законодательному органу. У сообществ, соединившихся с той или иной целью, верховенство принадлежит частично общесоюзному, а частично муниципальным законодательным органам» [11, с. 259]. В.И. Спиридонова отмечает, что становление юридических оснований федерализма в данной культурно-антропологической системе обусловлено тем, что «Соединенные Штаты были рождены в результате восстания против чужого государственного влияния, и в итоге у них сформировалась противогосударственная политическая культура, которая выражается в ограничении государственной власти в виде конституционального правительства с четкой защитой прав личности, разделением властей, федерализмом и так далее» [7, с. 43–44]. В рамках данной концепции реализуется главная практическая основа федерализма – действие двух параллельных систем государственной власти, двух параллельных систем права, двух параллельных юрисдикций [2, с. 61–62]. Таким образом, идеи федерализма деятелей Просвещения способствовали коренному изменению Европы и Северной Америки в государственно-правовой области.

Идея федерализма получила широкое распространение в российской науке на рубеже XVIII–XIX вв. под влиянием философско-правовых идей французского Просвещения. Концепции федерализма развивались здесь в двух направлениях: 1) продолжение и отчасти развитие известных западных теорий; 2) интеграция западных теорий с уже сложившимися к тому времени традициями российской государственности, в частности с концепцией славянской федерации. Наиболее полной и целостной среди них считается концепция федерализма Н.М. Муравьева, в которой учитывался европейский и американский правовой опыт и предпринята попытка соединить его с традициями российской государственности. Будущее России, по мнению Н.М. Муравьева, виделось в виде государства с федеративной формой правления. Государство делилось им на отдельные федеральные единицы, которые он называл «державами». Рассматривая федеративное устройство и организацию законодательного органа, Н.М. Муравьев считал, что им должно быть Народное вече. Оно должно состоять из двух палат: верхняя палата называлась Верховной думой, а нижняя – Палатой Народных представителей [5, с. 295–343]. Он полагал, что строительство федеративного государства в России является наиболее отвечающим ее сути.

Здесь можно назвать также предпосылки российского федерализма, проявившиеся в виде «официального федерализма» Екатерины II, воплотившего в себе идеи либеральной доктрины европейского и американского конституционализма, а также *конфессионального федерализма*, предполагавшего создание единой христианской нации (Россия, Пруссия, Австрия), у истоков которого стоял Александр I [6, с. 44–45]. О возможности соединения идеи федерализма с имперской идеей применительно к России и Польше писал А. Чарторыйский, подчеркивая, что «прочная федеративная система дает империи – центру этой системы – больше силы и гарантий безопасности, чем расширение границ» [6, с. 45].

Концептуальное осмысление федерализма было осуществлено А.С. Ященко, считавшим, что федерализм есть «выражение политической интеграции человеческих обществ, одно из политических средств органического соединения дотоле аморфно живших общин, этап по пути к истинно органическому

единству» [12, с. 247] . В то же время, по его мнению, федерализм «является одной из стадий к созданию унитарного государства» [12, с. 247]. Тем самым было осуществлено объединение противоположных принципов федерализма: союзного и децентралистского.

Таким образом, становление различных концепций федерализма происходило у народов, избравших демократический путь развития правового государства. При этом теоретико-концептуальное оформление идеи федерализма осуществлялось в период буржуазно-демократических революций в обстановке борьбы с абсолютизмом, способствуя становлению федеративной государственности, а также утверждению прав и свобод человека.

Применительно к истории федерализма можно говорить о диалектической взаимосвязи его субъективной и объективной сторон. Если становление и развитие федерализма как концепции имеет многовековую историю, то практическое конституционно-правовое воплощение ее принципов насчитывает не более двух столетий. Формирование федерации как нового типа государств осуществлялось в Западной Европе и Северной Америке в процессе постфеодальной интеграции или постколониального объединения. Значимым источником теории и практики европейского федерализма стал занявший продолжительный период (ряд столетий) процесс формирования Швейцарской конфедерации. Главной функцией союза территорий (кантонов), входящих в нее, была защита от внешнего врага и обеспечение жизненных благ посредством интеграции усилий.

Так, сам факт исторического появления федерации США и Швейцарии связан с практическим воплощением или реализацией созданных ранее концепций федерализма, способствуя появлению новых федералистских концепций. Идея *федерализма как концепции* реализовалась практически сначала в Западной Европе, а затем в Америке в различных вариантах, что было обусловлено их социокультурной и культурно-антропологической спецификой. Так, при сравнении немецкой и канадской федераций можно увидеть их специфические черты. ФРГ характеризуется культурной и лингвистической однородностью, что снижает угрозу центробежных сил. В свою очередь это поощряет развитие «интегративного», т. е. объединяющего федерализма. Канада же является более разнородным в культурном и лингвистическом отношениях обществом, поэтому сильнее проявляют себя центробежные силы. Соответственно, федерализм основывается на большей автономии субъектов федерации, а разделению федеральной и провинциальной юрисдикций придается принципиальное значение.

Следующий шаг в практической реализации концепции федерализма был связан с формированием Европейского союза. Экономическая и политическая интеграция европейских стран началась в 50-е гг. XX в., а дальнейший процесс евростроительства актуализировал идею федерализма и способствовал созданию Европейского союза. Европейский Союз следует федеративному лозунгу «единства в разнообразии» и признает целостность и автономию своих составных частей – государств-членов и регионов, в частности, предусматривает процедуру прекращения членства государств в соответствии с их конституционными требованиями (в январе 2020 г. Великобритания стала первым государством, официально вышедшим из состава Европейского Союза). Взаимное уважение сторон, поиски компромисса, плюрализм, добровольность принимаемых обязательств – все это становится частью общеевропейской федералистской конструкции. Вместе с тем данный федеративный феномен не является универсальным по своим политико-правовым характеристикам, т. к. территориальными образованиями Европейского Союза являются государства как носители суверенитета, в условиях классической федеративной системы территориальное образование несуверенно и по общему правило не претендует ни на формальный, ни на фактический суверенитет. Исключения возможны только «при разделении государства (например, прекращение существования СССР в 1990-1991 гг. – Прим. авторов), его распаде (например, распад Российской Империи в 1917 г., Австро-Венгрии в 1918 г. – Прим. авторов), отделении или отторжении части его территории (например, отделение Сингапура от Малайзии в 1965 г. – Прим. авторов), не завершившихся международным признанием попытках конструирования государственного статуса (например, отделение Абхазии от Грузии в 1990 г. – Прим. авторов» [2, с. 64].

В западноевропейской социальной философии и науке XX в. концепции федерализма развивали Дени де Ружмон, а также автор интегрального федерализма А. Марк. Подчеркивая значение этого общественного феномена в «Принципах федерализма», Р. Арон писал: «Федерализм представляет собой единственное цельное усилие, чтобы выйти из тупика и наладить порядок. Он для середины XX в. играет ту же роль, какую играл либерализм в XVIII в., марксизм в середине XIX в., т. е. он соответствует идеям нашего времени, позволяя их использовать в теории и на практике» [10, с. 248]. Действительно, постепенно идеи федерализма начинают реализовываться не только на национальном, но и на наднациональном уровне. Так, если XX в. называют веком федерализма, то XXI столетие можно назвать веком его практического осуществления.

К федерациям сегодня относят такие государства, как Австралия, Австрия, Бельгия, Канада, США, ФРГ, Швейцария, Индия, Бразилия, Судан, Россия. Федеративная тенденция заметно проявляется и в таких странах, как Испания, Италия, Великобритания. Ряд современных федеративных образований демонстрируют разновекторность характеристик, принадлежащих федеративному государству и его субъектам, например «в малазийской парламентско-монархической федерации есть парламентские монархии и есть штаты, организованные республикански. Республика ОАЭ есть федерация абсолютных монархий» [2, с. 62].

Самый крупный послевоенный проект федерализации реализует Европейский союз, который является ярким примером региональной интеграции. Признавая эвристическую ценность модели Европейского Союза, все же следует отметить, что он не может служить копией для аналогичных интеграционных процессов по всему миру. В каждом конкретном случае следует выстраивать свою модель региональной интеграции, учитывая знание как позитивного, так и негативного исторического опыта.

Выделяется тезис, согласно которому все крупные, полиэтнические и поликультурные государства «обречены на федерацию». И действительно, как было указано ранее, большая часть из десяти крупнейших государств мира имеет федеративное устройство. Вместе с тем унитарным государством остается Китай, выделяются карликовые федерации. Не всегда полиэтнические государства имеют федеративное устройство (например, ЮАР), а федерации полиэтничны (например, Австрия), кроме того, модели, «целиком основанные на этническом принципе – советская, югославская, чехословацкая, – оказались нежизнеспособными» [2, с. 82]. Это указывает на многообразие оснований, определяющих формат государственного устройства и его устойчивости, реализацию *централизованных* или *децентрализованных* (их сочетание) субформ федеративного государства, ведущими из которых являются исторические и антропологические.

Идея федерализма и ее практическое воплощение на почве российской государственности имела свои особенности. В эволюции российского федерализма можно выделить следующие основные этапы: 1) централизованный федерализм в Советском Союзе; 2) децентрализованный федерализм в 90-е гг. XX в. и 3) современный федерализм, для которого характерно специфическое единство процессов централизации и децентрализации.

В наше время федерализм приобретает не только теоретическое, но и практическое значение в связи с тем, что интеграционные процессы в государственно-правовой сфере обрели стремительные темпы развития. Этому способствовали следующие социокультурные факторы: нарастающая интернационализация производства и рынка, небывалый технологический прогресс, коренные изменения политической карты мира, а также неоднозначные государственно-правовые реалии. И здесь важно использовать адекватные научные и общенаучные методы. Так, например, сравнительно-исторический анализ европейской модели федерализма и особенностей складывания модели российского федерализма с его опытом прошлого и настоящего показывает, что «обе эти модели находятся в процессе становления, и поэтому отличаются рядом черт от классических определений федерализма... Модель Европейского союза в исследовательской литературе выступает как своего рода гибрид, сочетающий элементы унитаризма, федерации и консоциации» [9, с. 2].

В XXI в. постепенно утверждается неклассический федерализм, становясь важнейшим средством достижения социального мира, применяемым для преодоления конфликт-

ных ситуаций и справедливого устройства многонационального и территориального крупного государства. Он превращается в важнейшее средство межгосударственной и межнациональной интеграции и поэтому его традиционно рассматривают лишь в рамках интеграционных теорий, что не совсем верно. Для неклассического федерализма нехарактерен однозначный подход – интеграция либо дезинтеграция. В нем присутствует как то, так и другое, и говорить об унитарном федерализме [8, с. 74–79] применительно к современной России не вполне корректно. В связи с этим требуется концептуальное обоснование неклассического федерализма как многомерного государственно-правового образования, интегрирующего различные компоненты государственности и опирающегося на ее антропологический формат, определяющего модель решения проблемы, связанной с организацией «власти над пространством».

Таким образом, развитие такого социального института, как федерализм, в условиях современной глобализации обусловлено его выходом за рамки внутригосударственных границ и превращением в универсальное средство межгосударственной и межнациональной интеграции. Интегративное прочтение федералистской тематики способствует учету ее специфики в различных регионах земного шара. Это весьма важно при наличии двух противоположных тенденций (интегративная и дезинтегративная) в развитии реального федерализма. Интегративный подход позволяет подобрать убедительные аргументы, когда речь идет не только о концепциях федерализма, но и о сложных реалиях текущего государственного строительства, в частности с точки зрения антропологического измерения.

Список источников

1. Барулин В.С. Социальная философия. М., 1999.
2. Иванов В. К критике современной теории государства. М., 2008.
3. Кант И. Сочинения: в 8 т. Т. 7. М., 1994.
4. Монтескье Ш.Л. О духе законов. М., 1999.
5. Муравьев Н.М. Проект конституции // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: в 2 т. Т. 1. М., 1951.
6. Пахомов В.Г. Идеи федерализма в России в начале XIX в. // Философия права. 2013. № 5.
7. Спиридонова В.И. Эволюция идеи государства в западной и российской социально-философской мысли. М., 2008.
8. Турусин С.В. Унитарный федерализм: сущность и исторические формы // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 7(108).
9. Фадеева Т.М. Евросоюз и Российская Федерация: две модели федерализма. М., 2007.
10. Федерализм: энциклопедический словарь. М., 1997.
11. Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея: пер. с англ. / под общ ред., с предисл. Н.Н. Яковлева, коммент. О.Л. Степановой. М., 1994.
12. Ященко А. Международный федерализмъ. Идея юридической организаціи человечества в политических учениях до конца XVIII в. М., 1908.

References

1. Barulin V.S. Social philosophy. Moscow, 1999.
2. Ivanov V. Towards a critique of the modern theory of the state. Moscow, 2008.
3. Kant I. Essays: in 8 volumes. Vol. 7. Moscow, 1994.
4. Montesquieu Sh.L. On the spirit of laws. Moscow, 1999.
5. Muravyov N.M. Draft Constitution // Selected socio-political and philosophical works of the Decembrists: in 2 volumes Vol. 1. Moscow, 1951.
6. Pakhomov V.G. Ideas of federalism in Russia at the beginning of the XIX century // Philosophy of Law. 2013. № 5.
7. Spiridonova V.I. The evolution of the idea of the state in Western and Russian socio-philosophical thought. Moscow, 2008.
8. Turusin S.V. Unitary federalism: the essence and historical forms // Bulletin of Samara State University. 2013. № 7(108).
9. Fadeeva T.M. The European Union and the Russian Federation: two models of federalism. Moscow, 2007.
10. Federalism: an encyclopedic dictionary. Moscow, 1997.
11. Federalist. Political essays by A. Hamilton, J. Madison and J. J.: translated from English / under general editorship, with a preface by N.N. Yakovlev, commentary by O.L. Stepanova, Moscow, 1994.
12. Yashchenko A. International Federalism. The idea of the legal organization of mankind in political teachings until the end of the XVIII century. Moscow, 1908.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Таранова Александра Евгеньевна, *кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина. 308024, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Горького, 71.*

Сорокопуд Мария Сергеевна, *кандидат философских наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела. Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина. 308024, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Горького, 71.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Taranova Alexandra Evgenievna, *PhD in Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines. Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. 71, Gorky St., Belgorod 380024 Russian Federation.*

Sorokopud Maria Sergeevna, *PhD in Philosophy, Senior Researcher at the Research Department. Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. 71, Gorky St., Belgorod 380024 Russian Federation.*

Правила для авторов и условия публикации статей

1. Материалы направляются в электронном виде в редакцию журнала по электронным адресам: law-journals-rui@yandex.ru (rmamedkhanov@mvd.ru – для сотрудников, работников МВД России) тел.: (863) 207-86-34. Автором (авторами) экземпляр статьи и оригиналы всех сопроводительных документов предоставляются по адресу: 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83, Ростовский юридический институт МВД России, редакция научно-теоретического журнала «Философия права».

1.1. На бумажном носителе (на листах формата А4 с одной стороны). Распечатанный текст должен полностью соответствовать электронному варианту статьи. Статья должна быть обязательно подписана автором (-ами) следующим образом: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

1.2. На электронном оптическом носителе (или по электронной почте), выполняются в текстовом редакторе Word (шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, левое поле – 3 см, сверху и снизу – 2 см, справа – 1 см). Название файла – фамилия и инициалы автора.

2. Объем рукописи научной статьи должен составлять от 10 до 15 страниц (включая схемы, таблицы, рисунки), объем научных обзоров, рецензий, отзывов и иных научных материалов на уже опубликованные издания – от 2 до 4 страниц.

3. Рукопись должна содержать следующую информацию на русском языке:

3.1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК).

3.2. Название статьи.

3.3. Фамилию, имя, отчество (полностью), место работы (учебы для адъюнктов, аспирантов и докторантов) с указанием почтового адреса (включая индекс), должность, почетное звание (при наличии), ученое звание, ученую степень, адрес электронной почты (если нет личной электронной почты, указывается электронный адрес места работы (кафедры, образовательной организации и т. п.), по которому с автором (-ами) можно связаться) и ORCID id автора (при наличии).

3.4. Аннотацию (рекомендуемый средний объем аннотации – 500 печатных знаков, которая должна быть структурирована и содержать следующие разделы: введение, материалы и методы, результаты исследования, выводы и заключения. Аннотация не должна повторять текст самой статьи, сведения, содержащиеся в ее заглавии; включать малоинформативные формулировки.

3.5. Ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний), характеризующие проблематику статьи.

3.6. Список источников.

4. Перевод на английский язык сведений, отраженных в п.п. 3.2–3.6, осуществляется автором (-ами).

5. В статье должны быть сделаны ссылки на приведенные таблицы, рисунки, схемы, диаграммы, которые нумеруются в порядке их упоминания и располагаются непосредственно после текста, в котором они указываются впервые. Весь графический материал должен иметь заголовки (в том числе переведенные на английский язык) (ГОСТ 7.32–2001, ГОСТ Р 7.07–2021). Иллюстрации предоставляются отдельными файлами. Рекомендуемый формат – *jpg. Сканированные материалы должны иметь разрешение не менее 300 пикс/дюйм.

Список источников, который размещается в конце статьи, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 и ГОСТ Р 7.0.108-2022. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница. В списке используемой литературы приводятся только «литературные» источники, т. е. авторские статьи, книги, статьи журналов. Источники следуют в порядке упоминания в тексте. Нормативные правовые акты (постановления, законы, инструкции и т. д.), архивные документы, «неавторские» русскоязычные интернет-источники, анонимные источники, публицистические и рекламные статьи, российские СНиПы, ГОСТы и т. д. следует приводить непосредственно в тексте или указывать в постраничных сносках.

Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат несет (-ут) автор (-ы).

Редакция оставляет за собой право осуществлять корректорскую обработку рукописей научных статей.

Плата за публикацию статей с автора (-ов) не взимается.

Авторское вознаграждение автору (-ам) не выплачивается.

Рукописи, оформленные без соблюдения требований журнала, не рассматриваются.

Материалы, не принятые к изданию, автору (-ам) не возвращаются.

Уважаемые авторы, в случае невыполнения вышеперечисленных условий статья опубликована не будет!